

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА (АНТИЧНОСТЬ)

Учебно-методический комплекс
по специальности
032600 – «История»

ЧАСТЬ 1

Автор-составитель:
А. В. Запорожченко

НОВОСИБИРСК 2007

УДК 94(3)(075.8)
ББК 63.3(0)2я73–1+63.3(0)31я73–1
И 903

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры
международных отношений
Новосибирского государственного университета
экономики управления

А. Е. Демидчик;

кафедра теории, истории культуры и музеологии
Новосибирского государственного педагогического университета

И 903

История древнего мира (античность) : учебно-методический комплекс / Авт.-сост.: А. В. Запорожченко. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2007. – Ч. 1. – 327 с.

Учебно-методический комплекс включает рабочую учебную программу курса, материалы к лекциям, планы семинарских занятий, вопросы к экзамену, тематику курсовых и дипломных работ, тестовые задания для проверки знаний студентов, рекомендации по организации самостоятельной работы студентов.

Издание адресовано студентам педагогических вузов (специальность 032600 – «История»), аспирантам, преподавателям, учителям истории.

УДК 94(3)(075.8)
ББК 63.3(0)2я73–1+63.3(0)31я73–1

© Запорожченко А. В., 2007
© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

I. Рабочая программа учебной дисциплины «История Древнего Мира (античность)»	4
1. Пояснительная записка	4
1.1. Цели, задачи и место дисциплины в системе профессиональной подготовки учителя истории	4
1.2. Требования к знаниям и умениям студентов	5
2. Содержание курса	10
2.1. История Древней Греции	10
2.2. История Древнего Рима	12
3. Примерное тематическое планирование	15
4. Список литературы	16
5. Тематика реферативных, курсовых и дипломных работ . . .	19
II. Методические рекомендации по изучению дисциплины «История Древнего Мира (античность)»	20
1. Коллоквиум	20
2. Задания для самостоятельной работы	21
3. Доклады и сообщения	23
3.1. Доклады по истории Древней Греции	24
3.2. Доклады по истории Древнего Рима	40
4. Методические рекомендации по курсовым работам	47
III. Учебно-методические материалы по видам учебной деятельности	58
1. Материалы к лекциям	58
1.1. История Древней Греции	58
Лекция 1. Введение в историю Древней Греции	58
Лекция 2. Древнейшие культуры Эгейского бассейна. Древний Крит	108
Лекция 3. Микенская Греция	128
Лекция 4. Архаическая Греция. VIII–VI вв. до н. э.	152
Лекция 5. Пелопоннес в VIII–VI вв. до н. э. Спартанский полис	176
Лекция 6. Классическая Греция	193
Лекция 7. Пелопоннесская война	225
Лекция 8. Кризис греческого полиса. Греция в первой половине IV в. до н. э.	258
Лекция 9. Возвышение Македонии. Александр Великий	278

I. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА (АНТИЧНОСТЬ)»

1. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Рабочая программа предназначена для всех тех, кто намерен изучать историю античности, историю древнейших человеческих цивилизаций, их особенности и специфику, а также их контакты с окружающим племенным миром. В центре изучения находятся и конкретно-исторические события и факты. Причем, на лекциях их содержание и значение рассматривается подробнее; на практических же занятиях подробнее изучается их звучание и наполненность, связь с другими событиями истории. И все это проводится через изучение мировоззренческих идей общества, его менталитета, идей мировой литературы в целом.

1.1. Цели, задачи и место дисциплины в системе профессиональной подготовки учителя истории.

Цель показать процесс формирования основ ранних цивилизаций как особых культурно-исторических образований – первых базисных цивилизаций мира. Главное внимание уделено механизму функционирования каждой цивилизации как единого живого организма, во взаимосвязи составляющих его элементов. Важное место занимает периодизация этапов развития и закономерностей истории каждой цивилизации.

Основными задачами курса являются:

1. Выявление особенностей и закономерных черт формирования античной цивилизации в ее двух вариантах: эллинском и римском

2. Изучение условий формирования и развития гражданской общины полиса и основных этапов развития государственных институтов античности.

3. Формирование представлений о личности античного периода и изучение основных достижений культуры, о творческом потенциале общества, проявлении деятельности гражданина античной эпохи.

4. Изучение особенностей экономического и социального развития античного общества, проблема собственности в античности.

1.2. Требования к знаниям и умениям студентов.

В результате реализации настоящей программы у студентов должны быть сформированы **знания** об основных признаках и особенностях ранних цивилизаций, их отличиях одна от другой, о принципиальных отличиях античного мира от Востока. Студент должен знать основные теоретические положения, основные фактические события гражданской истории, персоналии, хронологию, письменные источники. Среди основных **умений** должны быть: умение читать историческую карту, делать самостоятельную характеристику источников, объяснять основные причины исторических событий в рамках древней истории.

Теоретическая основа всего программного материала – концепция полиса как саморегулирующейся «элементарной частицы» античной цивилизации, экономической и политической модели Греции и Рима. Излагаемая концепция истории античности восходит к концептуальным разработкам С. И. Ковалева, С. Л. Утченко, А. И. Зайцева и Ю. В. Андреева, легшим в основу серии вузовских учебников.

При составлении программы учитывалось, что история древнего мира преподается на первом курсе, когда студенты еще недостаточно знакомы с теорией исторической науки. Поэтому в программу включены некоторые теоретические положения в несколько адаптированном виде.

История античности изучается в лекционном и практическом курсах как продолжение на новом уровне Истории Древнего Востока. Но уже в первой теме, «Хозяйство, общество и государство Древней Греции по поэмам Гомера», да и в другой тематике, можно и нужно отмечать и параллели если не с цивилизациями первого порядка развития Древнего Востока, то с начальными этапами второго.

Древняя Греция прошла свой, не похожий в целом на древневосточный путь развития, главной особенностью которого было возникновение *полиса* – автономной гражданской общины, саморегулирующейся «элементарной частицы» античной цивилизации, экономической и политической модели Греции и Рима.

Античный мир в целом имел не только свои формы эксплуатации трудового населения, не только иные по сравнению

с Древним Востоком формы политической организации общества, но и свою социальную структуру. Ее характерное отличие в том, что уже в начале существования античного полиса общество делилось на имущественные, военные и политические группы — сословия. Рассмотрению каждой из этих социальных групп в их развитии посвящена каждая лекция и каждое практическое занятие той или иной части нашего курса.

Основой существования полисов Древней Греции являлась эксплуатация труда рабов-иностранцев: завоеванных или же купленных. Долговое рабство, существовавшее до начала VI в. до н. э., было со временем запрещено во всех центрах Эллады. Правда, в Спарте существовала *илотия*, однако этот институт не являлся институтом долговой кабалы, но представлял собой одну из форм государственного рабства. И. М. Дьяконов такую универсальной и в той или иной степени свойственной всем обществам Древнего Мира, во всяком случае — Древнего Ближнего Востока. Античные общества вынуждены были вследствие характера своего развития постоянно искать источники рабской силы на стороне, в войнах. Древний Рим и его непрерывные войны являются прекрасной иллюстрацией этого положения вещей. А отсюда и глубокое различие между понятиями «свободный» и «раб», которое появилось и получило практически полное и законченное определение уже в Древней Греции. Но в земледелии в Греции труд рабов применялся слабо и только в отдельных отраслях.

В древнегреческих полисах отсутствовали обширные храмовые и государственные земельные владения, но существовали общественные земли, которые первоначально принадлежали общине.

Древняя Греция в VIII—VI вв. до н. э. порождает массовую колонизацию. Она осуществлялась на север Малой Азии, юг Европы, в Причерноморье и Южную Италию. Однако древнегреческая колония это совершенно независимая от метрополии территория. В римское же время понятие «колония» обозначало полностью зависимую от Рима территорию, иногда бывшую ранее свободным государством. При изучении настоящей темы важно обратить внимание на различные причины колонизации, в том числе на политические, на острую борьбу между различными социальными группировками

в древнегреческих полисах. Иногда эта борьба продолжалась и в колониях.

Полис как явление социальной, экономической, политической, да и государственной жизни не был застывшим в своём развитии. Он постоянно развивался и требовал все новые условия для того времени. Но Греция не всегда могла их предоставить, а с течением времени, к IV в. до н. э., она вообще исчерпала таковые. В это время Эллада вступила в полосу кризиса полиса, выход из которого был только в слове полисных ограничений, в создании более масштабной, надполисной организации, Формами новой организации вначале стали союзы полисов, первым примером которых был I Афинский морской союз, переросший в Афинскую Архэ, а затем гегемония Македонии над Грецией. В 146 г. до н. э. Греция была подчинена Римом и превратилась в римскую провинцию Ахайю.

Завершает курс истории античности история древнего Рима. Ей и посвящены заключительные темы лекционного и практического курсов Истории античности. Понятие «Древний Рим» никогда не было однозначным. Вначале это небольшой город на реке Тибр, а в конце своего существования это крупнейшая мировая, средиземноморская держава. Частично Рим отразил в своей истории всю историю древних цивилизаций третьего порядка, но в целом – это завершающий этап всего огромного периода, который принято называть древними цивилизациями или, как его называли прежде, рабовладельческой общественно-исторической формации.

Основой существования цивилизации Древнего Рима, несомненно, является рабство и рабовладение наиболее развитого типа. В этом Рим не имел аналогов в более ранней истории. По подсчетам ряда авторитетных специалистов, численность рабов в Риме составляла до 50 % населения. Это касалось в одинаковой степени и западных, и восточных провинций Империи, но не Востока, где характер рабства был иным, специфическим. Запад же в эпоху наивысшего расцвета римской экономики, к I в. до н. э., представлял т. н. «классическое» рабство.

Общество Древнего Рима также никогда не было застывшим. В результате развития экономики и различных форм хозяйствования, а также политической борьбы, завоевательных

войн к I в. до н. э. и даже ранее патриции полностью слились с плебеями, а их верхушка составила высшее сословие — разряд римского общества — нобилитет. Это была наиболее состоятельная, в том числе и главным образом в плане имевшегося у нее количества земли, рабов и иного имущества, группа. Нобилитет был представлен и в сенате, в сенаторском сословии, также представляя его верхушку. Другим сословием — разрядом римского общества было всадничество. Это не только торгово-финансовые круги общества, но и крупные собственники, в том числе и землевладельцы. Вместе с сенаторами всадники в эпоху Римской Республики являлись верхушкой господствующего сословия — разряда Древнего Рима эпохи Республики, да и периода I—II вв. н. э. Немногим ниже располагались прочие крупные и средние собственники земли и рабов. Они не были включены в сословия сенаторов и всадников, но их богатства у них никто не отнимал. Более мелкие собственники, в том числе и из состава трудового населения, составляли иные социальные группы. Их часто называют *плебсом* и подразделяют на сельский и городской плебс, *плебс рустика* и *плебс урбана*. Формально сословиями они тогда не считались, но с нашей точки зрения они несомненно были таковыми. В свою очередь сельский и городской плебс состоял из более мелких социальных групп — разрядов.

Особым сословием являлись вольноотпущенники. Они вначале не служили ни на государственных должностях, ни в армии. Однако положение дел в эпоху Империи здесь коренным образом изменилось. Впрочем, богатые вольноотпущенники — явление нередкое и в эпоху Республики.

В 326 г. до н. э. (закон Петелия) в Риме было запрещено долговое рабство, и рабовладение всецело стало основываться на внешних источниках своего пополнения. И римляне в этом преуспели более других народов древности. Рабство у них стало классическим, а рабовладение поистине стало основой производства. Это и давало основу для утверждения о существовании рабовладельческого способа производства во всей древности, что является несомненным преувеличением и не более чем попыткой выдать желаемое за действительность.

При изучении античного рабства следует иметь в виду, что оно действительно достигло в Риме высот своего разви-

тия. Но только в Риме, в Италии, менее – в Западном Средиземноморье и еще менее – в Восточном Средиземноморье. Римляне не считали рабов сословием, но в действительности римского времени имелось несколько категорий рабов: рабы на *пекулии*, рабы на оброке, *колоны* в различной степени состоящие из рабов в разное время развития колоната эпохи Империи. Рабы подразделялись на сельских (сельская *фамилия*) и городских. Первые из них эксплуатировались интенсивными способами. Но наиболее жестко эксплуатировались рабы – работники рудников и каменоломен. Среди рабов были рабы-торговцы, рабы-деловые агенты, рабы-педагоги, актеры, поэты, и даже рабы-рабовладельцы и рабы рабов. Все это рабские сословия – разряды. С течением времени, в эпоху Империи, их количество увеличивалось.

Важнейшее значение имеют разделы, посвященные античной культуре как основе современной европейской цивилизации; прослеживается культурное влияние Греции и Рима на последующую историю.

2. СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

2.1. История Древней Греции.

Введение в историю Античной Греции. Географический фактор и его роль. Социально-экономический детерминизм. Основные типы источников. Надписи. Античные авторы и их исторический метод. Ораторы. Начало научного изучения истории Древней Греции. Антиковедческие школы. Начало археологических исследований в Италии. Данные эпиграфики, нумизматики, римских авторов. Развитие историографии от конца Средневековья до конца XIX в. Современная историография и ее основные национальные школы.

Эгейская культура. Ахейские государства. Источники. Население. Индоевропейская проблема. Возникновение древнейших государств и их развитие. Троя и население Малой Азии в конце II тыс. до н. э. Письменность и ее дешифровка. Падение критских и микенских государств: концепции.

Греция в XI–IX вв. до н. э. («Темные века»). Состояние общества по источникам. Рабство. Землевладение. Значение дорийского наследства. Расселение греческих племен. Ранняя колонизация.

Архаическая Греция (VIII–VI вв. до н. э.). Источники. Экономика и ее особенности. Общество. Роль и место аристократии. Демос и средние слои. Низы общества. Греческий полис. Распространение монеты. Раннегреческая тирания и ее значение. Греческая колонизация, колонии и метрополии.

Афинский и спартанский полисы. Античная форма собственности. Древняя Аттика и возникновение Афинского полиса, его аграрно-ремесленный характер. Реформы Солона, тирания Писистрата, реформы Клисфена – этапы формирования Афинского полиса. Древняя Спарта и условия формирования Спартанского полиса. Структура общества. Илотия. Перизки. Образование Пелопоннесского союза.

Классическая Греция (V в. до н. э.). Греко-персидские войны и их последствия. Этапы войн. Источники. Походы, битвы и их значение. Образование Делосского морского союза («симмахии»). Афины и их союзники. Архэ. Окончание Греко-персидских войн. Афинская демократия в V в. до н. э. Реформы Эфиальта. Деятельность Перикла. Государственный

строй Афин. Народное собрание, его функции, буле, гелиэя, магистратуры. Охранные конституционные мероприятия. Характер Афинской демократии на примерах внутреннего и внешнего развития.

Пелопоннесская война. Противоречия между I Афинским морским и Пелопоннесским союзами. Причины войны. Повод к войне. Планы сторон. Периодизация. Социальная борьба в Афинах. Роль Персии в развитии войны. Распад I Афинского морского союза. Поражение Афин и его причины. Последствия войны.

Кризис древнегреческого полиса. Современное состояние вопроса. Деньги и финансы. Социальные структуры. Политические группировки. Характер кризиса в Афинах, в Спарте. Наемничество. Позднегреческая тиранья. Союзнические отношения. Программы преодоления кризиса: Платон, Исократ, Аристотель.

Возвышение Македонии. Македония к середине IV в. до н. э. Филипп II и его реформы. Положение в Афинах. Деятельность Демосфена. Установление македонской гегемонии в Греции. Коринфский конгресс и его решения. Смерть Филиппа II и начало правления Александра. Причины и предпосылки похода на Восток. Основные сражения. Поход в Египет и его значение. Борьба с народами Средней Азии и ее значение. Греция во время похода. Оппозиция в македонской армии. Экономический и социальный строй державы после похода в Индию. Города. Распад державы после смерти Александра.

Сущность эллинизма и ведущие эллинистические державы. Понятие «эллинизм» и его разработка в историографии. Современное состояние проблемы. Борьба диадохов и образование эллинистических государств, их экономическая, политическая и социальная структура. Ремесло, сельское хозяйство, экономические и торговые связи. Деньги. Техника. Рабство. Зависимое население. Эллинистический Египет и особенности его развития. Роль государства, монополии. Состояние хозяйства. Социальная структура общества. Дуализм права, власти. Налоги. Государство Селевкидов. Основные хозяйственно-экономические зоны. Типы городов. Социальная структура. Основные направления политики.

Борьба государства Птолемеев и царства Селевкидов с Римом. Государство Пергам. Балканская Греция.

2.2. История Древнего Рима.

Возникновение цивилизации в Италии. Древние этруски. Основные области Италии. Население. Этрусская проблема. Состояние общества. Внутренняя и внешняя политика. Взаимоотношения с Римом. Развитие этрусских городов и их упадок. Культура этрусков и ее значение. Греки на юге Италии.

Царский Рим. Возникновение Рима. Характеристика ранней римской цивилизации. Первые легендарные цари. Особенности формирования полисных отношений. Патриции и плебеи, патроны и клиенты. Политическая организация общества. Этрусская династия. Реформы Сервия Туллия. Начало Римской Республики.

Ранняя Римская Республика (V—III вв. до н. э.). Римская «цивитас». Борьба патрициев и плебеев. «Законы XII таблиц». Новое в социальном составе общества в связи с завершением борьбы патрициев и плебеев. Государственный строй Римской Республики.

Завоевание Римом Италии и образование римско-италийского союза. Завоевания Рима и их последствия. Войны с этрусками. Завоевания в Центральной Италии. Самнитские войны. Завоевание Южной Италии. Войны с Пирром. Римско-италийский союз и его специфика. Выведение «колоний римского народа». Общественные земли». Классическое рабовладение. Значение создания римско-италийского союза (конфедерации).

Превращение Рима в мировую державу. Пунические войны. Завоевание Греции, Западного Средиземноморья, Сицилии и Северной Африки. Международные отношения в Западном Средиземноморье. Карфаген и начало римско-карфагенского противостояния. Сицилия и ее развитие. Победы Рима и их причины. Последствия римских завоеваний.

Социально-экономическое и политическое развитие Римской республики во II—I вв. до н. э. Последствия римских завоеваний. Признаки и проявления кризиса римского полиса. Экономика и классическое рабство. Городские и

сельские рабы. Рабовладельческие виллы. Источники изучения хозяйства Рима. Крестьянское хозяйство. Социальные противоречия. Восстания рабов в Сицилии и их последствия. Аграрное движение. Реформы братьев Гракхов. Демократическое движение. Начало гражданских войн. Союзническая война, ее особенности и результаты. Распространение прав римского гражданства на италиков. Начало эпохи гражданских войн. Диктатура Суллы. Великое восстание рабов, его оценка в историографии.

Падение республики. Ранняя римская империя (I в. н. э.). Политическая борьба 60-х годов до н. э. Первый и второй триумvirаты. Цезарь и его диктатура. Причины падения республиканского Рима. Монархия – новый и закономерный тип государства. Оформление власти Октавиана Августа. Сенат. Внутренняя и внешняя политика. Армия. Провинции. Преторианская гвардия. Значение и результаты правления Августа. Укрепление системы принципата. Династии Юлиев-Клавдиев, Флавиев. Бюрократизация империи. Противостояние сената и императоров. Политический кризис 68–69 гг. Необходимость расширения социальной опоры императорской власти.

Расцвет Римской империи – династия антонинов. Романизация провинций и создание единого экономического пространства внутри империи. Экономический расцвет Средиземноморья и развитие торговли. Города. Изменения в социальном составе общества. Рабы. Колонат и его эволюция. Военно-политические мероприятия императоров.

Кризис III в. Противостояние «солдатских» и «сенатских» императоров. Династия Северов: реформы, укрепление армии. Внешняя политика. Общий упадок хозяйственной жизни. Финансовый кризис. Города. Натурализация хозяйства. Колонат и усложнение социальной структуры общества. Народные движения. Социальные противоречия. Варваризация военно-политической структуры.

Доминат. Падение западной Римской империи. Диоклетиан, его реформы и создание системы домината. Новые черты государственного управления. Административный аппарат. Управление провинциями. Армия. Эдикт о ценах. Религиозная политика. Константин. Завершение реформ. Соци-

альный состав общества. Изменения в производстве и социальных отношениях в IV — первой половине V вв. Закрепление колонов. Поселение варваров в пределах Империи. Преемники Константина, их политика. Продолжение и углубление кризиса. Патронимии. Прекарные держания. Народные движения III—V вв. Политический кризис. Вторжения варваров и последствия варваризации. «Великое переселение народов». Армия. Деление Римской империи на Западную и Восточную. Падение Рима. Вандалы и взятие Рима. Причины падения античной цивилизации.

3. ПРИМЕРНОЕ ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Тема	Лекции	Семинары	Самостоятельная работа
Введение в историю античности	2	–	2
Древнейшие культуры Эгейского бассейна. Крит	2	–	2
Микенская Греция	2	–	2
Гомеровская Греция (XI–IX вв. до н. э.)	–	6	6
Архаическая Греция	2	–	2
Афинский и спартанский полисы	2	10	8
Классическая Греция	2	–	2
Пелопоннесская война	2	–	2
Кризис полиса	2	–	2
Возвышение Македонии. Александр Великий	2	–	2
Эллинизм	–	6	6
Природа и население Италии в древности. Возникновение римской цивилизации	2	–	2
Царский Рим	2	–	2
Ранняя римская республика	2	–	2
Завоевание Римом Италии	2	–	2
Социально-экономическое и политическое развитие Римской иреспублики в II–I вв. до н. э.	–	10	6
Ранняя римская империя. Принципат	4	4	6
Расцвет римской империи. Династия Антонинов	2	–	2
Кризис Рима III века н. э.	2	–	2
Доминат. Реформы Диоклетиана и Константина. Падение Западной Римской империи	2	–	2
<i>Итого часов</i>	36	36	72

4. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4.1. Основная литература.

1. Хаммонд Н. История древней Греции. М., 2004.
2. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2005.

4.2. Дополнительная литература.

4.2.1. Древняя Греция.

1. Акимова Л. И. Искусство дворцов Эгейского мира. М., 1999.
2. Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. СПб., 2002. Т.1–2.
3. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. СПб., 2004.
4. Бедненко Г. Б. Греческие богини. М., 2005.
5. Берве Г. Тираны Греции. Ростов на Дону, 1997.
6. Блеген К. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака. М., 2002.
7. Борухович В. Г. Вечное искусство Эллады. М., 2002.
8. Боспорский феномен. СПб., 2001.
9. Боуз П. Стратегическое искусство Александра Македонского М., 2005.
10. Видаль-Накэ. П. Черный охотник. М., 2001.
11. Волков А. В. Спарта. М., 2005.
12. Вэрри Дж. Войны античности. М., 2004.
13. Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998.
14. Греция: храмы, надгробия и сокровища. М., 1998.
15. Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция. М., 2004.
16. Дюпюи Э. Р., Дюпюи Н. Т. Всемирная история войн. Т. 1. СПб., 2000.
17. Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
18. Квеннел М., Квеннел Ч., Гомеровская Греция. М., 2005.
19. Конноли П. Греция и Рим. М., 2001.
20. Куле К. СМИ в Древней Греции. М., 2004.
21. Кулишова О. В. Древнегреческая мифология и религия. СПб., 2003.
22. Лавренов С. Я. Армии Древней Греции VI–IV вв. до н. э. М., 2001.
23. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000.
24. Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. М., 1993.
25. Марру А. Н. История воспитания в античности. М., 1998.
26. Молчанов А. А. Социальная структура и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. М., 2000.
27. Немировский А. И. История древней Греции. М., 2000. Т. 1–2.
28. Никитюк Е. В. Быт античного общества. СПб., 2005.
29. Петров А. В. Феномен теургии. СПб., 2003.
30. Сисс Дж., Детеьен М., Повседневная жизнь греческих богов. М., 2003.
31. Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов. М., 2000.

32. Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V века до н. э. М., 2002.

33. Суриков И. Е. Античная Греция. М., 2005.

34. Гуманс Х. Рождение Афины. СПб., 2002.

35. Федорова Е. В. Мифы и реальность Древней Греции. М., 2005.

36. Фролов Э. Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004.

37. Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи. М., 2004.

4.2.2. Древний Рим.

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002.

2. Бейкер Дж. Август. М., 2003.

3. Бейкер Дж. Константин Великий. М., 2004.

4. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

5. Бурхардт Я. Век Константина Великого. М., 2003

6. Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.

7. Война и античное общество. М., 2004.

8. Гольженков И. А. Армия императорского Рима I–II веков н. э. М., 2000.

9. Горюнов С. Ю. Рим и Карфаген: великая морская война. М., 2003.

10. Грант М. Цивилизация древнего Рима. М., 2003.

11. Гурин И. Г. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период Гражданских войн. Самара, 2001.

12. Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000.

13. Дождев Д. В. Практический курс римского права. Ч. I. Общая часть. Право лиц. Вещные права. М., 2000.

14. Евсеенко Т. П. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001.

15. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2001.

16. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М., 2000.

17. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

18. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001.

19. Левинская И. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.

20. Майяни З. По следам этрусков. М., 2003.

21. Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000.
 22. Махлаюк А. В. Римские войны. М., 2003.
 23. Немировский А. И. История древнего мира. Античность. Ч. 1–2. М., 2000.
 24. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. Учебник. М., 2000.
 25. Новицкий И. Б. Римское право. Учебник для вузов. М., 2001.
 26. Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005.
 27. Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001.
 28. Римское частное право / Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Петерского. М., 2000.
 29. Родионов Е. Пунические войны. СПб., 2005.
 30. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I–II. СПб., 2000 2001.
 31. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. Учебник. М., 2000.
 32. Светлов Р. Войны античного мира: походы Пирра. М., 2003.
 33. Сергеенко М. Е. Жизнь в древнем Риме. СПб., 2000.
 34. Сикорский Я. Канны. М., 2002.
 35. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999.
 36. Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I го начале II века н. э. М., 2000.
-

5. ТЕМАТИКА РЕФЕРАТИВНЫХ, КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

1. Эллинистическое общество Египта.
2. Эллинистические общества Малой Азии.
3. Основные этапы развития государства Селевкидов.
4. Основные этапы развития эллинистического Египта.
5. Изучение произведений изобразительного искусства в школьном курсе.
6. Первоначальное христианство: этапы развития.
7. Восточные корни христианства.
8. Римская армия эпохи расцвета.
9. Римская гражданская община.
10. Рим ранних царей.
11. Этруски: загадки и открытия.
12. Римская экономика I в. до н. э. – II в. н. э.
13. Скифский логос Геродота.
14. Фукидид об Афинах и Греции V в. до н. э.
15. Ксенофонт – историк Древней Греции.
16. Аристотель об образовании и воспитании.
17. Платон об образовании и воспитании.
18. Тит Ливий – историк Древнего Рима.
19. Исторический метод Плутарха.
20. Хозяйство аттического крестьянина по Аристофану.
21. Поздний Рим и проблема падения западной цивилизации древности.
22. Проблемы историографии истории Древней Греции и Древнего Рима.
23. Киликийское пиратство в I в. до н. э.
24. Битва при Каннах по Ливию и Полибию.
25. Афинская аристократия V в. до н. э. по Плутарху.
26. Спартанские цари по Геродоту.
27. Самос в VI в. до н. э. по Геродоту.

Примерная тематика дипломных работ.

1. Образ моря в античной мифологии.
2. Религия Древнего Рима.
3. Гомеровская проблема: вопросы текстологии и контекста.
4. Идеология и политика раннегреческих тиранов.
5. Повседневная жизнь и быт древних римлян.
6. Особенности становления и развития политической культуры и идеологии Мегарского полиса.
7. Армия императорского Рима.
8. Элевсинские мистерии.
9. Оракулы древней Греции.
10. Культура тела и физическое воспитание в древней Греции

II. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА. АНТИЧНОСТЬ»

В процессе обучения студенты выполняют следующие виды самостоятельной работы:

1. КОЛЛОКВИУМ

Коллоквиум проводится на 4 неделе изучения курса и предполагает выполнение специальных заданий. Он ставит своей целью ознакомить студентов и изучить в ряде наиболее важных положений основные достижения культуры Древней Греции, ее архитектуру, скульптуру, а также ряд других аспектов. Коллоквиум может проходить как в учебное, так и во внеурочное время в виде докладов – содокладов и сообщений, с которыми выступают все без исключения студенты группы.

При подготовке сообщений следует обратить внимание на иллюстрации к ним, поскольку эти темы не могут должным образом звучать без подборки репродукций, изобразительного материала. Следует учесть и то, что все настоящие темы прямо выходят на школьный курс истории древнего мира. Поэтому в сообщениях и докладах необходимо подчеркнуть актуальность изучения настоящих тем в школе, обратив при этом внимание на характеристику таких понятий, как «Античная религия», «боги Древней Греции», «культура», «искусство», «мифология» и др.

- 1. Причины высокого уровня культуры Древней Греции.**
- 2. Греческая архитектура. Афинский акрополь.**
- 3. Греческая скульптура. Общая характеристика.**
- 4. Живопись.**
- 5. Творчество Мирона (доклад).**
- 6. Творчество Поликлета (доклад).**
- 7. Творчество Фидия (доклад).**
- 8. Творчество Праксителя (доклад).**
- 9. Искусство эллинизма (скульптура, архитектура, живопись).**
- 10. Попробуйте выявить специфику раннехристианской религии и ее восточные корни.**

2. ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Практическая работа по Истории античности и подготовка к ней на первом курсе, несомненно, чрезвычайно трудны. Дело в том, что в школе или в гимназии, или в лицее древность углубленно не изучается, а преподавание ее строится на знакомстве ученика с элементарными сведениями. И затем ее изучение вовсе прекращается в школе. Поэтому в высшей школе при важной роли преподавателя необходима серьезная роль самого студента. При ее должной организации возможен успех в непрерывном изучении закономерностей и особенностей развития древних цивилизаций.

Основной акцент при изучении древней истории следует сделать на источники, прежде всего — письменные. При их анализе следует обращать внимание на эпоху. Часто тексты дошли до нас от иного, более позднего времени. Это касается даже библейских текстов. Обращаясь к текстам древних авторов, необходимо иметь в виду исторический метод того или иного исследователя, его специфику, например, при изучении тем античной истории. Разумеется, студент работает с переводом древних текстов. Поэтому следует (по возможности) познакомиться с различными переводами и сравнить их по различным хрестоматийным изданиям и по приложениям к специальным работам отечественных и иностранных авторов.

Следует стремиться не к обработке максимального числа вопросов темы и всех рекомендуемых источников и литературы, но к углубленному изучению основных текстов, их частей, других источников, при этом улавливая их тенденцию, степень достоверности сообщаемых сведений, их своеобразие и специфику. Античные авторы, например, иногда повторяют друг друга.

Необходимо законспектировать основные положения рекомендуемой литературы, сравнив выводы и рассуждения по какому-либо вопросу нескольких исследователей. Следует при этом стремиться к тому, чтобы определить особенности этих выводов, а также что же именно привело ученого к таким выводам. Если какое-то положение особенно понравится, то непременно такой вывод необходимо аргументировать.

Ни в коей степени нельзя стремиться к переписыванию материала из источника или исследования современного учебного, даже делать это близко к тексту оригинала (как говорится, «своими словами»). Дословное повторение или изложение по тексту может иметь место только при цитировании или в пересказе в качестве своего положения, но обязательно со ссылкой на источник или автора. При разработке какого-либо положения необходимо руководствоваться поиском тех аспектов его изучения, которого в изученных работах или у древних авторов не имелось. Например, древние авторы или не анализировали вовсе, или делали это слабо, причин какого-нибудь события. Они не анализировали социальную структуру древних обществ и взаимодействие общественных структур и макроструктур с государством, характер влияния последнего на общество. Не могли, естественно, они привлечь и того материала, который известен им не был по тем или иным причинам. Это, кстати сказать, иногда забывается исследователями нашего времени. По этой причине необходимо проводить анализ всех указаний и данных, вначале – по отдельности, а затем давать их суммарную, общую характеристику и выводы.

В самом начале изучения темы, которая в последствии может вылиться в тему курсовой или дипломной работы, перед собой следует поставить проблему не очень широкую, но оригинальную. Существенную помощь при этом должна оказать рекомендуемая и в настоящем пособии, и содержащаяся в специальных работах, а также и самостоятельно обнаруженная в каталогах библиотек специальная литература, в том числе и прежних лет.

Вся предлагаемая тематика практических занятий объединена вокруг единой большой темы, «Общество и государство цивилизаций Древнего Мира». При этом предполагается изучение общественных, идеологических, политических институтов древности на всем протяжении ее развития в их взаимодействии. Наши занятия не повторяют тех, что имеют место в других исторических курсах, в том числе в курсе Истории религий. Это относится к тематике, посвященной мифологии, эпосу, истории литературы, истории культуры, истории философии, и даже – истории воспитания и образования.

3. ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Главная задача семинарских занятий по профильным дисциплинам на I курсе исторического факультета – помощь студенту в освоении азбуки его будущего ремесла, то есть в овладении навыками самостоятельной творческой работы в избранной им области науки. Важнейшим средством решения этой задачи является подготовка студентом под руководством преподавателя конкретного научного исследования в форме доклада или курсовой работы и обсуждение его на семинарском занятии. Курсовая работа – это доработанный вариант доклада, за который студент получает не зачет, а оценку. Таким образом, между докладом и курсовой работой, а также между ними и каким-либо другим конкретным исследованием (статьей, монографией) нет принципиальной разницы. В любом случае автор обязан на основе критического анализа источника или комплекса источников с учетом доступной ему научной литературы по этой тематике дать самостоятельное грамотно оформленное решение конкретной проблемы и тем самым внести посильный вклад в развитие, как науки, так и своего собственного творческого потенциала.

Как правило, в семинаре I курса по истории древнего мира студентам чаще всего предлагают для докладов и курсовых работ темы по истории древней Греции и древнего Рима. В первую очередь это связано с тем, что подготовка и обсуждение докладов и курсовых работ обычно приходится на второй семестр, посвященный истории античного мира. Кроме того, поскольку античная цивилизация с ее рационализмом и гуманизмом является основой и составной частью современной западной цивилизации, студентам легче разобраться в представлениях и институтах древних греков и римлян, чем древних египтян или вавилонян. Немаловажно также и то, что произведения греческих и римских писателей принадлежат к знакомым нам литературным жанрам и дошли до нас, как правило, в более или менее целом виде. Их тексты тщательно изучены филологами. Имеются стереотипные издания, добротные комментированные переводы, снабженные подробными индексами.

Обычно доклады и курсовые работы по истории древней Греции обсуждаются в марте-апреле, а по истории древнего Ри-

ма – в апреле-мае. Поскольку лекции по истории древней Греции читаются в феврале-марте, а по истории древнего Рима – в апреле-мае, студенты могут (и должны) использовать в своей работе над докладами также и лекционный материал.

3.1. Доклады по истории древней Греции

Темы охватывают VI–V вв. до н. э., то есть конец архаического и начало классического периодов истории древней Греции – время, когда завершается формирование классического греческого полиса и наступает эпоха его наивысшего расцвета. В своей совокупности они представляют определенное единство, так как в каждой из них рассматривается тот или иной аспект ключевой проблемы античной истории – проблемы гражданской общины в ее классическом греческом варианте.

Источники по этим докладам также представляют определенное единство. Это работы крупнейших греческих историков и писателей (и прежде всего «отца истории» Геродота), принадлежащие, по общему мнению, к лучшим образцам своего жанра. Методы и приемы интерпретации отобранных произведений достаточно хорошо отработаны; каждому из них посвящены многочисленные статьи и монографии российских и советских антиковедов. Немаловажно также и то, что почти все они не особенно велики по объему и отличаются значительными художественными достоинствами.

Российская и советская историография по проблемам формирования и характерных особенностей греческого полиса достаточно обширна, чтобы дать начинающему исследователю общие ориентиры. Вместе с тем те конкретные аспекты этих крупных исторических проблем, которым посвящены предлагаемые доклады, в отечественном антиковедении либо не рассматривались специально, либо не получили общепризнанной интерпретации.

1. Самос в VI в. до н. э. по Геродоту.

На протяжении VI в. до н. э. Самос почти постоянно находился под властью тиранов, самым знаменитым из которых был Поликрат. Очевидно, это не являлось случайностью. В то время, судя по всему, на Самосе сложились идеальные условия для установления режима ранней или старшей тирании.

Задача докладчика – попытаться выяснить на примере Самоса, каковы наиболее благоприятные для установления ранней тирании экономические и социальные предпосылки. Ему необходимо разобраться, был ли Самос в VI в. передовым или отсталым полисом, то есть можно ли говорить о существовании там высокоразвитого ремесла и торговли, а также значительного имущественного и социального неравенства внутри гражданского коллектива.

В отечественной историографии в таком аспекте история Самоса не I рассматривалась. В работах общего характера обычно указывается, что в архаичный I период режим ранней тирании утверждается в наиболее развитых в экономическом и I социальном отношениях полисах. Вместе с тем в отечественных и зарубежных работах последних десятилетий иногда отмечается отсутствие высокоразвитого ремесла и I торговли и сколько-нибудь заметного имущественного расслоения в архаическом I полисе.

Для того, чтобы раскрыть свою тему, докладчику необходимо разобрать вопросы об I экономическом потенциале Самоса и его местоположении на торговых и стратегических путях, об уровне развития экономики Самоса и характерных особенностях его социальной структуры.

Примерный план основной части доклада:

1. Местоположение и внешний облик Самоса.
2. Экономика Самоса:
 - а) ремесло;
 - б) торговля.
3. Социальные отношения на Самосе.

Параграф, посвященный ремеслу, студент может подготовить с помощью преподавателя до представления всего текста доклада.

Сама по себе эта тема не особенно сложная, но поскольку она является одной из первых, докладчик нередко допускает ошибки, типичные для начинающего исследователя. Так, например, обзор источника обычно сводится к общей характеристике Геродота и его труда, заимствованной из научной литературы и никак не связанной с темой доклада. При работе над этим разделом можно поставить перед докладчиком

конкретные вопросы, на которые он должен ответить, опираясь на свидетельства источника: 1. Каким принципом руководствовался Геродот при отборе фактов, которые он сообщает читателю? 2. Какого рода факты, связанные с экономикой и обществом Самоса, могли представлять для него интерес? 3. Можно ли на основании того, что Геродот ничего не сообщает о той или иной отрасли экономики Самоса, сделать вывод, что она была слабо развита? 4. Каковы источники Геродота по истории Самоса в VI веке? 5. Бывал ли сам Геродот на Самосе? 6. Каково отношение Геродота к Самосу и самосской тирании? Могло ли оно повлиять на достоверность сообщаемых им данных? 7. Каковы достоинства и недостатки «Истории» Геродота как источника по теме доклада?

Ошибки, встречающиеся при работе над разделом «Местоположение и внешний облик Самоса», почти всегда обусловлены тем, что автор пытается раскрыть его, не задумываясь, для чего он нужен в докладе, как он связан с его главной проблемой и остальными разделами. В этом случае вместе того, чтобы писать о внешнем облике и местоположении города Самос, докладчик описывает внешний облик острова Самос и указывает, что он был расположен в Эгейском море напротив побережья Малой Азии. С такого рода заключением трудно не согласиться, но для ответа на главный вопрос доклада они ничего не дают.

Освещая вопрос об экономике Самоса, студент нередко оперирует лишь теми данными, которые лежат на поверхности, и либо совсем не использует косвенные свидетельства, либо использует их произвольно. Так, например, из того факта, что у Поликрата был большой флот, делается вывод о развитии кораблестроения на Самосе. В этом случае можно поставить вопрос: нет ли более надежного свидетельства о кораблестроении на Самосе? Разбирая вопрос о внешней торговле, стоит задуматься над тем, кто был главным торговым партнером Самоса? С каким из соседних государств Самос в VI в. до н. э. был связан особенно тесно? Следует также обратить внимание на то, почему Геродот практически ничего не говорит о сельском хозяйстве на Самосе. Можно ли на основании этого умолчания сделать заключение об уровне аграрного развития полиса?

Наибольшие трудности вызывает обычно вопрос о социальных отношениях на Самосе. Нередко, перечислив немногочисленные прямые свидетельства, докладчик продолжает изложение не по источнику, а по устаревшей литературе, рассуждая о таких социальных группах, которые у Геродота вообще не упоминаются (например, о родовой аристократии или «торгово-ремесленной знати»). Вместо пересказа чужих домыслов докладчику необходимо обратить внимание на косвенные свидетельства источника. Стоит задуматься о том, на кого опирался Поликрат, совершая государственный переворот. На низшие слои демоса? На зажиточных рядовых граждан, поставлявших гоплитов для боя в составе фаланги? Или на самых богатых и влиятельных граждан? Следует также попытаться выяснить, к какому социальному слою принадлежали граждане Самоса, служившие в армии и во флоте Поликрата или находившиеся в его непосредственном окружении. К какому социальному слою принадлежали противники тирании?

Доклад по Самосу, как правило, обсуждается первым, и это делается не только в соответствии с хронологической последовательностью, но также еще и потому, что на его примере легче всего продемонстрировать основные принципы работы с источником и предостеречь от типичных ошибок.

Тема по Самосу может быть предложена не только для доклада, но и для курсовой работы. В этом случае докладчику можно порекомендовать в дополнение к новому переводу использовать старый, выполненный Ф. Мищенко, поскольку в переводе Г. А. Стратановского имеются отдельные досадные неточности, например, в сцене прихода Поликрата к власти (Г. III. 39, 1).

Источники

1. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л., 1972 (или любое более позднее издание). Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1–2. 2-е изд. М., 1888.

Обязательные источники

1. Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота / Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.

2. Древняя Греция / Отв. ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов. М., 1956. История древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986 (или любое более позднее издание).

3. Лурье С. Я. История Греции. Курс лекций. СПб., 1993. Пиленкова Т. Ф. Раннегреческая тирания на Самосе / Проблемы социально-политической истории античности и средних веков. Вып. I. Уфа, 1975.

4. Скржинская М. В. Новеллистическая традиция о тирании в Греции VII–VI вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. Л., 1968.

Дополнительная литература

1. Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.

2. Карпюк С. Г. Отношение Геродота к тирании как к форме правления / Из истории западно-европейской культуры. М., 1979.

3. Лаптева М. Ю. Раннегреческая тирания как форма правления в полисах архаической Ионии / Политические организации и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987.

4. Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947.

2. Спартанские цари по Геродоту.

Происхождение института двойной царской власти в Спарте, причина его удивительной долговечности, его роль и значение в обществе и государстве являются предметом длительных дискуссий. Исследователи, считающие, что спартанские цари играли большую и важную роль в жизни своего государства, признают Спарту очень своеобразным полисом, непохожим на все остальные. Их оппоненты считают, что своеобразии Спарты не стоит преувеличивать, поскольку в то время, когда в Спарте сформировался полисный строй, цари не обладали реальной властью, а само сохранение института царской власти было всего лишь данью традиции со стороны консервативных спартиатов. Таким образом, до сих пор остается неясным, был ли этот институт чисто декоративным или же являлся реальным органом власти и управления. Играли ли спартанские цари в силу своего происхождения, положения и полномочий важную роль в спартанском обществе и государстве, либо не обладали сколько-нибудь значительной властью и влиянием?

В отечественной историографии нет специального исследования, посвященного этой проблеме. В работах общего характера обычно указывается, что спартанские цари играли

видную роль во время войны в походных условиях, а в мирное время в самой Спарте пользовались большим почетом, но реальной политической власти, как правило, не имели. В последние годы намечается отход от этой концепции. В отдельных работах отмечается, что цари пользовались значительной властью. В современной зарубежной историографии эта точка зрения является преобладающей. Некоторые исследователи доказывают, что спартанские цари благодаря своим полномочиям и авторитету своего сана играли выдающуюся, а иногда даже решающую роль в политической жизни.

Задача докладчика – попытаться решить эту проблему на основании данных Геродота. Для этого ему необходимо рассмотреть не только полномочия царей и других представителей власти в Спарте, но также и возможные источники влияния, которыми могли располагать цари благодаря своему происхождению и общественному положению. Для ответа на главный вопрос необходимо выяснить, могли ли цари использовать для укрепления власти и влияния свой особый сакральный статус и связанные с ним жреческие функции. Обладали ли они особыми источниками дохода и могли ли использовать свое богатство в политической борьбе? Имели ли они возможность в своей политической деятельности опираться на поддержку богатой, влиятельной, наделенной большими привилегиями родни?

Примерный план основной части доклада:

1. Сакральные основы царской власти:
 - а) представления спартанцев и остальных греков о божественном происхождении царей и их связи с богами;
 - б) жреческие функции царей;
 - в) связь царей с Дельфийским оракулом.
2. Имущественное положение царей.
3. Царская родня:
 - а) состав царской родни (родственники по крови и родственники по браку);
 - б) особые привилегии и имущественное положение царских родственников;
 - в) взаимоотношения между царями и их родней.
- 4) Участие царей в государственной жизни:

- а) внешнеполитические и военные функции царей;
- б) судебные и административные функции царей;
- в) взаимоотношения царей с другими органами власти;
- г) взаимоотношения царей друг с другом.

Первый параграф первого раздела или третий раздел докладчик обычно подготавливает заблаговременно с помощью преподавателя. Поскольку тема доклада обширна, ее можно для удобства докладчиков разделить на две: 1) Сакральные основы царской власти по Геродоту и 2) Спартанские цари по Геродоту. В этом случае первый раздел плана превращается в примерный план основной части доклада «Сакральные основы...». Как показывает практика, по каждой из этих тем можно писать и доклад, и курсовую работу.

Наиболее типичная ошибка – изложение предмета в описательном ключе с использованием лишь тех данных, которые лежат на поверхности, подмена анализа свидетельств источника их пересказом. Так, говоря об участии царей в государственной жизни, нередко ограничиваются пересказом известного фрагмента о привилегиях спартанских царей, не пытаясь анализировать его и сопоставлять с другими свидетельствами, а иногда даже просто описывают походы и битвы, которые велись под руководством царей. Докладчик должен иметь в виду, что вывод о роли царей во внутренней или внешней политике можно сделать только на основе всех данных, касающихся решения важных политических вопросов в Спарте, и что иллюстративное выборочное использование данных источника лишает его работу какой-либо ценности. Чтобы избежать соблазна описательного подхода, докладчику стоит обратить внимание на следующие вопросы: существует ли связь между особым сакральным статусом царей и исполнением ими обязанностей командующего спартанской армии? Кто, по мнению спартанцев, лучше подходил для поста командующего: опытный военачальник или человек, пользующийся благоволением богов? В чем заключалась специфика спартанского престолонаследия и как ее можно объяснить? С какими представлениями связан обряд царских похорон? Есть ли данные об использовании царями в политических целях своего жреческого статуса? Почему спартанцы нередко приговаривали провинившихся царей к изгнанию, и никогда – к

смертной казни? Почему цари столь часто вступали в брак с близкими родственниками? Что может быть общего у всех судебных и административных функций царей? Являлась ли Спарта, по мнению спартанцев и остальных греков, республикой или монархией? Кто, по мнению Геродота, пользовался большим влиянием на решение важнейших политических вопросов – цари или народное собрание?

В числе нередко встречающихся ошибок – отступление от темы доклада (например, заранее обреченная на провал попытка решить вопрос о происхождении двойной царской власти) и смешение воедино формальных полномочий царей и их неформального влияния (когда, например, совет, данный царем эфорам, докладчик именуется приказом).

Темы «Сакральные основы царской власти по Геродоту» и «Спартанские цари по Геродоту» не являются ни слишком сложными, ни чересчур трудоемкими благодаря наличию компактного источника. С ними может благополучно справиться даже средний студент. Вместе с тем, как показывает практика, сильный студент, работая над одной из этих тем, имеет возможность прийти к самостоятельным нетривиальным выводам и подготовить прекрасную курсовую работу.

Источники

1. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л., 1972 (или любое более позднее издание).

Обязательная литература

1. Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса / Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983.

2. Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота / Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.

3. Древняя Греция. Отв. ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов. М., 1956.

4. Зайков А. В. Юрисдикция спартанских царей (к интерпретации Hdt. VI. 57, 4–5) / Античная древность и средние века. Вып. 31. Екатеринбург, 2000.

5. История, древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986 (или любое более позднее издание).

6. Кулишова О. В. Дельфийский оракул в общественной жизни древних греков. Автореф. канд. дисс. Л., 1990.

7. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. П. Богослужбные и сценические древности. Изд. 2. СПб., 1997.
8. Лурье С. Я. История Греции. Курс лекций. СПб., 1993.
9. Мифологический словарь. Главн. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.
10. Печатнова Л. Г. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001.
11. Строгоцкий В. М. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте / Античный полис. Вып. 4. Л., 1979.
12. Строгоцкий В. М. Некоторые особенности внутривнутриполитической борьбы в Спарте конца VI – начале V вв. до н. э. Клеомен и Демарат // ВДИ, 1982, № 3.
13. Хаксли Д. Л. Геродот о мифе и политике в ранней Спарте / Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994.

Дополнительная литература

1. Бергер А. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936.
2. Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху. М., 1916.
- Зельин К. К. Олимпиадики и тираны // ВДИ, 1962, № 4.
3. Зубов А. Б., Павлова О. И. Религиозные аспекты политической культуры древнего Востока: образ царя / Религии древнего Востока. М., 1995.
4. Колобова К. М. Древняя Спарта. Л., 1957. Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947.
5. Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ, 1968, № 1.
6. Смышляев А. Л. Спартанская «община равных» в современных историко-правовых исследованиях / Актуальные проблемы правоведения за рубежом. Вып. 1. М., 1989.

3. Афинская аристократия V в. до н. э. по Плутарху.

В V в. до н. э. в Афинах утверждается строй радикальной демократии. Государственная власть оказалась в руках у широких масс афинского демоса. После победы демократии афинские аристократы оказались в сложном положении. Демос относился к ним с недоверием и опаской. Их нередко называли «врагами народа». Они подвергались преследованиям доносчиков (сикофантов); за малейшую провинность их могли отправить в ссылку или приговорить к крупному штрафу. В то же самое время на протяжении почти всего этого столетия они занимают высшие посты стратегов, проксенов и послов, являются вождями и заступниками (простатами) демоса, защищая его интересы в борьбе со своими собратьями из

аристократического лагеря. Возникает вопрос: почему афинский демос, враждебно настроенный по отношению к аристократии, поручал защиту своих интересов политикам-аристократам, а не политикам из собственной среды?

В отечественной историографии этот вопрос затрагивался, но сколько-нибудь полного и всестороннего освещения не получил. В зарубежной историографии обычно отмечается, что, хотя афинская демократия была по своему характеру антиаристократической, тем не менее общепринятая шкала ценностей по-прежнему оставалась аристократической. Однако это справедливое наблюдение не может объяснить, почему в IV в. до н. э. ситуация коренным образом меняется и политик-аристократ, занижающий высокие посты и пользующийся большим влиянием, становится скорее исключением, чем правилом.

Задача докладчика — выяснить на основе данных «Параллельных жизнеописаний» Плутарха, почему именно политики-аристократы стояли во главе демократического государства. Для решения этой задачи необходимо разобраться в том, какие объективные преимущества, позволявшие рассчитывать на успешную политическую карьеру, были у политиков-аристократов в демократических Афинах, то есть какую роль в политической борьбе играли знатность, богатство, поддержка влиятельной родни, друзей и гостеприимцев, а также соответствующий образ жизни. Ответ на все эти вопросы надо найти, собрав и проанализировав все относящиеся к ним свидетельства из биографий Фемистокла, Аристида, Кимона, Перикла, Алкивиада и Никия.

Примерный план основной части доклада:

1. Основные слагаемые успешной политической карьеры в Афинах.
2. Происхождение и родня афинского аристократа.
3. Друзья и гостеприимцы:
 - а) взаимные обязанности друзей;
 - б) гетерии (дружеские сообщества) и их роль в политической борьбе;
 - в) деятельность аристократов в качестве проксенов;

г) гостеприимны (ксены) и их обязанности по отношению друг к другу.

4. Основные источники доходов и имущественное положение.

5. Образ жизни.

Второй раздел или один из параграфов третьего докладчик обычно подготавливает заблаговременно с помощью преподавателя. Поскольку тема доклада достаточно обширна, чтобы облегчить работу студентов, ее можно разделить на две: 1) Друзья и гостеприимны афинского аристократа по Плутарху и 2) Афинская аристократия V в. по Плутарху. В этом случае третий раздел приведенного здесь плана представляет собой примерный план основной части доклада.

4. «Друзья и гостеприимцы афинского аристократа по Плутарху».

В случае, если студент захочет выбрать эту тему для курсовой работы, ее можно расширить, добавив новый раздел основной части: «Родня афинского аристократа». Тогда эта тема будет называться «Персональные связи афинского аристократа по Плутарху». Частичное пересечение ее с темой «Афинская аристократия V в. до н. э. по Плутарху», как показывает практика, не представляет ничего страшного, если оба доклада по этим темам авторы будут сдавать преподавателю одновременно.

Наиболее типичная ошибка – изложение материала в описательном ключе, перечисление отдельных свидетельств источника по каждому вопросу без какого-либо анализа и обобщения. Иногда слабые студенты просто пересказывают по порядку биографию каждого из шести героев Плутарха, опираясь не столько на источник, сколько на литературу. Нередко студенты путают объективные качества аристократов с субъективными, доказывая, что знатные политики занимали ведущие позиции в политической жизни, поскольку превосходили своими административными и военными талантами всех остальных. Однако современные историки в отличие от древнегреческих вовсе не считают, что уже в силу происхождения аристократы своими способностями превосходят всех остальных людей. Кроме того, неразумно по Фемистоклу или

Периклу судить обо всех остальных аристократах, занимавших высшие государственные посты в Афинах V в. до н. э. Другая распространенная ошибка связана с упрощенным представлением об афинском обществе V в. до н. э., основанном на противопоставлении богатых образованных честолюбивых аристократов бедным полуграмотным рядовым гражданам, озабоченным в первую очередь добыванием хлеба насущного. В Афинах того времени было немало зажиточных и даже богатых незнатных граждан, принимавших все более активное участие в политической жизни. Именно выходцы из этих слоев в IV в. до н. э. почти полностью вытесняют аристократов из политики. Поэтому утверждать, что уже в силу своего богатства и образования аристократы превосходили остальных граждан, вряд ли возможно. Докладчику необходимо подумать, все ли герои шести биографий были аристократами. Можно ли на основании какой-либо из них составить представление о незнатном политике, сравнить его деятельность и его образ жизни с деятельностью и образом жизни политиков-аристократов?

В ходе работы над этими темами докладчику следует ориентироваться на решение конкретных проблем, на сопоставление и критический анализ нередко противоречащих друг другу данных Плутарха. Чтобы избежать описательного подхода, докладчику в числе прочих стоит обратить внимание на следующие вопросы: почему Плутарха друзья его героев интересовали больше, чем их богатство? Что именно, по мнению Плутарха, было необходимо иметь афинскому политику, чтобы сделать успешную карьеру? Происходил ли Аристид из знатного или незнатного рода? Был ли он настолько беден, как утверждает Плутарх? Кто из героев Плутарха имел свою гетерию? Каково было отношение основной массы афинян к гетериям? Какую роль отношения гостеприимства играли в политике? Какова роль богатства политика в его политической деятельности? Что входит в понятие «аристократический образ жизни» для афинянина V в. до н. э.?

В качестве полезного приложения к докладу автор может подготовить, опираясь на источник и справочную литературу, схему родственных связей упоминаемых Плутархом аристократов.

Темы по афинской аристократии V в. занимают среднее место по сложности и трудоемкости и вместе с тем, как показывает практика, предоставляют сильным студентам хорошие возможности для самостоятельной творческой работы.

Источники

1. Плутарх. Избранные биографии / Пер. с греч. под ред. и с пред. С. Я. Лурье. М.-Л., 1941.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1–3. М., 1961–1964. (или любое другое более позднее издание «Биографий» Плутарха).

Обязательная литература

1. Андреев В. Н. Проблема нестабильности крупных афинских состояний в V–IV вв. до н. э. // ВДИ, 1986. № 3.
2. Бузескул В. П. Перикл. Харьков, 1889. Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 1909.
3. Древняя Греция. Гл. ред. В. В. Струве и Д. П. Калистов. М, 1956.
4. История древней Греции. Под. ред. В. И. Кузищина. М., 1986 (или любое более позднее издание).
5. Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982..
6. Кон И. С. Понятие дружбы в древней Греции // ВДИ. 1974. № 3.
7. Лурье С. Я. История Греции. Курс лекций. СПб., 1993.
8. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Т. 1–3. М., 2001.
9. Соболевский С. И. Плутарх / Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961 (или любое другое более позднее издание).
10. Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.
11. Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи (2. Род Кериков в дипломатии Афин) / Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000.
12. Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии / Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983.

Дополнительная литература

1. Андреев В. Н. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. / Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. Д. Становление и развитие полиса. М., 1983.
2. Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н. э. Минск, 1975.

5. Хозяйство аттического крестьянина по Аристофану.

Аттические крестьяне составляли большинство афинских граждан в V–IV вв. до н. э. и были стовым хребтом гражданского коллектива. Крестьянское хозяйство было одной из главных производственных ячеек афинского земледелия – основной отрасли экономики полиса. Уровень благосостояния и стабильности этого хозяйства в значительной мере определял степень прочности и устойчивости демократического строя Афин. И благосостояние, и стабильность крестьянского хозяйства в немалой мере зависели от его характера – было ли оно ориентировано на рынок или на самообеспечение, являлось ли в основе своей товарным или натуральным? И в отечественной и в зарубежной историографии эта проблема до сих пор является предметом оживленных дискуссий, связанных не только с нехваткой надежных свидетельств источников, но и с разным пониманием характера экономики античного полиса.

Задача докладчика – попытаться дать свое решение этой проблемы на основе комедий Аристофана, «Ахарняне» «Тишина» («Мир») и «Плутос», главные действующие лица которых – аттические крестьяне. Для того чтобы решить эту задачу, ему необходимо рассмотреть, какие отрасли земледелия были представлены в крестьянском хозяйстве. Какое значение имела каждая из них для крестьянина? Можно ли говорить о специализации крестьянского хозяйства, связанной с выделением главной отрасли, ориентированной на рынок? Надо также разобрать вопрос о характере инвентаря и рабочей силы в крестьянском хозяйстве. Нуждался ли крестьянин в сложных орудиях труда и оборудовании, которое невозможно было сделать самому или приобрести у деревенского ремесленника? Были, ли у крестьян рабы и принимали ли они участие в полевых работах? Имелись ли у крестьян рабыни? Ответив на все эти вопросы, можно переходить к главному: в какой мере крестьянское хозяйство было связано с рынком? Насколько важной была эта связь для крестьянина?

Докладчику, работая над этими вопросами, ни в коем случае нельзя забывать о специфике своего источника. Если историки Геродот и Фукидид пытались найти истину и донести ее до читателя, убедить его в правдивости своего изложения, то коме-

диограф Аристофан стремился добиться своей цели, рассмешив зрителей. С помощью своей необузданной фантазии он выворачивал действительность наизнанку, создавая немыслимые абсурдные ситуации и нередко устами своих героев утверждал то, во что и сам не верил. Чтобы найти правильные ответы на поставленные в докладе вопросы, автор должен научиться выделять реальные факты и сюжетные ходы, основанные на художественной условности, учитывать общую направленность каждой комедии, уметь находить и объяснять встречающиеся в ней противоречия, принимать во внимание стремление комедиографа в одних случаях подчеркнуть связанные с повседневной крестьянской жизнью преимущества, а в других – тяготы.

Примерный план основной части доклада:

1. Основные отрасли земледелия в крестьянском хозяйстве

а) зерновое хозяйство

б) виноградарство и маслиноводство

в) сад и огород

2. Инвентарь и рабочая сила

3. Связь крестьянского хозяйства с рынком

Один из параграфов первого раздела докладчик обычно подготавливает заблаговременно с помощью преподавателя.

Наиболее типичные ошибки, связанные с этой темой – работа с источником без учета его специфики, опора только на прямые свидетельства источника, которые к тому же не анализируются, а просто пересказываются, отсутствие учета природно-климатических условий Аттики при решении вопроса о том, какие культуры могли быть товарными, а какие – нет, использование источника, исходя из неверных представлений (например, что крестьянское хозяйство было единственным типом хозяйства в земледелии Аттики, что все сельскохозяйственные продукты, поступавшие на афинский рынок, были местного производства или что деньги аттический крестьянин мог получить только с помощью торговли). Редко кто из докладчиков задается вопросом, а что собственно означает ориентация хозяйства на рынок? Из-за этого зачастую сам факт участия крестьянина в торговле рассматривается как надежное доказательство того, что его хозяйство было ориентировано на рынок. На самом деле ориентация хозяйства

на рынок означает, что оно не могло нормально функционировать без постоянных стабильных рыночных связей и поэтому было организовано таким образом, якобы приносить хозяину максимально возможный денежный доход.

Чтобы избежать описательного подхода, докладчику в числе прочих следует обратить внимание на следующие вопросы: хорошо ли Аристофан был знаком с крестьянкой жизнью? Почему в первых двух комедиях мирная крестьянская жизнь изображается столь счастливой и беззаботной, а в последней – прямо противоположным образом? В чем отличаются взгляды Кошеленко и Андреева по вопросу о связи крестьянского хозяйства с рынком, и чем можно объяснить эти отличия? Какая из зерновых культур – ячмень или пшеница – была основной в хозяйстве крестьянина? Какое значение имело для крестьянина зерновое хозяйство по сравнению с другими отраслями земледелия? Какие отрасли земледелия были наиболее перспективны в качестве товарных в природно-климатических условиях Аттики? Почему крестьяне у Аристофана постоянно оплакивают гибель в результате военных действий виноградников и маслинников и никак не реагируют на гибель зерновых? Какие орудия для обработки земли были главными в крестьянском хозяйстве и что из этого следует? Могли ли крестьяне пополнять число своих рабов, только покупая их, или же у них были для этого и другие пути?

Тема «Хозяйство аттического крестьянина по Аристофану» является средней по степени сложности и трудоемкости. Вместе с тем способному студенту она дает хорошие возможности для самостоятельной творческой работы.

Источники

1. Аристофан. Комедии. Т. 1–2. М., 1954.
2. Аристофан. Комедии. Т. 1–2. М., 1983 (или любое другое более позднее издание).
3. Аристофан. Ахарняне. Пер., вступит, статья и прим. Адр. Пиотровского / Древнегреческая драма. Л., 1937.

Обязательная литература

1. Андреев В. Н. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. / Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983.
2. Богаевский Б. Л. Очерк земледелия Афин. Пг., 1915.

3. Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 1909. История древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986 (или любое более позднее издание).

4. Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики / Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983.

5. Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.

6. Ярхо В. Н. Аристофан. М., 1954.

Дополнительная литература

1. Андреев В. Н. Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до н. э. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Сер. III. 1958. Т. 164.

2. Андреев В. Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. // ВДИ, 1959, №2.

3. Головня В. В. Аристофан. М.; 1955.

4. Никольская Г. К. К истории крестьянства Аттики в V в. до н. э. / Труды Среднеазиатского университета. Вып. 141. Кн. 29. Ташкент, 1958.

5. Ярхо В. Н. Социальная позиция аттического крестьянства в отражении фрагментов древней комедии // ВДИ, 1954, № 2.

3.2. Доклады по истории Древнего Рима

1. *Битва при Каннах по Ливию и Полибию.*

Битва при Каннах, в которой карфагенский полководец Ганнибал сумел окружить и уничтожить численно превосходящую его силы и преисполненную высокого боевого духа римскую армию, является самым знаменитым сражением в мировой истории. Название этого итальянского городка стало нарицательным. Едва ли не каждый крупный полководец после Ганнибала мечтал о своих Каннах. Ни одну другую битву историки не изучали так тщательно и досконально, как эту. Вместе с тем до сих пор в трактовке как самого сражения, так и его предыстории у исследователей остается немало разногласий. Это в первую очередь связано с тем, что по многим важным моментам свидетельства наших двух главных источников исторических сочинений Полибия и Тита Ливия либо не совпадают, либо прямо противоречат друг другу. Современные историки до сих пор не могут решить, чья версия заслуживает предпочтения.

Задача докладчика попытаться дать свое решение этой проблемы на основе источниковедческого исследования и

сопоставления версий Полибия и Ливия. Ему следует обратить внимание на вопросы о том, кто принял принципиальное решение дать генеральное сражение армии Ганнибала? В каком состоянии была эта армия в последние месяцы перед сражением? Чья позиция во время сражения была выгоднее? Каковы были силы сторон в начале сражения и каковы их потери в конце битвы? Чем отличается стиль изложения у Ливия и Полибия, и могли ли эти отличия сказаться на характере изложения? Для более глубокого понимания самой сути различий этих версий стоило бы также разобрать взгляды Ливия и Полибия на задачи истории и на то, каким должен быть идеальный историк. По каждому из этих вопросов докладчик должен выяснить не только, какое утверждение того или иного историка является ложным, но также и почему этот историк допускает ложное утверждение. Связано ли это с характером его источников, его симпатиями и антипатиями либо с особенностями его общей концепции?

Примерный план основной части доклада:

1. Полибий и Ливий об истории и историках
2. Битва при Каннах

а) кто принял решение о генеральном сражении с Ганнибалом? б) в каком состоянии находилась армия Ганнибала перед сражением? в) чья позиция была выгоднее? г) силы и потери сторон д) стиль изложения материала у Полибия и Ливия

Один из параграфов второго раздела докладчик обычно подготавливает заблаговременно с помощью преподавателя.

Наиболее типичные ошибки, связанные с этой темой, — пересказ свидетельств источников вместо их анализа, стремление (нередко неосознанное) затушевать расхождения и противоречия версий Полибия и Ливия, чтобы избежать необходимости делать аргументированный выбор в пользу одной из них. В этом случае вместо конкретного источниковедческого исследования доклад представляет собой очередное описание битвы при Каннах, сделанное не столько по источникам, сколько по литературе. Нередко докладчик в состоянии выявить расхождения и противоречия у Ливия и Полибия, но не может доказать, чье свидетельство в том или ином случае является более достоверным. Наконец иногда доклад-

чики пытаются аргументировать свое недоверие тому или иному конкретному свидетельству, исходя из правильных, но чересчур общих глобальных аргументов, например из римского патриотизма Тита Ливия или связи Полибия с родом Эмилиев Павлов. Для объяснения любого обнаруженного несоответствия докладчик должен искать конкретные аргументы, обращая внимания на противоречие того или иного утверждения твердо установленным фактам или другим утверждениям того же самого автора, учитывая не только то, о чем сказал тот или иной историк, но и то, о чем он умолчал.

Чтобы избежать описательного подхода, докладчику в числе прочих стоит обратить внимание на следующие вопросы: какие источники при описании битвы были основными для Полибия и какие для Ливия? Был ли, исходя из критериев Полибия, Тит Ливий хорошим историком? Какой орган власти в Риме мог объявить призыв воинов в армию и определить численность призывников для той или иной военной кампании? Откуда Ливий мог взять данные о разложении армии Ганнибала (из произведений римских или карфагенских авторов)? Чем можно объяснить значительные расхождения в данных Полибия и Ливия о римских потерях при Каннах? К какому жанру художественной литературы принадлежит рассказ Ливия о битве при Каннах? Какой сценой заканчивает Ливий этот рассказ и почему?

Источники

1. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. I–II. СПб., 1994–1995. (I, 14; II, 56; III, 32; XII, 25 b–h; III, 106–107; 113–118).
2. Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. I–II. М., 1989, 1991 (I, предисловие; XXII, 38–40; 44–52).

Обязательная литература

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб., 1994.
2. Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982.
3. Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948 (или более позднее издание).
4. Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
5. Кораблев И. Ш. Ганнибал. Изд. 2-е. М., 1981.

6. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М., 1936.
7. Пирогов В. Исследование по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878.
8. Трухина Н. Н. Политика и политики золотого века Римской республики. М., 1986.
9. Тъжов А. Я. Полибий и его Всеобщая история / Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. с греч. Ф. Мищенко. Т. 1. СПб., 1994.
10. Утченко С.Л. Римская историография и римские историки / Историки Рима. М., 1982.
11. Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1894.

Дополнительная литература

1. Виллемс П. Римское государственное право. Вып. 1. М., 1888.
2. Михневич Н. История военного искусства. СПб., 1895.
3. Немировский А. И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. М., 1986.
4. Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование. М., 1885.

2. Киликийское пиратство в I в до н. э.

Суровая Киликия гористая малоплодородная область на юго-востоке Малой Азии, заселенная в античную эпоху племенами отсталых нищих горцев, прославилась в I в. до н. э. как центр самого страшного и могучего в античном мире пиратства. Киликийские пираты, в число которых входили не только киликийцы, но и представители многих других народов, свирепствовали во всем бассейне Средиземного моря. Сначала они грабили отдельные корабли, затем стали нападать на острова, прибрежные города, знаменитые храмы с их богатыми сокровищницами. Пираты захватывали множество людей, большинство из которых продавали в рабство. Начиная с конца II в. до н. э. римляне организовали несколько экспедиций против пиратов, завершавшихся чаще всего победой. Однако после каждой такой победы пиратство расцветало еще больше. В начале 60-х годов I в. до н. э. пираты стали нападать на территорию Италии. Однажды им удалось захватить нескольких высших магистратов со всей их свитой. В другой раз они сожгли и разграбили корабли прямо в Остии гавани самого Рима. Они отрезали Рим от заморских провинций. В громадном городе, лишенном поставок хлеба из плодородных областей, возникла угроза голода. В 67 г. до н. э. римляне по-

ручили борьбу с пиратами самому знаменитому из своих полководцев Помпею Великому, наделив его громадными силами и необъятными полномочиями. За три месяца Помпей разгромил пиратов. После его победы пиратство уже никогда больше не возрождалось в таких грандиозных масштабах.

Возникает вопрос, почему могущественная Римская держава три десятилетия не могла справиться с киликийским пиратством, а Помпей решил эту задачу за три месяца. В современной отечественной и западной историографии нередко отмечается, что Рим и не пытался всерьез бороться с пиратами, поскольку пиратская работоторговля была основным источником рабства, без которого не могла нормально функционировать рабовладельческая экономика Италии. Однако найти сколько-нибудь убедительные аргументы в пользу этой точки зрения пока еще не удалось. Кроме того, известно, что рабовладельческая экономика Италии продолжала развиваться и после разгрома киликийского пиратства Помпеем.

Задача докладчика попытаться найти ответ на этот вопрос на основании данных Страбона, Алпиана, Плутарха и Аннея Флора. Для решения этой задачи ему необходимо разобраться с вопросом о причинах появления киликийского пиратства и распространении сферы его деятельности на все Средиземноморье, с вопросом о социальном составе и организации пиратов, с проблемой наличия или отсутствия у пиратов своей государственности, с вопросом о роли пиратской работоторговли для экономики Италии и, наконец, с вопросом о борьбе Рима с пиратами. Докладчик, прежде чем приступить к поиску ответов на эти вопросы, должен уяснить себе некоторые теоретические понятия: например, по каким внешним признакам можно судить об отсутствии или наличии государственности или чем отличаются основные источники рабства от всех прочих?

Примерный план основной части доклада:

- 1. Причины возникновения и распространения киликийского пиратства.**
- 2. Социальный состав пиратов.**
- 3. Организация пиратов. Проблема пиратской государственности.**

4. Пиратство как источник рабства.

5. Борьба Рима с пиратами.

Второй раздел докладчик обычно подготавливает заблаговременно с помощью преподавателя.

Наиболее типичная ошибка изложение материала в описательном ключе, подмена анализа и обобщения данных источника их пересказом. Так, например, докладчик пересказывает сообщения античных авторов о причинах возникновения киликийского пиратства, не пытаясь выяснить, какие из этих свидетельств заслуживают доверия, какие причины можно считать главными, а какие второстепенными. Констатируя, что социальный состав пиратов был чрезвычайно пестрым, докладчик зачастую на этом и останавливается, не пытаясь выяснить, какие элементы играли доминирующую роль, являлось ли пиратство киликийским на самом деле или только по названию. Рассказ об организации пиратов нередко завершают справедливым утверждением о существовании могучего союза пиратов. При этом главный вопрос был ли это союз разбойничьих шаяк или государственных образований остается нераскрытым. Иногда студенты, считающие, по всей видимости, что преподаватели не читают их докладов, прибегают к прямому плагиату, излагая четвертый раздел по Ленцману, а пятый по Моммзену. Разумеется, этим они не облегчают, а лишь усложняют свою многотрудную жизнь. Очень часто, пытаясь объяснить, почему Помпей уничтожил киликийское пиратство, докладчики неосознанно прибегают к подмене одного вопроса другим, рассказывая о том, почему Помпей победил пиратов. Однако при том громадном перевесе сил, которым он обладал, потерпеть поражение в борьбе с пиратами было чрезвычайно сложно. Поэтому подлинная проблема заключается не в том, почему ему удалось победить пиратов, а в том, почему ему удалось искоренить пиратство (если и не полностью, то по крайней мере в тех масштабах, в которых оно существовало раньше). При ответе на вопрос о причинах исчезновения киликийского пиратства, конечно же, нельзя забывать о причинах его появления и распространения.

В качестве полезного приложения к докладу авторы иногда подготавливают картосхему Средиземноморья с указанием основных центров пиратства и ареалов их активной деятельности в разные годы.

Тема Киликийское пиратство в I в. до н. э. обычно пользуется большой популярностью. Она не является чересчур сложной и трудоемкой и вместе с тем дает хорошую возможность подготовить интересную самостоятельную работу.

Источники

1. Страбон. География в 17 книгах. Пер. и комм. Г. А. Стратановского. Л., 1964 (или более позднее издание). Кн. XIV.
2. Аппиан. Митридатовы войны / Аппиан. Римские войны. СПб, 1994 (или ВДИ, 1946, 4).
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1–3. М., 1961–64 (или любое другое позднее полное издание Биографий Плутарха). Биографии Помпея, Сертория и Лукулла.
4. Л. Анней Флор. Эпитомы римской истории. / Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Л. А. Флор. Воронеж, 1977.

Обязательная литература

1. История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1993 (или более позднее издание).
2. Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982.
3. Ковалев С. И. История Рима. М., 1948 (или более позднее издание).
4. Ленцман Я. А. К вопросу об источниках эллинистического пиратства // ВДИ, 1946, 4.
5. Ленцман Я. А. Рынок рабов на Делосе // ВДИ, 1950, 1.
6. Моммзен Т. История Рима. Т. 3. М., 1941 (или более позднее издание).
7. Трофимова М. К. Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э. (к изучению источников форм зависимости в эллинистический период) / Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969.
8. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

Дополнительная литература

1. Абрамзон М. Г. Рим и Киликия во II в. до н. э. 74 г. н. э.: завоевание и романизация / Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000.
2. Грацианская Л. И. География Страбона как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1982.
3. Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н. э. М., 1960.
4. Мароти Э. Пиратство около Сицилии во время пропреторства Верреса / Acta Antiqua Academiae scientiarum. Т. 4, fasc. 1–4. Budapest, 1956.

5. Хаджилаки Э. Критское эллинистическое пиратство // ВДИ, 1992.

6. Юрьева В. В. Римский закон о преследовании морского пиратства / Проблемы всеобщей истории (Сборник научных работ аспирантов Исторического факультета МГУ). М., 1974.

4. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО КУРСОВЫМ РАБОТАМ

Студенту, работающему над курсовой работой, необходимо иметь в виду, что его главная задача заключается в выработке нового знания, которое невозможно найти в готовом виде ни в источниках, ни тем более в научной литературе. Для решения этой задачи, кроме добросовестности, трудолюбия и интереса к избранной специальности, требуются также достаточно высокий уровень общего развития, организованность, собранность, владение хотя бы элементарными профессиональными навыками и определенный склад способностей.

Принципы отбора тем.

Для удачной работы необходима конкретная проблема, решение которой не является слишком сложным и трудоемким и связано с анализом компактных повествовательных источников, изданных в приличном переводе, снабженном добротными комментариями и указателями. Эта проблема должна относиться к периоду, неплохо изученному в отечественной историографии, и вместе с тем быть обойденной вниманием отечественных исследователей, поскольку в большинстве своем первокурсники, не имеющие опыта и навыков самостоятельной творческой работы, осознанно или неосознанно стремятся найти готовое решение поставленной перед ними задачи в доступной им литературе, и все, что есть по их тематике даже в самых слабых работах, они предпочитают не критиковать, а заимствовать. В силу этого тема курсовой не должна совпадать с темой того произведения античного автора, которое является основным источником, чтобы докладчик не мог подменить критический анализ источника пересказом его содержания. Так, например тема «Восстание ионийских греков против Персии

по Геродоту», не подходит для доклада I курса, а тема «Спартанские цари по Геродоту» подходит идеально.

Итак, проблема должна быть избрана и сформулирована таким образом, чтобы исключить возможность описательного подхода. Студента следует поставить в ситуацию выбора одного варианта решения из нескольких возможных, причем даже правильный выбор в этой ситуации может быть признан лишь в том случае, если он сделан самостоятельно и аргументирован в соответствии с требованиями, принятыми в науке.

Лучше всего подходят темы по истории древней Греции и древнего Рима, которые связаны с конкретными проблемами социально-политической и социально-экономической истории, допускающими более или менее однозначное решение. Темы по истории религии, идеологии, ментальности вызывают, как правило, более живой интерес, но научить кого-либо азбуке исследования при работе над этими темами – дело чрезвычайно трудное, если не безнадежное. Для работы на I курсе, удобнее всего традиционные источники – сочинения античных историков, биографов и ораторов; менее удобны труды философов и юристов, нередко требующие от исследователя особой подготовки, и совсем не годятся наиболее популярные у современных историков эпиграфические, папирологические, нумизматические и археологические источники, которые вообще не могут быть освоены без сложных специальных знаний и навыков.

Для курсовых работ не подходят не только сложные категории источников, но и сложные, то есть слабоизученные «темные» периоды античной истории, такие, например, как Крито-микенский или Гомеровский в истории древней Греции, либо же – Царский или период Ранней республики в истории древнего Рима.

Оформление курсовой по истории античности.

Курсовые работы сдают преподавателю набранными на компьютере. Печатать как основной текст, так и постраничные примечания необходимо либо 13, либо 14 кеглем с расстоянием между строчками не менее, чем в полтора интервала. Некоторые студенты печатают текст примечаний очень малым кеглем, не оставляя интервалов между строчками. Такой текст преподаватель может вернуть докладчику, не чи-

тая. Страницы должны быть пронумерованы, начиная со следующей после титульного листа, которая идет под №2.

Конкретное исследование по истории античности, как и любая другая научная работа, немыслимо без научного аппарата, то есть без грамотной системы ссылок на источники и научную литературу. В науке ничто не принимается на веру, поэтому любое сообщение исследователя должно быть основано на свидетельствах источников или данных, почерпнутых из научной литературы, и сопровождаться грамотно оформленными сносками, позволяющими читателю легко проверить точность и корректность этих утверждений.

Сноски на источники у антиковедов оформляются особым образом не так, как у историков других специальностей. Поскольку почти все античные авторы издаются и в оригинале, и в научном переводе в соответствии с единым стереотипом, в сносках на их сочинения не указываются ни издания с их выходными данными, ни страницы. Вместо этого в прозаическом тексте, кроме имени автора и названия его сочинения (и то и другое приводятся в сокращении), указывают номер книги, главы и параграфа, а в поэтическом тексте указывают номер песни и стиха, если же это отдельное небольшое произведение, то только стиха. Например, ссылка на Афинскую политику Аристотеля оформляется так: (Аристот. А. п. 3.5). В этом случае первая цифра обозначает главу, а второй параграф этой главы, поскольку такое небольшое сочинение, как Афинская политика, не имеет деления на книги. Ссылка на Илиаду будет выглядеть так: (Гом. Ил. 4. 18–25), что означает песнь четвертая, стихи с 18 по 25. Если ссылаются на античного автора, от которого дошло только одно сочинение, то его название обычно не указывают, например, (Г. 6.12; Ф. 2.18.4) означает – Геродот, История, книга шестая, глава 12; Фукидид, История, книга вторая, глава 18, параграф четвертый. В том случае, когда доклад пишут только по одному источнику, например, по Геродоту, при ссылке достаточно указать номер книги и главы (а также параграфа, если они имеются), к примеру, (б. 12). В докладе по комедиям Аристофана надо указывать в ссылке сокращенное название произведения и номер стиха, например, (Ах. 37–43; М. 572). Это означает: комедия Ахарняне, стихи с 37 по 43; комедия Мир (Тишина), стих

572. Если ссылаются на сочинение, автор которого точно не установлен, то дается только название этого произведения в сокращении, например, (Д. А. 7.4 – 6), что означает – Деяния Апостолов, глава седьмая, стихи с четвертого по шестой. Сноски, оформленные таким образом, позволяют читателю легко найти указанное место по любому изданию.

Сноски на источник даются, как правило, в круглых скобках в самом тексте (а не в постраничных примечаниях) сразу же после цитирования или краткого изложения содержания свидетельства или нескольких однородных свидетельств источника. Прибегать к цитированию следует лишь тогда, когда текст сноски допускает разные варианты интерпретации и требует, поэтому особого разбора. В остальных случаях довольно кратко изложения содержания, что позволяет избежать чрезмерного расширения объема работы. Вместе с тем нельзя допускать, так называемых слепых сносок, когда автор делает какое-либо заключение или вывод, не упоминая, о чем конкретно говорится в том месте, на которое он ссылается. Читателю в этом случае приходится либо проверять каждую такую сноску по тексту источника, либо верить автору на слово, что в науке не принято. Начинаящий автор невольно может приписать своему источнику то, о чем там на самом деле не говорится, совершив тем самым наиболее страшный для исследователя грех, и введя в заблуждение читателя. Так, например, в работе по Самосу он может указать, что, судя по упоминаниям Геродота, строительное ремесло на Самосе было высоко развито и дать «слепую» сноску на те места в источнике, где речь идет о находившихся на острове грандиозных сооружениях. Однако, если читатель проверит эту сноску, он не найдет там упоминаний о постройке этих сооружений самосскими мастерами.

Сноски на научную литературу в работах по истории античности оформляются в постраничных примечаниях по тому же самому принципу, что и в трудах по другим разделам истории. Когда на какую-либо работу ссылаются в первый раз, то приводится полный вариант сноски: фамилия и инициалы автора, название работы, ее выходные данные (то есть место и год издания) и номер страницы, при последующих сносках на ту же работу дается сокращенный вариант: фами-

лия автора, указ. соч. (то есть «указанное сочинение») и номер страницы, либо в том случае, если в докладе есть сноски на несколько работ этого автора, дается другой вариант сокращения: фамилия автора, краткое название произведения и номер страницы. Если сноска дается на статью в научном журнале, например в Вестнике древней истории, то приводятся фамилия и инициалы автора, название статьи, сокращенное название журнала, год издания, номер выпуска и страницы. При ссылке на сборник статей или коллективную монографию указываются фамилия и инициалы автора, название статьи или главы, полное название сборника или коллективной монографии, фамилия и инициалы редактора, номер тома, его выходные данные и номер страницы. При следующих ссылках на те же самые работы дается сокращенный вариант сноски: фамилия автора, краткое название работы и номер страницы.

При ссылках на коллективные монографии или учебники, написанные коллективом авторов, докладчик нередко путает автора с редактором, приписывая последнему разделы, написанные другими. Разумеется, это совершенно недопустимо. Встречаются случаи, когда студент (намеренно или случайно) забывает дать сноску на научную работу, которую он использует в своем докладе, приписывая тем самым себе авторство чужих мыслей. Такая практика именуется «плагиат», то есть литературное воровство, и как любое воровство сурово карается. Иногда студенты забывают указать выходные данные или номера страниц, либо неграмотно оформляют сноску, в этом случае доклад возвращается на доработку. Пока не исправлены даже мелкие небрежности в оформлении научного аппарата, доклад, как правило, не зачитывают.

Структура и содержание работы

Курсовая работа начинается с титульного листа и заканчивается Библиографией. Титульный лист надо оформлять не просто грамотно и аккуратно, но и как можно более красиво, чтобы текст было приятно взять в руки. В верхней части титульного листа должно стоять название ВУЗа, в котором написан доклад. Строкою ниже следует написать название факультета. Внизу стоят выходные данные, то есть место и год подготовки работы. В центре крупными буквами, особым

шрифтом дается полное название доклада. Правее и ниже более мелким кеглем и другим шрифтом должно быть указано «Курсовая работа студента такого-то (фамилия и инициалы), группы такой-то (номер группы)». Строкою ниже: «Руководитель такой-то (фамилия и инициалы)»

Библиография состоит из двух разделов: «Источники» и «Литература». В разделе «Источники» приводится в алфавитном порядке список изданий источников, которые были использованы в докладе. В разделе «Литература» так же в алфавитном порядке приводится список научной литературы, использованной в докладе. Работа считается использованной, если в тексте имеется хотя бы одна сноска на нее. Не следует помещать в разделе «Литература» все работы, с которыми познакомился автор в ходе подготовки доклада, независимо от того пригодились они ему или нет. Иногда студент дает в Библиографии единый список источников и научной литературы вперемешку. Следует иметь в виду, что это является грубейшей ошибкой.

Следующая за титульным листом страница отводится под «План», состоящий из трех главных разделов, которые принято обозначать римскими цифрами: I. Введение. II. Основная часть и III. Заключение. Первый раздел, который в самом плане остается без названия, делится на три пункта, которые обозначают арабскими цифрами: 1. Введение, 2. Характеристика источника и 3. Характеристика использованной литературы (или Историография). Основная часть имеет то же самое название, что и курсовая и так же делится на пункты, а те в случае необходимости – на подпункты, которые обозначаются буквами. Наконец, третья часть стоит в плане под своим названием. Напротив каждого раздела, пункта и подпункта должен быть указан номер страницы, с которой тот начинается. Посмотрев на правильно оформленный план, можно сразу узнать, удачна ли структура доклада. Считается, что Основная часть по объему должна занимать не менее двух третей всего текста.

План

I. Введение

1. Характеристика источника

2. Характеристика использованной литературы

II. Спартанские цари по Геродоту

1. Имущественное положение царей

2. Царская родня

а) состав царской родни

б) особые привилегии и имущественное положение

в) взаимоотношения между царями и их родней

3. Участие царей в государственной жизни

а) внешнеполитические и военные функции царей

б) судебные и административные функции царей

в) взаимоотношения царей с другими органами власти

г) взаимоотношения царей друг с другом

Заключение

Библиография

Характеристика основных разделов работы

Во введении необходимо, прежде всего, кратко и четко сформулировать главную проблему работы, дать ее обоснование, то есть указать, для чего необходимо ее решить, а, кроме того, наметить те конкретные вопросы, на которые следует ответить, чтобы решить главную проблему. Эти вопросы представляют собой пункты Основной части. Таким образом, во введении обосновывается не только главная проблема курсовой, но и ее структура. Судьба всей работы во многом зависит от того, насколько четко, ясно, грамотно сформулирована главная проблема. В этой формулировке не должно быть ничего двусмысленного, недоговоренного, представляющего возможность разных толкований, так чтобы, ознакомившись с ней, читатель мог без всякого труда уяснить, какова именно главная задача автора, и из каких возможных вариантов ее решения тот должен сделать выбор. Читателю необходимо также объяснить, почему правильный ответ на главный вопрос работы складывается из правильных ответов на те конкретные вопросы, которые намечены во введении. Если во введении к курсовой работе Спартанские цари по Геродоту указывается, что главной проблемой работы является проблема царской власти в Ликурговой Спарте или, что главная задача автора заключается в том, чтобы дать описание института царской власти в Спарте, то от этого, скорее всего ничего хорошего ждать не приходится. Вместо конкретного исследования почти наверняка получится более или менее удачная компиляция. И, наоборот, если во Введении

будет сказано, что главная проблема заключается в том, чтобы выяснить, обладали ли спартанские цари в силу своего положения в обществе и государстве реальной властью и влиянием или не имели ничего, кроме почета и пустой видимости власти, то в этом случае доклад, по всей вероятности, будет представлять собой самостоятельное исследование. Введение не следует также перегружать, как это нередко делают начинающие авторы, ненужной информацией, которую можно найти в любом учебнике, например рассказом о Спарте и ее органах власти. Все лишнее в работе идет ей только во вред. Введение объемом более полутора-двух страниц, скорее всего, является неудачным.

В характеристике источников студент чаще всего приводит общие сведения о сочинении, с которым он работает и об его авторе, рассказывая, например, кто такой был Геродот, и чему посвящена его «История». Но такая характеристика никак не обеспечивает условия для исследования конкретной проблемы. Разумеется, «Историю» Геродота, так же как и любое другое античное сочинение надо охарактеризовать как источник по конкретной теме исследования. Необходимо указать, в какой мере и в какой связи вопросы, рассматриваемые в докладе, привлекали внимание античного писателя, каковы были его собственные источники информации по этим вопросам, и как он с ними работал, какими критериями он руководствовался при отборе фактов, то есть, стремился ли он выявить и передать самые типичные случаи или, наоборот, предпочитал писать о вещах и событиях, из ряда вон выходящих, как он сам относился в силу своих политических и религиозных взглядов, личных симпатий и антипатий к тому, о чем он пишет. Разумеется, все, о чем говорится в этом пункте, должно основываться на критическом анализе самого источника. В итоге, автор сможет сделать обоснованный вывод о достоинствах и недостатках охарактеризованного им сочинения как источника по его теме. Такая характеристика источника безусловно окажется полезной в дальнейшей работе над докладом.

В характеристике использованной литературы студент-первокурсник нередко делает ту же самую ошибку, что и в характеристике источников: он в лучшем случае дает самую об-

щую характеристику прочитанным им работам, а в худшем — их аннотированный перечень. На самом деле он должен охарактеризовать использованные им труды с точки зрения своей темы, для того чтобы обосновать необходимость дальнейшей работы в этой области. Ему надо показать, что проблема его работы до сих пор не привлекала внимания, отечественных ученых или еще не получила достаточно убедительного общепризнанного решения. Если в использованной им литературе уже имеются работы по его тематике, он, прежде всего, должен обратить внимание на их дефекты, не позволяющие согласиться с их выводами, либо — отметить, что выводы их авторов противоречат друг другу, и поэтому необходимо дальнейшее исследование. Разумеется, критика предшественников должна быть логичной, хорошо аргументированной и корректной. Студент вправе давать характеристику только тем работам, которые он сам прочитал, а не тем, содержание которых известно ему из вторых рук. Характеризуя использованные труды, студенты чаще всего забывают давать на них постраничные сноски, что, конечно же, недопустимо.

Основная часть представляет собой конкретное исследование главной проблемы работы путем изучения ее отдельных аспектов. Работая над каждым пунктом и подпунктом, автор прежде всего должен уяснить себе самому, какую проблему он должен решить в каждом отдельном случае, и как эта проблема помогает решить главную проблему доклада. Нельзя забывать, что отдельный, пункт доклада интересен не столько сам по себе, сколько как часть единого целого. Недостаток, наиболее характерный для докладов I курса — это опора автора не на всю совокупность прямых и косвенных свидетельств источников, а только на отдельные наиболее заметные и очевидные. Но, как известно, отдельными вырванными из контекста примерами можно доказать все, что угодно, поэтому даже, если в результате такой работы автор приходит к правильным выводам, они не имеют научной ценности. Автор должен уметь находить не только прямые, но и косвенные свидетельства источника, критически анализировать их и оценивать с учетом контекста. Для успешной работы необходимо не только владеть всеми профессиональными навыками, но и материалом своего источника или ис-

точников. Начинающие исследователи не всегда удачно работают с косвенными свидетельствами. Некоторые из них чересчур увлекаются гипотезами и предположениями, выстраивая целые цепочки из них на очень узком основании или вообще исходя из общих логических умозаключений. Необходимо иметь в виду, что люди в античном мире отнюдь не всегда руководствовались привычной нам логикой, и что научной гипотезой именуется лишь такое предположение, которое основывается на свидетельствах источников, в противном случае оно называется домыслом. Когда студент, исходя из упоминаний Геродота о большом могучем флоте самосского тирана Поликрата, делает предположение о наличии кораблестроения на Самосе, а исходя из этого предполагает, что там были развиты также ткачество, металлообработка и все прочие виды ремесел, необходимые для постройки кораблей, он вместо дома на солидном фундаменте строит замок на песке. Ведь ничто не мешает допустить, что самосцы покупали корабли за границей, а не строили у себя дома. Это предположение будет выглядеть совсем иначе, если докладчику удастся найти хотя бы косвенные свидетельства о постройке кораблей на Самосе.

Некоторые студенты, не сумев найти в источнике ответы на интересующие их вопросы, обращаются вместо источника к научной литературе, причем нередко положения, заимствованные из чужих исследований становятся основой работы, а отдельные свидетельства источников используются иллюстративно для подтверждения готовых положений, заимствованных из литературы. В этом случае работа из самостоятельного исследования превращается в компиляцию, а иногда и в плагиат. Начинающему автору необходимо иметь в виду, что создать новое знание можно только, основываясь на критическом анализе источника, что все аргументы в конкретном исследовании основываются только на материале источника, а научная литература в лучшем случае помогает сориентироваться в контексте и точнее понять то, о чем идет речь в источнике. Она ни в коем случае не может служить заменой источника. Иногда студенты, не справившись с анализом своего источника, по собственной инициативе без ведома преподавателя привлекают на подмогу другие источники.

вернее те их свидетельства, которые попадают им в научной литературе. Фактически это является одним из вариантов уже охарактеризованной выше ситуации.

Заключение должно содержать четкий и ясный ответ на тот главный вопрос, который сформулирован во Введении, причем этот ответ должен напрямую вытекать из конкретных выводов по каждому пункту Основной части. Нередко студенты, забыв о сути этого раздела, начинают строить в нем глобальные выводы и развивать идеи, очень слабо связанные с основной задачей доклада. Это является грубой ошибкой. Заключение должно быть максимально конкретным и компактным. (По А. Л. Смышляеву)

III. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВИДАМ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИЯМ

1.1. История Древней Греции

Лекция 1. Введение в историю древней Греции

Вопросы:

1. Природа и население Древней Греции.
2. Периодизация истории Древней Греции.
3. Источники по истории Древней Греции.
4. Историография истории Древней Греции.

Литература

1. Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Введение.
2. История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2005. Введение.

История Древней Греции является одной из составных частей истории древнего мира, изучающей состояние классовых обществ и государств, которые возникли и развивались в странах Древнего Востока и Средиземноморья. История Древней Греции изучает возникновение, расцвет и падение общественных и государственных структур, которые образовались на территории Балканского полуострова и в Эгейском регионе, в Южной Италии, на о. Сицилия и в Причерноморье. Она начинается с рубежа III–II тысячелетий до н. э. – с возникновения первых государственных образований на острове Крит, а заканчивается во II–I вв. до н. э., когда греческие и эллинистические государства Восточного Средиземноморья были захвачены Римом и включены в состав Римской средиземноморской державы.

За двухтысячелетний период истории древние греки создали рациональную экономическую систему, основанную на экономном использовании трудовых и природных ресурсов, гражданскую общественную структуру, полисную организацию с республиканским устройством, высокую культуру, оказавшую огромное воздействие на развитие римской и ми-

ровой культуры. Эти достижения древнегреческой цивилизации обогатили мировой исторический процесс, послужили фундаментом для последующего развития народов Средиземноморья в эпоху римского господства.

1. Природа и население Древней Греции.

Географические рамки древнегреческой истории не были постоянными, а менялись и расширялись по мере исторического развития. Основной территорией древнегреческой цивилизации был Эгейский регион, т. е. балканское, малоазийское, фракийское побережья и многочисленные острова Эгейского моря. С VIII–VI вв. до н. э., после мощного колониационного движения из района Эгеиды, известного как Великая греческая колонизация, греки освоили территории Сицилии и Южной Италии, которые получили название Великой Греции, а также побережье Черного моря. После победоносных походов Александра Македонского в конце IV в. до н. э. и завоевания Персидской державы на ее развалинах на Ближнем и Среднем Востоке вплоть до Индии образовались эллинистические государства и эти территории стали частью древнегреческого мира. В эпоху эллинизма греческий мир охватывал громадную территорию от Сицилии на западе до Индии на востоке, от Северного Причерноморья на севере до первых порогов Нила на юге. Однако во все периоды древнегреческой истории ее центральной частью считался Эгейский регион, где греческая государственность и культура зародились и достигли своего расцвета.

В отличие от многих стран Древнего Востока, для которых характерна этническая пестрота, сосуществование в рамках одних и тех же государств многих народов, племен, этнических групп, принадлежащих к разным языковым семьям и даже расам, для центрального региона Греции, т. е. Эгейского бассейна и южной части Балканского полуострова, характерным является определенная этническая однородность. Эти области были заселены в основном греческой народностью, представленной четырьмя племенными группами: ахейцы, дорийцы, ионийцы и эолийцы. Каждая из этих племенных групп говорила на своем диалекте и имела некоторые особенности в обычаях и религиозных воззрениях, но эти различия были не-

значительны. Все реки говорили на одном языке, хорошо понимали друг друга и четко осознавали свою принадлежность к одной народности и одной цивилизации. Наиболее древней племенной группой были ахейцы, которые пришли в южную часть Балканской Греции в конце III тысячелетия до н. э. В конце II тысячелетия до н. э. под напором дорийских племен, шедших из района современного Эпира и Македонии, ахейцы были частично ассимилированы, частично оттеснены в горные местности. В I тысячелетии до н. э. потомки древних ахейцев проживали в горах Аркадии, в малоазийской области Памфилии и на Кипре. Дорийцы же заселили основную часть Пелопоннеса (Лаконику, Мессению, Арголиду, Элиду), многие южные острова Эгейского моря, в частности Крит и Родос, некоторые территории Карий в Малой Азии. Близки дорийцам были жители Эпира, Этолии и других областей Западной Греции. В Македонии проживали македонцы, принадлежавшие к особой ветви греческой народности.

Третья племенная группа, говорившая на аттическо-ионийском диалекте, поселилась в Аттике, Эвбее, островах центральной части Эгейского моря, таких, как Самос, Хиос, Лемнос, и в области Ионии на малоазийском побережье. Племенная группа Эолийцев проживала в Беотии, Фессалии и в области Эолида на малоазийском побережье к северу от Ионии, в том числе на острове Лесбос.

Кроме греков в Эгейском регионе проживали остатки местных догреческих племен: лелеги, пеласги, карийцы, которые не играли заметной роли в этногенезе населения Греции I тысячелетия до н. э. Более важное значение в судьбах греческих государств имели жители горной страны Фракии — фракийцы.

Своеобразны природные условия Балканской Греции. В целом это горная страна, на долины и равнины приходится лишь около 20 % всей территории. Многочисленные горные кряжи делят Балканскую Грецию на множество мелких и мельчайших, изолированных друг от друга долин, располагающих к замкнутой обособленной жизни. Многие такие долины имели выход к морю и по морским путям могли поддерживать связь не только с соседними полисами, но и с далекими странами. Море играло огромную роль в жизни и историческом развитии древнегреческих государств. Береговая

линия эгейского побережья необычайно изрезана и изобилует многочисленными бухтами и гаванями, удобными для мореплавания.

Почвы Греции каменисты, среднеплодородны и трудны для возделывания. Однако обилие солнца и мягкий субтропический климат делали их благоприятными для выращивания виноградной лозы и оливковых деревьев. Были и простые долины (в Беотии, Лаконике, Фессалии), пригодные для земледелия.

2. Периодизация истории Древней Греции.

Историю Древней Греции можно разделить на три больших этапа: 1) раннеклассовые общества и первые государственные образования II тысячелетия до н. э. (история Крита и Ахейской Греции); 2) формирование и расцвет полисов как независимых городов-государств, создание высокой культуры (в XI–IV вв. до н. э.); 3) завоевание греками Персидской державы, образование эллинистических обществ и государств.

Для первого этапа древнегреческой истории характерно зарождение и существование раннеклассовых обществ и первых государств на Крите и в южной части Балканской Греции (преимущественно в Пелопоннесе). Эти ранние государственные образования имели в своей структуре много пережитков родоплеменного строя, установили тесные контакты с древневосточными государствами Восточного Средиземноморья и развивались по пути, близкому тому, которым шли многие древневосточные государства (государства монархического типа с разветвленным государственным аппаратом, громоздкими дворцовыми и храмовыми хозяйствами, сильной общиной). В первых государствах, возникших в Греции, была велика роль местного, догреческого, населения. На Крите, где классовое общество и государство сложились раньше, чем в материковой Греции, критское (негреческое) население было основным. В Балканской Греции господствующее место занимали греки-ахейцы, пришедшие в конце III тысячелетия до н. э. с севера, возможно, из района Дуная, но и здесь роль местного элемента была велика. Крито-ахейский этап подразделяется на три периода в зависимости от степени общественного развития, причем эти периоды различны для истории Крита и материковой Греции. Для ис-

тории Крита они называются минойскими (по имени правившего на Крите царя Миноса), а для материковой Греции — элладскими (от названия Греции Эллада). Хронология минойских периодов следующая:

1. Раннеминойский (XXX—XXIII вв. до н. э.) — господство доклассовых родовых отношений.

2. Среднеминойский период, или период старых дворцов (XXII—XVIII вв. до н. э.), — образование государственной структуры, возникновение различных социальных групп, письменности.

3. Позднеминойский период, или период новых дворцов (XVII—XII вв. до н. э.), — объединение Крита и создание критской морской державы, расцвет критской государственности, культуры, завоевание Крита ахейцами и упадок Крита. Хронология элладских периодов материковой (ахейской) Греции:

1. Раннеэлладский период (XXX—XXI вв. до н. э.) — господство первобытных отношений, догреческое население.

2. Среднеэлладский период (XX—XVI I вв. до н. э.) — расселение греков-ахейцев в южной части Балканской Греции, в конце периода разложение родоплеменных отношений.

3. Позднеэлладский, или микенский (XVI—XII вв. до н. э.), — возникновение раннеклассового общества и государства, появление письменности, расцвет микенской цивилизации и ее упадок. На рубеже II—I тысячелетий до н. э. в Балканской Греции происходят серьезные социально-экономические, политические и этнические перемены. С XII в. до н. э. начинается проникновение с севера греческих племен дорийцев, живущих в условиях родоплеменного строя. Хиреют и гибнут ахейские государства, упрощается социальная структура, забывается письменность. На территории Греции (включая Крит) вновь устанавливаются первобытно-родовые отношения, происходит понижение социально-экономического и политического уровня общественного развития. Таким образом, новый этап древнегреческой истории — полисный — начинается с разложения родоплеменных отношений, установившихся в Греции после гибели ахейских государств и проникновения дорийцев.

Полисный этап истории Древней Греции в зависимости от степени социально-экономического, политического и культурного развития делится на три периода:

1. Гомеровский период, или темные века, или предполисный период (XI–IX вв. до н. э.), – родоплеменные отношения в Греции.

2. Архаический период (VIII–VI вв. до н. э.) – формирование полисного общества и государства. Расселение греков по берегам Средиземного и Черного морей (Великая греческая колонизация).

3. Классический период греческой истории (V–IV вв. до н. э.) – расцвет древнегреческой цивилизации, рациональной экономики, полисного строя, греческой культуры. Греческий полис как суверенное мелкое государство со своей специфической социально-экономической и политической структурой, обеспечивший быстрое развитие производства, формирование гражданского общества, республиканских политических форм и замечательной культуры, исчерпал свои потенциальные возможности и в середине IV в. до н. э. вступил в полосу затяжного кризиса. Серьезный кризис переживала в IV в. и Персидская держава, объединявшая большую часть древневосточного мира. Преодоление кризиса греческого полиса, с одной стороны, и древневосточного общества – с другой, стало возможным лишь с помощью создания новых социальных структур и государственных образований, которые бы сочетали в себе начала греческого полисного строя и древневосточного общества. Такими обществами и государствами стали так называемые эллинистические общества и государства, возникшие в конце IV в. до н. э., после распада «мировой» империи Александра Македонского.

Объединение процессов исторического развития Древней Греции и Древнего Востока, ранее развивавшихся в известной изоляции, образование новых эллинистических обществ и государств, представлявших собой большее или меньшее сочетание и взаимодействие греческих и восточных начал в области экономики, социальных отношений, политических учреждений и культуре, открыли новый этап древнегреческой (и древневосточной) истории, глубоко отличный от предшествующего, собственно полисного этапа ее истории.

Эллинистический этап древнегреческой (и древневосточной) истории тоже делится на три периода: 1) Восточные походы Александра Македонского и образование системы эл-

линистических государств (30-е годы IV в, до н. э. — 80-е годы III в. до н. э.); 2) функционирование эллинистических обществ и государств (80-е годы III в. до н. э. — середина II в. до н. э.); 3) кризис эллинистической системы и завоевание эллинистических государств Римом на Западе и Парфией на Востоке (середина II в. — I в. до н. э.). Захват римлянами в 30 г. до н. э. последнего эллинистического государства — Египетского царства, управляемого династией Птолемеев, — означал конец не только эллинистического этапа древнегреческой истории, но и конец длительного развития древнегреческой цивилизации, которое составляет содержание курса «История Древней Греции».

3. Источники по истории Древней Греции

В распоряжении современных исследователей имеются многочисленные источники самых разных категорий. Это, прежде всего. письменные материалы (исторические труды, произведения художественной и научной литературы, публицистика, речи ораторов, юридические документы, письма, деловые документы и мн. др.), памятники материальной культуры, в основном добываемые при археологических раскопках (руины городов, остатки крепостных сооружений, общественных зданий, жилых домов, гробниц, храмов, орудия труда, оружие, предметы повседневного обихода и т. п.), материал этнографических наблюдений (изучение древних обычаев, учреждений, обрядов), большое количество разнообразных надписей, монеты. Сведения о далеком прошлом можно почерпнуть с помощью анализа структуры словарного запаса древнегреческого языка и преданий устного народного творчества (записанных фольклорных материалов).

Источники по истории Крита и Ахейской Греции II тысячелетия до н. э. Немногочисленные источники этого времени подразделяются на три основные категории: письменные памятники, написанные слоговым письмом Б, данные археологических раскопок городов и поселений и сведения по истории II тысячелетия до н. э., сохранившиеся в произведениях греческих авторов более позднего времени.

Таблички, написанные письмом Б, были найдены при раскопках на Крите А. Эвансом в 1901 г., однако лишь в 1953 г. английский ученый М. Вентрис расшифровал непонятный

язык надписей. В настоящее время известно несколько тысяч табличек, написанных письмом Б. Они найдены в развалинах Кносса на Крите, при раскопках городов Пилоса, Микен, в Фивах, Тиринфе, но более всего (свыше 90% всех текстов) обнаружено в архивах Кносса и Пилоса. Подавляющее большинство табличек датируется XIV–XII вв. до н. э. Надписи очень кратки и представляют собой главным образом документы хозяйственной отчетности. В них содержатся сведения о сдаче земли в аренду, о количестве голов скота, о выдаче продовольствия работникам и обслуживающему персоналу; нередко это списки рабов и рабынь, занятых в тех или иных службах дворца, списки ремесленников и перечень сырьевых материалов при них; списки подлежащих мобилизации воинов и матросов, а также описи конфискованного имущества. Таблички дают информацию о функционировании дворцового хозяйства, о взаимоотношениях между дворцом и низшими административными единицами, об управлении государством в целом, что позволяет представить основные черты управления и экономики ахейских царств второй половины II тысячелетия до н. э. Кроме табличек, найденных в дворцовых архивах, сохранились надписи, состоящие из сокращений отдельных слов, наносившиеся краской или процарапанные на стенках глиняных сосудов, отдельные буквы на печатях, ставившихся на глиняных пробках и бирках.

Археологические раскопки дают самые разнообразные сведения о материальной культуре. Наиболее важные находки были обнаружены при раскопках обширных дворцовых комплексов: в Кноссе и Фесте на о. Крит, в Микенах и Пилосе в Пелопоннесе. Многочисленные помещения, сложная планировка дворцов, включающая роскошные апартаменты, приемные залы, храмовые комнаты, ремесленные мастерские, хозяйственные кладовые, огромное количество различных предметов повседневного быта и разнообразное оружие дают представление о насыщенной и напряженной жизни этих центров крупнейших монархий II тысячелетия до н. э. Большой интерес представляет открытие укрупненных поселений конца III тысячелетия до н. э. в Лерне (в северном Пелопоннесе) и в Рафине (в Аттике), где обнаружено бронзолитейное производство. Во второй половине II тысячелетия до

н. э. вокруг дворцов в Микенах, Пилосе, Афинах, Фивах, появляются посады, в которых проживают ремесленный люд и торговцы.

Примерами сельских поселений, где проживала основная масса ахейского населения, являются поселения, раскопанные в Кораку (около Коринфа), в Зигуриес (около Микен), и некрополь одного из сельских поселений в Аттике в Спате. Здесь найдены остатки скромных жилищ, сложных по планировке общественных зданий, помещения мегаронного типа. Внушительные размеры отдельных зданий, находки большого количества керамики, включая расписную, а также бронзовых и золотых изделий говорят о процессе имущественного расслоения в среде сельского населения второй половины II тысячелетия до н. э.

Некоторая информация об истории ахейских и критских царств содержится в поздней греческой традиции. В поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», составленных в IX–VIII вв. до н. э., сохранились не только живые воспоминания о недавнем прошлом, в частности о событиях Троянской войны, но и целые песни и сказания, сложенные в ахейскую эпоху. В поэмах верно отражено политическое положение в Греции накануне Троянской войны, в частности преобладание Микен, основные союзники и противники греков, сам ход Троянской войны и ее результаты. В поэмах Гомера передано много реалий ахейского времени: описание ряда бытовых предметов (например, кубка Нестора), типов оружия, устройства боевых колесниц, приемов боя и др.

В произведениях греческих авторов V–IV вв. до н. э. (Геродота, Фукидида, Аристотеля) и последующих столетий (Страбона, Плутарха, Павсания) сохранились отдельные смутные воспоминания о славном прошлом греков, о могуществе критского царя Миноса, создании им обширной державы, о высокой культуре того времени. Довольно разнообразный, хотя и очень сложный для изучения материал об истории и культуре, обычаях и религии греков II тысячелетия до н. э. содержится в многочисленных сказаниях и мифах греков о богах и героях: о славном афинском герое Тезее, освободившем Афины от жестокой власти критского царя Миноса, о великом Геракле, который прислуживал трусливому

царю Тиринфа Эврисфею, о плавании греческих героев во главе с Ясоном на корабле «Арго» к далеким берегам Колхиды и др. Тщательное критическое исследование содержания этих сказаний и мифов позволяет отделить реальные факты от вымысла и пополнить наши знания об истории Греции II тысячелетия до н. э.

Небольшое количество данных, главным образом о внешне-политическом положении критских и ахейских царств, содержится в древневосточных памятниках. В частности, некоторые хеттские надписи XIV–XIII вв. до н. э. упоминают о союзе хеттов с государством Аххийява, расположенном в западной части Малой Азии. Некоторые египетские вещи середины II тысячелетия до н. э. (скарабей, амулеты, бусы, найдена даже диоритовая статуэтка египтянина с надписью его имени Усер) обнаружены на Крите. Крит (Кефтиу) упоминается в некоторых надписях фараона Тутмоса III как равноправный союзник могущественного египетского царства.

Источники по истории архаической и классической Греции. Общее количество и разнообразие источников для изучения истории Греции VIII–IV вв. до н. э. резко возрастает. С особой полнотой представлены письменные источники самых различных жанров.

Наиболее ранними письменными источниками стали эпические поэмы, приписываемые слепому сказителю Гомеру, — «Илиада» и «Одиссея». Эти произведения, считающиеся лучшими образцами эпического жанра мировой литературы, были составлены на основе многочисленных сказаний, легенд, песен, устных народных преданий, восходящих еще к ахейскому времени. Однако обработка и сведение этих разнородных частей в единое художественное произведение произошло в IX–VIII вв. до н. э. Не исключено, что эта работа могла принадлежать какому-то гениальному сказителю, известному нам под именем Гомера. Поэмы долгое время передавались устно, но в VII–VI вв. до н. э. были записаны, причем окончательная редакция и запись поэм была проведена в Афинах при тиране Писистрате в середине VI в. до н. э. Каждая поэма состоит из 24 книг. Сюжетом «Илиады» является один из эпизодов десятого года Троянской войны, а именно ссора в стане греков между командующим греческим

войском царем Микен Агамемноном и Ахиллом, предводителем одного из фессалийских племен. На этом фоне Гомер дает обстоятельное описание военных действий греков и троянцев, устройства военного лагеря и вооружения, системы управления, внешнего вида городов, религиозных воззрений греков и троянцев, повседневного быта.

В поэме «Одиссея» рассказывается о приключениях царя Итаки Одиссея, возвращавшегося после разрушения Трои на родную Итаку. Боги подвергают Одиссея многочисленным испытаниям: он попадает к свирепому циклопу, проводит корабль мимо чудовищ Сциллы и Харибды, спасается от людоедов лестригонов, отклоняет чары волшебницы Кирки, превращающей людей в свиней, и т. д. Гомер показывает своего героя в разных ситуациях мирной жизни, что позволяет ему дать характеристику самых различных ее сторон: хозяйственные занятия, быт царского дворца и поместья, взаимоотношения между властью имущими и бедняками, обычаи, частности повседневного быта. Однако, чтобы использовать данные гомеровских поэм для воссоздания отраженной в них исторической действительности, требуется самый внимательный и кропотливый анализ. Ведь каждая из поэм — прежде всего художественное произведение, в котором поэтический вымысел и историческая правда перемешаны самым причудливым образом. К тому же поэмы создавались и редактировались в течение нескольких столетий, и потому в них отразились разные хронологические пласты: жизнь и обычаи ахейских царств, общественные отношения так называемого гомеровского времени (XI—IX вв. до н. э.) и, наконец, время составления поэм (IX—VIII вв. до н. э.).

Ценные сведения о земледелии, тяжелом крестьянском труде и сельском быте можно получить из поэмы «Труды и дни» беотийского поэта Гесиода (рубеж VIII—VII вв. до н. э.). Ему же принадлежит другая поэма — «Теогония», где подробно описаны религиозные воззрения греков, происхождение богов, их генеалогия и взаимоотношения.

Для изучения социально-политической борьбы, развернувшейся в греческом обществе VII—VI вв. до н. э., важны данные, которые приводятся в политических элегиях греческих поэтов — Архилоха с Пароса, Солона из Афин, Феогнида

из Мегар. Они реалистично описывают тяжелую долю бедняков, острую ненависть демоса к аристократии, говорят об изгнаниях и конфискациях, о жалкой жизни скитальцев вдали от родного города.

Одним из важнейших источников являются сочинения древнегреческих историков. В отличие от поэтов, в произведениях которых трудно отделить художественный вымысел от жизненной реальности, историки стремятся дать правдивую историю, подобрать действительные факты. Первыми греческими историками были так называемые логографы, из них наиболее известны Гекатей из Милета (540–478 гг. до н. э.) и Гелланик из Митилены (480–400 гг. до н. э.). Логографы описывали древнейшую историю родных городов. За недостатком данных они обращались к мифам, стремясь рационалистически истолковать содержащиеся там сведения. Критический анализ мифологической традиции, проведенный логографами, был довольно поверхностным, и потому многим приводимым ими фактам не стоит доверять.

Логографы не ограничивались лишь толкованием мифологической традиции. В свои произведения они включали вполне достоверные сведения географического и этнографического характера, добытые ими во время их путешествий по разным греческим городам и странам Восточного Средиземноморья. В трудах логографов миф и действительность слабо различались и это определило ограниченное значение их трудов. Сочинения логографов дошли лишь в небольших отрывках.

Первым собственно историческим исследованием был труд Геродота из Галикарнасса (485–425 гг. до н. э.), названного еще в древности «отцом истории». Геродот родился в состоятельной семье, получил хорошее образование, принимал участие в политической борьбе в своем городе, был изгнан победившими противниками. Находясь в изгнании, Геродот много путешествовал, объездил почти все страны Восточного Средиземноморья, включая Вавилонию и Египет, был он также в Великой Греции и в Причерноморье, например посетил Ольвию, где изучал историю и быт окружающих ее скифских племен. В зрелые годы Геродот жил в Афинах, был сторонником афинской демократии, дружил с ее вождем Периклом. Геродот был свидетелем блестящей эпохи грече-

ской истории, эпохи быстрого экономического развития и культурного расцвета, наступившего после победы над огромной Персидской державой. Геродот стремился уяснить на конкретном материале, почему маленькая и слабая Греция смогла победить огромную и мощную Персидскую державу и почему в самой Греции Афины приобрели первостепенное значение. По мнению Геродота, это не было случайностью. Труд Геродота посвящен истории греко-персидских войн и состоит из 9 книг, которые в III в. до н. э. были названы именами 9 муз. Собственно истории самих войн посвящены пять последних книг (изложение доведено до 479 г. до н. э.), а в первых четырех книгах описана история отдельных стран, народов, городов Малой Азии, Вавилонии, Мидии, Египта, скифских племен, греческих городов Балканской Греции. Геродот обращает внимание на отбор и критический анализ собранных сведений: он объезжает места и города, о которых пишет, выспрашивает знающих людей, пользуется имеющимися записями и архивами, он хорошо знает предшествующих ему авторов, в частности логографов. Изложение событий у Геродота строго фактическое, хотя он прибегает иногда к мифологическим и сомнительным сведениям, пытаясь их рационалистически объяснить. Современные археологические данные подтверждают подавляющее большинство сведений Геродота. Огромный фактический материал по истории всего Восточного Средиземноморья, попытка его критического анализа, продуманная авторская концепция, уважение к культурным достижениям всех народов (а не только греков), высокие литературные достоинства сделали произведение Геродота выдающимся трудом в греческой и мировой историографии, источником ценнейшей информации по истории Ближнего Востока и Греции VII – начала V в. до н. э.

Другим выдающимся произведением греческой исторической мысли был труд афинского историка Фукидида, сына Олора (около 460–396 гг. до н. э.), посвященный событиям Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Фукидид получил прекрасное образование, занимал ответственные должности в Афинах, в том числе высшую военную должность стратега, т. е. хорошо знал механизм политических событий своего времени. Изгнанный из Афин за неудачное ведение

войны в 424 г. до н. э., Фукидид поселился во Фракии и посвятил последние годы своей жизни работе над «Историей». Он имел достаточно средств и свободного времени, чтобы собрать и критически обработать огромный фактический материал по истории Пелопоннесской войны. Если Геродот иногда еще использовал некоторые легендарные сведения в своей истории, то Фукидид строго отбирает и тщательно проверяет факты, отбрасывая все сомнительные сведения. Критический метод работы с источниками стал выдающимся достижением античной историографии. Труд Фукидида состоит из 8 книг, в них излагаются события Пелопоннесской войны с 431 по 411 г. до н. э. (сочинение осталось неоконченным). Однако Фукидид не ограничивается тщательной и подробной характеристикой военных действий. Он дает также описание внутренней жизни воюющих сторон, в том числе взаимоотношений разных групп населения и их столкновений, изменений в политическом строе. Фукидид стал одним из первых греческих историков, который увидел в социальной борьбе важный фактор развития греческих полисов. Фукидид также с необычайной силой показал, какие неисчислимы бедствия несет с собой война. Своей «Историей» он как бы призывал греков к мирному объединению, к отказу от такого разрушительного орудия, каким являются войны, подобные Пелопоннесской.

Разнообразное литературное наследство оставил после себя младший современник Фукидида историк и публицист Ксенофонт из Афин (430–355 гг. до н. э.). Ксенофонт служил в наемниках у персидского царевича Кира, воевал в армии спартанцев, в том числе и против своего полиса, был изгнан из Афин и даже приговорен к смертной казни, жил долгое время в Пелопоннесе. В конце жизни он получил амнистию и был приглашен в Афины, но не воспользовался этим приглашением. Опытный политик и военный, повидавший многое на своем веку, Ксенофонт оставил после себя много различных сочинений. В своей «Греческой истории» он продолжил труд Фукидида с событий 411 г. до н. э. и довел его до битвы при Мантине в 362 г. до н. э. Однако в отличие от Фукидида Ксенофонт не проводил такого тщательного анализа своего материала, в его труде много пропусков, умолчаний, есть не-

точности. Ценность исторического труда Ксенофонта в том, что он писал о своем времени, сам был участником многих событий и знал факты из первых рук, хотя Ксенофонту недостает критического чутья Фукидида, к тому же в своем труде он старается всячески восхвалять Спарту и ее политику. Ксенофонт написал и другие произведения: несколько сочинений на экономические темы (трактаты «Экономика», «О доходах»), публицистический трактат «О государственном устройстве лакедемонян», «Киропедия» («Воспитание Кира»). Ксенофонт развивает консервативные взгляды, идеализирует спартанскую олигархию, а в «Воспитании Кира» пытается даже обосновать плодотворность монархических идей через образ идеального правителя, каким показан основатель Персидского государства Кир. Очень ценные сведения о жизни и быте восточных областей Малой Азии, об организации наемной армии содержатся в труде Ксенофонта «Анабасис» (буквально «Восхождение»), рассказывающем об отступлении греческого наемного контингента, в котором находился и сам Ксенофонт, из Северной Вавилонии к южному берегу Черного моря. Сохранился также трактат «Воспоминания», в котором Ксенофонт излагает содержание бесед философа Сократа со своими учениками.

Написанные на различные темы сочинения Ксенофонта содержат самую разнообразную и ценную информацию о многих сторонах жизни греческого общества конца V – первой половины IV в. до н. э. Из других греческих историков IV в. до н. э. следует назвать Эфора и Феопомпа, однако их произведения сохранились лишь в небольших отрывках.

Одним из самых ранних образцов политической публицистики с яростным обличением своих политических противников – афинских демократов и всего государственного строя афинской демократии – является трактат неизвестного афинского олигарха середины 20-х годов IV в. до н. э., который условно называется псевдоксенофонтовой Афинской политией (трактат найден среди сочинений Ксенофонта, но ему не принадлежит).

Множество сведений разнообразного характера содержится в дошедших до нашего времени многочисленных речах афинских ораторов IV в. до н. э. – Лисия, Исократа, Демосфе-

на, Эсхина, Гиперида и др. Наиболее ранние из них речи Лисия относятся к концу V — началу IV в. до н. э., наиболее поздние принадлежат Гипериду и Динарху (20-е годы IV в. до н. э.). Ораторы составляли речи на разные темы: политические обвинения или защита, разбор гражданских исков, дела о взятках и казнокрадстве, о подкупах. Оратор в своих речах обвинял кого-то или вел защиту и в зависимости от этой задачи подбирал одни материалы и опускал другие. Речи являются очень тенденциозными источниками, в которых подлинное положение вещей подвергнуто сознательному искажению, однако в речах содержится и большой материал самого различного характера: ораторы часто ссылаются на статьи законов, юридические постановления, цитируют статьи международных договоров, упоминают о наследствах и имуществе, о положении в обществе своих клиентов и множество других сведений. Ценность речей состоит в том, что они передают подлинную атмосферу непосредственной исторической действительности, являются живым документом эпохи.

В V—IV вв. до н. э. в Греции выходили различные произведения научного и философского характера, в которых нашла отражение многогранная жизнь греческих полисов. Знаменитым греческим философам Платону и Аристотелю принадлежат произведения самого разнообразного содержания, в которых нашли отражение как господствующие политические идеи, мировоззренческие концепции, научные представления, так и многие другие сведения об их времени.

Среди сочинений Платона (427—347 гг. до н. э.) наибольшее значение имеют его обширные трактаты «Государство» и «Законы», написанные в последний период его жизни. В них Платон, отталкиваясь от анализа социально-политических отношений середины V в. до н. э., предлагает свой вариант переустройства греческого общества на новых, справедливых, по его мнению, началах.

Поражает своим многообразием творчество величайшего греческого мыслителя Аристотеля. Ему принадлежат трактаты по логике и этике, риторике и поэтике, метеорологии и астрономии, зоологии и физике, которые являются содержательными источниками. Однако наиболее ценными трудами по истории греческого общества IV в. до н. э. являются его сочинения

о сущности и формах государства – «Политика», в которой он обобщил гигантский материал политической истории 158 различных греческих полисов, и специальный трактат о государственном устройстве Афин, одного из самых крупных греческих полисов с развитыми формами государственного управления, «Афинская политая». Тщательный критический анализ огромного фактического материала делает сочинения Аристотеля ценнейшим историческим источником.

Историческая действительность V–IV вв. до н. э. получила своеобразное отражение в произведениях художественной литературы, в трагедиях и комедиях, которые ставятся в театрах. Великие греческие трагики Эсхил, Софокл, Еврипид (V в. до н. э.) брали сюжеты для своих трагедий из мифологических сказаний, но вкладывали в них идеи и представления своего времени, что делает их интересными источниками. Богатую информацию о внутреннем и внешнем положении Афин во время Пелопоннесской войны и в начале IV в. до н. э. дают многочисленные комедии (сохранилось 11 комедий) Аристофана (450–388 гг. до н. э.). Рисуя в комическом плане афинскую жизнь, Аристофан затрагивает вопросы войны и мира, благополучие богатых и нищету бедняков, казнокрадство должностных лиц, бездарных полководцев, тяжелое положение союзников. Данные Аристофана показывают афинскую жизнь как бы с оборотной стороны и служат хорошим дополнением к сведениям Фукидида о греческом обществе во время Пелопоннесской войны.

Греческая история архаического и классического времени стала объектом изучения ряда историков и писателей эллинистического и римского времени. Безусловно, при изучении событий отдаленного прошлого историки зависели от имевшихся в их распоряжении источников, от политических тенденций своего времени, и потому достоверность сведений, приводимых ими, весьма различна. Наибольшую ценность представляют произведения Диодора Сицилийского (I в. до н. э.) «Историческая библиотека», в сохранившихся частях которой излагается греческая история с 481 (подготовка похода Ксеркса на Грецию) по 302 г. до н. э. (подготовка битвы при Ипсе), многочисленные произведения Плутарха (I в. н. э.), уроженца беотийского города Херонеи, особенно биографии

знаменитых политических деятелей Греции (Тезея, Ликурга, Солона, Фемистокла, Перикла, Алкивиада, Кимона, Никия и др.), труд Павсания (II в. н. э.) «Описание Эллады».

В комплексе исторических источников по истории Древней Греции столь же важное место занимают эпиграфические источники. Это надписи на камне (каменных плитах, стенах зданий, стелах, статуях и т. п.), керамике, металлических пластинках. Надписи были разные — от нескольких букв до сотни строк. Однако больших надписей (в несколько десятков строк) немного, основная часть эпиграфического материала содержит текст в несколько строк.

Греки делали надписи довольно часто и по разным поводам: договоры с другими государствами, статьи законов, финансовые и другие отчеты, записи о расходах, продаже имущества, закладные, договоры об аренде, посвящения богам, строительные надписи, перечисление заслуг покойника и многое другое. Сам характер греческих надписей, таким образом, предполагает необычайно широкий объем самой разнообразной информации, знакомство с которой позволяет узнать о таких сторонах жизни, о которых молчат все другие источники. Надписи, как правило, современны упомянутым в них событиям, излагают достоверные факты, поскольку составлялись для публичного обозрения.

Сведения, содержащиеся в надписях, кроме того, позволяют проверить данные, которые содержатся в трудах древнегреческих историков. Например, дошедшие до нас списки флота, получаемого с афинских союзников, подтверждают широко известное положение Фукидида и других греческих авторов о жестокой эксплуатации союзников Афинами. Большая надпись о заключении II Афинского морского союза в 378 г. до н. э. подтверждает глубокое изменение характера отношений Афин и их союзников в IV в. до н. э.

Значение надписей как исторического источника еще и в том, что они найдены не только в Афинах, но и во многих других городах Греции, о которых авторы не сообщают никаких сведений. В настоящее время открыто свыше 200 тыс. надписей из всех уголков греческого мира. Они собраны, обработаны и изданы в виде многотомных собраний—корпусов. Наиболее полные собрания греческих надписей следующие:

«Корпус греческих надписей», изданный А. Бёком и его учениками в 1825–1877 гг. (т. I–IV); «Надписи Греции», с 1878 г. изданы 15 томов. Надписи исторического содержания собраны английским эпиграфистом М. Тодом («Собрание греческих исторических надписей», 1946–1948. Т. I–II).

Одними из древнейших греческих надписей являются дружественные договоры между пелопоннесскими городами Элидой и Гереей и между жителями двух небольших полисов в Элиде – анетян и метапийцев (VI в. до н. э.).

Большой интерес для историка представляют надписи законодательного характера. Так, надпись 409–408 гг. до н. э. из Афин содержала текст древнейшего афинского законодательства Драконта, восходящего к концу VII в. до н. э. На стенах одного из общественных зданий в критском городе Гортина обнаружен текст законов, который сохранился почти целиком и является одной из самых длинных греческих надписей (так называемые «Гортинская правда»). Примером пространных надписей, регулирующих отношения колонистов во вновь выведенных колониях, может служить так называемая стела основателей греческой колонии Кирены об их взаимоотношениях с метрополией Ферой, надписи о разделе земель и наделении ими колонистов в двух локридских полисах (конец VI – начало V в. до н. э.).

Существует множество пространных надписей, регулирующих отношения между Афинами и их союзниками, например постановление афинского Народного собрания о статусе города Эрифр в союзе (60-е годы V в. до н. э.) и города Халкиды (445 г. до н. э.). Весьма содержательными являются надписи о законодательно установленных взносах разных городов I Афинского морского союза с 454 по 425 г. до н. э. К концу IV в. до н. э. относится очень важная надпись из Херсонеса (совр. Севастополь), так называемая Херсонесская присяга о государственном устройстве Херсонеса.

Благодаря успехам нумизматики в настоящее время возрастает значение монет как исторического источника. Найденные в очень большом количестве (ежегодно находят по нескольку тысяч монет), они представляют массовый материал, который может быть подвергнут статистической обработке. Изучение веса монет, имеющих на них символов и

знаков, надписей, состава монетных кладов, распределения монет позволяет получить сведения самого разнообразного характера (о денежном обращении, товарном производстве, о торговых и политических отношениях городов, о религиозных воззрениях, событиях культурной жизни и др.). Наиболее полными публикациями имеющихся монетных собраний являются каталоги Британского музея, а также сводка всех кладов греческих монет, которая была предпринята Американским нумизматическим обществом в 1973 г.

Огромный и возрастающий год от года материал археологических раскопок является важнейшим источником знаний о самых различных сторонах жизни греческого общества. На территории Греции, других стран Средиземноморья и Причерноморья работают ежегодно сотни археологических экспедиций, которые ведут крупномасштабные работы. Археологический материал самый разнообразный: открыты целые города (раскопки Олинфа, Херсонеса Таврического, Коринфа), общегреческие святилища (храмовые комплексы в честь Аполлона в Дельфах и на Делосе), знаменитый религиозно-спортивный комплекс в Олимпии (при раскопках 1876–1881 гг. обнаружены 130 скульптур, 1000 надписей, 6000 монет, несколько тысяч бронзовых вещей, не считая фундаментов многих зданий).

Интересные данные получены при изучении отдельных комплексов, например при раскопках квартала гончаров в Афинах и афинской центральной площади – агоры, исследовании афинского акрополя, театра в Эпидавре, некрополя в Танагре и других аналогичных комплексов. Здесь обнаружены сотни тысяч вещей различного назначения – орудия труда, оружие, предметы повседневного быта. Постоянные археологические изыскания проводятся в греческих городах Северного Причерноморья, в городах Ольвии (включая Березань), Херсонесе Таврическом, Пантикапее, Фанагории и многих других.

Источники по истории Греции эллинистического периода. Количество источников, относящихся к этому времени, возрастает по сравнению с предшествующим периодом, появляются новые категории источников, например документы, написанные на папирусах, которые были обнаружены при раскопках в Египте.

Из исторических сочинений, дающих связное изложение событий эллинистической истории с определенной авторской концепцией, с проверкой фактов, насколько она была тогда возможна, наибольшее значение имеют труды Полибия и Диодора. Полибий (200–118 г. до н. э.) является одним из выдающихся греческих историков. В молодости он занимался активной политической деятельностью в Ахейском союзе, после разгрома Македонии при Пидне в 168 г. до н. э. он в качестве заложника был переведен в Рим и прожил там до своей смерти. В Риме Полибий сблизился с рядом крупных политических деятелей, в частности со Сципионом Эмилианом, и был в курсе всех государственных дел Римской республики, т. е. всего Средиземноморья. Полибий много путешествовал. Он был в Египте, Малой Азии, Римской Африке, Испании, объехал все атлантическое побережье Африки и Испании. Полибий был хорошо информированным историком, имел доступ в государственные архивы, встречался со многими очевидцами исторических событий. В его сочинении подробно излагается история греческого и римского мира с 280 по 146 г. до н. э., содержатся ценные сведения о государственных финансах, военном деле, социально-политических столкновениях, об устройстве многих государств. Автор развил в своем труде продуманную теорию исторического развития в виде повторяющихся циклов, в которых происходит естественное и закономерное перерождение основных государственных форм (монархии в аристократию, аристократии в демократию).

В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), состоящей из 40 книг, полностью сохранились книги XVIII–XX, в которых кроме истории классической Греции (V–IV вв. до н. э.) подробно описаны борьба диадохов, история правления тирана Агафокла в Сицилии и другие события раннеэллинистической истории (до 30 г. до н. э.). Диодор пользовался достоверными источниками, и его фактический материал представляет большую ценность. Наряду с событиями военно-политическими Диодор освещает также экономическое положение воюющих сторон, например Египта и Родоса, кратко сообщает о социальных столкновениях.

Богатейшие сведения самого разнообразного содержания приведены в «Географии» Страбона (64 г. до н. э. – ок. 23/24 г.

н. э.). Труд Страбона – не столько география в общепринятом смысле, сколько энциклопедическое руководство для практических нужд государственного управления. Поэтому Страбон самым тщательным образом описывает не только географическое положение, климат, природные ресурсы, но и особенности хозяйственной жизни каждой области, государственное устройство, наиболее знаменательные политические события, достопримечательности культуры. Большая часть объемистого труда Страбона (12 книг из 17) посвящена описанию греческого мира. В книгах Страбона довольно много сведений, относящихся к архаическому и классическому времени, но наибольшая информация дана как раз по эллинистическому периоду греческой истории.

Большую ценность для раннеэллинистической истории представляют собой сочинения Плутарха, особенно его биографии крупнейших греческих и римских политических деятелей III–I вв. до н. э. Всего Плутарх дает описание биографий 9 выдающихся греков, в том числе Александра и Пирра. Плутарх дает жизнеописание как эллинистических царей, так и политических деятелей разных греческих полисов. Биографии Плутарха составлены на основе многочисленных, тщательно подобранных источников, многие из которых не дошли до нашего времени, и содержат богатейший материал по политической истории, религии и культуре раннеэллинистической эпохи. В целом биографии эллинистических деятелей написаны Плутархом с большей тщательностью и точностью, чем биографии греков архаического и классического периодов.

Уникальным по богатству материала для воссоздания истории культуры Греции всех эпох, включая архаическую, классическую и эллинистическую, является сочинение Павсания (II в. н. э.) «Описание Эллады». Труд Павсания состоит из 10 книг, каждая из которых посвящена культуре наиболее богатых историческими памятниками областей Балканской Греции. Павсаний подробно описывает храмы, святилища, архитектурные комплексы, остатки построек, статуи, картины, включает в эти описания сказания и мифы, связанные с теми или иными памятниками. Точность его данных подтверждается археологическими раскопками. Важны и приводимые им исторические справки о тех памятниках, которые

он описывает (биографии лиц, которым поставлены статуи, исторические обстоятельства их установки).

Эллинистическая история была объектом постоянного внимания историков римского периода, причем особый интерес возбуждала история царствования Филиппа II и его прославленного сына Александра Македонского. Наиболее известны «История Филиппа» Помпея Трога (конец I в. до н. э.) в 44 книгах (сочинение сохранилось в сокращении Юстина, автора II—III вв. н. э.), «История Александра Македонского» Курция Руфа (I в. н. э.), «Анабасис Александра» Флавия Арриана (II в. н. э.). В этих произведениях подробно описаны подготовка, ход и результаты походов Александра Македонского, страны и области, через которые он проходил, его политика по отношению к завоеванным народам. В сочинении Помпея Трога кроме характеристики царствования Филиппа и Александра дана связанная история большинства эллинистических царств III—I вв. до н. э., причем последние источниковедческие изыскания подтверждают точность приводимых им фактов.

Аппиан, римский историк II в. н. э., написал историю государства Селевкидов, Македонии Понтийского царства. В центре повествования главным образом события позднеэллинистической истории II—I вв. до н. э., завоевание эллинистических государств Римом, причем преимущественное внимание уделено описанию военно-политической истории.

Ценными источниками по различным аспектам жизни эллинистических обществ являются произведения научной и художественной литературы. Это прежде всего трактаты по экономике, в частности трактат, приписываемый Аристотелю (он носит название псевдоаристотелева «Экономика», конец IV в. до н. э.), и трактат «Экономика», принадлежащий Филодему (I в. до н. э.). Большой интерес вызывают работы ученика Аристотеля Феофраста (370—288 гг. до н. э.). В трактате «О растениях» дано подробнейшее описание различных растений, в том числе культурных: зерновых, виноградных лоз, масличных и плодовых деревьев. Трактат «Характеры» представляет собой интересное исследование социально-психологических типов людей и их поведения в зависимости от образа жизни, общественного положения и степени зажиточности (недоверчивый, болтливый, спесивый, надменный человек и т. п.).

Из произведений художественной литературы в качестве содержательного источника повседневной жизни и быта конца IV—III вв. до н. э. важны бытовые комедии афинского драматурга Менандра (342—292 гг. до н. э.), сборник небольших стихотворений Феокрита (III в. до н. э.), посвященных прославлению простой тихой жизни, далекой от треволнений мира, получивший название «Идиллии».

Многочисленны эпитафические, нумизматические, археологические источники по истории эллинизма. Найдены десятки тысяч самых различных надписей практически из всех областей греческого мира самого разнообразного содержания — от законодательных актов до ученических упражнений. Кроме общих сводов надписей, размещенных по областям, таких, как «Надписи Греции», в виде отдельных томов издаются отдельные категории надписей. Так, изданы сборники юридических надписей под редакцией Дареста, Осуллье и Рейнака (в 1891—1904 гг.), тексты договоров различных государств под редакцией Г. Шмитта (в 1969 г.), кроме уже упомянутого сборника надписей исторического содержания под редакцией Тода, также сборник исторических надписей под редакцией Моретти (в 1967—1975 гг.) и ряд других публикаций. Изданы подборки надписей некоторых регионов, например сборник греческих и латинских надписей Северного Причерноморья, подготовленный В. В. Латышевым в 1885—1916 гг. т. I, II, IV. Непрерывно пополняется нумизматический материал, насчитывающий до нескольких сотен тысяч различных монет. Сотни археологических экспедиций многих стран мира ведут интенсивные и плодотворные раскопки различных центров эллинистических обществ.

Разные категории источников дополняют друг друга. Так, например, история Греко-Бактрийского царства в значительной степени известна на основе нумизматических материалов и данных археологических раскопок. Открытие таких интересных и богатых городов, как Дура-Европос на Евфрате и Ай-Ханум в Северном Афганистане (древнее название этого города неизвестно), расширили наши сведения по истории градостроительства, военной фортификации, городскому быту и экономике, социальным и политическим отношениям, культуре Селевкидского государства, хотя

свидетельств об этих городах в литературных источниках практически нет.

Новой категорией источников для изучения эллинистической истории, особенно Египетского царства Птолемеев, являются многочисленные тексты на папирусах. К настоящему времени известно свыше 250 тыс. различных папирусных находок из Египта, и их обработкой занимается особая научная дисциплина – папирология. Среди папирологических документов обнаружены целые исторические и художественные произведения, например трактат Аристотеля «Афинская политика»; историческое сочинение, описывающее греческую историю первой половины IV в. до н. э. (так называемый Оксиринхский историк), многие комедии Менандра, тексты Гомера и т. д. Содержание этого огромного собрания папирусов необычайно разнообразно: царские распоряжения, законы, литературные произведения, счета, хозяйственные договоры, брачные контракты, переписка, ученические упражнения, прошения, религиозные тексты, постановления различных собраний и т. д. Папирусы характеризуют внутреннюю жизнь птолемеевского Египта с такой полнотой, какой мы не имеем ни для одного эллинистического общества. В настоящее время египетские папирусы собраны и изданы многотомными сериями. Наиболее крупными являются многотомные собрания папирусов из Тебтюнуса, Оксиринха, Гибелена, публикация архива Зенона и многие другие.

В целом многочисленные и разнообразные источники по истории различных периодов греческой истории позволяют показать основные направления развития древнегреческого общества – от начальных этапов формирования классового рабовладельческого общества и государства до завоевания греческих полисов и эллинистических государств Римом.

4. Историография истории Древней Греции.

Изучение истории Древней Греции в XIX – начале XX в. В конце XVIII – первой половине XIX в. история Древней Греции приобретает важное значение в европейской исторической науке. Этому способствовало несколько обстоятельств. Одно из них – достижения классической филологии и методов источниковедческого анализа, получившие наиболее яркое выражение в работах англичанина Р. Бенгли, не-

мецких ученых Ф. Вольфа и Г. Б. Нибура. Они стали основателями историко-критического метода в европейском источниковедении. Их мастерский анализ структуры и содержания ряда сохранившихся источников (Бентли доказал подложность писем Фалариса, тирана Акраганта VI в. до н. э.; Вольф выявил различные хронологические слои гомеровских поэм, дал свое решение вопроса об авторстве, внутреннем единстве и противоречиях в поэмах, показал влияние устной традиции и время записи поэм; Нибур сумел обнаружить в римской поздней традиции следы ранних документов и по ним провел блестящее восстановление древнейшей римской истории) заложил основы научного источниковедения и сделал возможным полноценную разработку разных периодов греческой истории.

Плодотворное воздействие на разработку греческой истории имела также возможность введения в научный оборот все большего количества источников, прежде всего археологических и эпиграфических. После освобождения территории Греции от турецкого ига и образования независимого греческого государства (в 1830 г.) в Грецию были направлены многочисленные и щедро финансируемые археологические экспедиции ряда стран Европы (особенную активность проявляли Франция и Германия), которые занимались описанием сохранившихся руин — важнейших центров древнегреческой культуры — и в ряде мест приступили к их раскопкам.

История Древней Греции вызвала большое внимание не только специалистов античников, но и широких общественных кругов Европы XIX в. Молодой буржуазии, ведущей борьбу с остатками феодализма и феодальной идеологии, мир древнегреческих республиканских полисов казался своего рода идеалом свободы, гражданственности, высокой культуры. Сочинениями древнегреческих писателей зачитывались многие образованные люди, их цитировали политические деятели, произведения греческого искусства (особенно скульптура) стали рассматриваться как ценнейшее достояние лучших европейских музеев.

Все это содействовало появлению целого ряда выдающихся работ, заложивших основы древнегреческой истории. Наиболее интенсивная разработка истории Древней Греции в XIX в. шла в Германии. Основы научной истории античного

искусства были заложены немецким ученым И. Винкельманом, который в 1764 г. выпустил выдающийся труд «История искусства древности». В этой работе памятники античного, прежде всего греческого, искусства были изучены, классифицированы по различным историческим периодам, выявлена история разных стилей. Винкельман рассматривал искусство как органическую часть греческого общества.

Традиции И. Винкельмана, Ф. Вольфа, Г. Б. Нибура продолжили другие немецкие ученые XIX в. А. Бёк начал собрание и издание сводного корпуса греческих надписей (1825–1859). На основе тщательного анализа слабопривлекавшегося ранее материала надписей он предпринял исследование экономической истории Афин («Государственное хозяйство афинян». В 3 т. 1817–1823). Его ученик К. Мюллер обратил внимание на историю отдельных городов и племен (дорийцев, о. Эгины и др.), греческую мифологию и классическую археологию. Заметный след в европейской науке оставил И. Дройзен, который первым обратился к систематическому исследованию последнего периода древнегреческой истории, начавшегося после походов Александра Македонского на Восток и продолжавшегося до I в. до н. э. Он назвал его эллинистическим («История эллинизма». В 3 т. 1833–1843). Тем самым были раздвинуты рамки греческой истории почти на три столетия (с конца IV по конец I в. до н. э.).

Трудом, обобщающим конкретные исследования многих германских ученых, стала работа Э. Курциуса «Греческая история» (В 3 т. 1852–1867), в которой история Греции была дана в историко-культурном плане, социально-экономические отношения практически игнорировались. К тому же Курциус преувеличивал влияние географической среды на развитие греческого общества, а также крайне идеализировал греческую культуру.

Большой интерес изучение древнегреческой истории вызвало в Англии, стране классического капитализма с сильными парламентскими традициями. В различных столкновениях политических партий (консерваторов – тори и либералов – вигов) широко использовался материал древнегреческой истории, в частности борьба аристократии и демократии, столь характерная для греческих полисов. В конце XVIII и в первой

половине XIX в. в Англии раньше, чем в других странах Европы, выходят многотомные сводные труды по истории Древней Греции. Если У. Митфорд, сторонник тори, в своей «Истории Греции» (в 8 т. 1784–1794) восхваляет консервативную Спарту, ее политику и учреждения, то либерал Дж. Грот в своей «Истории Греции» (в 12 т. 1846–1856), напротив, подчиняет все исследование греческой истории прославлению Афин и афинской демократии. Афинская история для Грота — основа всей греческой истории. Преимущественное внимание Грот уделяет политической и культурной истории с элементами социальной и экономической. Исследование самых разных сторон греческой истории, интерес к демократическим институтам, критический метод использования источников, образный и живой язык обеспечили труду Грота почетное место в европейской историографии.

Успехи в изучении истории Древней Греции во второй половине XIX в. были связаны с археологическими открытиями на территории Греции, обильными поступлениями эпиграфического материала и более совершенными методами его обработки. Из археологических работ самыми выдающимися были раскопки Г. Шлимана и В. Дёрпфельда в Трое, Микенах и Тиринфе (1871–1894) и А. Эванса на Крите (с 1900 г.), которые привели к открытию памятников II тысячелетия до н. э. Если ранее греческую историю начинали с гомеровского периода, т. е. с начала I тысячелетия до н. э., то после раскопок Шлимана и Эванса историю греческой цивилизации стали изучать с III тысячелетия до н. э.

Принципиальное значение имело использование новых этнографических данных. Американский ученый Л. Морган ввел в свое исследование («Древнее общество», 1877) новые материалы о североамериканских индейцах и гомеровском эпосе. Благодаря этим новым данным греческая история не только была отодвинута более чем на тысячелетие, но и с материалистических позиций были объяснены запутанные проблемы формирования классового общества и древнейшей государственности в Греции.

Большой резонанс в европейской науке второй половины XIX в. имели исследования античной (и, прежде всего греческой) гражданской общины или полиса, которые проводил

французский историк Фюстель де Куланж («Античная гражданская община», 1864). Он решительно выступил против начинающейся модернизации древности и рассматривал гражданскую общину как важнейшую основу всей античной (в том числе и греческой) цивилизации, покоящейся на рабстве и глубоко отличной от капиталистических отношений. Фюстель де Куланж объяснял сущность античного полиса, исходя из религиозных воззрений греков. В капитальном труде А. Валлона «История рабства в античном мире» (1849, 1879) получила разработку кардинальная и новая для того времени проблема о большой роли рабства в общественных отношениях древности, о глубоком и притом отрицательном влиянии рабовладельческих отношений на весь строй греко-римской цивилизации.

Продолжалось изучение политических учреждений и государственного строя греков, причем оно сопровождалось постоянными сопоставлениями государственных учреждений древности и современных капиталистических стран, как, например, в работах английского историка Э. Фримена. Ему же принадлежит четырехтомная капитальная история древней Сицилии (1891–1894), причем он проводит постоянные аналогии между событиями древнесицилийской истории и истории Англии эпохи норманнского завоевания.

Наиболее ярким образцом культурно-исторического направления европейской историографии 70–80-х годов XIX в. является исследование греческой цивилизации как сложного культурно-религиозного комплекса, проведенное швейцарским историком Я. Буркхардом («История греческой культуры», 1893–1902, т. I–IV). В отличие от большинства историков XIX в., считающих определяющей силой исторического развития государство, политические учреждения, Я. Буркхард выдвигал на первый план историю духовной культуры. Основу греческой цивилизации, ее движущую силу он видит в особенностях «греческого духа», носителями которого являются великие личности, «цивилизаторы» народа.

В конце XIX – начале XX в. европейская историография переживает методологический кризис. В области античной, в частности древнегреческой, историографии это проявилось в стремлении к модернизации социально-экономических от-

ношений древнегреческого общества, пониманию их как аналогичных современному капитализму, в резкой критике греческой, особенно афинской, демократии, которая была нечем иным, как попыткой дискредитации демократических стремлений в современной Европе. Проявлением методологического кризиса был отказ от теории исторического прогресса, рассмотрение греческого общества как замкнутого, по существу статического комплекса.

Немецкий ученый Эд. Мейер выдвинул теорию циклического развития европейского общества. По его мнению, европейская история прошла два цикла развития: один в античности – первобытное состояние, средние века, капитализм, упадок в результате внутренних смут (падение Древнего Рима) – и новый цикл развития – от средних веков к капитализму. С точки зрения Эд. Мейера, античный (греческий) и современный капитализм – понятия в целом идентичные, оба являются высшим этапом в развитии культуры внутри своего цикла.

Однако, несмотря на охвативший науку методологический кризис, изучение древнегреческого общества продолжалось. Особое внимание в конце XIX – начале XX в. уделяется исследованию социально-экономических отношений в древности. Одна за другой выходят работы Эд. Мейера, К. Бюхера, Ю. Белоха, Р. Пёльмана, Г. Глотца. В работах немецких историков Эд. Мейера, Ю. Белоха, Р. Пёльмана нашла крайние формы проявления модернизаторская концепция социально-экономических отношений Древней Греции, причем расцвет греческой цивилизации, наивысшие достижения греческой культуры в V–VI вв. до н. э. связывались с проникновением капиталистических отношений в древнегреческое общество. Напротив, в трудах К. Бюхера подчеркивался низкий уровень развития греческой экономики, показывались натуральный характер античного хозяйства, скромные возможности древнего производства, бедность греческого общества.

Открытие в Египте огромного количества (свыше сотни тысяч) различных документов, написанных на папирусе, и успехи в их обработке способствовали активным исследованиям по истории эллинистического времени. На основе изучения этих документов создаются многотомные исследования по истории всего эллинистического мира, такие, как тру-

ды Б. Низе, Ю. Керста, Дж. Магаффи, по истории отдельных стран – эллинистического Египта (работы А. Буше-Леклерка, У. Вилькена), по истории Селевкидов (работы А. Буше-Леклерка, Э. Бивена). По новым документам изучаются многие стороны эллинистических обществ (экономика, социальные отношения, государственность, культура), хотя в целом в буржуазной историографии эллинизм рассматривается прежде всего как синтез древнегреческих и древневосточных политических и культурных институтов, и преимущественное внимание уделяется описанию политической и культурной истории.

Русская историография XIX–начала XX в. Изучение истории Древней Греции в России началось еще в XVIII в. Знаатоками греческой истории были М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, которые часто использовали в своих трудах многие сведения древнегреческих авторов. Радищеву принадлежит перевод на русский язык сочинения одного из видных французских просветителей Г. Мабли «Размышления о древнегреческой истории» (1773). В своем произведении «Песнь историческая» он дал эскизное изложение главных событий греческой истории. Крупным специалистом европейского масштаба был приглашенный для работы в России немецкий ученый Г. Байер. Он издал ряд трудов по истории Ахейского союза, Греко-Бактрийского царства, взаимоотношений греческих колоний Северного Причерноморья и скифских племен.

Большое увлечение античной, прежде всего древнегреческой, историей и культурой в России наблюдается в первой половине XIX в. И. Мартынов в 20-х годах XIX в. издал в 26 томах в переводе на русский язык многих древнегреческих авторов. Н. Гнедич и В. Жуковский подарили русской публике великолепные переводы замечательных поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея». В первой половине XIX в. начались раскопки некоторых греческих колоний на юге России (особенно удачными были раскопки курганов в районе Керчи). Основоположителем русской профессиональной школы по изучению истории Древней Греции стал профессор Санкт-Петербургского университета М.С. Куторга. Сферой его научных интересов было изучение Аттики, прежде всего афинской демократии в архаический и классический периоды. Странник критического метода в использовании источни-

ков, Куторга в 30–50-х годах провел глубокое исследование важнейших проблем афинской истории: древнейшей племенной организации и возникновения первых сословий, социальной структуры афинского общества, в том числе положения рабов и отпущенников, он показал связь политического развития и социально-экономического прогресса в Аттике. Еще до Фюстеля де Куланжа Куторга предпринял изучение афинского полиса как гражданской общины. Работы Куторги были переведены на французский и немецкий языки, они заложили основы научной истории Древней Греции и стали выдающимся событием европейской историографии.

М. С. Куторга был вместе с тем создателем целой школы специалистов по древнегреческой истории. Среди его учеников особенно плодотворной была деятельность В. Г. Васильевского и Ф. Ф. Соколова. Новаторским был труд Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка» (1869), в котором он обстоятельно рассмотрел новые для европейской науки проблемы социальной борьбы в греческом обществе III в. до н. э. Ф. Ф. Соколов был основателем целого направления русской науки о греческой древности, связанного с тщательным анализом все более возрастающего эпиграфического материала, и считается отцом русской эпиграфической школы. Соколов стремился поставить изучение исторических проблем на строго фактическую основу, выявить все достоверные части античной традиции. Его небольшие по объему статьи уточнили много различных датировок и событий греческой истории V–III вв. до н. э. и прочно вошли в научный обиход. В своей диссертации о древнейшем периоде истории Сицилии (1865) Ф. Ф. Соколов дал образцы историко-критического исследования литературной традиции, отделив сомнительные сведения от достоверного ядра, восстановил главные вехи древнейшей сицилийской истории.

Ученики Соколова В. В. Латышев и С. А. Жебелев достойно продолжили деятельность своего учителя по изучению древнегреческой истории. В. В. Латышев предпринял капитальное издание в 3 томах всех греческих и латинских надписей, найденных в Северном Причерноморье (1885–1916). На основе скрупулезного анализа этих надписей он занялся раз-

работкой проблем государственного управления в греческих колониях, в Ольвии, Херсонесе, Боспорском царстве, заложив основы изучения их политической истории.

Разносторонним исследователем был С. А. Жебелев. Его главные труды посвящены изучению тех периодов греческой истории, которые не получили достаточного отражения в литературной традиции. Ему пришлось восстанавливать их по разрозненным надписям и всем имеющимся источникам. Именно по этим скудным материалам он воссоздал историю эллинистических Афин (1898) и историю Балканской Греции в римское время I—III вв. н. э. (1903).

В конце XIX – начале XX в. в русской науке сложилось несколько научных направлений, каждое из которых делало акценты на тех или иных сторонах исторического процесса: социально-экономическое (наиболее яркие представители – М. И. Ростовцев, Р. Ю. Виппер, М. М. Хвостов), изучение политических учреждений (С. А. Жебелев, В. П. Бузескул, Н. И. Кареев), культурологическое (Ф. Ф. Зелинский). В работах Р. Ю. Виппера были даны наиболее полные для его времени разработки социальной истории Древней Греции VIII–IV вв. до н. э., сложные взаимоотношения различных социальных групп, столкновения и борьба между ними и влияние этих взаимоотношений на общий ход развития древнегреческого общества. М. М. Хвостову принадлежат монографические исследования некоторых экономических проблем эллинистического и римского Египта. В своем университетском курсе М. М. Хвостов, преподносил греческую историю прежде всего с точки зрения развития социально-экономических отношений.

Объектом научных интересов одного из крупнейших русских ученых В. П. Бузескула была история афинской демократии. В монографии «Перикл» (1889) Бузескул дал самый обстоятельный в русской науке анализ политической деятельности вождя афинской демократии. В условиях царского самодержавия и острой критики афинской демократии реакционными историками Запада внимание к афинской демократии, подчеркивание ее огромного исторического значения было показателем прогрессивных взглядов Бузескула. В «Истории афинской демократии» (1909) В. П. Бузескул исследо-

вал генезис афинской демократии, ее структуру, функционирование и показал большое воздействие на греческий мир.

Ф. Ф. Зелинский активно занимался изучением различных аспектов греческой религии и культуры. Результатом этих занятий была публикация четырехтомного труда «Из жизни идей» (1905–1907, 1922). Зелинский был сторонником идеалистического направления и рассматривал господствующие в Греции идеи, духовную культуру и прежде всего религию в качестве основы политического и социально-экономического развития греков.

Как и в XIX в., активно изучалась история греческих колоний Северного Причерноморья и их взаимоотношений с окружающими кочевниками, прежде всего со скифами. Кроме Латышева и Жебелева этими проблемами много занимался М. И. Ростовцев, который выпустил ценные труды «Античная декоративная живопись на юге России» (1914) и «Эллинизм и иранство на юге России» (1918), о взаимоотношениях Херсонеса и Римской империи. Огромный материал по истории греческих колоний Северного Причерноморья был добыт археологическими раскопками в Ольвии, которые проводил Б. В. Фармаковский, в Херсонесе, ими руководил К. К. Косцюшко-Валюжинич, в Керчи, где работал В. В. Шкорпил.

Многогранную научную деятельность по изучению древнегреческой истории и культуры проводил Ф. Г. Мищенко. Ему принадлежат прекрасные переводы на русский язык сочинений Геродота, Фукидида, Полибия и Страбона. Он занимался историей общественной мысли древних греков, в частности проследил зарождение рационализма в Греции, представляют интерес его характеристики политических учреждений и государственного устройства, особенно во времена эллинизма. Наконец, он издал интересные работы о торговых взаимоотношениях между Афинами и Боспором в IV в. до н. э. и об отношениях между греческими городами и скифами.

В целом русская наука внесла ценный вклад в европейское антиковедение, обогатила мировую науку многими серьезными исследованиями по истории Древней Греции.

Зарубежная историография Древней Греции XX в. С начала 20-х годов XX в. начался новый период в развитии зарубежной историографии. На ее состояние оказывали сильное

влияние общие условия общественной жизни Европы, сложившиеся после разрушительной мировой войны, революционные потрясения в России и многих европейских странах, экономические кризисы 20-х годов. Вместе с тем продолжается накопление источников, ведутся крупномасштабные археологические раскопки, поступают в распоряжение специалистов новые сотни тысяч надписей, монет, памятников материальной культуры. Совершенствуется методика исторического исследования, историки начинают использовать методы естественных и технических наук (математики, статистики, геофизики, палеогеографии и др.), расширяется проблематика исторического исследования – теперь изучение ведется практически по всем периодам и регионам античной древности. В этих условиях увеличивается разрыв между конкретно-историческими исследованиями и их теоретическим осмыслением, начинается произвольное использование данных исторической науки в реакционных политических целях. Ярким примером такого антинаучного подхода к некоторым достижениям современной историографии, более того, сознательной фальсификации ее результатов в интересах реакции и милитаризма является фашистская историография 20–30-х годов в Италии и Германии.

Изучение конкретной истории стран Древнего Востока, Древней Греции и римского Средиземноморья показало сложность и многообразие мирового исторического процесса, привело к преодолению одностороннего греко- или романоцентризма. К началу XX в. уже признавалась устаревшей концепция изолированного развития древневосточных и античных обществ, были выявлены многочисленные связи между ними. Отражением новых веяний в науке стала подготовка и издание многотомных всемирных историй древности, в которых история древневосточных стран, греческих полисов и огромного римского государства рассматривалась в некотором единстве. Наиболее известными изданиями подобного рода стали 12-томная «Кембриджская древняя история» (1928–1938), «Всеобщая история» в 13 книгах под редакцией Г. Глотца (1923–1939) и 5-томная работа «Народы и цивилизации. Всеобщая история» под редакцией А. Альфана и Ф. Саньяка (1930–1937). В качестве авторов были приглашены круп-

ные специалисты в той или иной области древности, которые изложили новейшие достижения зарубежной историографии. В этих изданиях, написанных с позиций умеренной модернизации древности, было дано обстоятельное, основанное на тщательном изучении источников описание экономики, социальных отношений, более подробно – военно-политической истории и культуры. И английская, и французская всеобщие истории древности стали своего рода смотром достижений умеренно-консервативного направления 20–30-х годов. После окончания второй мировой войны в 50–60-х годах вышло несколько аналогичных изданий в разных странах Европы: «Всеобщая история цивилизации» под редакцией Краузе во Франции, «История мира» в 10 томах в Швейцарии, «Всемирная история Фишера» в 37 томах в Германии, «История человечества. Культурное и научное развитие», изданное под эгидой ЮНЕСКО. Однако в послевоенных историях древнему миру, в том числе Греции, уделялось небольшое место, и они по полноте охвата материала сильно уступали «Кембриджской древней истории» и «Всеобщей истории древности» Г. Глотца. Неудивительно, что в 60-х годах было начато с учетом новых данных переиздание «Кембриджской древней истории». Создание сводных трудов по древней истории стало возможным благодаря накоплению нового материала и интенсивной разработке частных проблем и отдельных разделов древнегреческой и античной экономической и социальной, политической и культурной истории.

Довольно активно разрабатывались различные проблемы экономической истории Древней Греции. Сформировались две основные концепции: модернизации античных отношений по образцу капиталистических и концепция особого пути развития античного общества, отличного от капитализма. Наиболее авторитетным представителем зарубежной науки 20–40-х годов XX в. стал выдающийся русский историк, переехавший в США и ставший профессором Йельского университета М.И. Ростовцев. В трехтомном труде о социально-экономической истории эллинистического мира (1941) он дал исчерпывающее для своего времени и сохраняющее свое значение до сих пор исследование самых разных сторон экономических и социальных отношений эллинистического мира.

Глубокий анализ древнегреческой экономики был дан также видными французскими историками Ж. Тутеном («Античная экономика», 1927) и Г. Глотцем («Труд в Древней Греции. История греческой экономики», 1920), немецким ученым Ф. Хайхельхаймом («Экономическая история древнего мира», 1938). Однако анализ новых материалов показывает бесперспективность и несоответствие фактам этого влиятельного с начала XX в. направления. В работах голландца Х. Болькенштейна «Греческая экономика золотого века» (1923; 1958), английского ученого Х. Митчела «Экономика Греции» (1940) о модернизации хозяйственных отношений говорится уже весьма умеренно, подчеркивается известная примитивность экономики, авторы предпочитают больше излагать фактический материал. С острой критикой модернизации древней истории, в том числе и экономики, выступили такие крупные историки, как Э. Билль (Франция) и особенно английский ученый М. Финли, которому принадлежит большое количество исследований по самым различным проблемам истории Древней Греции (история рабства, аграрные отношения, социальная и политическая история). Большой интерес представляет его концепция античной (в том числе и греческой) экономики, которую он развивает в обобщающей работе «Античная экономика» (1973). По его мнению, античная экономика по существу отличалась от капиталистической настолько, что к ней нельзя даже применить экономические понятия «капитал», «капиталовложение», «продукция», «спрос», «предложение». Античный город был центром потребления, а не производства, а основой экономики было натуральное хозяйство ойкоса, изолированное от других. В обществе не могла сформироваться государственная экономическая политика, а потому не было и борьбы за рынки сбыта и источники сырья. Целью же производства являлось не получение прибыли, дополнительной продукции, а, прежде всего самообеспечение занятых в конкретном замкнутом ойкосе работников. Французский ученый Э. Билль и американский историк Честер Старр в целом разделяют антимодернистскую концепцию Финли, хотя они, особенно Старр, считают возможным применять экономические понятия «продукция», «прибыль», «вложения» при анализе хозяйственной жизни Древней Гре-

ции. В целом концепция своеобразия античной экономики, ее коренного отличия от капиталистической получает все большую поддержку в современной зарубежной науке, хотя в такой обобщающей работе, как «Экономическая история Европы» (1972), экономика Древней Греции, так же как и Древнего Рима, подается с позиций довольно модернизаторских, вплоть до утверждения, что Афины V–IV вв. до н. э. напоминают Лондон XIX в.

Одна из ключевых проблем древнегреческой истории – проблема рабства, степень его распространения, его роль в производстве и обществе – в 30–40-е годы XX в. почти не привлекала внимания. Однако в 50–70-х годах она приобрела большое значение и стала одной из популярных историографических проблем. Наиболее крупными направлениями в изучении античного (и древнегреческого) рабства стали школы американского ученого У. Уэстермана и немецкого ученого И. Фогта. У. Уэстерман активно занимался проблемой рабства в древности в 20–30-х годах, и результатом его усилий стала публикация обобщающего труда «Рабские системы греко-римской древности» (1955). В этой работе он доказывает слабую распространенность рабства, неплохое общественное положение рабов и опровергает вывод о рабовладельческом характере античной цивилизации. Концепцию Уэстермана поддерживают А. Джонс и Ч. Старр.

Большое влияние в науке 50–70-х годов приобрела группа западногерманских специалистов во главе с И. Фогтом. Они выпустили свыше двух десятков монографий по различным проблемам античного рабства (об источниках рабства, положении рабов в обществе, техническом прогрессе и рабстве, о рабстве в горном деле, восстаниях рабов и др.). Для школы И. Фогта характерен более внимательный и глубокий анализ фактического материала, который привел к констатации значительной роли рабства в античном обществе и производстве.

Новый поворот в изучении рабства в античной Греции наблюдается в трудах М. Финли – он рассматривает его в широком контексте социальных отношений. По его мнению, роль рабства в Греции была велика уже со времен Гесиода, т. е. с начала VII в. до н. э., а рабство было одним из элементов гре-

ческой цивилизации, причем он полагает, что дошедшие случайные цифры не показывают в полной мере большую роль рабов в греческом мире. Однако М. Финли считает, что нельзя говорить о классе рабов так же, как и о классах греческого общества вообще. Общественная структура античных обществ, с его точки зрения, представляет собой целый комплекс многих социальных групп, статусов, сословий, не объединенных какими-либо общими признаками. Само рабство было одной из многих форм зависимости, известных в древности, которое лишь на короткий срок и лишь в ряде регионов (как, например, в Афинах) вытеснило другие категории неполноправных работников. Обстоятельные и глубокие исследования по социальной истории греческого общества II тысячелетия – первой половины I тысячелетия до н. э. принадлежат английскому ученому Дж. Томпсону, который проследил процессы классовообразования, социальных взаимоотношений, положение в обществе разных классов и социальных слоев. Для него развитие производства является определяющим фактором социальной стратиграфии, а движущей силой исторического прогресса – социальные противоречия. Изучение социальной истории находится в центре внимания влиятельной школы французских специалистов во главе с П. Левеком, которая сложилась в Безансонском университете. Представители этой школы издали около трех десятков монографий и сборников по различным проблемам истории, включая и социально-политическую, рабский труд в ремесле и сельском хозяйстве, положение крестьянского населения в древнем обществе, роль женщины, разные формы зависимости, удельный вес родовых объединений в государственной и социальной структуре и др.

Несмотря на увеличивающееся количество работ по социально-экономической истории, преобладающее внимание в современной историографии уделяется проблемам политической истории. Политическая история Греции исследуется по нескольким направлениям. Прежде всего это изучение различных аспектов афинской демократии (П. Клоше, К. Моссе, А. Джоунз, Р. Мейгз и др.), которая сейчас трактуется не столь односторонне, как прежде, без идеализации или в очернительных тонах, а как явление сложное и внутренне

противоречивое, обращается внимание на ее прогрессивные и негативные стороны, на сам механизм действия демократических учреждений, ее социальные основы.

Увеличилось количество работ по истории Спарты (Х. Митчел, Дж. Хаксли, В. Форрест). Новые точки зрения на раннюю историю Спарты позволили показать более сложный и противоречивый генезис спартанского общества и государства, чем это было принято в предшествующей историографии, в которой господствовали концепции, восходящие в конечном счете к античной традиции о Ликурговой Спарте. Ранняя Спарта рассматривается как развивающееся общество, движение которого было приостановлено в VI в. до н. э., после чего оно превратилось в застойную социально-экономическую систему с господством грубого милитаризма, осуществляющего, прежде всего контроль за многочисленными илотами (Хаксли). Если Афины, Коринф и другие торгово-ремесленные города считались центрами античного капитализма, то модернизация спартанской истории проявляется в том, что она трактуется как феодальное общество (Митчел).

Обобщением многих конкретных исследований греческой государственности являются работы Дж. Ларсена «Представительное правление у греков и римлян» (1953) и В. Эренберга «Греческое государство» (1960, 1969, т. 1–11). В этих работах анализируются разные формы государственности, пути ее становления, изменения характера государства в классическое и эллинистическое время. Государственность для Ларсена и Эренберга – самодовлеющая сила, не только не зависящая от общества, но и стоящая над обществом и направляющая его развитие.

Следует отметить, что в зарубежной историографии 50–70-х годов формируется школа специалистов, которая изучает древнегреческую историю с материалистических позиций или близких к ним. Английские и американские историки Дж. Сэн Круа (труды по истории Пелопоннесской войны, «Карл Маркс и история классической античности»), П. Карлледж (работы о ранней Спарте), Р. Педгаг («Классы и общество классической Греции»), М. Уазен («Классовая борьба в древней Греции») исследуют кардинальные проблемы древнегреческой истории, признавая важную роль способа произ-

водства в развитии социально-политических структур, социальных противоречий в древнегреческом обществе.

В 80–90-х годах исследования проводились по различным периодам, по многим аспектам и практически по всем регионам греческого мира. Получила продолжение и большую интенсивность такая форма исследований, как организация многочисленных симпозиумов и тематических конференций, в рамках которых специалисты многих научных центров, археологических институтов и университетов подводили итоги последних научных разработок. Как правило, итогом таких интернациональных конференций становится издание трудов, многотомных изданий, своего рода коллективных монографий, представляющих серьезный вклад в историографию проблемы. Так, например, практически ежегодно собираются конференции в Таранто по проблемам Великой Греции. По этим материалам была осуществлена 4-томная публикация «Великая Греция» под редакцией П. Карателли (1985–1990), представляющая собой сводку последних разработок в этой части греческого мира. По результатам международных конгрессов, посвященных изучению истории Пелопоннеса, проводимых в 80-х годах в г. Каламита, изданы 3 тома современных исследований (1987–1988).

Некоторые конгрессы проводились по проблемам, относительно неполно изученным в современной историографии. Например, в Пизе и Сиене в 1988 г. прошел симпозиум по теме греческого права классического и эллинистического времени, материалы которого были опубликованы в 1990 г.

Из научных проблем, вышедших на одно из приоритетных мест в современной историографии Древней Греции, можно назвать такие: вопросы экологии, исторической географии и демографии. Исследуются освоение человеком окружающей природной среды и развитие соответственно разных сфер экономики, взаимодействие человека, отдельных коллективов и природного ландшафта, роль моря, горных цепей в жизни отдельных полисов, негативное влияние человеческого и социального фактора на природу, проблемы экологических катастроф, продолжительность жизни, состояние здоровья общества и влияние его на культурные процессы. В этой области появились фундаментальные исследования: ра-

боты О. Ракхэма об исторической экологии Беотии (1983), работа М. Хансен «Демография и демократия» (1986), обобщающий труд Р. Саллареса «Экология в древнегреческом мире» (1991), Дж. Тергуд «Человек и средиземноморский лес» (1981), Р. Осборн «Классический ландшафт» (1987). К тому же экологические проблемы занимают все большее место в общих работах, освещающих разные периоды древнегреческой истории, таких, как, например, книга Снодграсса «Археология Греции» (1987), сборник «Греческий город», изданный под редакцией О. Меррея, работа М. Джеймсона о сельском хозяйстве в Древней Греции (1988, 1991), труд П. Гарней «Голод и производство продовольствия в греко-римском мире» (1988) и ряд других исследований. Видимо, это направление в историографии Древней Греции будет преобладать в ближайшие годы.

Из работ общего характера, вышедших в последние годы, можно отметить серию монографий ведущих специалистов по разным временным периодам, которые в совокупности дают современное представление об истории Греции с конца микенской цивилизации до конца эллинистической эпохи (О. Меррей. Ранняя Греция, 1993; Дж. Девис. Демократия и классическая Греция, 1993; Ф. Уолбенк. Эллинистический мир, 1992), изданные в рамках единой серии под общей редакцией Освина Меррея.

Отечественная историография античности (1917–1996). После Октябрьской революции 1917 г. отечественная историческая наука стала развиваться на основе марксистско-ленинского учения об обществе. Однако разработка истории древнего мира, в том числе Древней Греции, на основе марксистско-ленинской идеологии была сложным процессом. Во многих работах ученых 20-х годов ощущалось сильное влияние популярных концепций европейской историографии, в частности циклической теории Эд. Мейера, ойкосной теории К. Бюхера, взглядов М. Вебера. Основы марксистского антиковедения были заложены трудами А.И. Тюменева, В. С. Сергеева, С. И. Ковалева. Важное место в разработке новой концепции древнегреческой истории в 20-е годы заняли исследования А. И. Тюменева. В нескольких монографиях («Очерки экономической и социальной истории Древней Греции», 1920–1922, т. I–III; «Существовал ли капитализм в Древней

Греции?», 1923; «Введение в экономическую историю Древней Греции», 1923) он предложил новое понимание социально-экономических отношений в Древней Греции, определил специфику древнегреческой экономики, классовую и социальную структуры, подвергнув критике как модернизм Эд. Мейера, так и ойкосную теорию К. Бюхера.

Большое влияние на становление марксистского антиковедения оказала проведенная в конце 20-х – начале 30-х годов дискуссия об общественно-экономических формациях. В ее ходе были разработаны основные положения теории рабовладельческой общественно-экономической формации, которая охватывала общества Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима. В ряде работ С. И. Ковалева («Об основных проблемах рабовладельческой формации», 1933; «Проблемы социальной революции в античном обществе» и др.) и А. В. Мишулина («О воспроизводстве в античной общественной формации», 1932) были разработаны методологические аспекты рабовладельческой формации, ее сущность, особенности и главные факторы развития. Общая разработка истории Древней Греции как рабовладельческого общества была предпринята В. С. Сергеевым и С. И. Ковалевым в учебниках для исторических факультетов государственных университетов, которые были изданы в 30-х годах. Эти обобщающие работы создавались на основе более конкретных разработок различных проблем древнегреческой истории. К. М. Колобова сосредоточила свои усилия на анализе сложной и важной проблемы становления классового общества и государственности на о. Родос и в Аттике. Ценные труды по социально-экономической проблематике были изданы О. О. Крюгером («Общий очерк социально-экономической истории эллинизма», 1934; «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте», 1935), Р. В. Шмидт (о горном деле и металлообрабатывающем производстве, 1935; о положении пещеностов в Фессалии). В многочисленных работах С. Л. Лурье ставились различные проблемы политической истории Аттики и греческой науки (серия монографий «Демокрит», «Архимед», «Геродот», «Очерки по истории античной науки»).

По некоторым фундаментальным проблемам древнегреческой истории развернулись оживленные дискуссии. В кон-

це 30-х годов обсуждалась проблема сущности древнегреческого общества во II тысячелетии до н. э. Б. Л. Богаевский отстаивал точку зрения о наличии бесклассового общества в крито-микенском мире, в то время как В. С. Сергеев придерживался концепции раннерабовладельческих отношений и наличия государственности в Греции II тысячелетия до н. э., которая была разрушена дорийским завоеванием в конце II тысячелетия до н. э. Дешифровка линейного письма, изучение документов II тысячелетия до н. э. в 50–60-х годах подтвердили научные позиции В. С. Сергеева.

Весьма дискуссионными стали основные проблемы эллинистического общества, сам характер эллинизма. Дискуссия 1953 г. выявила разные точки зрения. В. С. Сергеев, С. И. Ковалев, А. Б. Ранович («Эллинизм и его историческая роль», 1950) рассматривали эллинизм как более высокий по своему социально-экономическому, политическому и культурному содержанию этап древнегреческой истории, чем предшествующие периоды, видели наличие многих общих черт в эллинистических обществах и государствах, в то же время К. К. Зельин понимал сущность эллинизма как конкретно-историческое сочетание древнегреческих и древневосточных элементов в каждой стране эллинистического мира. В 1960 г. К. К. Зельин выпустил капитальное исследование о земельных отношениях в позднеэллинистическом Египте, где был дан не только самый фундированный анализ аграрных отношений в Египте, но и поставлен ряд принципиальных вопросов теоретического характера (о роли товарного и натурального хозяйств, разных формах зависимости, роли экономических и внеэкономических форм принуждения и др.).

Особое внимание специалистов в 60–70-е годы привлекали две кардинальные проблемы общегреческой истории — рабства и полиса. По первой проблеме была издана серия монографий «Исследования по истории рабства в античном мире». В рамках этой серии были опубликованы монография Я. А. Ленцмана «Рабство в микенской и гомеровской Греции» (1963), сборники «Рабство на периферии античного мира» (1968), «Рабство в эллинистических государствах III–I вв. до н. э.» (1969), монография К. К. Зельина и М. К. Трофимовой «Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в

эллинистический период» (1969), работа А. И. Доватура «Рабство в Аттике в V–IV вв. до н. э.» (1980). Написанные на основе самого скрупулезного анализа многочисленных источников, эти монографии дали более современную трактовку самым различным аспектам рабовладельческих и других форм зависимости в Древней Греции, показали роль рабовладельческого производства в греческом мире.

Большое место в 60–70-х годах уделялось и различным сторонам полисной организации, древнегреческого полиса. В работах Ю. В. Андреева, В. Н. Андреева, Л. М. Глускиной, Э. Л. Казакевич-Грэйс, Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролова древнегреческий полис исследовался с разных сторон. Предыстория и ранние формы полисной организации (Ю. В. Андреев), сущность полиса, экономика и в том числе аграрные отношения (В. Н. Андреев, Г. А. Кошеленко), рабство и полис (Казакевич-Грэйс), кризис полисной организации в IV в. до н. э. (Л. М. Глускина, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов), судьбы полиса в эллинистическом мире (Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович) – это лишь некоторые из многочисленных проблем древнегреческого полиса, которые были подвергнуты самому внимательному рассмотрению.

Известным завершением исследовательской работы по изучению древнегреческого полиса к середине 80-х годов стал выход сводного труда «Античная Греция» (1983, т. I–II), в котором история возникновения, расцвета и кризиса греческого полиса рассматривается как основа развития всего древнегреческого общества и государства.

В 80-х годах получает популярность проблема древнейших истоков греческого народа, связанная с их принадлежностью к так называемой индоевропейской культурно-языковой общности. В трудах В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1981, т. I–II), В. А. Сафронова «Проблемы индоевропейской прародины» (1983) и особенно «Индоевропейские прародины» (1989) были исследованы проблемы древнейшей прародины индоевропейцев и пути их расселения, в том числе и приход древнейших греческих племен на территорию Эллады в III–II тысячелетиях. Особенно радикальными стали выводы В. А. Сафронова, который попытался реконструировать материальную и духов-

ную культуру древнейших индоевропейцев и выдвинул концепцию формирования древнейшей индоевропейской цивилизации в VI–V тысячелетиях до н. э. с ее локализацией на северных Балканах. Этот вывод пересматривает традиционные представления о древнейших греческих племенах, просочившихся на территорию Древней Греции, как первобытных структурах и позволяет рассматривать их как носителей древнейшей цивилизации.

Приход и расселение древнейших протогреческих и греческих племен в южной части Балканского полуострова и установившиеся сложные отношения с догреческим местным населением вызвали интерес к проблемам взаимодействия греческой и местной культур, общему генезису древнейшей греческой цивилизации III–II тысячелетий до н. э. и ее влиянию на греческую культуру I тысячелетия до н. э.

Эти проблемы изучались в двух направлениях. Одно из них представлено наиболее ярко в работах Л. А. Гиндина («Древнейшая ономастика восточных Балкан», 1981, и особенно «Население Гомеровской Трои», 1993) и Ю. В. Откупщикова («Догреческий субстрат», 1987). В этих работах подвергнуты анализу сложные явления этнической истории III–II тыс. до н. э. и соотношение между собственно греческим языковым и этническим и местным компонентом в балканском и малоазийском регионах, формирование греческого этнического населения, давшего начало эллинской народности I тысячелетия до н. э. Другое направление представлено работами Ю. В. Андреева («Раннегреческий полис», 1976; «Островные поселения эгейского мира в эпоху бронзы», 1989; «Поэзия мифа и проза истории», 1990), в которых основное внимание сосредоточено на выявлении тех элементов эллинского урбанизма, на формировании тех городских структур во II тысячелетии до н. э., которые стали некоторым прообразом, основой, на которой развился полисный городской строй классической Греции I тысячелетия до н. э.

Известным продолжением круга исследований генезиса классической цивилизации в контексте истории Восточного Средиземноморья стала работа В. А. Яйленко «Архаическая Греция и Ближний Восток» (1990), в которой автор вопреки господствующему в науке мнению о самобытном эллинском

развитии полисной культуры в архаический период (VIII–VI вв. до н. э.) показывает сильное и многоплановое воздействие ближневосточных культур на ее формирование, а творческая переработка достижений ближневосточной цивилизации рассматривается как мощный стимул для становления собственно греческой классической культуры.

В 60–80-х годах проводились исследования по самым различным периодам древнегреческой истории. Так, по истории Ахейской Греции, изучение которой приобрело особый размах после дешифровки линейной письменности Б и прочтения письменных документов II тысячелетия до н. э., вышло несколько серьезных работ: С. Я. Лурье «Язык и культура микенской Греции», 1957; Я. А. Ленцман «Рабство в микенской и гомеровской Греции», 1963; Т. В. Блаватская «Ахейская Греция», 1966; «Греческое общество II тысячелетия до н. э.», 1976, и др., в который были рассмотрены важнейшие аспекты древнейшей греческой истории и высказаны разные точки зрения по ряду конкретных вопросов.

Ценные труды по истории Греции классического периода были изданы К. К. Зельным («Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н. э.», 1964), Л. Н. Казамановой («Очерки социально-экономической истории Крита V–IV вв. до н. э.», 1964). Изучением политической истории и политической мысли древних греков занимались А. К. Бергер («Политическая мысль древнегреческой демократии», 1966) и А. И. Доватур («Политика и политии Аристотеля», 1965). Целый ряд серьезных трудов был выпущен по истории Греции IV в. до н. э.: монографии Л. М. Глускиной («Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э.», 1975), Л. П. Маринович («Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса», 1975), Э. Д. Фролова («Греческие тираны», 1972, и «Сицилийская держава Дионисия», 1979).

Особым направлением в исследованиях стала разработка различных проблем развития общественной мысли древних греков архаического и классического времени. Здесь следует отметить труд Э. Д. Фролова «Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли» (1991), в котором автор рассматривает сущность эллинской общественной мысли, а именно разработку рационалистического учения о государст-

ве и праве, которое стало большим достижением мировой культуры и определило во многом развитие как римской, так и европейской общественной мысли.

В монографии В. М. Строгоцкого «Полис и империя в классической Греции» (1991) исследуется одна из ключевых проблем классического периода: соотношение полисных и надполисных структур и их противостояние в период наивысшего расцвета греческого полиса как суверенного города-государства.

Активной разработке были подвергнуты различные проблемы эллинистической истории, прежде всего, социально-экономические отношения. А. И. Павловская изучала египетское рабовладение, Н. Н. Пикус – положение царских земледельцев и ремесленников («Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э.», 1972), И. С. Свенцицкая – аграрные и социальные отношения в эллинистической Малой Азии. Е. С. Голубцова выпустила несколько монографий, в которых получили тщательную разработку различные аспекты общинного устройства, рабовладельческих отношений, разных форм зависимости, идеологии и культуры в Малой Азии эллинистического и римского времени.

Изучалась и история международных отношений в период эллинизма. В монографиях А. С. Шофмана «Античная Македония» (1960–1963, т. I–II), «Восточная политика Александра Македонского» (1976), трудах Б. Г. Гафурова и Д. И. Цибукидиса «Александр Македонский и Востоку» (1980), А. Г. Бокщина «Парфия и Рим» (1960–1966, т. 1–11), В. Д. Жигунина «Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э.» (1980) показана сложная дипломатическая игра и запутанная система взаимоотношений эллинистических стран, которая в конечном счете привела к их ослаблению и завоеванию Римом.

Различные аспекты политической истории эллинистического времени, в частности проблемы федерализма как нового политического института, получили освещение в работах С. К. Сизова «Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства» (1989) и «Федеративное государство эллинистической эпохи: Этолийский союз» (1990). Най-

денный тип федеративного устройства рассматривается как оптимальная форма соотношения широкой автономии вошедших в состав федерации полисов и центрального федерального руководства, и этот опыт стал некоторой основой последующих федеративных устройств, как в римское, так и в европейское время.

Культура и общество стран восточного эллинизма стали предметом исследования С. В. Новикова «Юго-западный Иран в античное время. От Александра Македонского до Ардашира» (1989) и И. Р. Пичикяна «Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды» (1991). Одной из центральных проблем этих монографий является очень сложный и своеобразный синтез местных культур и привнесенных греко-македонскими завоевателями общественных и политических институтов.

Известным обобщением региональных исследований об эллинистическом времени стала коллективная монография «Эллинизм. Экономика, политика, культура» (1991), в которой изучение ведется в двух направлениях: с одной стороны, рассматриваются теоретические аспекты эллинизма, прежде всего его сущность, исторические предпосылки, с другой стороны, поставлена такая проблема, как влияние общих условий эллинистической эпохи на историю собственно Балканской и островной Греции и греческих образований в Северном Причерноморье.

Одним из влиятельных направлений отечественной историографии являются исследования истории и культуры греческих колоний в Причерноморье, прежде всего в Северном Причерноморье. В этом регионе ведутся интенсивные раскопки Тиры, Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и многих других греческих центров черноморского побережья. Накоплен и исследован огромный материал археологических, нумизматических и эпиграфических источников, на основе которых разработаны многие проблемы истории и культуры древнегреческих колоний. Ценные исследования по истории Ольвии были проведены Л. М. Славным, В. В. Лапиным, С. Д. Крьюжским, К. К. Марченко, Ю. Г. Виноградовым, по истории Херсонеса – Г. Д. Беловым, С. Ф. Стржеleckим, А. Н. Щегловым, по истории Боспорского царства – В. Д. Блаватским, В. Ф. Гайдукевичем, М. М. Кобылиной,

И. Т. Кругликовой, Д. Б. Шеловым и др. На основе многочисленных конкретных разработок отдельных вопросов были изданы сводные работы по истории всего региона С. А. Желобелевым, В. Д. Блаватским, В. Н. Дьяковым, Д. П. Каллистовым, Д. Б. Шеловым. Грузинскими историками и археологами активно исследуется богатая история греческих колоний и местных племен Восточного Причерноморья.

Органической и очень важной частью отечественного антиковедения является разработка проблем взаимосвязей и взаимоотношений между античными политическими образованиями в Северном Причерноморье с окружающим их миром степных кочевников, в частности скифских племен, и миром сарматов. Основы отечественной скифологии были заложены еще М. И. Ростовцевым («Эллинизация и иранство на юге России», 1918, и «Скифия и Боспор», 1925). Затем изучение истории и культуры скифов было продолжено такими маститыми учеными, как Б. Н. Граков («Каменское городище на Днепре», «Скифы», 1971), А. И. Тереножкин («Киммерийцы», 1976, и «Скифия VII–IV вв. до н. э. в соавторстве с В. А. Ильинской, 1983), М. И. Артамонов («Сокровища скифских курганов», 1966; «Киммерийцы и скифы», 1974), А. П. Смирнов («Скифы», 1966), Д. С. Раевский («Модель мира скифской культуры», 1985).

С начала 80-х годов возрастает интерес исследователей и количество работ еще по одной проблеме: размещение сарматских племен на территории Северного Причерноморья, их материальная и духовная культура, взаимоотношения со скифским племенным миром и населением греческих полисов Северного Причерноморья. К настоящему времени можно говорить о рождении особой научной дисциплины – сарматологии, которая вряд ли по количеству публикаций и постановке проблем уступает скифологии. Особенно велики заслуги в создании сарматологии как особой дисциплины К. Ф. Смирнова, автора многочисленных исследований по истории сарматов, в том числе таких капитальных работ, как «Савроматы» (1964), «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии» (1984), а также его учеников – М. Г. Мошковой («Памятники прохоровской культуры», 1963; «Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры», 1982),

В. Е. Максименко («Савроматы и сарматы на Нижнем Дону», 1983) и многих других исследователей.

В целом отечественными специалистами разных поколений разработаны многие аспекты древнегреческой истории, создана отечественная школа в историографии Древней Греции.

В. И. Кузицын

Лекция 2. Древнейшие культуры Эгейского бассейна. Древний Крит

Вопросы:

1. Предпосылки образования государства на Крите.
2. Первые государственные образования.
3. Создание объединенной общекритской державы.
4. Религиозные воззрения. Царская власть.
5. Социально-экономические отношения.
6. Критская морская держава и ее упадок.

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 1. Гл. 1.

1. Предпосылки образования государства на Крите.

Древнейшим очагом цивилизации в Европе был остров Крит. По своему географическому положению этот вытянутый в длину гористый остров, замыкающий с юга вход в Эгейское море, представляет как бы естественный форпост Европейского материка, выдвинутый далеко на юг в сторону африканского и азиатского побережий Средиземного моря. Уже в глубокой древности здесь скрещивались морские пути, соединявшие Балканский полуостров и острова Эгеиды с Малой Азией, Сирией и Северной Африкой. Возникшая на одном из самых оживленных перекрестков древнего Средиземноморья культура Крита испытала на себе влияние таких разнородных и разделенных большими расстояниями культур, как древнейшие «речные» цивилизации Ближнего Востока (Египта и Месопотамии), с одной стороны, и раннезем-

ледельческие культуры Анатолии, Придунайской низменности и Балканской Греции – с другой. Но особенно важную роль в формировании критской цивилизации сыграла культура соседнего с Критом Кикладского архипелага, по праву считающаяся одной из ведущих культур Эгейского мира в III тысячелетии до н. э. Для кикладской культуры уже характерны большие укрепленные поселения протогородского типа, например Филакопи на о. Мелос, Халандриани на Сиросе и другие, а также высокоразвитое самобытное искусство – представление о нем дают знаменитые кикладские идолы (тщательно отшлифованные мраморные фигурки людей) и разнообразные по форме богато орнаментированные сосуды из камня, глины и металла. Обитатели Кикладских островов были опытными мореплавателями. Вероятно, благодаря их посредничеству осуществлялись в течение долгого времени контакты между Критом, материковой Грецией и побережьем Малой Азии.

Время возникновения минойской цивилизации – рубеж III–II тысячелетий до н. э., или конец эпохи ранней бронзы. До этого момента критская культура не выделялась сколько-нибудь заметно на общем фоне древнейших культур Эгейского мира. Эпоха неолита, так же как и сменившая ее эпоха ранней бронзы (VI–III тыс. до н. э.), была в истории Крита временем постепенного, относительно спокойного накопления сил перед решающим скачком на новую ступень общественного развития. Что же подготовило этот скачок? В первую очередь, безусловно, развитие и совершенствование производительных сил критского общества. Еще в начале III тысячелетия до н. э. на Крите было освоено производство меди, а затем и бронзы. Бронзовые орудия труда и оружие постепенно вытесняли аналогичные изделия из камня. Важные изменения происходят в этот период в сельском хозяйстве Крита. Его основой теперь становится земледелие нового поликультурного типа, ориентированное на выращивание трех главных сельскохозяйственных культур, в той или иной степени характерных для всего Средиземноморского региона, а именно: злаковых (главным образом ячменя), винограда и оливы. (Так называемая средиземноморская триада.)

Результатом всех этих экономических сдвигов был рост производительности земледельческого труда и увеличение массы избыточного продукта. На этой основе в отдельных общинах стали создаваться резервные фонды сельскохозяйственных продуктов, за счет которых не только покрывалась нехватка продовольствия в неурожайные годы, но и обеспечивались пропитанием люди, не занятые непосредственно в сельскохозяйственном производстве, например специалисты-ремесленники. Таким образом, впервые сделалось возможным отделение ремесла от сельского хозяйства и начала развиваться профессиональная специализация в различных отраслях ремесленного производства. О высоком уровне профессионального мастерства, достигнутом минойскими ремесленниками уже во второй половине III тысячелетия до н. э., свидетельствуют относящиеся к этому времени находки ювелирных изделий, сосудов, выточенных из камня, резных печатей. В конце того же периода на Крите стал известен гончарный круг, позволивший добиться большого прогресса в производстве керамики.

В то же время известная часть общинных резервных фондов могла использоваться для межобщинного и межплеменного обмена. Развитие торговли на Крите, как и вообще в Эгейском бассейне, было тесно связано с развитием мореплавания. Не случайно почти все известные нам теперь критские поселения располагались либо прямо на морском побережье, либо где-нибудь невдалеке от него. Овладев искусством навигации, обитатели Крита уже в III тысячелетии до н. э. вступают в тесные контакты с населением островов Кикладского архипелага, проникают в прибрежные районы материковой Греции и Малой Азии, добираются до Сирии и Египта. Подобно другим морским народам древности, критяне охотно сочетали занятия торговлей и рыболовством с пиратством. Экономическое процветание Крита в III—II тысячелетиях до н. э. в немалой степени зависело от этих трех источников обогащения.

Прогресс критской экономики в эпоху ранней бронзы способствовал быстрому росту населения в наиболее плодородных районах острова. Об этом свидетельствует появление множества новых поселений, особенно ускорившееся в конце

III – начале II тысячелетия до н. э. Большинство из них размещались в восточной части Крита и на обширной центральной равнине (район Кносса и Феста). Одновременно идет интенсивный процесс социального расслоения критского общества. Внутри отдельных общин выделяется влиятельная прослойка знати. В ее состав входят в основном родовые вожди и жрецы. Все эти люди были освобождены от непосредственного участия в производительной деятельности и занимали привилегированное положение в сравнении с массой рядовых общинников. На другом полюсе той же социальной системы появляются рабы, главным образом из числа захваченных в плен немногих чужеземцев. В этот же период на Крите начинают складываться и новые формы политических отношений. Более сильные и многолюдные общины подчиняют себе своих не столь могущественных соседей, заставляют их платить дань и облагают всякими иными повинностями. Уже существующие племена и племенные союзы внутренне консолидируются, приобретая более четкую политическую организацию. Закономерным итогом всех этих процессов было образование на рубеже III–II, тысячелетий первых «дворцовых» государств, происшедшее почти одновременно в различных районах Крита.

2. Первые государственные образования.

Эпоха дворцовой цивилизации на Крите охватывает в общей сложности около 600 лет и распадается на два основных периода: 1) старых дворцов (2000–1700 гг. до н. э.) и 2) новых дворцов (1700–1400 гг. до н. э.). Уже в начале II тысячелетия на острове сложилось несколько самостоятельных государств. Каждое из них включало по несколько десятков небольших общинных поселений, группировавшихся вокруг одного из четырех известных сейчас археологам больших дворцов. Как было уже сказано, в это число входят дворцы Кносса, Феста, Маллии в центральной части Крита и дворец Като Закро (Закрое) на восточном побережье острова. К сожалению, от существовавших в этих местах «старых дворцов» уцелело лишь немного. Позднейшая застройка почти повсюду стерла их следы. Только в Фесте сохранился большой западный двор старого дворца и часть примыкающих к нему внутренних помещений. Можно предполагать, что уже в это раннее вре-

мя критские зодчие, строившие дворцы в разных районах острова, старались следовать в своей работе определенному плану, основные элементы которого продолжали применяться также и впоследствии. Главным из этих элементов было размещение всего комплекса дворцовых построек вокруг прямоугольного центрального двора, вытянутого по осевой линии всегда в одном и том же направлении с севера на юг.

Среди дворцовой утвари этого периода наибольший интерес представляют глиняные расписные вазы стиля Камарес (их первые образцы были найдены в пещере Камарес неподалеку от Феста, откуда и идет это название). Украшающий стенки этих сосудов стилизованный растительный орнамент создает впечатление безостановочного движения сочетающихся друг с другом геометрических фигур: спиралей, дисков, розеток и т. п. Здесь впервые дает о себе знать тот исключительный динамизм, который станет в дальнейшем важнейшей отличительной чертой всего минойского искусства. Поражает также и цветовое богатство этих росписей. На темный фон цвета асфальта рисунок наносился сначала белой, а затем красной или коричневой краской разных оттенков. Эти три цвета составляли очень красивую, хотя и сдержанную красочную гамму.

Уже в период «старых дворцов» социально-экономическое и политическое развитие критского общества продвинулось так далеко вперед, что породило настоятельную потребность в письменности, без которой не обходится ни одна из известных нам ранних цивилизаций. Возникшее еще в начале этого периода пиктографическое письмо (оно известно главным образом по кратким — из двух-трех знаков — надписям на печатях) постепенно уступило свое место более совершенной системе слоговой письменности — так называемому линейному письму А. До нас дошли сделанные линейным письмом А надписи посвященного характера, а также, хотя и в небольшом количестве, документы хозяйственной отчетности.

3. Создание объединенной общекритской державы.

Около 1700 г. до н. э. дворцы Кносса, Феста, Маллии и Като Закро были разрушены, по всей видимости, в результате сильного землетрясения, сопровождавшегося большим пожаром. Эта катастрофа, однако, лишь ненадолго приостановила

развитие критской культуры. Вскоре на месте разрушенных дворцов были построены новые здания того же типа, в основном, по-видимому, сохранившие планировку своих предшественников, хотя и превосходящие их своей монументальностью и великолепием архитектурного убранства. Таким образом, начался новый этап в истории минойского Крита, известный в науке как «период новых дворцов».

Самое примечательное из архитектурных сооружений этого периода — открытый А. Эвансом дворец Миноса в Кноссе. Обширный материал, собранный археологами во время раскопок в этом дворце, позволяет составить наиболее полное и всестороннее представление о том, чем была минойская цивилизация в эпоху ее наивысшего расцвета. Греки называли дворец Миноса «лабиринтом» (само это слово, по-видимому, было заимствовано ими из языка догреческого населения Крита). В греческих мифах лабиринт — огромное здание с множеством комнат и коридоров. Человек, попавший в него, уже не мог выбраться без посторонней помощи и неизбежно погибал: в глубине дворца обитал кровожадный Минотавр — чудовище с человеческим туловищем и головой быка. Подвластные Миносу племена и народы обязаны были ежегодно тешить ужасного зверя человеческими жертвами, пока он не был убит знаменитым афинским героем Тезеем. Раскопки Эванса показали, что рассказы греков о лабиринте имели под собой определенную почву. В Кноссе действительно было обнаружено огромное по размерам здание или даже целый комплекс зданий общей площадью 16000 кв. м, включавший около трехсот помещений самого разнообразного назначения.

Архитектура критских дворцов в высшей степени необычна, своеобразна и ни на что не похожа. В ней нет ничего общего с тяжеловесной монументальностью египетских и ассирийско-вавилонских построек. Вместе с тем она очень далека и от гармоничной уравновешенности классического греческого храма с его строго симметричными, математически выверенными пропорциями. Своим внешним видом Кносский дворец более всего напоминал затейливые театральные декорации под открытым небом. Этому впечатлению способствовали причудливые портики с колоннами необычной формы, утол-

щавшимися кверху, широкие каменные ступени открытых террас, многочисленные балконы и лоджии, которыми были прорезаны стены дворца, мелькавшие повсюду яркие пятна фресок. Внутренняя планировка дворца отличается чрезвычайной сложностью, даже запутанностью. Жилые комнаты, хозяйственные помещения, соединяющие их коридоры, внутренние дворики и световые колодцы расположены, на первый взгляд, без всякой видимой системы и четкого плана, образуя какое-то подобие муравейника или колонии кораллов. (Легко понять чувства какого-нибудь греческого путешественника при виде этого огромного здания: ему действительно могло показаться, что он попал в страшный лабиринт, из которого никогда уже не выберется живым.) При всей хаотичности дворцовой постройки она все же воспринимается как единый архитектурный ансамбль. Во многом этому способствует занимающий центральную часть дворца большой прямоугольный двор, с которым так или иначе были связаны все основные помещения, входившие в состав этого огромного комплекса. Двор был вымощен большими гипсовыми плитами и, по-видимому, использовался не для хозяйственных надобностей, а для каких-то культовых целей. Возможно, именно здесь устраивались так называемые «игры с быками», изображения которых мы видим на фресках, украшающих стены дворца.

За свою многовековую историю Кносский дворец неоднократно перестраивался. Отдельные его части и все здание в целом, вероятно, приходилось восстанавливать после каждого сильного землетрясения, которые бывают на Крите примерно один раз в пятьдесят лет. При этом новые помещения пристраивались к старым, уже существующим. Комнаты и кладовые как бы нанизывались одна на другую, образуя длинные ряды-анфилады. Отдельно стоящие постройки и группы построек постепенно сливались в единый жилой массив, группирующийся вокруг центрального двора. Несмотря на известную бессистемность внутренней застройки, дворец был в избытке снабжен всем необходимым для того, чтобы жизнь его обитателей была спокойной и удобной. Строители дворца позаботились о таких важнейших элементах комфорта, как водопровод и канализация. Во время раскопок были

найлены каменные желоба, по которым нечистоты выводились за пределы дворца. Была обнаружена также оригинально устроенная система водоснабжения, благодаря которой обитатели дворца никогда не страдали от недостатка питьевой воды. В Кносском дворце существовала также хорошо продуманная система вентиляции и освещения. Вся толща здания была прорезана сверху донизу специальными световыми колодцами, по которым солнечный свет и воздух поступали в нижние этажи. Кроме того, этой же цели служили большие окна и открытые веранды. Напомним для сравнения, что древние греки еще и в V в. до н. э. — в пору наивысшего расцвета их культуры — жили в полутемных душных жилищах и не знали таких элементарных удобств, как ванна и уборная со стоком. В Кносском дворце удалось найти как то, так и другое: большая терракотовая ванна, расписанная изображениями дельфинов, и неподалеку от нее устройство, близко напоминающее современный ватерклозет, были открыты в восточном крыле дворца, в так называемых покоях царицы.

Значительная часть нижнего, цокольного, этажа дворца была занята кладовыми для хранения съестных припасов. В западной части дворца сохранился длинный коридор, прорезавший все это крыло по прямой линии с севера на юг. По обе стороны от него располагались вплотную друг к другу узкие вытянутые камеры, в которых стояли огромные глиняные сосуды-пифосы с выпуклыми рельефами на стенках. Судя по всему, в них хранились вина, оливковое масло и другие продукты. В полу кладовых были устроены выложенные камнем и перекрытые сверху каменными плитами ямы, в которые ссыпалось зерно. Приблизительные подсчеты показывают, что хранившихся здесь запасов продовольствия хватило бы обитателям дворца на многие годы.

Во время раскопок Кносского дворца археологи извлекли из-под земли и скоплений мусора, которыми были завалены сохранившиеся помещения, множество разнообразных произведений искусства и художественного ремесла. Среди них — великолепные расписные вазы, украшенные изображениями осьминогов и других морских животных, священные сосуды из камня (так называемые ритоны) в виде головы быка, замечательные фаянсовые статуэтки, изображающие людей и жи-

вотных с необыкновенным для того времени правдоподобием и выразительностью, ювелирные изделия тончайшей работы, в том числе золотые перстни и резные печати из драгоценных камней. Многие из этих вещей были созданы в самом дворце, в специальных мастерских, в которых работали ювелиры, гончары, художники-вазописцы и ремесленники других профессий, обслуживавшие царя и окружающую его знать (помещения мастерских были обнаружены во многих местах на территории дворца). Почти все изделия, найденные в Кносском дворце, свидетельствуют о высоком художественном вкусе изготовивших их минойских мастеров, об исключительном своеобразии и неповторимой прелести искусства древнего Крита. Особый интерес представляет настенная живопись, украшавшая внутренние покои, коридоры и портики дворца. На некоторых из этих фресок изображены растения, птицы, морские животные. На других были запечатлены обитатели самого дворца: стройные загорелые мужчины с длинными черными волосами, с тонкой «осиной» талией и широкими плечами и дамы в огромных колоколообразных юбках с множеством оборок и в туго затянутых корсажах, оставляющих грудь совершенно открытой. Одежда мужчин намного проще. Чаще всего она состоит из одной набедренной повязки. Зато на голове у некоторых из них красуется великолепный убор из птичьих перьев, а на шее и на руках можно разглядеть золотые украшения: браслеты и ожерелья. Люди, изображенные на фресках, участвуют в каких-то сложных и не всегда понятных церемониях. Одни чинно шествуют в торжественной процессии, неся на вытянутых руках священные сосуды с возлияниями для богов (фрески так называемого коридора процессий), другие плавно кружатся в танце вокруг священного дерева, третьи внимательно наблюдают за каким-то обрядом или представлением, расположившись на ступеньках «театральной площадки». Две основные особенности отличают фрески Кносского дворца от других произведений этого же жанра, найденных в других местах, например в Египте: это, во-первых, высокое колористическое мастерство создавших их художников, свойственное им обостренное чувство цвета и, во-вторых, совершенно исключительное искусство в передаче движения людей и животных.

Образцом динамической экспрессии, отличающей произведения минойских живописцев, могут служить великолепные фрески, на которых представлены так называемые игры с быками, или минойская тавромахия. Мы видим на них стремительно несущегося быка и акробата, проделывающего прямо у него на рогах и на спине серию замысловатых прыжков. Перед быком и позади него художник изобразил фигуры двух девушек в набедренных повязках, очевидно, «ассистентку» акробата. Смысл всей этой впечатляющей сцены не вполне ясен. Мы не знаем, кто участвовал в этом странном и, бесспорно, сопряженном со смертельным риском состязании человека с разъяренным животным и что было его конечной целью. Однако можно с уверенностью сказать, что «игры с быком» не были на Крите простой забавой праздной толпы, наподобие современной испанской корриды. Судя по всему, это был важный религиозный ритуал, связанный с одним из главных минойских культов — культом бога-быка.

Сцены тавромахии, пожалуй, единственная тревожная нота в минойском искусстве, которое в целом отличается удивительной безмятежностью и жизнерадостностью. Ему совершенно чужды жестокие кровавые сцены войны и охоты, столь популярные в современном искусстве стран Ближнего Востока и материковой Греции. Если судить по тому, что мы видим на фресках и других произведениях критских художников, жизнь минойской дворцовой элиты была свободна от волнений и тревог. Она протекала в радостной атмосфере почти непрерывных празднеств и красочных представлений. Война и связанные с нею опасности не занимали в ней сколько-нибудь значительного места. Да это и не удивительно. От враждебного внешнего мира Крит был надежно защищен волнами омывающего его Средиземного моря. В ближайших окрестностях острова не было в те времена ни одной значительной морской державы, и его обитатели могли чувствовать себя в полной безопасности. Только так можно объяснить парадоксальный факт, поразивший археологов: все критские дворцы, включая и Кносский, оставались на протяжении почти всей своей истории неукрепленными. В теплической атмосфере острова с его благодатным средиземноморским климатом, вечно ясным небом и вечно голубым морем

сложилась своеобразная минойская культура, напоминающая хрупкое диковинное растение, сложился «национальный» характер минойцев с такими его чертами, ярко раскрывающимися в критском искусстве, как миролюбие, тонкий художественный вкус, жизнерадостность.

4. Религиозные воззрения, Царская власть.

Разумеется, в произведениях дворцового искусства жизнь минойского общества представлена в несколько приукрашенном виде. В действительности в ней были и свои теневые стороны. Природа острова не всегда была благосклонна к его обитателям. Как было уже отмечено, на Крите постоянно происходили землетрясения, нередко достигавшие разрушительной силы. К этому следует добавить частые в этих местах морские штормы, сопровождающиеся грозами и ливневыми дождями, засушливые годы, периодически обрушивающиеся на Крит, так же как и на всю остальную Грецию, жестокий голод и эпидемии. Для того чтобы защитить себя от всех этих страшных стихийных бедствий, жители Крита обращались за помощью к своим многочисленным богам и богиням. Центральной фигурой минойского пантеона была великая богиня — «владычица» (так именуют ее надписи, найденные в Кноссе и в некоторых других местах). В произведениях критского искусства (главным образом в мелкой пластике (статуэтках) и на печатях) богиня предстает перед нами в различных своих воплощениях. Иногда мы видим ее грозной владычицей диких зверей, повелительницей гор и лесов (ср. греческую Артемиду), иногда благостной покровительницей растительности, прежде всего хлебных злаков и плодовых деревьев (ср. греческую Деметру), иногда же зловещей царицей подземного мира, держащей в руках извивающихся змей (такой изображает ее знаменитая фаянсовая статуэтка — так называемая богиня со змеями из Кносского дворца, ср. с ней греческую Персефону). За всеми этими образами угадываются общие черты древнего божества плодородия — великой матери всех людей, животных и растений. почитание которой было широко распространено в странах Средиземноморья, начиная с эпохи неолита.

Рядом с великой богиней — олицетворением женственности и материнства, символом вечного обновления природы —

мы видим в минойском пантеоне и божество совсем иного плана, воплощающее в себе дикие разрушительные силы природы — грозную стихию землетрясения, мощь бушующего моря. Эти наводящие ужас явления претворялись в сознании минойцев в образе могучего и свирепого бога-быка. На некоторых минойских печатях божественный бык изображен в виде фантастического существа — человека с бычьей головой, что сразу же напоминает нам позднейший греческий миф о Минотавре. Согласно мифу, Минотавр появился на свет от противоестественной связи царицы Пасифайи, жены Миноса, с чудовищным быком, которого подарил Миносу Посейдон, владыка моря (по одному из вариантов мифа Посейдон сам перевоплотился в быка, чтобы сойтись с Пасифайей). В древности именно Посейдон считался виновником землетрясений: ударами своего трезубца он приводил в движение море и сушу (отсюда его обычный эпитет «землеколебатель»).

Вероятно, такого же рода представления связывались у древнейших обитателей Крита с их богом-быком. Чтобы умиротворить грозное божество и успокоить разгневанную стихию, ему приносились обильные жертвы, в том числе и человеческие (отголосок этого варварского обряда сохранился опять-таки в мифе о Минотавре). Вероятно, той же цели — предотвращению или прекращению землетрясения — служили и уже упоминавшиеся игры с быком. Символ божественного быка — условное изображение бычьих рогов — встречается почти в каждом минойском святилище. Его можно было увидеть также на крышах дворцов, где он выполнял, по всей видимости, функцию апотропея, т. е. фетиша, отвращающего зло от обитателей дворца.

Религия играла огромную роль в жизни минойского общества, накладывая отпечаток абсолютно на все сферы его духовной и практической деятельности. В этом проявляется важное отличие критской культуры от позднейшей греческой цивилизации, для которой такое тесное переплетение «божеского и человеческого» уже не было характерно. При раскопках Кносского дворца было найдено огромное количество всякого рода культовой утвари, в том числе статуэтки «великой богини», священные символы вроде бычьих рогов или двойного топора — лабриса, алтари и столы для жертвопри-

ношений, разнообразные сосуды для возлияний, наконец, загадочные предметы, точное название которых определить не удалось, вроде так называемых игральных досок. Многие из помещений дворца явно не были предназначены ни для хозяйственных надобностей, ни для жилья, а использовались как святилища для религиозных обрядов и церемоний. Среди них крипты — тайники, в которых устраивались жертвоприношения подземным богам, бассейны для ритуальных омовений, «святилища» и т. п. Сама архитектура дворца, живопись, украшающая его стены, другие произведения искусства были насквозь пронизаны сложной религиозной символикой. По существу, дворец представлял собой не что иное, как дворец-храм, в котором все обитатели, включая самого царя, его семью, окружающих его придворных «дам» и «кавалеров», выполняли различные жреческие обязанности, участвуя в обрядах, изображения которых мы видим на дворцовых фресках (не следует думать, что это просто бытовые сценки). Так можно предположить, что царь — властитель Кносса — был в то же время и верховным жрецом бога-царя, тогда как царица — его супруга — занимала соответствующее положение среди жриц «великой богини — владычицы».

Как считают многие ученые, на Крите существовала особая форма царской власти, известная в науке под именем «теократии» (одна из разновидностей монархии, при которой светская и духовная власть принадлежат одному и тому же лицу). Особа царя считалась «священной и неприкосновенной»: Даже лицезрение его было запрещено «простым смертным». Так можно объяснить то достаточно странное, на первый взгляд, обстоятельство, что среди произведений минойского искусства нет ни одного, которое можно было бы с уверенностью признать изображением царской персоны. Вся жизнь царя и его домочадцев была строжайшим образом регламентирована и поднята на уровень религиозного ритуала. Цари Кносса не просто жили и правили. Они священнодействовали. «Святая святых» Кносского дворца, место, где царь-жрец «снисходил» до общения со своими подданными, приносил жертвы богам и в то же время решал государственные дела, — это его тронный зал. Прежде чем попасть в него, посетители проходили через вестибюль, где стояла большая

порфи́ровая чаша для ритуальных омовений; для того чтобы предстать пред «царскими очами»; нужно было предварительно смыть с себя все дурное. Сам тронный зал представлял собой небольшую прямоугольную комнату. Прямо против входа стояло гипсовое кресло с высокой волнистой спинкой — царский трон, а вдоль стен — облицованные стуком скамьи, на которых восседали царские советники, высшие жрецы и сановники Кносса. Стены тронного зала расписаны красочными фресками, изображающими грифонов — фантастических чудовищ с птичьей головой на львином туловище. Грифоны возлежат в торжественных застывших позах по обе стороны от трона, как бы оберегая владыку Крита от всяких бед и невзгод.

5. Социально-экономические отношения.

Великолепные дворцы критских царей, несметные богатства, хранившиеся в их подвалах и кладовых, обстановка комфорта и изобилия, в которой жили цари и их окружение, — все это было создано трудом многих тысяч безымянных крестьян и ремесленников, о жизни которых нам мало известно. Придворные мастера, создавшие замечательные шедевры минойского искусства, судя по всему, мало интересовались жизнью простого народа и поэтому не отразили ее в своем творчестве. В виде исключения можно сослаться на небольшой стеатитовый сосуд, найденный при раскопках царской виллы в Айя Триаде неподалеку от Феста. Искусно выполненный рельеф, украшающий верхнюю часть сосуда, изображает шествие поселян, вооруженных длинными вилообразными палками (с помощью таких орудий критские крестьяне, вероятно, сбивали с деревьев спелые оливки). Некоторые из участников процессии поют. Возглавляет шествие жрец, одетый в широкий чешуйчатый плащ. По всей видимости, художник, создавший этот маленький шедевр минойской пластики, хотел запечатлеть праздник урожая или какую-то другую аналогичную церемонию. Некоторое представление о жизни низших слоев критского общества дают материалы массовых захоронений и сельских святилищ. Такие святилища обычно располагались где-нибудь в глухих горных углах: в пещерах и на вершинах гор. При раскопках в них находят незамысловатые посвячительные дары в виде грубо вылеп-

ленных из глины фигурок людей и животных. Эти вещи, также как и примитивный инвентарь рядовых погребений, свидетельствуют о достаточно низком жизненном уровне минойской деревни, об отсталости ее культуры в сравнении с раинированной культурой дворцов. Основная масса трудящегося населения Крита обитала в небольших поселках и деревнях, разбросанных по полям и холмам в окрестностях дворцов. Эти поселки с их убогими глинобитными домами, тесно прижатыми друг к другу, с их кривыми узкими улочками составляют разительный контраст с монументальной архитектурой дворцов, роскошью их внутреннего убранства. Типичным примером рядового поселения минойской эпохи может служить Гурния, расположенная в северо-восточной части Крита. Древнее поселение размещалось на невысоком холме неподалеку от моря. Площадь ее невелика — всего 1,5 га (это даже меньше всей площади, занятой Кносским дворцом). Все поселение состояло из нескольких десятков домов, построенных очень компактно и сгруппированных в отдельные блоки или кварталы, внутри которых дома стояли вплотную друг к другу (эта так называемая конгломератная застройка вообще характерна для поселений Эгейского мира). В Гурнии было три главных улицы. Они шли кольцом по склонам холма. Между ними кое-где были проложены узкие переулки или, скорее, ступенчатые спуски, вымощенные камнями. Сами дома невелики — не более 50 кв. м каждый. Конструкция их крайне примитивна. Нижняя часть стен сложена из камней, скрепленных глиной, верхняя — из необожженного кирпича. Рамы окон и дверей были сделаны из дерева. В некоторых домах обнаружены хозяйственные помещения: кладовые с пифосами для хранения припасов, прессы для выжимания винограда и оливкового масла. При раскопках было найдено довольно много разнообразных орудий труда, изготовленных из меди и бронзы. В Гурнии имелось несколько мелких ремесленных мастерских, продукция которых была рассчитана, скорее всего, на местное потребление, среди них три кузницы и гончарная мастерская. Близость моря позволяет предполагать, что жители Гурнии совмещали занятия сельским хозяйством с торговлей и рыболовством. Центральную часть поселения занимала постройка, отдаленно напоминающая своей

планировкой критские дворцы, но сильно уступающая им в размерах и в богатстве внутреннего убранства. Вероятно, это было жилище местного правителя, находившегося, как и все население Гурнии, в зависимости от царя Кносса или какого-нибудь другого владыки одного из больших дворцов. Рядом с домом правителя была устроена открытая площадка, которая могла использоваться как место для собраний и всякого рода культовых церемоний или представлений. Подобно всем другим большим и малым поселениям минойской эпохи, Гурния не имела никаких укреплений и была открыта для нападения как с моря, так и с суши. Таков был облик минойской деревни, насколько можно его теперь представить по данным археологических раскопок. Что же связывало дворцы с их сельской округой? У нас есть все основания для того, чтобы считать, что в критском обществе уже сложились характерные для любого раннеклассового общества отношения господства и подчинения. Можно предполагать, что земледельческое население Кносского царства, как и любого из государств Крита, было обложено повинностями, как натуральными, так и трудовыми, в пользу дворца. Оно обязано было доставлять во дворец скот, зерно, масло, вино и другие продукты. Все эти поступления фиксировались дворцовыми писцами на глиняных табличках, а затем сдавались в дворцовые кладовые, где, таким образом, скапливались огромные запасы продовольствия и других материальных ценностей. Руками тех же крестьян строился и перестраивался сам дворец, прокладывались дороги и оросительные каналы, возводились мосты.

Вряд ли все это они делали только по принуждению. Дворец был главным святилищем всего государства, и элементарное благочестие требовало от поселянина, чтобы он чтил дарами обитавших в нем богов, отдавая излишки своих хозяйственных запасов на устройство празднеств и жертвоприношений. Правда, между народом и его богами стояла целая армия посредников — обслуживающий святилище штат профессиональных жрецов во главе со «священным царем». По существу, это была уже сложившаяся, четко оформленная прослойка наследственной жреческой знати, противостоящая всему остальному обществу как замкнутое аристократическое сословие. Бесконтрольно распоряжаясь запасами, хра-

нившимися в дворцовых складах, жрецы могли львиную долю этих богатств использовать для своих собственных надобностей. Тем не менее, народ безгранично доверял этим людям, так как на них лежала «божья благодать».

Конечно, наряду с религиозными побуждениями концентрация избыточного продукта земледельческого труда в руках дворцовой элиты диктовалась еще и чисто экономической целесообразностью. Годами скапливавшиеся во дворце запасы продовольствия могли служить резервным фондом на случай голода. За счет этих же запасов обеспечивались пропитанием ремесленники, работавшие на государство. Излишки же, которым не находилось применения на месте, шли на продажу в далекие заморские страны: Египет, Сирию, Кипр, где на них можно было выменять редкие виды сырья, отсутствовавшие на Крите: золото и медь, слоновую кость и пурпур, редкие породы дерева и камня. Торговые морские экспедиции в те времена были сопряжены с большим риском и требовали огромных затрат на подготовку. Только государство, располагавшее необходимыми материальными и людскими ресурсами, было способно организовать и финансировать такое предприятие. Само собой разумеется, что добытые таким путем дефицитные товары оседали все в тех же дворцовых кладовых и уже оттуда распределялись между мастерами-ремесленниками, работавшими как, в самом дворце, так и в его окрестностях. Таким образом, дворец выполнял в минойском обществе поистине универсальные функции, являясь в одно и то же время административным и религиозным центром государства, его главной житницей, мастерской и торговой факторией. В социальной и экономической жизни Крита дворцы играли примерно ту же роль, какую в более развитых обществах выполняют города.

6. Критская морская держава и ее упадок.

Высший расцвет минойской цивилизации приходится на XVI – первую половину XV в. до н. э. Именно в это время с небывалым еще блеском и великолепием отстраиваются критские дворцы, в особенности дворец Кносса. За эти полтора столетия были созданы самые замечательные шедевры минойского искусства и художественного ремесла. Тогда весь Крит был объединен под властью царей Кносса и стал

единым централизованным государством. Об этом свидетельствует сеть удобных широких дорог, проложенных по всему острову и связывавших Кносс – столицу государства – с самыми удаленными его уголками. На это же указывает и уже отмеченный факт отсутствия укреплений в Кноссе и других дворцах Крита. Если бы каждый из этих дворцов был столицей самостоятельного государства, его хозяева, вероятно, позаботились бы о своей защите от враждебных соседей. В этот период на Крите существовала единая система мер, по всей видимости, принудительно введенная правителями острова. Сохранились критские каменные гири, украшенные изображением осьминога. Вес одной такой гири составлял 29 кг. Столько же весили и большие бронзовые слитки, имевшие вид растянутой бычьей шкуры, – так называемые критские таланты. Скорее всего, они использовались в качестве меновых единиц во всякого рода торговых операциях, заменяя пока еще отсутствующие деньги. Весьма возможно, что объединение Крита вокруг Кносского дворца осуществил знаменитый Минос, о котором столько рассказывают позднейшие греческие мифы. Греческие историки считали Миноса первым талассократом – властителем моря. Про него говорили, что он создал большой военный флот, искоренил пиратство и установил свое господство над всем Эгейским морем, его островами и побережьями.

Предание это, по-видимому, не лишено исторической основы. Действительно, по археологическим данным, в XVI в. до н. э. наблюдается широкая морская экспансия Крита в Эгейском бассейне. Минойские колонии и торговые фактории возникают на островах Кикладского архипелага, на Родосе и даже на побережье Малой Азии, в районе Милета. На своих быстроходных кораблях, ходивших под парусами и на веслах, минойцы проникают в самые удаленные уголки древнего Средиземноморья. Следы их поселений или, может быть, просто корабельных стоянок удалось обнаружить на берегах Сицилии, в южной Италии и даже на Пиренейском полуострове. По одному из мифов, Минос погиб во время похода в Сицилию и был там похоронен в великолепной усыпальнице. В это же время критяне завязывают оживленные торговые и дипломатические отношения с Египтом и го-

сударствами Сиро-Финикийского побережья. На это указывают довольно частые находки минойской керамики, сделанные в этих двух районах. В то же время на самом Крите были найдены вещи египетского и сирийского происхождения. На египетских фресках времени знаменитой царицы Хатшепсут и Тутмоса III (первая половина XV в. до н. э.) представлены послы страны Кефтиу (так египтяне называли Крит) в типично минойской одежде — передниках и высоких полусапожках с дарами фараону в руках. Не подлежит сомнению, что в то время, которым датируются эти фрески, Крит был сильнейшей морской державой на всем восточном Средиземноморье и Египет был заинтересован в дружбе с его царями.

В середине XV столетия положение резко изменилось. На Крит обрушилась катастрофа, равной которой остров не переживал за всю свою многовековую историю. Почти все дворцы и поселения, за исключением Кносса, были разрушены. Многие из них, например открытый в 60-х годах дворец в Като Закро, были навсегда покинуты своими обитателями и забыты на целые тысячелетия. От этого страшного удара минойская культура уже не смогла более оправиться. С середины XV в. начинается ее упадок. Крит утрачивает свое положение ведущего культурного центра Эгейского бассейна. Причины катастрофы, сыгравшей роковую роль в судьбе минойской цивилизации, до сих пор точно не установлены. Согласно наиболее правдоподобной догадке, выдвинутой греческим археологом С. Маринатосом, гибель дворцов и других критских поселений была следствием грандиозного извержения вулкана на о. Фера (совр. Санторин) в южной части Эгейского моря.

Другие ученые больше склоняются к тому мнению, что виновниками катастрофы были греки-ахейцы, вторгшиеся на Крит из материковой Греции (скорее всего с Пелопоннеса). Они разграбили и опустошили остров, давно уже привлекавший их своими сказочными богатствами, и подчинили своей власти его население. Возможно примирение этих двух точек зрения на проблему упадка минойской цивилизации, если предположить, что ахейцы вторглись на Крит уже после того, как остров был опустошен вулканической катастрофой, и, не встречая сопротивления со стороны деморализованного и сильно уменьшившегося в числе местного населения, завладели его важнейшими

жизненными центрами. Действительно, в культуре Кносса — единственного из критских дворцов, пережившего катастрофу середины XV в., — произошли после этого важные перемены, свидетельствующие о появлении в этих местах нового народа. Полнокровное реалистическое минойское искусство уступает теперь место сухой и безжизненной стилизации, образцом которой могут служить кноссские вазы, расписанные в так называемом дворцовом стиле (вторая половина XV в.). Традиционные для минойской вазовой живописи мотивы (растения, цветы, морские животные) на вазах дворцового стиля превращаются в абстрактные графические схемы, что свидетельствует о резком изменении художественного вкуса обитателей дворца. В это же время в окрестностях Кносса появляются могилы, содержащие множество разнообразных предметов вооружения; мечи, кинжалы, шлемы, наконечники стрел и копий, что было совсем не характерно для прежних минойских погребений. Вероятно, в этих могилах были похоронены представители ахейской военной знати, обосновавшейся в Кносском дворце. Наконец, еще один факт, неоспоримо указывающий на проникновение на Крит новых этнических элементов: почти все дошедшие до нас таблички кносского архива были написаны не на минойском, а на греческом (ахейском) языке. Эти документы датируются в основном концом XV в. до н. э.; очевидно, в конце XV или начале XIV в. Кноссский дворец был разрушен и в дальнейшем никогда уже полностью не восстанавливался. В огне пожара погибли замечательные произведения минойского искусства. Археологам удалось восстановить лишь незначительную их часть. Начиная с этого момента упадок минойской цивилизации, становится необратимым процессом. Она все более вырождается, утрачивая те черты и особенности, которые составляли ее неповторимое своеобразие, резко выделяя ее среди всех других культур бронзового века. Из первенствующего культурного центра, каким он оставался свыше пяти столетий, Крит превращается в глухую отсталую провинцию. Главный очаг культурного прогресса и цивилизации в районе Эгейского бассейна перемещается теперь на север, на территорию материковой Греции, где в это время достигла высокого расцвета так называемая микенская культура.

Ю. В. Андреев

Лекция 3. Микенская Греция

Вопросы:

1. Греция в раннеэлладский период (до конца III тысячелетия до н. э.).
2. Вторжение греков-ахейцев. Становление первых государств.
3. Формирование микенской цивилизации.
4. Социально-экономическая структура.
5. Организация государственного управления.
6. Взаимоотношения ахейских царств. Троянская война. Угасание микенской цивилизации.

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 1. Гл. 2–3.

1. Греция в раннеэлладский период (до конца III тысячелетия до н. э.).

Создателями микенской культуры были греки-ахейцы, вторгшиеся на Балканский полуостров на рубеже III–II тысячелетий до н. э. с севера, из района Придунайской низменности или из степей Северного Причерноморья, где они обитали первоначально. Продвигаясь все дальше на юг по территории страны, которая в дальнейшем стала называться их именем, ахейцы частью уничтожали, а частью ассимилировали коренное догреческое население этих областей, которое позднейшие греческие историки называли пеласгами. По соседству с пеласгами, частью на материке, а частью на островах Эгейского моря, обитали еще два народа: лелеги и карийцы. По словам Геродота, вся Греция некогда называлась Пеласгией. Позднейшие греческие историки считали пеласгов и других древнейших обитателей страны варварами; хотя в действительности их культура не только не уступала культуре самих греков, но первоначально, по-видимому, во многом ее превосходила. Об этом свидетельствуют археологические памятники так называемой раннеэлладской эпохи (вторая половина III тысячелетия до н. э.), открытые в разных местах на территории Пелопоннеса, Средней и Северной Греции. Современные ученые обычно связывают их с догреческим населением этих районов.

В начале III тысячелетия до н. э. (период халколита, или перехода от камня к металлу – меди и бронзе) культура мате-

риковой Греции еще была тесно связана с раннеземледельческими культурами, существовавшими на территории современных Болгарии и Румынии, а также в южном Поднепровье (зона «трипольской культуры»). Общими для всего этого обширного региона были некоторые мотивы, использовавшиеся в росписи глиняной посуды, например мотивы спирали и так называемого меандра. Из прибрежных районов Балканской Греции эти виды орнамента распространились также на острова Эгейского моря, были усвоены кикладским и критским искусством. С наступлением эпохи ранней бронзы (середина III тысячелетия до н. э.) культура Греции начинает заметно опережать в своем развитии другие культуры юго-восточной Европы. Она приобретает новые характерные черты, ранее ей не свойственные.

Среди поселений раннеэлладской эпохи особенно выделяется цитадель в Лерне (на южном побережье Арголиды). Расположенная на невысоком холме неподалеку от моря цитадель была обнесена массивной оборонительной стеной с полукруглыми башнями. В ее центральной части было открыто большое (25×12 м) прямоугольное здание — так называемый дом черепиц (обломки черепицы, некогда покрывавшей крышу здания, были найдены в большом количестве во время раскопок). В одном из его помещений археологи собрали целую коллекцию (более 150) выдавленных на глине оттисков печатей. Когда-то этими глиняными «ярлыками»; по всей видимости, запечатывались сосуды с вином, маслом и другими припасами. Эта интересная находка говорит о том, что в Лерне находился крупный административный и хозяйственный центр, отчасти уже предвосхищавший по своему характеру и назначению более поздние дворцы микенского времени. Аналогичные центры существовали и в некоторых других местах. Их следы обнаружены, например, в Тиринфе (также южная Арголида, недалеко от Лерны) и в Аквитике (Мессения на юго-западе Пелопоннеса).

Наряду с цитаделями, в которых, судя по всему, жили представители родоплеменной знати, в Греции раннеэлладской эпохи существовали поселения также и другого типа — небольшие, чаще всего очень плотно застроенные поселки с узкими проходами-улицами между рядами домов. Некоторые

из этих поселков, в особенности расположенные вблизи от моря, были укреплены, в других отсутствовали какие-либо оборонительные сооружения. Примерами таких поселений могут служить Рафина (восточное побережье Аттики) и Зигуриес (северо-восточный Пелопоннес, недалеко от Коринфа). Судя по характеру археологических находок, основную массу населения в поселениях этого типа составляли крестьяне-земледельцы. Во многих домах были открыты специальные ямы для ссыпки зерна, обмазанные изнутри глиной, а также большие глиняные сосуды для хранения различных припасов. В это время в Греции уже зарождалось и специализированное ремесло, представленное в основном такими его отраслями, как гончарное производство и металлообработка. Численность профессионалов-ремесленников была еще очень невелика, а их продукция обеспечивала в основном местный спрос, лишь незначительная ее часть находила сбыт за пределами данной общины. Так, при раскопках Рафины было открыто помещение кузнечной мастерской, владелец которой, очевидно, снабжал бронзовыми орудиями труда местных земледельцев.

Имеющиеся археологические данные позволяют предполагать, что в раннеэлладское время, по крайней мере, со второй половины III тысячелетия до н. э., в Греции уже начался процесс формирования классов и государства. В этом плане особенно важен уже отмеченный факт сосуществования двух различающихся между собой типов поселения: цитадели типа Лерны и общинного поселка (деревни) типа Рафины или Зигуриес. Однако раннеэлладская культура так и не успела стать настоящей цивилизацией. Ее развитие было насильственно прервано в результате очередного передвижения племен по территории Балканской Греции.

2. Вторжение греков-ахейцев. Становление первых государств.

Это передвижение датируется последними столетиями III тысячелетия до н. э., или концом эпохи ранней бронзы. Около 2300 г. до н. э. погибли в пламени пожара цитадель Лерны и некоторые другие поселения раннеэлладского времени. Спустя некоторое время возникает ряд новых поселений в тех местах, где их раньше не было. В этот же период наблю-

даются определенные изменения в материальной культуре Средней Греции и Пелопоннеса. Впервые появляется керамика, изготовленная с помощью гончарного круга. Ее образцами могут служить «минийские вазы» — монохромные (обычно серые или черные) тщательно отполированные сосуды, напоминающие своей блестящей матовой поверхностью изделия из металла. В некоторых местах при раскопках были найдены кости лошади, ранее, по-видимому, неизвестной в пределах южной части Балканского полуострова. Многие историки и археологи связывают все эти перемены в жизни материковой Греции с приходом первой волны грекоязычных племен, или ахейцев. Если это предположение в какой-то степени оправданно, то рубеж III—II тысячелетий до н. э. может считаться началом нового этапа в истории Древней Греции — этапа формирования греческой народности. Основой этого длительного и весьма сложного процесса было взаимодействие и постепенное сращивание двух культур: культуры пришлых ахейских племен, говоривших на различных диалектах греческого или, скорее, протогреческого языка, и культуры местного до греческого населения. Значительная его часть была, по-видимому, ассимилирована пришельцами, о чем свидетельствуют многочисленные слова, заимствованные греками у их предшественников — пеласгов или лелегов, например названия ряда растений: «кипарис», «гиацинт», «нарцисс» и др.

Становление цивилизации в материковой Греции было сложным и противоречивым процессом. В первые века II тысячелетия до н. э. здесь наблюдается явное замедление темпов социально-экономического и культурного развития. Несмотря на появление таких важных технических и хозяйственных новшеств, как гончарный круг и повозка или боевая колесница с запряженными в нее лошадьми, культура так называемого среднеэлладского периода (XX—XVII вв. до н. э.) в целом заметно уступает предшествующей ей культуре раннеэлладской эпохи. В поселениях и погребениях этого времени сравнительно редко встречаются изделия из металла. Зато снова появляются орудия, сделанные из камня и кости, что свидетельствует об определенном упадке производительных сил греческого общества. Исчезают монументальные архи-

тектурные сооружения вроде уже упоминавшегося «дома черепиц» в Лерне. Вместо них строятся невзрачные глинобитные дома иногда прямоугольной, иногда овальной или закругленной с одной стороны формы. Поселения среднеэладского периода, как правило, укреплены и размещаются на возвышенностях с крутыми обрывистыми склонами. Судя по всему, время это было крайне беспокойным и тревожным, что вынуждало отдельные общины принимать меры для обеспечения своей безопасности.

Типичным примером среднеэладского поселения может считаться городище Мальти-Дорйон в Мессении. Все поселение располагалось на вершине высокого холма, обнесенной кольцевой оборонительной стеной с пятью проходами. В центре поселения на невысокой террасе стоял так называемый дворец (вероятно, дом вождя племени) — комплекс из пяти помещений общей площадью 130 кв. м с выложенным из камня очагом-алтарем в самой большой из комнат. Вплотную к «дворцу» примыкали помещения нескольких ремесленных мастерских. Остальную часть поселения составляли дома рядовых общинников, как правило, очень небольшие, и склады, построенные в один-два ряда вдоль оборонительной стены. Между стеной и центральной террасой было оставлено довольно большое свободное пространство, скорее всего использовавшееся как загон для скота. Сама планировка Мальти, однообразие его жилой застройки свидетельствуют о еще не нарушенном внутреннем единстве обитавшей здесь родоплеменной общины. Об отсутствии ясно выраженных социальных и имущественных различий в ахейском обществе среднеэладского времени говорят также и погребения этого периода, в подавляющем большинстве своем стандартные, с очень скромным сопроводительным инвентарем.

Лишь в конце среднеэладского периода положение в Балканской Греции начало постепенно изменяться. Полоса длительного застоя и упадка сменилась полосой нового экономического и культурного подъема... Внутри ахейских племенных сообществ выделяются могущественные аристократические роды, обосновавшиеся в неприступных цитаделях и тем самым резко обособившиеся от массы рядовых соплеменников. В руках племенной знати концентрируются

большие богатства, отчасти созданные трудом местных крестьян и ремесленников, отчасти захваченные во время военных набегов на земли соседей. В различных районах Пелопоннеса, Средней и Северной Греции возникают первые и пока еще довольно примитивные государственные образования. Таким образом, сложились предпосылки для формирования еще одной цивилизации эпохи бронзы, и начиная с XVI в. до н. э. Греция вступила в новый, или, как его обычно называют, микенский, период своей истории.

3. Формирование микенской цивилизации.

На первых этапах своего развития микенская культура испытала на себе очень сильное влияние более передовой минойской цивилизации. Многие важные элементы своей культуры ахейцы заимствовали на Крите, например, некоторые культы и религиозные обряды, фресковую живопись, водопровод и канализацию, фасоны мужской и женской одежды, некоторые виды оружия, наконец, линейное слоговое письмо. Все это не означает, однако, что микенская культура была всего лишь второстепенным периферийным вариантом культуры минойского Крита, а микенские поселения на Пелопоннесе и в других местах представляли собой просто минойские колонии в чужой «варварской» стране (этого мнения придерживался А. Эванс). Многие характерные особенности микенской культуры позволяют считать, что она возникла на местной греческой, а отчасти еще и догреческой почве и была преемственно связана с древнейшими культурами этого региона, относящимися к эпохе ранней и средней бронзы.

Самым ранним памятником микенской культуры считаются так называемые шахтовые могилы. Первые шесть могил этого типа были открыты в 1876 г. Г. Шлиманом в черте стен Микенской цитадели. Свыше трех тысячелетий шахтовые могилы таили в себе поистине сказочные богатства. Археологи извлекли из них множество драгоценных вещей, сделанных из золота, серебра, слоновой кости и других материалов. Здесь были найдены массивные золотые перстни, украшенные резьбой диадемы, серьги, браслеты, золотая и серебряная посуда, великолепно изукрашенное оружие, в том числе мечи, кинжалы, панцири из листового золота, наконец, совершенно уникальные золотые маски, скрывавшие лица погре-

бенных. Много столетий спустя Гомер в «Илиаде» назовет Микены «златообильными», а микенского царя Агамемнона признает самым могущественным из всех ахейских вождей, принимавших участие в знаменитой Троянской войне. Находки Шлимана дали зримые доказательства справедливости слов великого поэта, к которым до этого многие относились с недоверием. Правда, Шлиман ошибся, полагая, что ему удалось найти могилу Агамемнона, злодейски умерщвленного его женой Клитемнестрой после возвращения из похода на Трою: открытые им шахтовые могилы датируются XVI в. до н. э., тогда как Троянская война происходила, по-видимому, уже в XIII–XII вв. Тем не менее, огромные богатства, обнаруженные в могилах этого некрополя, показывают, что уже и в то отдаленное время Микены были центром большого государства. Погребенные в этих великолепных усыпальницах микенские цари были воинственными и свирепыми людьми, жадными до чужих богатств. Ради грабежа они предпринимали далекие походы по суше и по морю и возвращались на родину, обремененные добычей. Едва ли золото и серебро, сопровождавшие царственных покойников в загробный мир, попали в их руки путем мирного обмена. Гораздо более вероятно, что оно было захвачено на войне. О воинственных наклонностях властителей Микен свидетельствуют, во-первых, обилие оружия в их гробницах и, во-вторых, изображения кровавых сцен войны и охоты, которыми украшены некоторые из вещей, найденных в могилах, а также каменные стелы, стоявшие на самих могилах. Особенно интересна сцена охоты на львов, изображенная на одном из бронзовых инкрустированных кинжалов. Все признаки: исключительный динамизм, экспрессия, точность рисунка и необыкновенная тщательность исполнения – указывают на то, что перед нами – работа лучших минойских мастеров ювелирного дела. Это замечательное произведение искусства могло попасть в Микены вместе с военной добычей, захваченной ахейцами во время очередного пиратского рейда к берегам Крита, или, согласно другому предположению, было изготовлено в самих Микенах критским ювелиром, который явно старался приспособиться к вкусам своих новых хозяев (в минойском искусстве Крита сюжеты подобного рода почти не встречаются).

Временем расцвета микенской цивилизации можно считать XV—XIII вв. до н. э. В это время зона ее распространения выходит далеко за пределы Арголиды, где, по всей видимости, она первоначально возникла и сложилась, охватывая весь Пелопоннес, Среднюю Грецию (Аттику, Беотию, Фокиду), значительную часть Северной (Фессалию), а также многие из островов Эгейского моря. На всей этой большой территории существовала единообразная культура, представленная стандартными типами жилищ и погребений. Общими для всей этой зоны были также некоторые виды керамики, глиняные культовые статуэтки, изделия из слоновой кости и т. п. Судя по материалам раскопок, микенская Греция была богатой и процветающей страной с многочисленным населением, рассеянным по множеству небольших городков и поселков.

Основными центрами микенской культуры были, как и на Крите, дворцы. Наиболее значительные из них были открыты в Микенах и Тиринфе (Арголида), в Пилосе (Мессения, юго-западный Пелопоннес), в Афинах (Аттика), Фивах и Орхомене (Беотия), наконец, на севере Греции в Иолке (Фессалия). Архитектура микенских дворцов имеет ряд особенностей, отличающих их от дворцов минойского Крита. Важнейшее из этих отличий состоит в том, что почти все микенские дворцы были укреплены и представляли собой настоящие цитадели, напоминающие своим внешним видом замки средневековых феодалов. Мощные стены микенских цитаделей, сооруженные из огромных, почти не обработанных каменных глыб, до сих пор производят огромное впечатление на тех, кто их видел, свидетельствуя о высоком инженерном искусстве ахейских зодчих. Великолепным образцом микенских фортификационных сооружений может служить знаменитая Тиринфская цитадель. Поражают, прежде всего, монументальные размеры этого сооружения. Необработанные глыбы известняка, достигающие в отдельных случаях веса в 12 т, образуют наружные стены крепости, толщина которых превышала 4,5 м, высота же только в сохранившейся части, доходила до 7,5 м. В некоторых местах внутри стен были устроены сводчатые галереи с казематами, в которых хранилось оружие и запасы продовольствия (толщина стен достигает здесь 17 м). Вся система оборонительных сооружений Тиринфской цитадели была

тщательно продумана, чтобы оградить защитников крепости от всяких непредвиденных случайностей. Подход к главным воротам цитадели был устроен таким образом, что приближавшийся к ним противник вынужден был поворачиваться к стене, на которой находились защитники крепости, правым боком, не прикрытым щитом. Но даже и попав внутрь цитадели, враг наталкивался на внутреннюю оборонительную стену, защищавшую основную ее часть — акрополь с царским дворцом. Для того, чтобы добраться до дворца, ему нужно было преодолеть узкий проход, идущий между наружной и внутренней стенами и разделенный на два отсека двумя деревянными воротами. Здесь он неминуемо попадал под перекрестный губительный огонь метательного оружия, который защитники цитадели обрушивали на него со всех сторон. Чтобы осажденные обитатели цитадели не страдали от недостатка воды, в северной ее части (так называемый нижний город) был устроен подземный ход, заканчивавшийся примерно в 20 м от стен крепости у тщательно скрытого от глаз неприятеля источника.

Среди собственно дворцовых построек микенского времени наибольший интерес представляет хорошо сохранившийся дворец Нестора в Пилосе (Западная Мессения, близ бухты Наварино), открытый в 1939 г. американским археологом К. Бледженом. При известном сходстве с дворцами минойского Крита (оно проявляется главным образом в элементах внутреннего убранства — утолщающихся кверху колоннах критского типа, в росписи стен и т. п.) Пилосский дворец резко от них отличается своей четкой симметричной планировкой, совершенно не свойственной минойской архитектуре. Основные помещения дворца расположены на одной оси и образуют замкнутый прямоугольный комплекс. Для того чтобы проникнуть внутрь этого комплекса, нужно было последовательно миновать входной портик (пропилеи), небольшой внутренний двор, еще один портик, вестибюль (продомос), из которого посетитель попадал в обширный прямоугольный зал — мегарон, составляющий неотъемлемую и наиболее важную часть любого микенского дворца. В центре мегарона был устроен большой круглый очаг, дым от которого выходил через отверстие в потолке. Вокруг очага стояли четыре деревянные колонны, поддерживавшие пере-

крытие зала. Стены мегарона были расписаны фресками. В одном из углов зала сохранился большой фрагмент росписи, изображающий человека, играющего на лире. Пол мегарона украшали разноцветные геометрические узоры, а в одном месте, примерно там, где должен был находиться царский трон, изображен большой осьминог. Мегарон — сердце дворца. Здесь царь Пилоса пировал со своими вельможами и гостями. Здесь устраивались официальные приемы. Снаружи к мегарону примыкали два длинных коридора. В них выходили двери многочисленных кладовых, в которых было найдено несколько тысяч сосудов для хранения и перевозки масла и других продуктов. Судя по этим находкам, Пилосский дворец был крупным экспортером оливкового масла, которое уже в то время очень высоко ценилось в соседних с Грецией странах. Подобно критским дворцам, дворец Нестора строился с учетом основных требований комфорта и гигиены. В здании были специально оборудованные ванные комнаты, имелся водопровод и канализационные стоки. Но самая интересная находка была сделана в небольшой комнате вблизи от главного входа. Здесь хранился дворцовый архив, насчитывавший около тысячи глиняных табличек, исписанных знаками линейного слогового письма, очень похожего на то, которое использовалось в уже упоминавшихся документах из Кносского дворца (так называемое письмо Б), хотя тексты из Пилоса, написанные этим письмом, относятся к более позднему времени (конец XIII в. до н. э.). Таблички хорошо сохранились благодаря тому, что попали в огонь пожара, погубившего дворец. Это был первый архив, найденный на территории материковой Греции.

К числу наиболее интересных архитектурных памятников микенской эпохи принадлежат величественные царские усыпальницы, именуемые «толосами», или «купольными гробницами». Толосы располагаются обычно вблизи от дворцов и цитаделей, являясь, по всей видимости, местом последнего упокоения членов царствующей династии, как в более раннее время шахтовые могилы. Самый большой из микенских толосов — так называемая гробница Атрея — находится в Микенах у южного склона холма, на котором стояла цитадель. Сама гробница скрыта внутри искусственного насыпного кургана. Для того

чтобы попасть в нее, нужно пройти через длинный облицованный камнем коридор – дромос, ведущий в глубь кургана. Вход в гробницу перекрыт двумя огромными каменными блоками (один из них, внутренний, весит 120 т). Внутренняя камера гробницы Атрея представляет собой монументальное круглое в плане помещение с высоким (около 13,5 м) куполообразным сводом. Стены и свод гробницы выложены из великолепно отесанных каменных плит и первоначально были украшены бронзовыми позолоченными розетками. С главной камерой соединяется еще одна боковая камера несколько меньших размеров, прямоугольная в плане и не так хорошо отделанная. По всей вероятности, именно здесь помещалось царское погребение, разграбленное еще в древности.

4. Социально-экономическая структура.

Сооружение таких грандиозных построек, как гробница Атрея или Тиринфская цитадель, было невозможно без широкого и планомерного применения подневольного труда. Для того чтобы справиться с такой задачей, необходимы были, во-первых, наличие большой массы дешевой рабочей силы, во-вторых, достаточно развитый государственный аппарат, способный организовать и направить эту силу к выполнению поставленной цели. Очевидно, владыки Микен и Тиринфа располагали и тем и другим. До недавнего времени внутренняя структура ахейских государств Пелопоннеса оставалась загадкой для ученых, так как в решении этого вопроса они могли полагаться лишь на археологический материал, добытый путем раскопок. После того как двум английским лингвистам М. Вентрису и Дж. Чедвику удалось в 50-х годах найти ключ к пониманию знаков линейного слогового письма на табличках из Кносса и Пилоса, в распоряжении историков появился еще один важный источник информации.

Как оказалось, почти все эти таблички представляют собой «бухгалтерские» счетные записи, которые из года в год велись в хозяйстве Пилосского и Кносского дворцов. Эти лаконичные записи включают в себе ценнейшую историческую информацию, позволяя судить об экономике дворцовых государств микенской эпохи, их социальном и политическом устройстве. Из табличек мы узнаем, например, что в это время в Греции уже существовало рабство, и труд рабов широко

применялся в различных отраслях хозяйства. Среди документов Пилосского архива немало места занимают сведения о занятых в дворцовом хозяйстве рабах. В каждом таком списке указывалось, сколько было женщин-рабынь, чем они занимались (упоминаются молольщицы зерна, прядильщицы, швеи и даже банщицы), сколько при них детей: мальчиков и девочек (очевидно, это были дети рабынь, рожденные в неволе), какой паек они получали, место, где они работали (это мог быть сам Пилос или один из городков на подвластной ему территории). Численность отдельных групп могла быть значительной — до ста с лишним человек. Общее же число женщин-рабынь и детей, известных по надписям Пилосского архива, должно было составлять около 1500 человек. Наряду с рабочими отрядами, в состав которых входят только женщины и дети, в надписях фигурируют и отряды, состоящие только из рабов-мужчин, хотя встречаются они сравнительно редко и численно, как правило, невелики — не более десяти человек в каждом. Очевидно, женщин-рабынь вообще было больше, из чего следует, что рабство в то время еще находилось на низкой ступени развития.

Наряду с обычными рабами в пилосских надписях упоминаются и так называемые «божьи рабы и рабыни». Обычно они арендуют земли небольшими участками у общины (дамоса) или у частных лиц, из чего можно заключить, что своей земли у них не было и, следовательно, они не считались полноправными членами общины, хотя не были, по-видимому, и рабами в собственном значении этого слова. Сам термин «божий раб», вероятно, означает, что представители этой социальной прослойки состояли в услужении при храмах главных богов Пилосского царства и пользовались поэтому покровительством храмовой администрации.

Основную массу трудящегося населения составляли в микенских государствах, как и на Крите, свободные или, скорее, полусвободные крестьяне и ремесленники. Формально они не считались рабами, но свобода их носила весьма относительный характер, так как все они находились в экономической зависимости от дворца и облагались в его пользу различными повинностями, как трудовыми, так и натуральными. Отдельные округа и городки Пилосского царства были обязаны пре-

доставлять в распоряжение дворца определенное число ремесленников и рабочих самых различных профессий. В надписях упоминаются каменщики, портные, горшечники, оружейники, золотых дел мастера, даже парфюмеры и врачи. За свою работу ремесленники получали из дворцовой казны плату натурой подобно чиновникам, состоящим на государственной службе. Неявка на работу фиксировалась в особых документах. Среди ремесленников, работавших на дворец, особое положение занимали кузнецы. Обычно они получали от дворца так называемую таласию, т. е. задание или урок (в надписях особо отмечается, сколько кузнецов в каждой отдельной местности уже получили таласию, а сколько осталось без нее). Специальный чиновник, обязанный наблюдать за работой кузнец, вручал ему уже взвешенный кусок бронзы, а по окончании работы принимал у него изготовленные из этой бронзы изделия. О социальном положении кузнецов и фигурирующих в табличках ремесленников других специальностей известно лишь очень немногое. Вероятно, некоторые из них считались «людьми дворца» и состояли на постоянной службе либо в самом дворце, либо в одном из связанных с ним святилищ. Так, в некоторых из пилосских табличек упоминаются «кузнецы владычицы» («владычица» — обычный эпитет верховной богини пилосского пантеона). Другую категорию ремесленников, по всей видимости, составляли свободные общинники, для которых работа на дворец была лишь временной повинностью. Ремесленники, привлекавшиеся на государственную службу, не лишались личной свободы. Они могли владеть землей и даже рабами, как и все другие члены общины.

Документы из архива Пилосского дворца содержат важные сведения также и о системе землевладения. Анализ текстов табличек позволяет сделать вывод, что вся земля в Пилосском царстве делилась на две основные категории: 1) землю дворца, или государственную, и 2) землю, принадлежавшую отдельным территориальным общинам. Государственная земля, за исключением той ее части, которая находилась под непосредственным контролем дворцовой администрации, распределялась на правах условного держания, т. е. при условии выполнения той или иной службы в пользу дворца.

между сановниками из числа военной и жреческой знати. В свою очередь, эти держатели могли сдавать полученную землю небольшими участками в аренду каким-нибудь другим лицам, например уже упоминавшимся «божьим рабам». Примерно так же использовала принадлежавшую ей землю и территориальная (сельская) община, или дамос, как она обычно называется в табличках. Основная часть общинной земли, очевидно, делилась на наделы с приблизительно одинаковой доходностью. Эти наделы распределялись внутри самой общины между составляющими ее семьями. Земля, остававшаяся после раздела, опять-таки сдавалась в аренду. Дворцовые писцы с одинаковым усердием регистрировали в своих табличках участки как той, так и другой категории. Отсюда следует, что общинные земли, так же как и земли, принадлежавшие непосредственно дворцу, находились под контролем дворцовой администрации и эксплуатировались ею в интересах централизованного государственного хозяйства.

В документах Кносского и Пилосского архивов дворцовое хозяйство микенской эпохи предстает перед нами как широко разветвленная экономическая система, охватывающая практически все основные отрасли производства. Частное хозяйство, хотя, по-видимому, оно уже существовало в микенских государствах, находилось в фискальной (податной) зависимости от «государственного сектора» и играло при нем лишь подчиненную, второстепенную роль. Государство монополизировало важнейшие отрасли ремесленного производства, например кузнечное ремесло, и установило строжайший контроль над распределением и потреблением дефицитных видов сырья, прежде всего металла. Ни один килограмм бронзы, ни один наконечник копья или стрелы не мог ускользнуть от бдительного взора дворцовой бюрократии. Весь металл, находившийся в распоряжении, как государства, так и частных лиц, тщательно взвешивался, учитывался и фиксировался писцами дворцового архива на глиняных табличках. Централизованное дворцовое или храмовое хозяйство типично для древнейших классовых обществ, существовавших в Средиземноморье и на Ближнем Востоке в эпоху бронзы. С многообразными вариантами этой экономической системы мы сталкиваемся в III–II тысячелетиях до н. э. в храмовых горо-

дах Шумера и Сирии, в династическом Египте, в Хеттском царстве и дворцах минойского Крита.

5. Организация государственного управления.

Основанное на принципах строжайшего учета и контроля дворцовое хозяйство нуждалось для своего нормального функционирования в развитом бюрократическом аппарате. Документы Пилосского и Кносского архивов показывают этот аппарат в действии, хотя многие детали его организации остаются пока неясными ввиду крайнего лаконизма текстов табличек. Помимо штата писцов, служивших непосредственно в дворцовой канцелярии и архиве, в табличках упоминаются многочисленные чиновники фискального ведомства, ведавшие сбором налогов и наблюдавшие за выполнением разного рода повинностей. Так, из документов Пилосского архива мы узнаем, что вся территория царства была разбита на 16 податных округов, во главе которых стояли наместники-коретеры. Каждый из них отвечал за исправное поступление в дворцовую казну податей с вверенного ему округа (в состав податей входил, прежде всего, металл: золото и бронза, а также различные виды сельскохозяйственных продуктов). В подчинении у коретера находились чиновники низшего ранга, управлявшие отдельными поселениями, входившими в состав округа. В табличках они именуется «басилеями». Басилеи осуществляли надзор за производством, например за работой кузнецов, состоявших на государственной службе. Сами коретеры и басилеи находились под неусыпным контролем центральной власти. Дворец постоянно напоминал о себе местной администрации, рассылая во все стороны вестников и курьеров, инспекторов и ревизоров.

Кто же приводил в движение весь этот сложный механизм и направлял его работу? Таблички микенских архивов дают ответ и на этот вопрос. Во главе дворцового государства стоял человек, именуемый «ванак», что соответствует греческому «(в)анакт», т. е. «господин», «повелитель», «царь». К сожалению, в надписях ничего не говорится о политических функциях и правах ванакта. Поэтому мы не можем с уверенностью судить о том, какой характер имела его власть. Ясно, однако, что среди правящей знати ванакт занимал особое привилегированное положение. Принадлежащий царю зе-

мельный надел — темен (о нем упоминает один из документов Пилосского архива) — в три раза превосходил земельные наделы других высших должностных лиц: его доходность определяется цифрой в 1800 мер. В распоряжении царя находилась многочисленная челядь. В табличках упоминаются «царский горшечник», «царский сукновал», «царский оружейник». Среди подчиненных царю Пилоса чиновников высшего ранга одно из наиболее видных мест занимал лавагет, т. е. воевода или военачальник. Как показывает сам титул, в его обязанности входило командование вооруженными силами Пилосского царства. Кроме ванакта и лавагета, в надписях упоминаются и другие должностные лица, обозначаемые терминами «телест», «экет», «дамат» и пр. Точное значение этих терминов остается пока неизвестным. Однако кажется довольно вероятным, что в этот круг высшей знати, тесно связанной с дворцом и составлявшей ближайшее окружение пилосского ванакта, входили, во-первых, жрецы главных храмов государства (жречество вообще пользовалось в Пилосе, как и на Крите, очень большим влиянием), во-вторых, высшие военные чины, прежде всего предводители отрядов боевых колесниц, которые в те времена были главной ударной силой на полях сражений. Таким образом, пилосское общество представляло собой подобие пирамиды, построенной по строго иерархическому принципу. Верхнюю ступень в этой иерархии сословий занимала военно-жреческая знать во главе с царем и военачальником, сосредоточившая в своих руках наиболее важные функции как экономического, так и политического характера. В непосредственном подчинении у правящей верхушки общества находились многочисленные чиновники, действовавшие на местах и в центре и составлявшие в совокупности мощный аппарат угнетения и эксплуатации трудящегося населения Пилосского царства. Составлявшие основание всей этой пирамиды крестьяне и ремесленники не принимали никакого участия в управлении государством. Ниже, чем они, стояли рабы, занятые на различных работах в дворцовом хозяйстве.

6. Взаимоотношения ахейских царств. Троянская война. Угасание микенской цивилизации.

Дешифровка линейного письма Б не смогла решить все проблемы социально-экономической и политической исто-

рии микенской эпохи. Многие важные вопросы все еще остаются без ответа. Мы не знаем, например, какие отношения существовали между отдельными дворцовыми государствами: составляли они, как думают некоторые ученые, единую ахейскую державу под эгидой царя Микен – самого могущественного из всех правителей тогдашней Греции – или же вели совершенно обособленное и независимое существование? Последнее кажется более вероятным. Едва ли случайно, что почти каждый из микенских дворцов был окружен мощными оборонительными стенами, которые должны были надежно защищать его обитателей от враждебного внешнего мира и прежде всего от ближайших соседей. Циклопические стены Микен и Тиринфа свидетельствуют о почти непрерывной вражде этих двух государств, деливших между собой плодородную Аргосскую равнину. Греческие мифы рассказывают о кровавых усобицах ахейских владык, об упорной борьбе за первенство, которую вели между собой соперничающие династии Средней Греции и Пелопоннеса. В одном из них повествуется, например, о том, что семь царей Аргоса пошли походом на Фивы – богатейший из городов Беотии – и после ряда неудачных попыток и гибели некоторых из них взяли и разрушили город. Раскопки показали, что микенский дворец в Фивах, действительно, был сожжен и разрушен в XIV в. до н. э. задолго до того, как погибли другие дворцы и цитадели.

Напряженные отношения, существовавшие между ахейскими государствами на протяжении почти всей их истории, не исключают, однако, того, что в отдельные моменты они могли объединяться для каких-нибудь совместных военных предприятий. Примером такого предприятия может служить знаменитая Троянская война, о которой повествует Гомер. Если верить «Илиаде», в походе на Трою принимали участие почти все основные области ахейской Греции от Фессалии на севере до Крита и Родоса на юге. Предводителем всего войска был избран с общего согласия участников похода микенский царь Агамемнон. Не исключено, что Гомер преувеличил подлинные масштабы ахейской коалиции и приукрасил сам поход. Тем не менее историческая реальность этого события сейчас почти ни у кого не вызывает сомнений. Троянская война была лишь одним, хотя, по-видимому, и наиболее зна-

чительным из проявлений военной и колониальной экспансии ахейцев в Малой Азии и Восточном Средиземноморье. В течение XIV—XIII вв. до н. э. многочисленные ахейские поселения (на них указывают большие скопления типично микенской керамики) появились на западном и южном побережьях Малой Азии, примыкающих к ним островах — Родосе и Кипре — и даже на сиро-финикийском побережье Средиземного моря. Повсюду в этих местах микенские греки перехватывают торговую инициативу из рук своих предшественников минойцев. Сам Крит, как мы уже говорили, был еще раньше (в XV в.) колонизирован ахейцами и стал главным плацдармом в их продвижении на Восток и на Юг. Успешно совмещая занятия торговлей с пиратством, ахейцы вскоре становятся одной из самых заметных политических сил Восточного Средиземноморья. В документах из столицы Хеттского царства Богазкея государство Аххиява (вероятно, одно из ахейских государств в западной части Малой Азии и на прилегающих островах) ставится в один ряд с сильнейшими державами той эпохи: Египтом, Вавилоном, Ассирией. Из этих документов видно, что правители Аххиявы поддерживали тесные дипломатические контакты с хеттскими царями. Еще на рубеже XIII—XII вв. отряды ахейских добытчиков, пришедшие с Крита или с Пелопоннеса, принимали участие в набегах коалиции «народов моря» на Египет. В египетских надписях, повествующих об этих событиях, упоминаются наряду с другими племенами народы Экевеш и Денен, что может соответствовать греческому Ахайвой и Данаой — обычные наименования ахейцев у Гомера. Колониальная экспансия ахейских государств охватила также и часть Западного Средиземноморья, в основном те же его районы, которые будут освоены греками много позже, в эпоху Великой колонизации. Раскопки показали, что микенское поселение существовало на месте более позднего греческого города Тарента на южном побережье Италии. Значительные находки микенской керамики были сделаны на острове Искья в Неаполитанском заливе, на восточном побережье Сицилии, на Липарских островах и даже на Мальте.

В то время, когда Египет отражал натиск «народов моря», над самой ахейской Грецией уже сгущались тучи. Последние

десятилетия XIII в. до н. э. были временем крайне тревожным и беспокойным. В Микенах, Тиринфе, Афинах и других местах спешно восстанавливаются старые и возводятся новые укрепления. Воздвигается массивная стена на Истме (узкий перешеек, связывающий Среднюю Грецию с Пелопоннесом), явно рассчитанная на то, чтобы оградить микенские государства на юге Балканского полуострова от какой-то опасности, надвигающейся с севера. Среди фресок Пилосского дворца привлекает внимание одна, созданная незадолго до его гибели. Художник изобразил на ней кровопролитное сражение, в котором участвуют, с одной стороны, ахейские воины в панцирях и характерных рогатых шлемах, с другой — какие-то варвары, одетые в звериные шкуры, с длинными распущенными волосами. По всей видимости, эти дикари и были теми людьми, которых так боялись и ненавидели обитатели микенских твердынь, против которых они возводили все новые и новые укрепления. Археологические исследования показывают, что в непосредственной близости от основных очагов микенской цивилизации на севере и северо-западе Балканского полуострова (области, именовавшиеся в древности Македонией и Эпиром) шла совсем иная жизнь, весьма далекая от роскоши и великолепия ахейских дворцов. Здесь обитали племена, стоявшие на крайне низком уровне развития и, очевидно, еще не вышедшие из стадии родоплеменного строя. Об их культуре мы можем судить по грубой лепной керамике и примитивным глиняным идолам, составляющим сопровождающий инвентарь огромного большинства погребений в этих районах. Следует, однако, заметить, что при всей своей отсталости племена Македонии и Эпира были уже знакомы с употреблением металла и их оружие в чисто техническом отношении, по-видимому, не уступало микенскому.

В конце XIII в. племенной мир всего северобалканского региона в силу каких-то неизвестных нам причин пришел в движение. Огромная масса варварских племен, включавшая в себя как народы, говорившие на различных диалектах греческого языка (сюда входят дорийский и близкий к нему западногреческий диалекты), так, по-видимому, и народности негреческого, фракийско-иллирийского происхождения, снялась с насиженных мест и устремилась на юг, в богатые и процве-

тающие области Средней Греции и Пелопоннеса. Маршрут, по которому шло вторжение, отмечен следами развалин и пожарищ. На своем пути пришельцы захватили и разрушили множество микенских поселений. Погиб в огне пожара Пилосский дворец. Само место, на котором он стоял, было предано забвению. Серьезно пострадали, хотя, по-видимому, и не были захвачены, цитадели Микен и Тиринфа. Хозяйству микенских государств был нанесен непоправимый ущерб. Об этом свидетельствует быстрый упадок ремесла и торговли в районах, наиболее пострадавших от вторжения, а также резкое сокращение численности населения. Таким образом, на рубеже XIII–XII вв. микенская цивилизация перенесла страшный удар, после которого она уже не смогла оправиться.

Можно указать на несколько причин упадка микенской цивилизации. Одной из важных причин падения ахейских государств было истощение внутренних ресурсов, растрата огромных материальных и людских резервов в результате многолетней Троянской войны и кровавых междоусобиц между отдельными ахейскими царствами и внутри правящих династий... В этих условиях дополнительные траты на разорительные войны (включая Троянскую) не могли не привести к перенапряжению внутреннего потенциала и его истощению.

Рафинированная ахейская цивилизация с ее блестящим фасадом была обществом внутренне непрочным. Она не столько наращивала общественное производство, сколько растрачивала имеющиеся ресурсы, подтачивала основы своего могущества и благосостояния. Во время начавшихся на рубеже XIII–XII вв. до н. э. крупных племенных передвижений на Балканах и Малой Азии (среди них находились и дорийские племена) микенские государства, внутренне ослабленные комплексом глубоких противоречий, не выдержали натиска воинственных племен. Последовавший за племенными перемещениями быстрый распад крупнейших микенских государств объясняется не столько силой северных варваров, сколько непрочностью их внутренней структуры, основой которой была, как мы видели, систематическая эксплуатация и угнетение сельского населения немногочисленной замкнутой в себе дворцовой элитой и ее бюрократическим аппаратом. Достаточно было уничтожить правящую

верхушку дворцовых государств, чтобы вся эта сложная постройка развалилась, как карточный домик.

Дальнейший ход событий во многом неясен: слишком скуден имеющийся в нашем распоряжении археологический материал. Основная часть варварских племен, принимавших участие во вторжении, по-видимому, не удержалась на захваченной ими территории (опустошенная страна не могла прокормить такую массу людей) и отхлынула на север — на свои исходные позиции. Лишь небольшие племенные группы дорийцев и родственников им западногреческих народностей обосновались в прибрежных районах Пелопоннеса (Арголида, области близ Истма, Ахайя, Элида, Лакония и Мессения). Отдельные островки микенской культуры продолжали существовать вперемешку с вновь основанными поселениями пришельцев вплоть до конца XII в. В это время последние из переживших катастрофу конца XIII в. ахейские цитадели пришли в окончательный упадок и были навсегда покинуты своими обитателями. Тогда же наблюдается массовая эмиграция с территории Балканской Греции на Восток — в Малую Азию и на близлежащие острова. В колонизационном движении принимали участие, с одной стороны, уцелевшие остатки ахейского населения Пелопоннеса, Средней и Северной Греции, которые именуются теперь ионийцами и эолийцами, с другой — дорийские новопоселенцы. Результатом этого движения было образование на западном побережье Малой Азии и на островах Лесбосе, Хиосе, Самосе, Родосе и других множества новых поселений, среди которых самыми крупными были ионийские города Милет, Эфес, Колофон, эолийская Смирна, дорийский Галикарнас. Здесь в ионийских и эолийских колониях спустя несколько столетий возник новый вариант греческой культуры, резко отличающийся от предшествующей ему микенской цивилизации, хотя и вобравший в себя некоторые из ее основных элементов.

Как и в странах Древнего Востока, в частности в Древнем Египте, Месопотамии, Восточном Средиземноморье, процесс исторического развития в Эгейском бассейне в III—II тысячелетиях до н. э. протекал в рамках общих закономерностей разложения родовой организации через ее социальную дифференциацию, вызванную совершенствованием производи-

тельных сил, и социальную напряженность, которая, в свою очередь, определяла появление государственного аппарата, призванного обеспечить известный порядок в обществе и создать условия для его дальнейшего развития. Как и в странах Древнего Востока, первые классовые общества в Эгейском бассейне возникают в рамках небольших государственных образований, объединяющих несколько общин с одним административным центром, который вместе с тем был и средоточием культа. Подобные государства впервые возникли на о. Крит в конце III тысячелетия до н. э. Дальнейшее развитие этих мелких образований привело к созданию крупного территориального государства, объединявшего не только весь Крит, но и ряд островов южной части Эгейского моря и восточных прибрежных областей Балканского полуострова (морская держава Миноса).

Возникновение первых ростков цивилизации в Эгеиде относится к более позднему времени, чем в долине Нила или Двуречья, где общество достигло известной зрелости и к концу III тысячелетия до н. э. насчитывало тысячу лет. Как показывает исследование конкретного материала, более древние цивилизации Ближнего Востока оказывали на процесс внутреннего развития критского общества стимулирующее влияние. Вместе с тем нельзя преувеличивать степень этого влияния. В частности, оно, довольно сильное для Крита, было значительно более слабым для государств материковой Греции. Как свидетельствуют многочисленные археологические данные, развитые неолитические культуры в Балканской Греции VI—IV тысячелетий до н. э. стали богатой основой для возникновения культур бронзового века, а затем и древнейшей греческой цивилизации.

Для исторических судеб древнейшего населения Балканской Греции, так же как и других народов древности, природная среда обитания имела огромное значение. Как известно, раннему рождению цивилизации на Древнем Востоке способствовало создание орошаемого земледелия в речных долинах с плодородной почвой. В южной части Балканского полуострова природные условия были иными. Каменистая, трудная для возделывания почва, расчлененность территории многочисленными горными хребтами на мелкие изолирован-

ные долины создавали отличные от древневосточных обществ условия для общественного и экономического развития. Огромную роль в развитии отдельных центров Греции II тысячелетия до н. э. играло освоение моря, т. е. получение морских продуктов питания и возможность связей с другими народами по морским путям. По мере того как жителям Балканской Греции удавалось покорять море, шло становление эллинской цивилизации. Создание критской морской державы, постоянные морские контакты микенских греков с восточным побережьем Средиземного моря, Сицилией и Италией на Западе — показатель овладения морем еще во II тысячелетии до н. э.

Особую роль море играло в жизни жителей многочисленных островов Эгейского моря: Лемноса и Лесбоса, Киклад и Родоса. Ограниченность островной территории не позволяла сосредоточиться на преимущественном занятии земледелием, с одной стороны, с другой — богатство недр полезными ископаемыми — рудами, камнем, хорошей глиной — способствовало развитию ремесленного производства, заставляло жителей искать средства к жизни путем организации ремесла, развития рыболовства, активной морской торговли, кораблестроения и смелого пиратства, что не могло не стимулировать частную предприимчивость и мобильность населения.

Внутреннее развитие общества в Эгеиде II тысячелетия до н. э. проходило в рамках мелких государственных образований. В островной зоне Эгеиды эти мелкие государства, по всей вероятности, представляли собой аристократические структуры, решающую роль в них играла предприимчивая, связанная с морской торговлей и пиратством олигархия, жившая в довольно комфортабельных и благоустроенных домах, так называемых патрицианских особняках, открытых археологами. Правящая элита, видимо, представляла и возглавляла общинную организацию островного населения, восходящую к родовому устройству. Отсутствие дворцово-храмовых комплексов и неприступных цитаделей сводило к минимуму роль придворного и военного элемента, связанную с царским дворцом иерархию сословий и обеспечивало так сказать республиканский (вернее, будущий полисный) вариант общественного развития. Однако

этот путь развития, формирующийся в островной зоне Эгейского моря, не получил своего естественного продолжения, был заторможен, а затем и прерван, поскольку мелкие острова-государства были захвачены в разные периоды II тысячелетия ведущими монархическими державами Крита или ахейской Греции.

Ведущими стали государства с монархическим устройством. По своей структуре эти мелкие государства состояли из дворцового центра, резиденции правителя, его администрации, жречества, составлявших большую часть господствующего класса, и разбросанных по территории всего государства родовых общин. Производственной основой общества были централизованное дворцовое хозяйство, в котором работали рабы и зависимые работники, и родовые коллективы, где велось примитивное земледелие и скотоводство, поставлявшее излишки продукции в пользу царского дворца и местной аристократии. В отличие от стран Древнего Востока, где монархические режимы и связанная с ними аристократия как основная часть господствующего класса играли важную роль в организации земледелия, контролируя систему искусственного орошения, на Крите и в Балканской Греции примитивные монархии принимали минимальное участие в организации производства. Общины, жившие в условиях примитивного быта, были лишь объектом их насильственной эксплуатации. Это противоречие между протогородом с обширным царским хозяйством и эксплуатируемыми общинами, сохранявшими родовое устройство, определило внутреннюю слабость критских и ахейских государств. Постоянные войны, которые велись между мелкими враждующими царствами, еще более подтачивали силу этих внутренне непрочных государств. Свою роль играл и фактор этнической неоднородности Эгейского мира, как правило, чреватый раздорами и конфликтами. Греки-ахейцы, исконное негреческое население Крита — минойцы, местные племена Балканского полуострова, жившие здесь до вторжения ахейцев — пеласги и лелеги, карийцы — имели свои культурные и этнические традиции и это не могло не влиять на общую нестабильность исторической ситуации, хотя в нашем распоряжении нет точных данных о каких-либо этнических столкновениях или войнах во II тысячелетии

до н. э. Потребовавшая большого напряжения Троянская война, давление с севера дорийских племен, начавших медленное движение в южном направлении, привели к постепенному разрушению микенских дворцов и падению олицетворяемой ими государственности, цивилизации, бюрократического уклада хозяйства. Напротив, родовые общины сохранили свою структуру и продолжали существовать в новых условиях. Проникновение дорийских племен, живших в сходных условиях доклассового быта, лишь укрепили в целом родовые отношения, которые заняли господствующее положение в Греции рубежа II—I тысячелетий до н. э. Уничтожение микенской аристократии как носителей классового общества и государственности, паразитических резиденций, дворцов с их роскошью, утонченным искусством, письменностью привело к общему понижению социально-экономического и культурного уровня Греции, которая в целом вернулась к родоплеменной структуре общественного устройства.

Ю. В. Андреев

Лекция 4. Архаическая Греция. VIII–VI вв. до н. э.

Вопросы:

1. Состояние греческой экономики в архаический период.
2. Социальная структура греческого общества.
3. Великая греческая колонизация.
4. Рождение новой греческой культуры.

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 2. Гл. 1, 2, 3, 5, 7.

В историческом развитии Древней Греции на рубеже IX–VIII вв. до н. э. произошли глубокие изменения. Мелкие, изолированные друг от друга родовые и сельские общины превращаются в новые социально-политические организмы, в недрах которых начинается интенсивное экономическое раз-

витие, между разными социальными группами возникают острые противоречия, перерастающие в кровопролитные столкновения, складывается система государственных органов, создается высокая культура. Эти новые социально-политические организмы, получившие название полисов, стали основными ячейками древнегреческого общества, государства и культуры.

Полисы формировались не только из родовых общин предшествующего времени, но и зачастую создавались заново путем основания новых поселений – колоний, выводимых из городов Эгейского бассейна на побережье Средиземного и Черного морей. Полисы, как первого, так и второго типа создавали свою внутреннюю структуру на протяжении нескольких столетий, этот процесс завершился в большинстве городов Греции лишь в конце VI в. до н. э.

Формирование полисного строя составляет содержание процесса исторического развития Древней Греции в архаический период VIII–VI вв. до н. э.

1. Состояние греческой экономики в архаический период.

Распад родовых и возникновение раннеклассовых отношений были результатом серьезных перемен во всей социально-экономической структуре греческого общества. Глубокие изменения произошли в хозяйственной жизни древних греков.

В области сельского хозяйства – важнейшей отрасли античной экономики – происходит постепенная перестройка самой структуры производства. Это проявилось в быстром развитии таких отраслей, как виноградарство и маслиноводство, культура которых требовала тщательного ухода, вложений средств и больших людских затрат, чем хлебопашество. Холмистый рельеф Греции с каменистой почвой во многих областях, мало пригодный для повсеместного возделывания зерновых, оказался благоприятным для выращивания виноградной лозы, масличных и плодовых деревьев, разнообразных овощей. Это способствовало не только обогащению общей структуры сельскохозяйственного производства Греции, но и его интенсификации. Вложение дополнительных средств и рабочей силы создает возможность получения излишков винограда и оливок (как правило, превращаемых в вино и оливковое масло),

которые не потреблялись целиком в данном хозяйстве и могли быть проданы на рынке. В свою очередь, возможность рыночных связей толкала земледельцев на дополнительные вложения, расширение масштабов и объемов производства.

Основными ячейками сельскохозяйственного производства в VIII–VI вв. до н. э. были мелкие крестьянские хозяйства и более крупные поместья родовой знати, обрабатываемые попавшими в зависимость от нее обедневшими сородичами. Зачастую земельное владение аристократа сдавалось в аренду беднякам-соплеменникам, которые выплачивали землевладельцу в качестве арендной платы до половины урожая (работали исполу), с трудом сводя концы с концами. Аграрные отношения в Греции VIII–VI вв. до н. э. характеризуются укреплением крупного землевладения аристократии (потомков родовой знати) и разорением мелких землевладельцев, составлявших основную массу населения, что способствовало росту имущественного расслоения и усилению социальной напряженности в рождающихся греческих полисах.

Важные изменения происходят в области ремесленного производства, которое отделяется от сельского хозяйства. Если в предшествующий период ремесло и сельское хозяйство существовали в рамках каждого поселения, то в VIII–VI вв. до н. э. ремесленное производство сосредоточивается в городах, а земледельцы, проживающие в деревнях, должны покупать ремесленные изделия у городских мастеров.

Отделение ремесла от сельского хозяйства стало важным фактором и условием развития, как земледелия, так и ремесленного производства, определило рост специализации и профессионализма работников. В области ремесла это способствовало техническому прогрессу и организации четко оформившихся отраслей: металлургии и обработки металлов, керамического производства и кораблестроения. Крупные достижения были сделаны в металлургии и обработке металлов. Греческие мастера хорошо освоили так называемый сыродутный способ получения железа. В VIII–VI вв. до н. э. греческие металлурги разработали технологию обработки железа, стали широко применять его для изготовления оружия (мечи, кинжалы, наконечники копий) и орудий труда (лемехи для плугов, разные виды ножей, молоты, мотыги).

лопаты, кузнечные инструменты). Греки научились придавать особую твердость железу (закалывать) через проковку на кузнечной наковальне или через науглероживание железа, т. е. могли получать некоторые виды стали (славилась лаконская сталь). Огромное значение для широкого распространения железа в разных отраслях производства имела разработка технологии соединения различных кусков железа методом сварки и спайки, открытых мастером Главком с острова Хиос.

Совершенствуется и технология обработки уже известного, широко распространенного металла — бронзы, улучшается качество бронзовых изделий. Мастера Ройк и Феодор с острова Самосе освоили новые виды литья бронзы, которые позволили отливать статуи по восковой модели, получать прочные и тонкие листы бронзы, широко использовавшиеся для изготовления ряда предметов вооружения (панцири, шлемы, щиты и др.), парадной посуды (особенно славилась бронзовые сосуды, изготавливаемые в Коринфе, — так называемая коринфская бронза), бронзовые листы для обшивки бортов и изготовления многих металлических деталей судов и др.

Освоение технологии железа и стали, получение большого количества металла привели к появлению таких орудий труда, с помощью которых можно было эффективнее корчевать леса и кустарники (с помощью железного топора), расширять пахотные земли и возделывать землю (с помощью железных лемехов, кирок, мотыг и серпов); используя железные молоты, наковальни, пилы и другие орудия, можно было обрабатывать твердые породы камня и проводить операции, которые были невозможны или затруднительны при господстве бронзовых орудий труда. Широкое внедрение железного оружия привело к перевороту в военном деле, в частности к падению роли аристократической конницы и возрастанию роли тяжеловооруженной пехоты (гоплитов), комплектуемой из средних разрядов гражданского населения греческих полисов. Процветающей отраслью производства становится изготовление разнообразных керамических изделий: парадной и повседневной посуды, светильников, черепицы для кровли домов и общественных зданий, специальных сосудов (амфор и пифосов) для перевозки и хранения жидких продуктов и зерна, облицовочных плит, применяемых для

отделки внешних стен зданий, керамических труб, грузиков для ткацких станков и других изделий.

Греческие гончары достигли большого искусства в изготовлении керамических изделий: прекрасный обжиг, разнообразие и изящество сосудов обеспечили греческой керамике спрос во всем Средиземноморье. Стремясь придать большую нарядность своим парадным изделиям, греческие мастера стали покрывать внешние стенки сосудов красивой черной поливой — знаменитым черным лаком, наносили изображения мифологических или бытовых сцен, использовали декоративные сюжеты. Гончарные мастерские имелись в большинстве греческих городов, но особенно славились мастера Коринфа и Афин, изделия которых, покрытые черным лаком и рисунком, получили известность далеко за пределами Эгейского бассейна.

В VIII—VI вв. до н. э. приобретает жизненно важное значение кораблестроение. Больших военных флотов в Греции этого времени не было, поскольку морских войн греки еще не вели, но для ведения торговли, создания многочисленных колоний в разных областях Средиземноморья и Причерноморья требовался значительный пассажирский и торговый флот. Греки строили разные типы судов: пентеконтеры с 50 гребцами и более сложные триеры со 180 гребцами, которые могли развивать скорость до 10 морских миль в час. Кораблестроение — сложное производство, требующее участия многих специалистов: плотников, столяров, мастеров по металлу, такелажу, установке парусов и др. Поэтому успехи греческого кораблестроения — показатель общего высокого уровня греческого ремесла. Если в гомеровский период греческие общины жили довольно изолированно и замкнуто, то в VIII—VI вв. до н. э. устанавливаются интенсивные связи между различными полисами, расположенными зачастую в отдаленных областях Средиземноморья, например в Сицилии или в Причерноморье, с городами Эгейского бассейна. В системе этих активных сношений большую роль играла торговля, обмен различными товарами и сырьем. Во вновь основанные колонии везли вино, оливковое масло, керамику, металлические изделия, оружие, а получали в обмен металлы, лес, кожи, хлеб, рабов. Для того чтобы облегчить расчеты при об-

мене товаров, была изобретена монета. Первые монеты появились в VII в. до н. э. в Лидии и в Греции на острове Эгина, и вскоре их стали чеканить многие греческие города. В Греции монеты представляли собой кусочек серебра определенного веса, обычно круглой формы, на обеих сторонах которого были выбиты изображения того или иного божества и связанных с ним символов (совы — для богини Афины, орла, скипетра или молнии — для Зевса, треножника, лиры, лебедя — для Аполлона, трезубца — для Посейдона и т. д.).

Постепенное распространение монет, укрепляющиеся торговые связи между различными полисами, а также с окружающей варварской периферией свидетельствовали о проникновении *товарного производства* в греческую экономику. Развитие ремесел и сосредоточение их в главном центре полиса, постепенно расширяющееся производство на рынок, установление активных торговых связей — все это способствовало основанию и бурному развитию городов не только как административных и религиозных, но и как торгово-ремесленных центров. В VIII–VI вв. до н. э. в Греции произошла подлинная городская революция. В городах работают ремесленные мастерские, на центральном рынке — агоре — идет активная торговля, в гавани стоят корабли, пришедшие из отдаленных областей. Среди населения увеличивается численность ремесленников, торговцев, матросов, гребцов, владельцев мастерских и кораблей, т. е. торгово-ремесленная прослойка. Но вместе с тем в городе проживают землевладельцы из числа родовой знати, скромные земледельцы, которые выезжают на свои участки для их обработки. С городом тесно связаны земледельцы, живущие в сельских поселениях, они проводят здесь собрания, принимают участие в общественных празднествах, покупают ремесленные изделия (лемехи, мотыги, кирки, светильники, посуду и т. д.) и продают излишки своей продукции. Иначе говоря, город становится важнейшим фактором социально-экономического, политического и культурного развития всего полиса, в определенной степени средоточием этого развития.

В целом экономика греческих полисов в VIII–VI вв. до н. э. отличалась от экономики древневосточных и ахейских государств II тысячелетия до н. э. своей структурой, большей ди-

наличностью, большим объемом ремесленных производств и размахом торговых операций, возрастанием роли товарного производства, преобладанием частных хозяйств и слабым вмешательством государственной власти в хозяйственную жизнь. Характер и структура формирующейся полисной экономики предопределили большую роль в социальных отношениях тех слоев населения, которые были связаны с ремеслами и торговыми операциями. Вместе с тем возникает и другой тип полисной экономики, в которой преобладающее значение получает сельское хозяйство, а роль ремесел и торговли была невелика. Таковы аграрные полисы внутренних областей Балканской Греции (например, Спарта в Пелопоннесе), Беотии, многих городов Фессалии и др.

2. Социальная структура греческого общества.

Ускоренное развитие греческой экономики в VIII–VI вв. до н. э., включение всех слоев населения в те или иные отрасли производства создавали условия для формирования разных классов и социальных групп со своими экономическими и политическими интересами. Однако этот процесс был сложным и длительным. Отношения кровного родства и представления об известном коллективизме жизни сохранялись довольно долго и осложняли процесс классовообразования. Если в полисах с активным развитием ремесел и торговли процесс классовой дифференциации и изживания пережитков родовых отношений шел довольно быстро (в Коринфе, Милете, Мегарах и др.), то в полисах с преобладанием сельского хозяйства, слабым развитием товарных отношений он был заторможен, а родовые пережитки продолжали играть важную роль вплоть до V в. до н. э., а в некоторых отсталых районах Греции, как, например, в полисах Фессалии, Фокиды или Этолии – и до IV в. до н. э.

Изживание родовых и формирование классовых отношений в Греции VIII–VI вв. до н. э. происходило постепенно, в два этапа. Первый этап (VIII – первая половина VII в. до н. э.) характеризуется существованием сильных пережитков родового строя и господством родовой знати. Она захватила значительную часть родового земельного фонда, использовала для обработки своих владений обедневших и попавших к ним в зависимость в силу разных причин (неурожай, стихийное

бедствие, необходимость защиты, древние традиции помощи уважаемым членам рода и др.) сородичей, иногда применяя и рабский труд.

Родовая знать была заинтересована, прежде всего, в закабалении и использовании труда своих разоряющихся сородичей, ведь труд покупных рабов был довольно дорог, а поставки рабов на рынки в это раннее время были редки. Для закабаления своих сородичей стал использоваться механизм самого жестокого ростовщичества: выдача ссуд под очень высокие проценты (каких-либо ограничений для ростовщического процента не было). Общая тенденция социального развития в Греции VIII – первой половины VII в. до н. э. заключалась в увеличении богатства и могущества родовой знати и роста числа сородичей, находившихся в полурабской зависимости. Яркая картина социального расслоения, возрастания могущества и богатства знати, забывшей законы справедливости, содержится в поэме Гесиода «Труды и дни». Землевладельческая аристократия, использующая механизм родовых пережитков для захвата земли и увеличения своих богатств, попавшие к ней в зависимость обедневшие сородичи, работающие на аристократа-сородича в его поместье или арендующие у него на кабальных условиях участки земли, составляли основные социальные слои греческого общества VIII – первой половины VII в. до н. э.

С середины VII в. до н. э. начинается новый, второй, этап социальной стратификации греческого общества. Он был обусловлен интенсификацией экономического развития, успехами ремесленного производства и торговли, укреплением возникающих городов. Все эти процессы привели к росту удельного веса торгово-ремесленных слоев греческих полисов. В ремесленных мастерских, работающих на рынок, увеличивается потребность в дополнительной рабочей силе, которая удовлетворяется за счет увеличения доли рабского труда.

Происходит усложнение традиционной социальной структуры. Формирующиеся социальные группы конституируются как особые классы населения, имеющие разные социально-экономические и политические интересы. Военно-землевладельческая знать, захватившая родовые земли и поставившая в зависимость от себя значительную часть своих обедневших

сородичей, видела свой интерес в сохранении существующего положения и своих привилегий, восходящих еще к родовым порядкам. Знать с опаской смотрела на бурное развитие ремесленного производства, размах торговых операций, рост городского населения. Это была консервативная общественная сила. Опираясь на богатство и механизм древних традиций, земельная аристократия захватила органы политической власти в рождающихся полисах, умело приспособив институты родового управления (народное собрание, совет старейшин) к новым нуждам.

Иное положение было у рядовой массы земледельцев, частично свободных, частично попавших в кабальную зависимость от земельной аристократии. Занимаясь примитивным земледелием, они с трудом сводили концы с концами, страдая от свирепого долгового права, попадали в зависимость от крупных землевладельцев, пополняя ряды кабальных должников. Эта часть населения, численно преобладавшая в греческом обществе, была заинтересована, прежде всего, в создании гарантий своего существования: земельного участка, достаточного для пропитания семьи, личной свободы и возможности участия в политической жизни полиса. Греческие земледельцы требовали смягчения жестокого долгового права, законодательной фиксации своих гражданских прав, отмены долгового рабства, создания таких органов управления, в которых они могли бы принять участие. Естественно, эти требования можно было провести в жизнь лишь сломив яростное сопротивление правящей аристократии.

Торгово-ремесленные слои греческих полисов состояли из самых разных элементов. В их состав входили представители аристократии, оценившей значение ремесел и торговли и для полиса, и для своего собственного обогащения, горожане, хотя и владеющие приличными участками земли, но свои основные интересы видевшие в содержании ремесленных мастерских, торговых кораблей. Наконец, к этой прослойке населения принадлежали простые ремесленники, живущие трудом своих рук, мелкие торговцы, матросы и гребцы, грузчики и строители, которые могли иметь крошечный земельный надел, а могли и потерять совсем связь с землей. Несмотря на свою пестроту, торгово-ремесленная прослойка в целом была

заинтересована в расширении ремесленного производства, торговых сношений, денежного обращения, мореплавания, распространении рабства, т. е. в более быстром экономическом и культурном развитии Греции, которому мешали остатки родовых отношений. По мере того как укреплялись различные ремесла, расширялись торговые операции и мореплавание, росло богатство и влияние торгово-ремесленных слоев населения полисов. Они теперь претендовали на свою долю участия в политической власти, выступали против господства консервативной земельной аристократии.

Усложнение социальной структуры, формирование общественных слоев с разными, противоречивыми интересами порождали напряженность в обществе, которая в ряде полисов перерастала в кровопролитные столкновения, приводила к убийствам, изгнанию, конфискации имущества. Эти социальные столкновения были вызваны стремлением провести в жизнь определенную социально-политическую программу развития того или иного полиса. Если военно-земледельческая аристократия стояла за приспособление органов родового строя, традиционных институтов управления к новым условиям, поскольку именно они гарантировали аристократии сохранение ее привилегий, влияния и политического могущества, то широкие массы земледельцев, торгово-ремесленные круги (в отличие от аристократии эту часть населения называли демосом, т. е. народом) стремились к созданию новых органов управления, в которых они могли бы принимать непосредственное участие и которые могли гарантировать им утверждающуюся частную собственность, быстрое экономическое развитие, широкое использование рабского труда, их личную свободу. История Греции VIII—VI вв. до н. э. наполнена столкновениями за реализацию этих программ развития. В VIII — первой половине VII в. до н. э. военно-землевладельческая знать удерживала господствующие позиции, но с середины VII в. до н. э. политическое влияние аристократии ослабевает, а ее противники из среды демоса постепенно оттесняют родовую знать с господствующих позиций и наращивают свое политическое влияние.

Сила родовой знати определялась не только наличием крупных земельных владений, не только преобладанием в со-

вете старейшин и имеющихся магистратурах, но и решающей ролью аристократии в военном деле — конница и колесницы составляли ударную силу греческого войска, которую лишь дополняли слабовооруженные, собранные наспех отряды сопровождающих знать сородичей.

К середине VII в. до н. э. роль конницы и колесниц стала падать, а все большее значение приобретает снабженная железным оружием тяжеловооруженная пехота, которая комплектовалась из средних по своему достатку земледельцев. Такие земледельцы не могли содержать коня или иметь колесницу, но обладали достаточными средствами, чтобы приобрести тяжелое вооружение. Гоплиты строились плечом к плечу в несколько рядов в сильно вытянутый по фронту прямоугольник, выставив копья вперед (такое построение называлось фалангой), и грозно двигались на врага. Здоровые, постоянно занятые сельским трудом земледельцы были достаточно подготовлены к такому способу ведения боя. Против натиска оцетинившейся копьями фаланги конница и колесничие оказывались бессильными. Превращение гоплитов в главную военную силу греческих полисов способствовало укреплению их общественного значения и возрастанию их политического веса.

Крупной победой широких кругов демоса, т. е. мелких земледельцев и городского торгово-ремесленного населения, была кодификация обычного права и запись действующих правовых норм, регулирующих социально-экономические отношения. Сохранились сведения о проведении такой кодификации действующего права в Спарте («Большая ретра» законодателя Ликурга), в Локрах Эпизефирских в Южной Италии (законодательство Залевка), в сицилийском полисе Катане (законодательство Харонда), законы Драконта в Афинах и в других полисах. Запись действующих норм права позволила ограничить произвол в толковании юридических правил: право толкования обычного права по традиции принадлежало аристократии и приводило к частым злоупотреблениям. В записанных законах закреплялась и гарантировалась частная собственность на землю и движимое имущество в ущерб родовой собственности, и тем самым частная собственность защищалась от произвольных захватов родовой аристокра-

тии. В ряде законодательств вводились статьи о гарантированности земельных наделов для рядовых граждан, фиксировалась компетенция собрания граждан, которое начинает играть важную роль в полисе, вводились некоторые ограничения в деятельности советов старейшин, бывших оплотом власти родовой аристократии. Принципиальное значение имело законодательное запрещение порабощения граждан за долги, т. е. уничтожение долгового рабства. Задолжавший бедняк в случае неуплаты долга уже не мог быть обращен в рабство или продан за пределы полиса, — закон гарантировал его личную свободу. Постепенно складывалось убеждение, что греки не могут быть рабами, что ими могут быть только представители негреческого населения (греки несколько позже стали называть их варварами). Законодательная гарантия личной свободы для населения полиса через уничтожение долговой кабалы заставляла теперь владельцев крупных поместий или ремесленных мастерских рассчитывать не столько на внутренние источники пополнения рабов, сколько на ввоз рабов из окружающих Грецию стран, обращать в рабство военнопленных, покупать рабов на рынке.

Большое значение в политическом развитии Греции в VII—VI вв. до н. э. оттеснение родовой знати от власти в целом ряде греческих полисов и укреплении положения торговоремесленной верхушки имела деятельность так называемых тиранов. Тиранами называли лиц, как правило, довольно знатного происхождения, которые насильственно захватывали власть в тех или иных полисах, подчиняли своему влиянию действующие органы управления (в частности, аристократический совет старейшин и традиционные магистратуры).

Раньше всего во второй половине VII в. до н. э. тирания была установлена в городах Коринфе, Мегарах и Сикионе. В VI в. до н. э. тиранические режимы были установлены в Милете, Афинах, на острове Самосе и других островах Эгейского моря, в ряде полисов Южной Италии и Сицилии. Захватившие власть тираны в целом проводили политику, направленную против господства старой родовой аристократии. Они не только отстраняли от власти многие знатные роды, но и конфисковывали их имущество и земли, изгоняли из полиса, освобождали зависимых от них лиц. Тираны поддерживали

торгово-ремесленные круги и мелких земледельцев, поощряя занятия ремеслами и торговлей, строили торговые корабли и благоустраивали порты, чеканили монеты и обеспечивали безопасность торговых путей.

Однако тирания в Греции была кратковременным явлением. Пока тираны вели борьбу с господством родовой знати, проводили реформы в пользу широких кругов населения, способствовали экономическому процветанию полисов, их режим находил сторонников. Но вскоре правление тиранов стало приобретать деспотический характер, порождая насилия и злоупотребления, как самих тиранов, так и их приближенных. Население перестало их поддерживать, и тираны были изгнаны или погибли в борьбе. К концу VI в. до н. э. тирания как форма государственного правления изжила себя и была уничтожена почти во всех греческих городах. В целом тирания сыграла важную роль в борьбе с господством консервативной родовой знати, она расчистила дорогу для утверждения полисного строя, подготовила условия для укрепления торгово-ремесленных слоев и повышения их роли в обществе и управлении.

Законодательное закрепление прав рядовых граждан, уничтожение кабального рабства и смягчение долгового права, изменения в военном деле, приведшие к повышению значения тяжеловооруженных воинов-гоплитов, укрепление роли народного собрания как политического органа приводили к консолидации гражданского коллектива полиса, повышению роли средних прослоек полисного гражданства, располагающего некоторым достатком, защищающего свой полис в фаланге гоплитов, участвующего в народных собраниях, где обсуждались дела родного полиса.

3. Великая греческая колонизация.

Процесс социально-экономического, политического и культурного развития греческого общества VIII–VI вв. до н. э. породил такое интересное явление в древнегреческой истории, как Великая колонизация, т. е. выселение греков из городов Эгейского бассейна в многочисленные колонии (по-гречески «апойкии»), расположенные по побережью Средиземного и Черного морей. Всего было выведено несколько сотен колоний с общим населением в 1,5–2 млн. человек. Ка-

ковы были причины этого мощного колониационного движения? Можно назвать несколько основных. Интенсификация греческой экономики, развитие ремесел и торговли в рождающихся полисах требовали расширения поля деятельности: нужны были новые земли для теряющих свои наделы граждан, нужны были источники сырья, рынки сбыта для продукции ремесленных мастерских — и все это можно было найти в колониях, основанных в удобных и богатых областях Средиземноморья и Причерноморья, в окружающих их территориях, занятых местными племенами.

Другой важной причиной вывода колоний был процесс классовообразования и социальной дифференциации греческого общества, протекавший в VIII—VI вв. до н. э. Потерявшие свою землю бедняки, попавшие в цепкие лапы ростовщиков, закабаляемые знатью сородичи, потерпевшие поражение в социальной борьбе представители разных борющихся группировок искали удачи и благосостояния на чужбине, во вновь основанных колониях. Аристократия не мешала такому переселению, ведь в колонию уходили недовольные, опасные для господства знати элементы, политические противники. Вместе с тем правящим кругам городов-метрополий было выгодно иметь свои колонии, с которыми устанавливались взаимовыгодные связи, откуда получали ценное сырье, куда можно было сбывать продукцию поместий и ремесленных мастерских, с помощью которых метрополии расширяли свое политическое влияние.

Выведение многочисленного населения в колонии было бы невозможно без общего возрастания численности греческого населения. Греция VIII—VI вв. до н. э. переживала своего рода демографический взрыв, вызванный целым рядом причин, до конца еще не исследованных, но, бесспорно, одной из главных было бурное развитие греческой экономики, создающей излишки продукции, требующей сбыта, достаточного количества сырья, рабочей силы, обеспечивающей определенный материальный достаток.

В Великой греческой колонизации можно выделить три разных направления. Наиболее мощным было *западное направление*. Первой колонией, основанной греками на Западе, было поселение на острове Питекуссы и город Кумы (в Кам-

панин), выведенные около середины VIII в. до н. э. Вскоре были основаны города, превратившиеся затем в крупнейшие и процветающие западногреческие полисы: Сиракузы (733 г. до н. э.), Занкла (730 г. до н. э.), позднее переименованная в Мессану, Регий (720 г. до н. э.), Тарент (706 г. до н. э.), Сибарис, Кротон, Гела, Селинунт, Акрагант и др. Сицилия и Южная Италия были так густо усеяны сетью греческих колоний и поселений, греческие колонисты настолько основательно освоили эти территории, что Южная Италия и Сицилия стали называться характерным термином «Великая Греция».

На южном побережье Франции была основана Массалия (ок. 600 г. до н. э.), впоследствии ставшая многонаселенным полисом, через который по реке Родану греческие товары направлялись во внутренние области Галлии, вплоть до современного Парижа. На испанском берегу была основана крупная колония Эмпорион. Особой активностью в западной колонизации отличался город Коринф, один из крупнейших торгово-ремесленных центров Балканской Греции, для которого характерно раннее становление полисного строя и новой экономики.

Большой мощностью отличалось и колонизационное движение в *северо-восточном направлении*. Здесь ведущую роль играл Милет, также один из крупнейших и богатых греческих городов. По преданию, Милет вывел до 100 различных поселений и колоний. Крупными греческими колониями Пропонтиды стали города Кизик (756 г. до н. э.), Халкедон (685 г. до н. э.), Византии (667 г. до н. э.). Города Синопа (756 г. до н. э.) и Гераклея Понтийская (560 г. до н. э.) были наиболее могущественными на южном берегу Черного моря. Самыми значительными греческими колониями на Западном Причерноморье считались Истрия (657 г. до н. э.), Аполлония Понтийская, Одессос, Томы, Каллатия. В VI в. до н. э. колонизационная волна достигла Северного Причерноморья. Древнейшее греческое поселение было основано на островке Березань на рубеже VII–VI вв. до н. э., но вскоре Березанское поселение вошло в состав более крупной колонии Ольвии, основанной в первой половине VI в. до н. э. в устье Днепробугского лимана. Целый ряд греческих колоний возник в древней Таврике (совр. Крым). В VI в. до н. э. около десятка

разных поселений и городков появились на обеих сторонах Керченского пролива, наиболее крупными из них стали Пантикапей (рубеж VII–VI вв. до н. э.) на месте современной Керчи и Фанагория (547 г. до н. э.) на азиатской стороне Керченского пролива. В начале V в. до н. э. греческие колонии Керченского пролива объединились под властью сильного города Пантикапея, и это объединение стало называться Боспорским государством (или Боспором). Из других греческих колоний Северного Причерноморья заметную роль играли Тира (совр. Белгород-Днестровский) в устье реки Днестр, Феодосия в Восточном Крыму (совр. Феодосия), Херсонес (совр. Севастополь), Горгиппия (совр. Анапа). Наиболее крупными греческими колониями Кавказского побережья были города Пители (совр. Пицунда), Диоскуриада (совр. Сухуми), Фасис (совр. Поти).

Значительно слабее представлена греческая колонизация в юго-восточном и южном направлениях, т. е. на финикийском побережье, приморских районах Египта и Ливии. В этих областях греческие колонисты встретили сильное сопротивление финикийских торговцев и стоящих за ними могущественных ассирийских, нововавилонских царей и египетских фараонов. Вот почему здесь было основано лишь несколько поселений, которые к тому же играли роль торговых факторий, подчиненных местным правителям. Это поселения Аль-Мина в Сирии, Сукас в Финикии, Навкратис и Дафны в Египте. Лишь Кирена, основанная в 630 г. до н. э. в плодородной местности в нескольких километрах от моря, мало доступная как египетским фараонам, так и финикийским или карфагенским мореходам, стала процветающим греческим полисом, установившим тесные контакты с городами Балканской Греции.

Греческие колонии выводились на территории, достаточно удобные для жительства, снабженные питьевой водой, с плодородными землями, расположенными, как правило, на морском побережье и располагающими хорошими гаванями в местах, укрепленных природой. Прежде чем вывести поселение, производилась предварительная разведка местности. Довольно часто поселение или город основывались на местах древних корабельных стоянок или временных факторий.

Как только устанавливалось место будущей колонии, в городе-метрополии объявлялась запись желающих выехать на новое поселение, а власти города назначали специальное должностное лицо, так называемого ойкиста. Ойкист официально возглавлял партию колонистов, он должен был окончательно определить место будущего поселения и окружающей сельской территории, провести религиозные обряды в честь основания города, линию городских стен, если они намечались, определить место главного храма, центральной площади-агоры, портового района, жилых кварталов. В состав колонистов записывались граждане данного города, как правило, обедневшие люди, младшие сыновья семейств, не имеющие прав на наследование отцовского участка, побежденные в политической борьбе, искатели приключений, но в партию колонистов могли записаться и жители других городов, так или иначе связанных с данным полисом-метрополией. Так, например, активная колонизационная деятельность Милета может быть объяснена лишь тем, что в составе колонистов было множество не только милетских граждан, но и жителей других греческих городов, считавших для себя выгодным участвовать в основании милетских колоний.

Первые колонии были немногочисленны. Колонизационные партии насчитывали, как правило, несколько сотен человек. Колонисты должны были вступить в определенные отношения с местными племенами, Обычно (но далеко не всегда) такие отношения носили мирный характер: колонистов было слишком мало, чтобы проводить агрессивную политику, а вожди местных племен были заинтересованы в контактах с более цивилизованными греками, которые привозили им вина, оливковое масло, предметы роскоши. Имелись и случаи враждебных отношений колонистов с местными племенами, например в Южной Италии и в Северном Причерноморье. Оказавшиеся на чужбине первые поселенцы поддерживали тесные связи с метрополией и опирались на ее всестороннюю поддержку и помощь. Однако, несмотря на эти тесные связи и близкое родство (в метрополии к тому же оставались ближайшие родственники и близкие), колония основывалась как самостоятельный полис.

В зависимости от состава колонистов, местных условий, отношений с метрополией новая колония становилась или

богатым земледельческим центром, или выступала преимущественно как посредник в торговле метрополии с местными племенами.

В колониях значительно слабее ощущался груз старых родовых традиций, и потому экономика, социальные процессы, новые органы государственной власти, культура развивалась свободнее и быстрее, чем в метрополии. Многие греческие колонии, первоначально небольшие и бедные поселения, превращаются в процветающие многолюдные, богатые города с развитой экономикой, активной социально-политической и культурной жизнью. Быстрый рост колоний оказывал стимулирующее воздействие на развитие греческого общества в целом, на установление зрелых форм полисного строя. Великая греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э., вызванная глубинными процессами общественного развития Балканской Греции, сама стала мощным фактором социально-экономического и культурного развития всего греческого мира. Знакомство колонистов с новыми странами, новыми племенами расширяло культурный кругозор греков. Необходимость строить новые города, осваивать новые территории давала мощный толчок для развития градостроительства и архитектуры, изобразительных искусств. Взаимные контакты, как со странами древней восточной культуры, так и с племенным миром Средиземноморья обогащали греческую культуру новыми идеями, новыми знаниями, послужили стимулом в развитии греческой философии и литературы.

4. Рождение новой греческой культуры.

Становление греческих полисов сопровождалось формированием новой культуры, новой системы духовных ценностей, которые стали органической частью греческой цивилизации. Основными параметрами новой системы духовных ценностей были рационализм мышления грека, сознание ценности человеческой личности, прославление активности, смелости и умения человека в борьбе с природой, чувство неразрывной связи гражданина и полиса, понятие свободы как высшей нравственной категории.

Формирование основ греческой культуры проходило не на пустом месте. Существенными факторами ее развития стали глубокие культурные традиции далекого мира крит-

ских и ахейских обществ II тысячелетия до н. э., наследие гомеровского времени, активные контакты с древневосточными цивилизациями. Греки умело использовали, переработали, переосмыслили это наследство, но в целом древнегреческая культура VIII–VI вв. до н. э. была глубоко оригинальным и новым историческим явлением.

Культура каждого народа – это многогранный, сложный комплекс, включающий письменность и литературу, изобразительное искусство и архитектуру, определенную религиозную систему, философию и науку. И в каждой из этих сфер культурного творчества греки имели выдающиеся достижения. Греки разработали оригинальную религиозную систему, в которой трактовка божества коренным образом отличалась от принятой в большинстве древневосточных религий. По греческим понятиям, божество – это могущественное существо, но и оно, в свою очередь, подчиняется высшей силе – судьбе. Для грека божество близко человеку, его конечное назначение – помогать людям в их трудной жизни, а не использовать лишь для служения себе. Боги близки людям еще и потому, что, по представлениям греков, они могут вступать в брачные отношения со смертными людьми, и от этих смешанных браков рождаются герои, люди-полубоги, совершающие блистательные подвиги, уничтожающие враждебные людям существа: Медузу Горгону, Химеру, драконов, сфинксов, кровожадных львов, огромных змей и других, но в отличие от богов они смертны. В греческом пантеоне насчитывалось множество героев, о подвигах которых были сложены разнообразные легенды. Греки любили рассказывать и о своих богах, об их вмешательстве в мирские дела, о сложных взаимоотношениях между ними. Эти сказания и легенды (по-гречески «мифы») породили богатую мифологию, из арсенала которой греческие поэты, живописцы, скульпторы, философы черпали сюжеты для своих произведений. Греки считали, что мир людей тесно связан с миром богов. Боги постоянно вмешиваются в дела людей, но и люди с помощью жрецов-предсказателей узнают о божественной воле. Эти предсказатели (оракулы) жили при храмах. Наиболее известными были храмы Зевса в Додоне (Эпир), Аполлона в Дельфах (Фокида), Аполлона в Дидимах (около Милета).

Греки представляли своих богов в образах красивых людей, которые живут в благоустроенных храмах. Эти представления о божествах вдохновляли скульпторов и архитекторов на разработку мужских и женских образов в скульптуре. Образ прекрасного бога в человеческом облике, а его храма как совершенного жилища стали исходными пунктами развития греческой скульптуры и архитектуры.

Во II тысячелетии до н. э. древние ахейцы пользовались силлабическим слоговым письмом. В гомеровский период эта громоздкая письменность была забыта. На рубеже IX–VIII вв. до н. э. в Греции была создана более удобная алфавитная система письменности, состоящая из 24 букв, которые передавали не только согласные, но и гласные звуки. На становление греческой алфавитной письменности оказало влияние более древнее финикийское алфавитное письмо, которое греки хорошо знали, но тем не менее греческий алфавит был оригинальной системой, более разработанной, более приспособленной к передаче различных нюансов человеческой мысли и речи письменными знаками.

В VIII–VI вв. до н. э. рождается греческая литература. Ранее всего у греков, как и других народов, стала развиваться эпическая поэзия. Это объясняется тесной связью эпоса с устным народным творчеством, с многочисленными мифологическими рассказами о богах и героях. Эпические сказания исполнялись певцами-аэдами, как правило, в домах знати. С изобретением письменности эпические сказания стали записываться, причем их запись сопровождалась внимательным редактированием. Лучшими образцами эпической поэзии стали поэмы «Илиада» и «Одиссея». Текст поэм в основном составлен в VIII в. до н. э., но окончательная редакция и запись текста были произведены в середине VI в. до н. э.

К жанру эпической поэзии относят и так называемые киклические (т. е. составляющие определенные циклы, например троянский цикл о событиях Троянской войны, Эдипии – о правлении фиванского царя Эдипа и др.) поэмы и Гомеровы гимны – торжественные песни в честь богов, приписываемые Гомеру. Однако все эти произведения не имели еще авторской индивидуальности. Первым авторским произведением были сочинения беотийца Гесиода (конец VIII –

начало VII в. до н. э.). Ему принадлежат две крупные поэмы: «Труды и дни», повествующая о быте и сельскохозяйственных занятиях среднего крестьянина, и поэма «Теогония», где излагаются мифы о родословных богов, дается объяснение происхождения мира.

С середины VII в. до н. э., по мере укрепления полисного строя, утверждения роли отдельной личности, обострения социальной борьбы с победами одних и поражениями других группировок, в греческой литературе появляются произведения, описывающие чувства отдельного человека, его радости и печали. Жанр лирической поэзии с его интересом к внутреннему миру человека получил особую популярность в VI в. до н. э. Одним из первых представителей лирической поэзии был Архилох с острова Парос (вторая половина VII в. до н. э.). В творчестве Алкея и Сафо с острова Лесбос, Анакреонта из г. Теоса лирическая поэзия, воспевание индивидуальной любви, природы, радостей жизни достигли высшего развития. Образцами политической лирики с субъективным описанием политических событий, внутренней борьбы, уничтожающей характеристикой противников являются произведения Солона из Афин и Феогнида из Мегар. Патриотическая тема защиты родного полиса от врагов, прославления мужества и стойкости в бою разрабатывалась Тиртеем из Спарты. Наряду с лирической поэзией появляется жанр торжественных гимнов. Получили особую известность оды, прославляющие победителей Олимпийских и Пифийских игр, принадлежащие Пиндару. В жанре небольшого полупоэтического — полупрозаического нравоучительного рассказа (басни) работал Эзоп. Разнообразие литературных жанров, разработка многих стихотворных размеров, богатство содержания, прекрасный язык сделали молодую греческую литературу замечательным культурным явлением.

Бурное развитие городов, как в Балканской Греции, так и в многочисленных колониях вызвало подъем градостроительного искусства и архитектуры. В греческих колониях новые города застраиваются по определенному плану с выделением жилых кварталов, ремесленных общественных центров, главной площади. Значительное внимание греческие градостроители уделяли решению проблемы снабжения городов

питьевой водой. В середине VII в. до н. э. в Мегарах был построен первый водопровод с водоразборными портиками, довольно благоустроенные водопроводные сооружения были в Коринфе и Афинах. Один из раннегреческих водопроводов был построен на Самосе, для чего пришлось прорубить в горном массиве тоннель в 1 км длиной. Бурное развитие переживает греческая архитектура. Главное внимание архитекторов было направлено на художественную разработку зданий общественного назначения и прежде всего храмов богов. Храм бога-покровителя того или иного полиса рассматривался как олицетворение города, его силы и красоты, и потому городские власти не жалели средств для их украшения. Именно в храмовом строительстве была разработана знаменитая ордерная система архитектуры, которая в последующем определила развитие греческой, а затем и римской архитектуры.

Она зародилась в развитых полисах Пелопоннеса в середине VII в. до н. э. и совершенствовалась в VI в. Ордерная система предполагала строгую соразмерность частей здания, широкое использование колонн, четкое разделение несущих и несомых частей, украшение храма скульптурой и живописью, органическое включение здания в окружающий ландшафт. Самым ранним греческим ордером был дорический, отличающийся некоторой приземистостью или массивными тяжеловесными формами. В VI в. до н. э. появляется ионический ордер, ему присущи более стройные и легкие формы.

Греческие архитекторы использовали скульптуру для украшения храмовых зданий. Согласно греческим религиозным представлениям, храм рассматривался как жилище бога, и это предполагало наличие культовой статуи в каждом храме. Кроме того, греческие зодчие обычно украшали рельефами и скульптурой разные части храма и его крышу. Скульптура, таким образом, на первых порах носила преимущественно сакральный характер. Скульпторы создавали также статуи многочисленных героев, которые часто были покровителями отдельных родов и аристократических семей. С конца VII в. до н. э. распространяется обычай ставить статуи победителям Олимпийских игр.

По мере утверждения полисного мировоззрения, роста значения личности гражданина постепенно вырабатывается

господствующий образ – обнаженного, физически здорового, жизнерадостного человека (радостное настроение скульпторы изображали с помощью улыбки), который мог относиться к божеству, герою или атлету-воину. Такие статуи называли куросами (или аполлонами).

Другим художественным образом была задрапированная женская фигура – богини или хранительницы домашнего очага, матери семейства. В архаической греческой скульптуре много схематизма и условности, но она определила общий путь развития греческой скульптуры, внося свой вклад реалистической обобщенной разработкой образа прекрасного, гармонически развитого гражданина, защитника родного полиса и свободного человека.

Показателем зрелости раннегреческой культуры является зарождение философских концепций. Философия как отрасль научного знания и как мировоззренческая дисциплина предполагает довольно высокий уровень социально-экономического и культурного развития. Раннюю греческую философию называют натурфилософией потому, что философские и собственно научные знания составляли еще единое целое. Греческие философы этого времени больше занимались объяснением природы (например, математическими расчетами и астрономическими наблюдениями), чем другими философскими темами. Наиболее влиятельные философские школы возникали на периферии греческого мира, в Ионии и Великой Греции, где общее историческое развитие шло быстрее, чем в Балканской Греции. Ионийские философы Фалес, Анаксимандр и Анаксимен пытаются дать материалистическое истолкование происхождения мира. Они ищут материальную первооснову, первичное вещество, из которого состоят все видимые вещи. Фалес считал таким первовеществом воду. Анаксимен – воздух. Интересна гипотеза Анаксимандра, который полагал, что первоматерией являются бесконечно малые частицы, которые он назвал апейрон. Философ Гераклит из Эфеса считал первоматерией огонь. По мнению ионийских мыслителей, вода, воздух, апейрон или огонь, сгущаясь и разрежаясь, образуют все видимое разнообразие мира. Большим достижением греческой философии этого времени является учение об элементах диалектики, которое развивал Ге-

раклит. Ему принадлежит важное философское положение: «Все течет», т. е. все изменяется, нет застывших положений, существует лишь непрерывное развитие. Каждая вещь, каждое явление – лишь момент всеобщего развития. Иную философскую систему развивал Пифагор с острова Самос, который эмигрировал в г. Кротон (Южная Италия). Пифагор занимался математическими вычислениями, ему принадлежит доказательство знаменитой теоремы, получившей его имя. Суть его философских воззрений сводилась к тому, что не вещество, а числа, т. е. абстрактное, не связанное с материей количественное отношение, определяют порядок и основу всего мира. Если с философской точки зрения отрыв числовых отношений от материи делал его концепцию идеалистической, то с прикладной точки зрения общее учение Пифагора было плодотворным для развития математических исследований, в которые он и его последователи внесли большой вклад. Концепции раннегреческих философов представляли собой попытку рационалистического объяснения мира, они отражали и вместе с тем обосновывали рационализм мышления древних греков, освобождали его от пут религиозного мистицизма, утверждали уверенный оптимистический взгляд на мир, на силы и способности человеческой личности. В целом раннегреческая культура стала закономерным завершением формирующейся структуры полисного строя как специфической формы древнегреческой цивилизации.

Таковы были некоторые общие черты становления городов-государств, которые к концу VI в. до н. э. существовали как новая историческая реальность. Однако появление отдельных полисов, возникающих в разных областях Греции, имело целый ряд индивидуальных особенностей, отражавших историю конкретного региона со всем своеобразием его природного окружения, племенного состава, общественных взаимоотношений и исторических традиций.

Лекция 5. Пелопоннес в VIII–VI вв. до н. э. Спартанский полис

Вопросы:

1. Северный Пелопоннес в VIII–VI вв. до н. э.
2. Южный Пелопоннес в VIII–VI вв. до н. э. Спарта.

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 2. Гл. 6. Кн. 3. Гл. 2.

После падения микенской цивилизации в XII–X вв. до н. э. на Пелопоннес, как и повсюду в Греции, происходили непрерывные передвижения племен, как пришлых, так и местных. За три столетия на территории полуострова сменилась значительная часть населения. Ахейцы и ионийцы, населявшие Пелопоннес во II тысячелетии до н. э., частью покинули свои земли и бежали на восток – в Малую Азию и на Кипр, частью были оттеснены во внутренние гористые районы полуострова – в так называемую Аркадию. Однако многие из них остались на своих местах и либо смешались с пришельцами, либо были ими покорены и принуждены к уплате дани.

Наиболее плодородные области на севере и на юге Пелопоннеса: Арголида, район Истма или Коринфской перешейки, Лакония и Мессения – были заселены воинственными племенами дорийцев, пришедшими сюда, по всей видимости, из северо-западной Греции (район Эпира). Первые дорийские поселения на территории Арголиды и Лаконии можно датировать приблизительно XI–X вв. до н. э. Примерно в это же время северо-западные области Пелопоннеса: Ахайя на южном побережье Коринфского залива и Элида – были заняты другими пришельцами, принадлежавшими, так же как и дорийцы, к северо-западной ветви греческой народности.

Следствием всех этих передвижений была крайняя пестрота этнического состава населения Пелопоннеса. Нередко в одних и тех же районах и округах бок о бок селились представители различных этнических групп, говорившие на различных диалектах греческого языка. Во многих местах существовавшая с самого начала этническая рознь между завоевателями и покоренными ими остатками коренного населения со временем пе-

перосла в острую классовую вражду. Победенные ахейцы были низведены победителями дорийцами до положения прикрепленных к земле работников. Наиболее известны в этом отношении спартанские илоты, сходные с ними категории зависимого населения существовали и в некоторых других дорийских государствах Пелопоннеса, например в Аргосе, Сикионе, Эпидавре, а также и за его пределами, прежде всего на острове Крит, где дорийцы также занимали господствующее положение среди поработанных ими местных жителей.

В течение всего архаического периода, т. е. в VIII–VI вв. до н. э., социально-экономическое и культурное развитие основных районов Пелопоннеса шло крайне неравномерно. Во многом это объясняется различиями в их географическом положении и природных условиях. Так, в гористой, отрезанной от моря Аркадии основой экономики еще и в V–IV вв. до н. э. оставалось примитивное сельское хозяйство, но преимуществу скотоводческое. Вплоть до первой половины IV в. до н. э. здесь не было ни одного настоящего города. Заметно отставали в своем развитии также южные и западные области Пелопоннеса: Лакопия, Мессения, Элида и Ахайя, что можно объяснить их удаленностью от Эгейского моря, ставшего в эпоху Великой колонизации главным средоточием экономической жизни всей Греции. Здесь с большим опозданием начали развиваться ремесла и торговля и так же, как и в Аркадии, очень долго не могли сложиться сколько-нибудь значительные городские центры. Основная часть населения этих областей еще и в классический период продолжала жить, как говорит Фукидид, «но древнему эллинскому обычаю» – деревнями. Лишь в северо-восточной части Пелопоннеса (Арголида и район Истма), более тесно связанной с прибрежной и островной зонами Эгейского бассейна, а через их посредство также и со странами Переднего Востока, сложились условия для быстрого развития товарно-денежных отношений и появились первые в Южной Греции очаги городской культуры.

1. Северный Пелопоннес в VIII–VI вв. до н. э.

Сильнейшим из дорийских полисов Северного Пелопоннеса был Аргос, возникший, по-видимому, еще в XI в. до н. э. на месте более древнего поселения микенской эпохи. Под его

контролем уже к началу архаического периода находилась наиболее плодородная часть Арголиды — долина реки Инах неподалеку от ее впадения в море. В VIII—VII вв. до н. э. Аргос добился большого могущества. Особого процветания Аргос достиг при правителе Фидоне (первая половина VII в. до н. э.). Считая себя прямым наследником не только дорийских завоевателей Пелопоннеса, но и более древних ахейских царей, он попытался воссоздать «великую державу Агамемнона» такой, какой она изображена в гомеровской «Илиаде».

Первоначально удача сопутствовала Фидону. Он сумел объединить под своей властью большую часть городов Арголиды, включая такие древние центры микенской цивилизации, как Микены и Тириф. Ему подчинились даже некоторые островные государства, например Эгина. На юге Фидон успешно противодействовал попыткам Спарты отторгнуть от Арголиды плодородную область Фиреатида на побережье Арголидского залива. В сражении при Гисиях около 669 г. до н. э. вторгшаяся в Фиреатиду спартанская армия была наголову разбита войсками Фидона. Современные историки объясняют эту победу тем, что аргосцы первыми на Пелопоннесе применили сомкнутый строй тяжеловооруженных воинов-гоплитов, или так называемую фалангу. Эта догадка отчасти подтверждается находкой очень раннего (конца VIII в.) комплекта гоплитского вооружения (бронзового панциря и шлема) в одной из могил неподалеку от Аргоса. Используя свою победу над спартамцами, Фидон отвоевал у них все восточное побережье Лаконии вплоть до мыса Малей и на некоторое время утвердился даже на острове Кифера, совершенно отрезав Спарту от Эгейского моря.

Не менее успешной была внешняя политика Фидона Аргосского и на западе Пелопоннеса. Здесь ему удалось поставить под свой контроль знаменитое святилище Зевса в Олимпии, при котором каждые четыре года устраивались атлетические состязания, привлекающие участников и зрителей со всех концов греческого мира, не исключая и самых отдаленных колоний. Фидон ввел свои войска в священный для каждого грека округ Олимпии и сам руководил играми, ссылаясь на свое родство с Гераклом, их первым учредителем. Этот

рискованный шаг должен был поднять престиж аргосского правителя среди других греческих государств.

Овладев значительной частью Пелопоннеса, Фидон ввел на всей подвластной ему территории единообразную систему мер и весов, за основу которой были взяты наиболее употребительные в торговле того времени вавилонские стандарты. Эталоном основной меры веса стал так называемый обол (букв. «спица» или «вертел») – железный стержень, который использовался также и как меновая единица в торговых операциях. Несколько таких железных связок Фидон посвятил в храм Геры в окрестностях Аргоса. В дальнейшем эти так называемые «фидоновы меры» получили широкое распространение и в других греческих государствах.

В своей внутренней политике Фидон, по-видимому, стремился к монархической власти, и это неизбежно должно было привести его к конфликту с аргосской знатью. Поэтому некоторые греческие историки (Геродот, Аристотель) называют его «тираном», хотя в отличие от других тиранов архаической эпохи он не был узурпатором и пользовался царской властью на законном основании как один из потомков Гемена – основателя дорийского Аргоса.

В конце концов, военное счастье, столь долго сопутствовавшее Фидону, изменило ему. Около 657 г. до н. э. он погиб при попытке вмешательства во внутренние дела Коринфа, которым он давно уже хотел завладеть. После смерти Фидона созданная им держава довольно быстро распалась. Со второй половины VII в. до н. э. сильнейшим государством Пелопоннеса становится Спарта, особенно усилившаяся после завоевания Мессении. По мере роста спартанского могущества сфера влияния Аргоса в Южной Греции все более и более сужалась. К концу VI в. до н. э. она уже не выходила за пределы собственно Арголиды. В самом Аргосе потомки Фидона были отстранены от власти еще в конце VII в. до н. э. После этого царей здесь стали выбирать на народном собрании как обычных магистратов с крайне ограниченными полномочиями. Реальная власть сосредоточилась теперь в руках коллегии так называемых демиургов, избиравшихся из представителей аристократических родов (впервые эта должность упоминается в надписи середины VI в. до н. э.).

Особое место занимают в истории архаической Греции города, расположенные в зоне Истма, или Коринфского перешейка: Коринф, контролировавший южную, самую узкую часть перешейка, к западу от него Сикион и Мегары – в северо-восточной части Истма. С этими тремя полисами был тесно связан и город Эгина, расположенный на острове того же названия в Сароническом заливе. Географическое положение этого района благоприятствовало раннему и интенсивному развитию торговли и мореплавания. Через Коринфский перешеек пролегла единственная сухопутная дорога, связывавшая Пелопоннес с другими частями Балканского полуострова. Здесь же проходил и важный морской путь, соединявший Эгейский бассейн с Ионическим и Адриатическим морями. В самой узкой части Истма к северу от Коринфа (примерно на месте нынешнего канала) уже в глубокой древности был проложен волок, по которому перетаскивали суда, плывущие с востока на запад и в противоположном направлении (в те времена мореплаватели предпочитали этот кратчайший путь от моря до моря более сложному и опасному пути в обход Пелопоннеса). При тиране Периандре в конце VII или начале VI в. до н. э. здесь было устроено какое-то подобие рельсовой дороги из каменных плит с желобками, по которым суда перевозились на специальных повозках. Древние называли это сооружение «диолком».

Исключительные выгоды местоположения Коринфа на перекрестке двух главных торговых путей были отмечены выдающимся греческим историком Фукидидом: «Коринф расположен был на перешейке, и потому с древнейших времен там находился рынок. А так как в старину эллины, жившие на Пелопоннесе и за его пределами, сносились друг с другом больше сухим путем, нежели морем, и сношения эти совершались через Коринф, то коринфяне разбогатели; древние поэты прозвали Коринф «богатым». Когда эллины стали ходить по морям больше, коринфяне, заведя флот, обратились к уничтожению морских разбоев и, представляя для эллинов рынок, усилили свой город притоком богатств в него по обоим путям».

Приистмийские города, в особенности Коринф и Мегары, принимали активное участие в Великой колонизации. Так

коринфяне еще в 734 г. до н. э. основали крупнейшую из греческих колоний в Сицилии – город Сиракузы. Примерно в это же время возникла коринфская колония на острове Керкира (совр. Корфу) у входа в Адриатическое море. Ближайшие соседи коринфян мегаряне основали ряд поселений на большом торговом пути, ведущем из Эгейского моря в Черное. Среди них особенно известны два города, стоявшие у южного выхода из пролива Босфор: Халксдон на азиатском берегу пролива и Византии на европейском. Жители Эгины приняли участие в основании общегреческой колонии в Навкратисе в дельте Нила, что указывает на особую заинтересованность этого города в торговле с Египтом.

Тесные связи приистмийских городов с важнейшими рынками колониальной периферии греческого мира создавали благоприятную почву для развития в них ремесленного производства. Крупнейшим центром гончарного ремесла стал Коринф. Как показали раскопки, здесь уже в VII в. до н. э. существовал особый квартал гончаров – так называемый «Керамик». Коринфские расписные вазы различных типов, от огромных кратеров (сосудов для смешивания вина) до маленьких арибаллов (флакончиков для благовоний), пользовались большой популярностью на рынках колониальной периферии, в особенности на Западе – в Сицилии и Италии. Высоко ценились также коринфские изделия из бронзы. Однако главным источником богатства Коринфа и некоторых других соседних с ним городов северного Пелопоннеса была безусловно транзитная торговля между Грецией и странами варварского мира, в которой они выступали в роли посредников. В целях облегчения и дальнейшего развития этих торговых связей Приистмийские города первыми в европейской Греции ввели у себя денежный чекан. В конце VII в. до н. э. Эгина начала чеканить свою серебряную монету. Вскоре после этого появились первые коринфские монеты, украшенные фигурой крылатого коня Пегаса. Как и повсюду в Греции архаического времени, развитие товарно-денежных отношений в городах Северного Пелопоннеса влекло за собой ускорение имущественного расслоения общества и резкое обострение социальных противоречий. В VII–VI вв. до н. э. Коринф, Сикион, Мегары и другие города этого района стано-

вятся ареной ожесточенной социальной борьбы, в которой столкнулись интересы дорийской родовой знати и массы рядовых общинников, или демоса, значительную часть которого здесь составляли остатки коренного ахейского населения, некогда покоренного дорийцами. Яркие картины этой борьбы запечатлел в своих элегиях мегарский поэт Феогнид — один из непосредственных участников и очевидцев, происходивших в то время событий.

Подобно многим другим греческим полисам архаической эпохи, города Северного Пелопоннеса прошли в своем политическом развитии через этап так называемой тирании. Не избежал этой участи и родной город Феогнида Мегары. Мегарский тиран Феаген (он захватил власть в городе в 30-е годы VII в. до н. э.) прославился тем, что по его приказу были перерезаны большие стада скота, принадлежавшие местной знати. Феаген, видимо, рассчитывал, что с помощью этой акции ему удастся заручиться поддержкой народа. Однако его правление было недолгим. После его свержения в Мегарах началась новая полоса смут и гражданских распрей, свидетелем которых суждено было стать Феогниду.

Гораздо более сильной и устойчивой оказалась тирания в соседних с Мегарами городах Приистмийской зоны: Коринфе и Сикионе. Первый коринфский тиран Кипсел пришел к власти в 657 г. до н. э., изгнав из города влиятельный аристократический род Бакхиадов. Судя по всему, он пользовался поддержкой народа. Аристотель называет его «демагогом», т. е. «вождем демоса», и отмечает как исключительный для того времени факт, что Кипсел в течение всего своего правления обходился без телохранителей. Сын Кипсела Периандр (627–585 гг. до н. э.) отличался более жестоким и деспотичным характером. Геродот рассказывает о многочисленных его злодеяниях, жертвами которых стали даже некоторые из членов его семьи. Аристотель считает Периандра своего рода примером настоящего тирана и приписывает ему изобретение целого ряда мер, способствующих сохранению и упрочению тиранического режима. В основном эти меры были направлены против все еще могущественной коринфской знати, в которой тиран не без основания видел главную опасность для своей единоличной власти. Не ограничиваясь физическим

истреблением или удалением из города наиболее влиятельных аристократов, Периандр всячески ущемлял интересы знати, запрещая представителям этого сословия заниматься гимнастикой, собираться на совместные трапезы и попойки, приобретать рабов и предметы роскоши и даже переселяться в город из своих сельских усадеб. За все это аристократия платила тирану ненавистью. Характеризуя внутреннюю обстановку в Коринфе в годы тирании, уже известный нам Феогнид Мегарский восклицал:

*Лучшие люди в изгнание, а городом подлые правят.
О, если б Зевс навсегда род Кипселидов сгубил!*

Несмотря на свою репутацию жестокого деспота, притеснителя граждан, Периандр был, несомненно, опытным и удачливым политиком. При нем Коринф стал центром морской державы, простиравшейся от северного побережья Пелопоннеса до берегов Адриатики. Продолжая политику, начатую его отцом Кипселом, Периандр пытался закрепить на важном морском пути, ведущем из Греции на запад к берегам Италии и Сицилии. С этой целью он вывел колонию в Амбракию на побережье Эпира и в течение ряда лет вел упорную борьбу за овладение островом Керкира – старой колонией Коринфа, уже давно отпавшей от своей метрополии. В то же время Периандр пытался укрепить коринфское влияние также и в северной части Эгейского моря у берегов Македонии, богатой строевым лесом и полезными ископаемыми. Для этого им была основана колония Потидея на Палленс – западном выступе полуострова Халкидика.

Периандр был умелым дипломатом. Он поддерживал дружеские контакты с милетским тираном Фрасибулом, лидийским царем Алиаттом и, видимо, также с египетским двором. С помощью щедрых даров он заручился поддержкой двух крупнейших общегреческих святилищ: храма Аполлона в Дельфах и храма Зевса в Олимпии. Эта расчетливая политика, безусловно, способствовала усилению международного авторитета и престижа коринфского тирана и до известной степени помогла упрочить позиции династии Кипселидов в самом Коринфе. Сам Периандр продержался у власти свыше сорока лет и, умирая, передал престол своему племяннику Псамметиху. Этот последний, однако, вскоре был убит. С его

смертью династия Кипселидов прекратила свое существование, а созданная ею держава распалась.

В соседнем с Коринфом Сикионе около ста лет (примерно с 670 по 570 г. до н. э.) правила другая династия тиранов, названная по имени своего родоначальника Орфагора «династией Орфагоридов». Самым известным из сикионских тиранов был Клисфен, правивший между 600 и 570 гг. до н. э. Его богатство и могущество, а также победы, одержанные им на колесничных состязаниях в Дельфах и Олимпии, завоевали ему широкую популярность во всей Греции. На сватовство дочери Клисфена Агаристы съехались, по словам Геродота, женихи из многих греческих городов, расположенных как на Пелопоннесе, так и далеко за его пределами. Особенно прославился Клисфен своим участием в так называемой «Первой Священной войне» (около 590 г. до н. э.), во время которой он, действуя в союзе с афинянами и фессалийцами, захватил и разрушил город Киру (на побережье Коринфского залива), жители которого враждовали с жрецами дельфийского храма Аполлона. После этой победы сикионский тиран стал играть ведущую роль в делах так называемой Дельфийской амфикионии (союза городов Средней и Северной Греции, группировавшихся вокруг дельфийского святилища). Следуя в своей внутренней политике примеру коринфских Кипселидов, Клисфен всячески теснил и преследовал старую дорийскую знать Сикиона (сам он по происхождению, по-видимому, не был дорийцем). Вероятно, именно с этой целью он, по свидетельству Геродота, лишил причитавшихся ему почестей древнего аргосского героя Адраста, культ которого пользовался особой популярностью у сикионской аристократии, и передал их другому герою Меланнипу, считавшемуся заклятым врагом Адраста. Геродот приписывает Клисфену и другой знаменательный поступок. Он переименовал три древние дорийские филы Гиллеев, Диманов и Памфилов, дав им оскорбительные прозвища, образованные от греческих слов, обозначающих свинью, осла и поросенка. Свою же собственную филу, стоявшую до этого ниже дорийских, тиран велел впредь именовать «Архелаями», т. е. «владыками народа». Эта мера, если только сообщение Геродота соответствует действительности, воспринимается как своеобразное средст-

во дискредитации родовой знати. Однако эта мера носила половинчатый характер, поскольку тиран Сикиона ничего не изменил в существующих учреждениях и оставил прежнюю структуру общества нетронутой.

Вообще радикальное переустройство общества, судя по всему, не входило в намерения коринфских и сикионских тиранов, озабоченных, как и все прочие тираны архаической эпохи, прежде всего «безопасностью своей личности и возвеличением своего дома» (Фукидид). Коренные социальные противоречия, вызвавшие в городах Северного Пелопоннеса мощный подъем демократического движения, на гребне которого и пришли к власти тираны, в сущности, так и остались неразрешенными. Поэтому после свержения тирании здесь снова наблюдаются новые вспышки острой классовой борьбы. Так, в Мегарах произошло крупное восстание крестьян-должников, которые врывались в дома своих кредиторов из числа местных богачей и подвергали их разграблению. Народ, однако, так и не смог добиться в этой борьбе полной победы над своими врагами и угнетателями. Судя по данным источников, к концу архаического периода в Коринфе, Сикионе, Мегарах, Аргосе и других городах Северного Пелопоннеса установился уверенно олигархический строй. Родовая знать утратила свои былые привилегии. Однако власть оставалась в руках наиболее зажиточной части гражданского населения полиса: крупных землевладельцев, богатых купцов и ростовщиков, владельцев больших ремесленных мастерских. В значительной мере такой исход демократического движения VII–VI вв. до н. э. в этой части греческого мира объясняется тем, что весь этот район, за исключением Аргоса, попал в сферу влияния аристократического спартанского государства, установившего свою гегемонию над большинством пелопоннесских полисов.

2. Южный Пелопоннес в VIII–VI вв. до н. э. Спарта.

Со второй половины VII в. до н. э. на первое место среди государств Пелопоннеса выдвигается Спарта. Город Спарта, давший свое название всему государству, возник в XI или X в. до н. э., после того как дорийцы, вторгнувшись в Лаконию, обосновались на плодородных землях в средней части долины Еврота.

В течение IX—первой половины VIII в. до н. э. спартанцы вели упорную борьбу с соседними племенами за господство над Лаконией. В конце концов, им удалось подчинить своей власти всю эту область от южных границ Аркадского нагорья до мысов Тенар и Малей на южном побережье Пелопоннеса. При этом значительная часть местного населения (в основном, по-видимому, ахейского) была порабощена спартанцами и превратилась в илотов. Древние видели в этом меру наказания, применявшуюся завоевателями по отношению к лаконским общинам, оказывавшим им особенно упорное сопротивление. Более вероятно, однако, что такова была участь тех, кто населял самые плодородные земли Лаконии, представлявшие наибольший интерес для спартанцев. Другие лаконские общины, занимавшие малопродуктивные земли предгорий и к тому же добровольно признавшие главенство Спарты, вошли в состав Лакедемонского государства на правах так называемых периеков (букв. «живущих вокруг»). В отличие от илотов периеки считались лично свободными и даже пользовались гражданскими правами в тех общинах или полисах, на территории которых они проживали. Однако в самой Спарте на них смотрели как на людей «второго сорта» и не допускали к участию в делах государства. Таким образом, уже в процессе завоевания Лаконии определялись основные особенности общественного строя и экономики Спарты, и сформировались три основных класса-сословия спартанского общества: полноправные граждане — спартиаты, порабощенные илоты и свободные, но неполноправные периеки.

В этот же период были, по всей видимости, заложены и основы государственного устройства Спарты, отличавшегося стабильностью и мало менявшегося на протяжении столетий. Важнейшими элементами этой своеобразной политической системы могут считаться двойная царская власть, совет старейшин, или герусия, и народное собрание, или апелла. С древнейших времен в Спарте одновременно правили две царские династии, которые нередко соперничали и враждовали между собой. Цари, возводившие свой род к самому Гераклу, пользовались всеобщим почетом и уважением. Однако власть их была сильно ограничена законом. В военное время они выполняли функции военачальников, командовавших спар-

танской армией, в мирное время занимались судебными и религиозными делами. Оба царя входили в совет старейшин (вместе с ними он насчитывал тридцать человек) и принимали участие в его заседаниях, на которых решались практически все основные вопросы государственного управления. Народное собрание, охватывавшее всех полноправных граждан Спарты, играло в этой системе государственных учреждений второстепенную роль. По существу оно лишь утверждало решения, принятые царями и старейшинами на их совместных заседаниях.

Особое место в ранней истории Спарты занимает период так называемых Мессенских войн. Примерно с середины VIII в. до н. э. в Спарте, как и во многих других греческих государствах, стал ощущаться острый земельный голод. Возникшая в связи с этим проблема избыточного населения требовала своего решения, и спартанцы решили ее по-своему. Вместо того чтобы подобно большинству остальных греков искать выход из создавшегося положения в колонизации и освоении новых земель далеко за морем, они нашли его в расширении своей территории за счет ближайших соседей. Главным объектом спартанской экспансии на этом этапе стала Мессения, богатая и обширная область в юго-западной части Пелопоннеса.

Борьба за Мессению была долгой и упорной. Согласно спартанской традиции, первая Мессенская война (вторая половина VIII в. до н. э.) продолжалась около двадцати лет и завершилась победой спартанцев, которые принудили жителей Мессении к уплате большой дани, составлявшей половину всего получаемого ими ежегодно урожая. Часть мессенских земель, возможно, уже в то время была поделена на клеры, распределенные между спартиатами. Однако этого было недостаточно, чтобы удовлетворить всех нуждающихся в земле. В Спарте начались гражданские распри и смуты, сопровождавшиеся призывами к переделу земли.

Тем временем, покоренные мессенцы восстали против спартанского владычества. Завязалась новая война (вторая половина VII в. до н. э.), не менее длительная и ожесточенная, чем предшествующая. Несмотря на мужество и героизм, проявленные мессенцами в этой войне, а также помощь, которую им оказали некоторые пелопоннесские государства, обесп-

коленные усилением Спарты, они снова были разбиты. На этот раз все население Мессении, за исключением жителей нескольких приморских городков, которым был дарован статус периежских общин, было обращено в илотов, а принадлежавшая ему земля перешла в собственность спартанского государства. Захват плодородных мессенских земель позволил спартанскому правительству приостановить надвигающийся аграрный кризис. Видимо, где-то вскоре после окончания Второй Мессенской войны — в конце VII или начале VI в. до н. э. в Спарте был осуществлен широкий передел земли и создана стабильная система землевладения, основанная на принципе строгого соответствия между числом наделов и числом полноправных граждан. Наиболее плодородные земли в Лаконии и Мессении были поделены на 9000 приблизительно одинаковых по своей доходности наделов, которые были розданы соответствующему числу спартиатов. В дальнейшем правительство Спарты внимательно следило за тем, чтобы величина отдельных наделов оставалась все время неизменной (их нельзя было, например, дробить при передаче по наследству), а сами они ни при каких условиях не могли переходить из рук в руки посредством дарения, завещания, продажи и т. д.

— Вместе с землей были поделены и прикрепленные к ней илоты из числа покоренных жителей Лаконии и Мессении. Сделано это было с таким расчетом, чтобы на каждый надел приходилось по нескольку семей илотов, которые обязаны были своим трудом обеспечивать всем необходимым самого владельца надела и его семью. Каждый год илоты выплачивали своему господину натуральный оброк, состоявший из ячменного зерна или муки, вина, масла и других продуктов. Обычная норма этой повинности (по некоторым сведениям, она составляла примерно половину урожая) была определена законом, и спартиат не имел права превышать ее по своему произволу. Излишки, оставшиеся после сдачи оброка, илот мог использовать по своему усмотрению, например, продать на рынке или оставить про запас. Вообще в отличие от рабов обычного или классического типа илоты пользовались довольно большой хозяйственной самостоятельностью. Спартиаты обычно не вмешивались в их дела, если они исправно

выплачивали все причитающиеся с них повинности. Спартиат не имел также права убить или продать илота, поскольку рабы в Спарте считались так же, как и земля, которую они обрабатывали, собственностью государства. Тем не менее, илоты, несомненно, тяготились своим положением и никогда не забывали об утраченной ими свободе.

Археологические раскопки на территории Спарты показали, что в VII—первой половине VI в. здесь находился один из самых значительных центров художественного ремесла всей Греции. Изделия лаконских ремесленников этого времени не уступают лучшим изделиям афинских, коринфских и эвбейских мастеров.

Во второй половине VI в. лаконские школы вазовой живописи и бронзовой пластики уже переживали явный упадок, который завершился их полным исчезновением. В это же время прекратился подвоз в Спарту изделий чужеземных ремесленников, например коринфских и афинских чернофигурных ваз. Было приостановлено строительство больших храмов и других монументальных сооружений, в котором принимали активное участие зодчие из других греческих полисов. Любопытно, что с середины VI в. спартанцы отказались даже от участия в Олимпийских играх, хотя в былые времена уроженцы Спарты составляли почти половину от общего числа победителей на играх. Таким образом, Спарта на долгое время обособилась от всей остальной Греции, очевидно, сознательно прервав все хозяйственные и культурные контакты с другими греческими полисами. Эта самоизоляция находит свое объяснение в тех событиях, которые происходили в это время внутри самого спартанского государства.

После завоевания Мессении община-завоевательница (спартанский демос) превратилась в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов, осуществлявших силой оружия свое господство над многотысячной массой илотов. Подневольный труд илотов избавлял спартиатов от необходимости тем или иным способом добывать себе пропитание и оставлял им максимум свободного времени для занятий государственными делами и совершенствования в военном искусстве. Последнее было тем более необходимо, что после завоевания Мессении в Спарте создалась крайне напряжен-

ная обстановка, чреватая угрозой социальной катастрофы. Илоты, составлявшие преобладающее большинство трудового населения Спарты, мечтали только о том, как бы сбросить с себя ненавистное иго спартанских завоевателей. Численно илоты намного превосходили своих поработителей, и удержать их в повиновении можно было только с помощью систематического и самого беспощадного террора. По свидетельству Плутарха, спартанское правительство время от времени устраивало своеобразные облавы на илотов. Операции такого рода назывались «криптиями» (от греч. «криптос» — «тайный», «скрытый»). В них участвовали молодые спартиаты, «отличавшиеся сообразительностью». Вооруженные короткими мечами, они выслеживали илотов и нападали на них из засады, стараясь уничтожить самых крепких и сильных.

Постоянная угроза илотского мятежа, нависшая над господствующим классом Спарты, требовала от него максимальной сплоченности и организованности. Поэтому одновременно с переделом земли или вскоре после него спартанским законодателем Ликургом была проведена целая серия важных социальных реформ, вошедших в историю под именем законов Ликурга. Реформы эти в короткий срок изменили облик спартанского государства, превратив его в единый военный лагерь, все обитатели которого были подчинены строгой дисциплине. Полноправным гражданином в Спарте считался лишь тот, кто неукоснительно выполнял все предписания законов Ликурга. В этих законах было предусмотрено все вплоть до мельчайших деталей, таких, как покрой одежды и форма бороды и усов, которые дозволялось носить гражданам Спарты.

Закон обязывал каждого спартиата отдавать своих сыновей, как только им исполнится семь лет, в специальные лагеря-агелы (букв. «стадо»), где их подвергали зверской муштре, воспитывая в подрастающем поколении выносливость, хитрость, жестокость, умение приказывать и повиноваться и другие качества, необходимые «настоящему спартанцу». Все взрослые спартиаты в обязательном порядке посещали, совместные трапезы — сисситии, ежемесячно отдавая на их устройство определенное количество продуктов из своего хозяйства. В руках правящей верхушки спартанского государства

сисситии и агелы были удобным средством контроля за поведением и настроением рядовых граждан. Государство в Спарте активно вмешивалось в личную жизнь граждан, регламентируя деторождение и супружеские отношения.

Важнейшим политическим принципом, положенным в основу «Ликургова строя», был принцип равенства. В соответствии с этим принципом все полноправные граждане Спарты официально именовались «равными», и это были не пустые слова. В Спарте была разработана и действовала в течение долгого времени целая система мер, направленных к тому, чтобы свести к минимуму любые возможности личного обогащения и тем самым приостановить рост имущественного неравенства среди спартиатов. С этой целью была изъята из обращения золотая и серебряная монета. Согласно преданию, Ликург заменил ее тяжелыми и неудобными железными оболами, уже давно вышедшими из употребления за пределами Лаконии. Торговля и ремесло считались в Спарте занятиями, позорящими гражданина. Ими могли заниматься только перизки, да и то лишь в ограниченных масштабах. А если учесть, что в Спарте находились под запретом различные виды сделок по продаже земли, то станет очевидным, что основные пути к накоплению богатства перед гражданами были закрыты. Впрочем, даже если кому-то из них и удавалось скопить большое состояние, воспользоваться им под бдительным надзором спартанских властей он все равно не смог бы. Все спартиаты, независимо от происхождения и общественного положения, жили в одинаковых условиях, носили одинаково простую и грубую одежду, ели одинаковую пищу за общим столом в сисситиях, пользовались одинаковой домашней утварью. Ни один спартиат не мог похвастаться перед друзьями и соседями драгоценной посудой, красивой мебелью, коврами, картинами, статуями и тому подобными вещами. На производство и потребление предметов роскоши в Спарте был наложен строжайший запрет. Местные ремесленники из числа перизков изготавливали лишь самую простую и необходимую утварь, орудия труда и оружие для снаряжения спартанской армии. Ввоз же в Спарту чужеземных изделий был запрещен законом. Главными блюстителями порядков, установленных законами Ликурга,

были сделаны так называемые эфоры, что буквально и означает «блюстители» или «надзиратели». Они составляли особую коллегия из пяти человек, которых ежегодно переизбирали на народном собрании. Эфоры должны были следить за поведением граждан и принимать дисциплинарные меры по отношению к тем, кто хоть в чем-то нарушил предписания закона. В обязанности эфоров входил также и надзор за всем порабощенным и зависимым населением Спарты. Каждый год, вступая в должность, они официально от лица всего спартанского государства объявляли войну илотам, чтобы тем самым санкционировать их массовые убийства во время уже упоминавшихся криптий. В руках эфоров сосредоточивалась, таким образом, огромная власть (древние даже приравнивали ее к власти тиранов), что давало им преимущество перед всеми другими должностными лицами, не исключая и царей. Известны случаи, когда эфоры, не спрашивая ни у кого согласия, отстраняли от власти неугодных им царей или отправляли их в изгнание. С введением «Ликургова законодательства» эфорат из второстепенной вспомогательной магистратуры, которой он был первоначально, превратился в высший контрольноадминистративный орган спартанского государства.

Все эти преобразования, несомненно, способствовали консолидации гражданского коллектива Спарты, его внутреннему сплочению перед лицом порабощенной, но постоянно готовой к восстанию массы илотов. Обладая большим запасом внутренней прочности, «община равных» смогла в дальнейшем выдержать такие серьезные испытания, какими были, например, великое восстание илотов 464 г. до н. э. (так называемая Третья Мессенская война) или Пелопоннесская война 431—404 г. до н. э. Принесла свои плоды и упорная военная тренировка, которой спартанцы предавались с неослабным усердием на протяжении почти всей своей жизни. Знаменитая спартанская фаланга (тяжеловооруженная пехота) долгое время не знала себе равных на полях сражений и заслуженно пользовалась славой непобедимой. Используя этот первоклассный боевой механизм, Спарта уже в середине VI в. до н. э. подчинила своей гегемонии большую часть пелопоннесских государств, включая такие крупные полисы

как Коринф, Сикион и Мегары. В результате сложился так называемый Пелопоннесский союз, ставший самым значительным политическим объединением в тогдашней Греции.

В дальнейшем спартанцы попытались распространить свое влияние и на другие греческие государства, в том числе на Афины. Однако великодержавные претензии Спарты опирались лишь на ее военное могущество. В экономическом и культурном отношении она сильно отставала от других греческих государств. Установление «ликургова строя» резко затормозило развитие спартанской экономики. В атмосфере сурового военного режима с его культом искусственно насаждаемого равенства постепенно захирела яркая и своеобразная культура архаической Спарты. Замкнувшаяся в себе, отгородившаяся от внешнего мира глухой стеной вражды и недоверия Спарта постепенно становится главным очагом политической реакции на территории Греции, опорой всех врагов демократического строя.

Ю. В. Андреев

Лекция 6. Классическая Греция

Вопросы:

1. Греческий полис как социально-политический организм. *Литература:* Н. Хаммонд История Древней Греции. М., 2003. Кн. 2. Гл. 5.

2. Греко-персидские войны. *Литература:* Н. Хаммонд История Древней Греции. М., 2003. Кн. 3. Гл. 2, 3, 4

3. Организация Делосской симмахии (первого Афинского морского союза). Освобождение греческих полисов Малой Азии и проливов от персидского господства. *Литература:* Н. Хаммонд История Древней Греции. М., 2003. Кн. 3. Гл. 5. Кн. 4. Гл. 1.

4. Нарастание напряженности между Афинами и Спартой. *Литература:* Н. Хаммонд История Древней Греции. М., 2003. Кн. 4. Гл. 1–2.

1. Греческий полис как социально-политический организм.

Архаический период VIII–VI вв. до н. э. был временем формирования социально-расчлененного общества и госу-

дарства в форме полисного строя. Это был новый путь развития, отличный от того пути, которым шли в свое время древневосточные общества и древнейшие греческие государственные образования II тысячелетия до н. э. (общества древнего Крита и Ахейской Греции). Каковы же особенности этого нового пути?

Формирование основ греческой цивилизации в VIII–VI вв. до н. э. осуществлялось не путем уничтожения «чистых» родовых отношений, как в громадном большинстве предшествующих обществ, а на более сложной культурной основе, включающей богатое крито-микенское наследие. Исторический опыт II тысячелетия до н. э. не пропал даром, был учтен, он обогатил общий исторический процесс.

Социальные отношения в VIII–VI вв. до н. э. строились на более высоком уровне развития производительных сил, чем во II тысячелетии до н. э. В частности, огромное влияние оказывало производственное освоение нового металла – железа. С помощью железных орудий можно было вспахивать каменистые земли, вырубать лесистые пространства и обращать их в пашню, обрабатывать твердые породы камня. Естественно, это расширяло материальные возможности греков, создавало предпосылки для появления более сложной экономики, динамичного товарного производства, которое задавало более быстрый темп хозяйственному и общественному развитию, чем консервативное натуральное хозяйство.

Природные условия в Греции отличаются от природных условий древневосточных стран тем, что здесь для нормального занятия земледелием нет необходимости строить сложные гидротехнические сооружения. Тем самым создавались благоприятные условия для его развития, а основной производственной ячейкой стали не громоздкие царские и храмовые хозяйства или общинное производство с его мелочной регламентацией, предполагавшие огромный управленческий аппарат, а небольшое частное хозяйство, построенное на продуманной эксплуатации рабского труда и с относительно высокой доходностью.

Процесс исторического развития греческого общества в VIII–VI вв. до н. э. протекал в рамках мелких, внутренне сплоченных республик, опирающихся на гражданский кол-

лектив среднезажиточных земледельцев. В таких мелких общественных и государственных образованиях появлялись более благоприятные возможности для создания рациональной и динамичной экономики, более сложной социальной структуры, разнообразных политических учреждений и высокой культуры. Общим результатом этого процесса было появление на территории Балканской Греции, Великой Греции и в Причерноморье нескольких сотен мелких государственных образований с более или менее сходной социально-экономической структурой, принципами политического управления и системой духовных ценностей. Именно в рамках полисного строя древние греки создали в классический период своей истории блестящую цивилизацию, которая стала великим вкладом в сокровищницу мировой культуры, обеспечила древнегреческому обществу почетное место во всемирной истории.

Каждый из множества греческих полисов был индивидуальным явлением, но при всей самобытности и своеобразии в большинстве греческих государств проступают некоторые общие черты, которые позволяют считать их именно полисными организмами.

Каковы эти общие черты, сущность и наиболее характерные основы греческого полиса в его обобщенном виде? Внутреннее содержание полиса нельзя сводить только к определенному государственному устройству и системе духовных ценностей. Независимо от размеров каждый греческий полис представлял собой общество во всем многообразии его сторон, с определенной экономической системой, социальной структурой, политической организацией и сложным комплексом культуры.

По своим размерам и количеству населения греческие полисы были разными. Существовали очень крупные полисы. Например, Лакедемон, или Спарта, имел территорию 8400 кв. км (1/5 Московской области), а население — около 150–200 тыс. человек. Полис афинян имел общую территорию около 2500 тыс. кв. км с населением в 120–150 тыс. человек, но существовали совсем маленькие полисы с территорией 30–40 кв. км и с населением в несколько сотен человек, как, например, фокидский полис Панопей (на границе с Беотией).

Однако наиболее распространенный тип греческого полиса имел территорию порядка 100–200 кв. км, т. е. 10×10 или 10×20 км с населением в 5–10 тыс. человек, включая женщин, детей, иностранцев и рабов, полноправных мужчин-воинов могло быть от 1 до 2 тыс. человек. «Население полиса, – писал Аристотель, – должно быть легко обозримо, также легко обозрима должна быть и его территория: легко обозрима в приложении к территории значит то же, что ее легко можно защищать». В центре полиса находился город. «Город должен представлять собою среди всего окружающего его пространства центральный пункт, из которого возможно было бы повсюду выслатить помощь. Другое условие заключается в том, чтобы к городу легко могли быть доставляемы земельные продукты, далее, чтобы был удобный подвоз к нему лесных материалов и всего того, что государством будет приобретено для обработки... Сообщение города и всей территории полиса с морем является большим преимуществом и в целях безопасности государства, и с точки зрения полного снабжения его всем необходимым». Эта картина идеального полиса, нарисованная Аристотелем, была своего рода обобщением конкретной действительности.

Типичный греческий полис был крошечным государством, территорию которого можно обойти из конца в конец за один день, с небольшим числом жителей, большинство из которых знали друг друга в лицо, с одним центром, где собиралось Народное собрание, находились храмы наиболее чтимых богов, ремесленные мастерские, проживало основное население. Город стоял или на берегу моря, или в нескольких километрах от морского берега, но на берегу моря имел гавань или порт (гавань Фалеры была расположена в 5 км от Афин). Городской центр полиса мог быть окружен кольцом оборонительных стен, но в VI в. до н. э. многие города крепостных сооружений еще не имели. В городском центре была сосредоточена большая часть населения полиса. В городе на центральной площади совершались торговые операции, проводились общеполисные празднества и спортивные состязания. Хотя на территории полиса имелось несколько сельских поселений, но городской центр был один. Вот почему полис определяют еще как город-государство.

Основой полисной экономики является земледелие. В силу природных условий сельское хозяйство включало несколько отраслей: хлебопашество, виноградарство, оливководство, огородничество-садоводство и скотоводство. Виноградарство, оливководство и огородничество требовали значительных затрат труда и материальных средств и потому нуждались в использовании труда рабов.

Многие греческие полисы из-за малых размеров не имели на своей территории достаточного количества необходимых металлов (железа, меди, бронзы), строевого леса и других видов сырья. Поэтому возникала необходимость их приобретения в других местах. Товарные отношения, торговый обмен стали одной из основ всей хозяйственной жизни полиса. Сельские жители везли на рынок вино, масло, зерно, шерсть, чтобы купить там орудия труда, ткани, одежду, кожу и другие необходимые для жизни изделия. Полисная экономика открывала большие, чем на Востоке, возможности для развития товарных отношений, а стало быть, накопления богатств, появления крупных поместий в сельской местности и больших ремесленных мастерских в городе, использующих рабов.

Социальная структура полисов предполагала существование трех основных классов: господствующий класс, свободные мелкие производители, рабы и зависимые работники самых различных категорий. К господствующему классу относились крупные землевладельцы, собственники больших мастерских, торговых кораблей, солидных денежных сумм, пускаемых в рост. Основная часть полисного населения состояла из свободных мелких производителей, прежде всего земледельцев (в Афинах они назывались зевгитами и фетами), а также ремесленного и торгового люда, добывающего пропитание собственным трудом.

Рабов в VI в. до н. э. было немного, труд рабов применялся лишь в крупных поместьях и ремесленных мастерских, их роль в греческих полисах VI в. до н. э. была небольшой. Однако по мере усложнения полисной экономики, развития товарноденежных отношений, расцвета ремесленных производств и расширения торговых операций численность рабов в полисах возрастает.

Ядром социальной структуры греческого полиса было существование такой социальной категории, как гражданский

коллектив, включавший полноправных граждан: коренных жителей (т. е. тех, кто жил в данной местности несколько поколений), владеющих наследственным земельным участком, принимающих участие в деятельности народных собраний и имеющих место в фаланге тяжеловооруженных гоплитов. Прибывшие на жительство из других греческих городов, даже из соседнего полиса, расположенного в нескольких километрах, не могли входить в состав граждан и составляли особое сословие метеков, неграждан. Потеря земельного участка могла привести к лишению гражданских прав и выбыванию из гражданского коллектива. Правда, в развитых торгово-ремесленных центрах, таких, как Коринф или Афины, проживали потерявшие земельные участки граждане, которые были вынуждены заниматься ремеслами и торговлей. Таких людей гражданских прав не лишали, но они подвергались своего рода общественному порицанию, становились гражданами второго сорта. При первой же возможности они стремились приобрести земельный участок и реабилитировать себя в общественном мнении. Полисные власти старались помочь таким безземельным гражданам. В каждом полисе существовал резервный фонд, так называемый *ager publicus* (общественное поле), из которого могли нарезать новые участки для наделения ими потерявших землю граждан. В состав *агер публикус* входили также неудобья, болота, карьеры, речные поймы, леса, уголья, которые находились в пользовании всего коллектива полиса.

Владение земельным участком рассматривалось как главная гарантия выполнения гражданином своих обязанностей перед полисом, перед всем гражданским коллективом. Своими земельными участками граждане полисов владели как собственники с правом полной хозяйственной самостоятельности вплоть до продажи участка, однако возможности продажи земли были ограничены.

Гражданский коллектив полиса был неоднородным. Укрепление товарных отношений усиливало имущественную и социальную дифференциацию гражданского коллектива, приводило к его расслоению и ослаблению. Для поддержания некоторого единства граждан полисные власти принимали ряд мер. Этими мерами были наделение участками потеряв-

ших землю граждан, введение земельного максимума, который препятствовал концентрации земли в руках отдельных лиц за счет других. На богатых граждан налагались так называемые литургии, т. е. обязанность тратить часть своих средств на общественные нужды (поставка кораблей, устройство общественных празднеств и др.). Общественное мнение осуждало граждан, занимающихся накоплением богатств, ведущих праздный образ жизни. Напротив, достойным гражданином считался среднезажиточный земледелец, который заботливо ведет свое хозяйство, ревностно выполняет все гражданские обязанности, является умелым и доблестным защитником своего полиса, неся службу в гоплитах.

С точки зрения государственного управления, греческий полис имел республиканское устройство. Верховная власть принадлежала Народному собранию, которое состояло в принципе из всех полноправных граждан. Народное собрание управляло полисом совместно с Советом и должностными лицами, избираемыми на определенный срок (как правило, на один год). Постоянного государственного аппарата, за исключением малочисленного штата технических служащих, не существовало. Повторное переизбрание на одну и ту же должность, как правило, не допускалось. Должностные лица после истечения срока их пребывания в должности отчитывались перед Народным собранием или его органами. Домирующее значение Народного собрания и Совета воплощало главный принцип политического мышления древних греков: право участия в управлении всего гражданского коллектива. Право на решение дел своего полиса, государственное управление рассматривалось как одно из важнейших прав гражданина.

В полисах сформировалась и своя система духовных ценностей. Прежде всего, своеобразное социально-экономическое, политическое и культурное устройство, сам полис греки считали высшей ценностью. По их мнению, лишь в рамках полиса можно существовать не только физически, но и вести полную, справедливую, нравственную жизнь, достойную человека. Составными частями полиса как высшей ценности выступали личная свобода человека, понимаемая как отсутствие всякой зависимости от какого-либо лица или коллектива, право выбора занятий и хозяйственной деятельности, пра-

во на определенное материальное обеспечение, в первую очередь на земельный участок, но вместе с тем и осуждение накопительства богатства.

В системе духовных ценностей полиса сформировалось понятие гражданина как свободной личности, располагающего совокупностью неотъемлемых политических прав: активное участие в государственном управлении, хотя бы в форме обсуждения дел на Народном собрании, право и обязанность защищать свой полис от врага. Органической частью нравственных ценностей гражданина полиса стало глубокое чувство патриотизма по отношению к своему полису. Грек был полноправным гражданином лишь в своем маленьком государстве. Стоило ему переехать в соседний город – и он превращался в бесправного метека. Вот почему греки дорожили именно своим полисом. Их маленький город-государство был тем миром, в котором грек в наиболее полной мере ощущал свою свободу, свое благосостояние, свою собственную личность.

Описанные выше наиболее общие черты свойственны в той или иной степени каждому полису, однако среди множества греческих городов-государств можно выделить два основных типа: полис аграрный, со слабым развитием торговли и ремесел, большим удельным весом труда зависимых работников и, как правило, господством олигархии. Образцом такого типа является Лакедемон, или Спарта. Другой тип представлял собой общество и государство с большим удельным весом ремесленных производств и торговых операций, товарно-денежных отношений, внедрением рабского труда в производство и повседневную жизнь, активным участием граждан в общественной и политической жизни, демократическим устройством. Наиболее ярким примером такого полиса являются Афины.

Греческий полис стал такой формой античного общества и государства, в рамках которого были созданы благоприятные условия для развития экономики, общественных отношений, политических учреждений, блестящей греческой культуры, открывшей одну из самых ярких страниц в истории мировой цивилизации.

2. Греко-персидские войны.

Формирование греческих полисов, сопровождавшееся бурными социально-политическими потрясениями, заверши-

лось к концу VI в. до н. э. Внутреннее положение в Балканской Греции стабилизировалось, в многочисленных полисах оживилась хозяйственная жизнь, укрепилось политическое положение средних прослоек гражданства, создались условия для развития культуры. Однако в конце VI в. до н. э. греческим полисам стала угрожать соседняя могущественная держава Ахеменидов. Огромная персидская монархия оправилась от серьезных потрясений и междоусобных войн, вспыхнувших после смерти Камбиза. Серией экономических и военно-административных реформ Дарию I удалось укрепить внутреннее и внешнее положение Персидской империи, превратившейся в конце VI в. до н. э. в мировую державу.

Захватив греческие города Малой Азии и острова восточной части Эгейского моря, персидская правящая верхушка стала разрабатывать планы покорения полисов Балканской Греции. Для мировой державы, располагающей колоссальным для того времени военно-экономическим потенциалом, неограниченными финансовыми средствами, огромной обученной армией, завоевание мелких, к тому же враждующих между собой греческих полисов казалось несложной задачей и вместе с тем заманчивой целью. Греческие полисы были развитыми торгово-ремесленными городами, довольно населенными, с высокой культурой и потому могли принести персидской казне и правящей верхушке разнообразные выгоды. К тому же захват Балканской Греции был важен со стратегической точки зрения, поскольку отдавал в руки великого царя все Восточное Средиземноморье.

Балканским полисам персы несли угрозу самому их существованию, их наметившемуся пути развития как полисных организмов с интенсивной экономикой, активной политической жизнью граждан, с самобытным стилем жизни и культуры.

Итак, агрессия персидской державы, подогреваемая кажущейся слабостью жертвы, с одной стороны, и естественная потребность в защите самих основ своего существования со стороны греков – вот наиболее глубокие причины греко-персидских войн, потрясших Восточное Средиземноморье в первой половине V в. до н. э. и оказавших огромное воздействие на развитие греческого общества и его культуры. Вот почему назревшая война греческих полисов с персидской

державой рассматривалась не как обычное военное столкновение, а как борьба двух миров. В ходе греко-персидских войн решалась судьба греческих полисов. Это предопределило остроту военных столкновений, привело к мобилизации всех военно-экономических ресурсов, на полях сражений подверглись жестокой проверке все социальные и политические учреждения воюющих сторон.

Война греков с Персией датируется 500–449 гг. до н. э., т. е. это одно из самых продолжительных военных столкновений в мировой истории. Обычно в научной литературе принято называть борьбу греков с персидской державой греко-персидскими войнами потому, что военные действия велись не непрерывно, а распадалась наряд военных кампаний, более или менее продолжительных. Таких военных кампаний можно выделить пять:

1. 500–494 гг. до н. э. – восстание Милета и греческих городов Малой Азии против персидского ига.

2. 492–490 гг. до н. э. – первое вторжение персидских войск на территорию Балканской Греции.

3. 480–479 гг. до н. э. – поход Ксеркса на Грецию – кульминационный пункт греко-персидских войн.

4. 478–459 гг. до н. э. – изменение характера военных действий, переход стратегической инициативы к грекам, освобождение от персов греческих городов островов Эгейского моря и Малой Азии. Усиление афинского военного могущества.

5. 459–449 гг. до н. э. – военная экспедиция Афин и их союзников в Египет и завершение греко-персидских войн.

Восстание Милета и греческих городов Малой Азии. Греческие города Малой Азии были захвачены персидским царем Киром еще в 40–30-х годах VI в. до н. э., и на первых порах персы придерживались относительно мягкой политики по отношению к грекам, не обременяли их налогами, мало вмешивались во внутреннюю жизнь, поощряли их торговлю с городами Малой Азии и другими областями обширного персидского государства. Однако при Дарий произошло ужесточение персидской политики в отношении греческих городов. Стремление к централизации управления привело к постоянному вмешательству во внутренние дела греков, во многих городах власть была передана персидским ставлен-

никам — тиранам, подчиненным сатрапу Малой Азии. Города были обложены налогами и повинностями. Дарий I оказывал явное предпочтение финикийским торговцам, что наносило серьезный ущерб интересам греков. В греческих городах Малой Азии накапливалось недовольство персидским господством, которое еще более подогревалось планами персидской верхушки по завоеванию балканских полисов.

Первым против персов восстал Милет — самый крупный греческий город Малой Азии. В 500 г. до н. э. персидский ставленник Аристагор, опираясь на усилившиеся антиперсидские настроения, счел возможным возглавить патриотические силы. Он сложил с себя власть тирана, восстановил действие полисных институтов и призвал жителей Милета к вооруженному восстанию против персов. Примеру Милета последовали другие ионийские города, изгнавшие царских ставленников — тиранов — и персидские гарнизоны там, где они были. Восставшие города заключили союз для ведения совместной борьбы с персами. Были посланы вестники во все малоазийские города с предложением примкнуть к восстанию. Этот призыв был поддержан всеми городами Малой Азии от Византия и Халкедона до Памфилии и Кипра. Аристагор, на первых порах оказавшийся во главе восстания, отправился за помощью в Балканскую Грецию. Однако здесь его миссия оказалась практически безрезультатной: Спарта в помощи отказала, и только Афины послали небольшую эскадру в 20 боевых судов (пять судов прислал город Эретрия).

Восставшие города создали единое командование. Ополчение восставших городов летом 498 г. до н. э. напало на Сарды, резиденцию малоазийского сатрапа, разрушило город, хотя не смогло взять Акрополь, где укрылся сатрап Артафрен с гарнизоном. В следующем году союзный греческий флот нанес поражение финикийской эскадре около Кипра. Восстание разрасталось и стало представлять уже серьезную угрозу для персидского господства во всей Малой Азии. Дарий понимал опасность создавшегося положения и принял самые решительные меры. В Малую Азию были переброшены дополнительные воинские контингенты, которые вместе с имеющимися в Малой Азии гарнизонами были объединены в две крупные армии, которые начали борьбу с восставшими

городами на крайних флангах восстания. Сначала были приведены к покорности греческие города Кипра и южной части Малой Азии, затем восставшие полисы в черноморских проливах (Византии, Халкедон, Абидос, Лампсак и др.). Кольцо вокруг центра греческого восстания Ионии и Милета постепенно сжималось. Союз восставших, сам по себе достаточно рыхлый в организационном отношении, начал распадаться. Персы не жалели золота и щедрых обещаний для тех, кто покинет ряды восставших, и их «агитация» имела известный успех. Персам удалось нанести чувствительное поражение грекам около города Эфеса. К 495 г. до н. э. персы собрали огромный флот из финикийских судов (их было около 600) и нанесли союзному флоту, стянутому для защиты Милета, жестокое поражение при острове Лада. Центр восстания, Милет, был осажден персами, после почти годовой осады взят в 494 г. до н. э. и жестоко разрушен, жители перебиты или проданы в рабство. Вскоре были приведены к покорности и все другие восставшие греческие города.

Восстание с самого начала было обречено на неудачу, так как военно-экономический потенциал двух десятков городов и мировой державы был несоизмерим, а помощи от балканских полисов не было. Однако подавление восстания потребовало от Дария большого напряжения сил и времени. В течение почти шести лет греки вели неравную борьбу с персами, нанося им чувствительные удары.

Первые вторжения персов в Балканскую Грецию (492–490 гг. до н. э.). После подавления восстания малоазийских городов Дарий I счел момент благоприятным для осуществления своих давних стратегических планов по покорению полисов Балканской Греции. Он располагал значительной армией, только что одержавшей победу над восставшими греками, владел стратегической инициативой, имел такой «законный» предлог для вторжения, как наказание помогавших ионийцам Афин и Эретрии. Напротив, в балканских государствах царили страх и растерянность.

В Малой Азии был сформирован сильный экспедиционный корпус численностью около 30 тыс. человек и большой флот около 600 судов. Во главе этой армии был поставлен зять царя, талантливый военачальник и дипломат Мардоний.

Целью похода Мардония было завоевание греческих городов в проливах и на северном побережье Эгейского моря, подчинение фракийских племен, Македонии и, если ситуация окажется благоприятной, вторжение на территорию самой Греции и захват Афин. Мардоний также стремился укрепить свой тыл, в частности предотвратить возможность нового восстания в Малой Азии. По его распоряжению скомпрометировавшие себя в глазах населения тираны были низложены, а в городах восстановлены полисные органы власти.

В 492 г. до н. э. Мардоний переправил свою армию через Геллеспонт (совр. Дарданеллы), которая начала захват северного побережья Эгейского моря. Флот с припасами, снаряжением и продовольствием сопровождал сухопутное войско. Персам удалось подчинить прибрежные греческие города, южные фракийские племена, остров Фасос, изъявил свою покорность и македонский царь Александр. Однако около мыса Афон персидский флот попал в бурю и был уничтожен на прибрежных скалах. По сведениям Геродота, погибло 300 судов и около 20 тыс. человек. Понеся такие потери, Мардоний был вынужден отвести остатки своей армии в Малую Азию. Несмотря на неудачу похода 492 г. до н. э. в целом, за что Мардоний был отстранен от командования, персам удалось укрепиться в северной части Эгеиды и создать себе плацдарм на будущее.

Неудача первого похода не изменила планов Дария, и он снова стал готовиться к вторжению в Грецию. Формировалась новая отборная армия численностью до 20 тыс. человек и большой флот. Во главе ее были поставлены опытный военачальник Датис и племянник царя Артафрен. Советником при них был изгнанный из Афин бывший тиран Гиппий, хорошо знавший местные условия и имеющий своих сторонников в Афинах. Персы учли сложность обходного движения вокруг северного побережья Эгейского моря и приняли смелое, хотя и рискованное решение — переправить армию на кораблях прямым путем из Малой Азии в Аттику и с ходу разгромить Афины. Это решение было рискованным, так как на маловместительных и тихоходных судах переправить большие массы пехоты и особенно конницы было очень опасно. Перегруженные суда легко могли стать добычей даже легко-

го морского волнения и нападения неприятельских кораблей. Военным приготовлениям предшествовала дипломатическая подготовка. В 491 г. до н. э. во все полисы Балканской Греции были направлены персидские послы с требованием полной покорности (требование «земли и воды») или хотя бы нейтралитета в будущей войне. Многие греческие полисы островов (например, острова Эгина), Фессалии, Беотии подчинились этому требованию, Аргос заявил о своем нейтралитете, но самые сильные греческие государства, Спарта и Афины, категорически отвергли требования. Спартанцы сбросили послов в колодец, предложив самим взять там «землю и воду», а афиняне низвергли послов со скалы. Убийство послов сделало невозможным ведение каких-либо переговоров. Греки готовились к войне.

Выждав спокойной погоды, Датис и Артафрен, соблюдая крайнюю осторожность, переправили свою армию на остров Эвбею, где захватили и уничтожили Эретрию, а ее жителей обратили в рабство. После покорения Эвбеи персы высадились в северо-восточной части Аттики — около местечка Марафон, расположенного в 42 км от Афин. По всей вероятности, план военных действий против Афин был составлен по советам Гиппия. На широкой марафонской равнине персы могли спокойно и удобно расположить свою армию и использовать превосходную конницу. Имея хорошо укрепленный лагерь, персы могли беспрепятственно опустошать всю Аттику. Из Марафона можно было совершить нападение на Афины по сухопутью, а большой персидский флот мог обогнуть мыс Суний и атаковать Афины с моря. Именно такая комбинированная атака флота со стороны моря и сухопутной армии из глубины принесла персам успех при взятии Милета в 494 г. до н. э.

Положение усугублялось тем, что Гиппий имел своих сторонников в самих Афинах, которые вели агитацию в пользу персов. К тому же среди афинского командования не было согласия относительно плана ведения военных действий. Часть стратегов придерживалась выжидательной пассивной тактики и предлагала ограничиться обороной Афин. В довершение всего афинянам отказала в немедленной помощи Спарта, поскольку в эти дни там проходило религиозное празднество.

В этих крайних обстоятельствах на первый план выдвинулся талантливый полководец Мильтиад. В конце VI в. до н. э. он был правителем Херсонеса Фракийского, часто сталкивался с персами и хорошо знал особенности персидской военной организации, ее сильные и слабые стороны. В 490 г. до н. э. Мильтиад был одним из стратегов и предложил план ведения военных действий, который в конечном итоге привел афинян к победе. Мильтиад хотел опередить персов и навязать им свою наступательную тактику. Он убедил своих коллег стратегов не отсиживаться в слабоукрепленных Афинах, а вести все войско к Марафону и дать там решительное сражение. 12 сентября 490 г. до н. э. состоялась знаменитая Марафонская битва, вошедшая в историю античного военного искусства.

На Марафонской равнине столкнулись две различные системы военной организации: древнегреческая фаланга, состоящая из строя тяжеловооруженных пехотинцев-гоплитов, и рассыпной строй персов. Лучшими в персидской армии были прославленная конница и умелые лучники.

Используя особенности местности, Мильтиад построил фалангу (всего 11 тыс. человек) не так, как это обычно делалось у греков, по 1000–1200 воинов по фронту и в 8 шеренг в глубину, а растянул ее за счет уменьшения плотности рядов в центре так, чтобы фланги упирались в соседние холмы, что предохраняло греков от окружения и атаки персидской конницы. Для придания большей маневренности фаланга была разбита на три части: левый фланг, центр и правый фланг, которые могли действовать самостоятельно. Для того чтобы нейтрализовать действия персидских стрелков, последние 100 м до сближения с противником греки пробежали бегом. Битва развивалась по предложенному полководцем плану: персидская конница не могла обойти греческие фланги и практически мало участвовала в битве. Во время боя персам удалось потеснить ослабленный центр афинян, зато на флангах греки, опрокинув персов, развернулись и ударили по центру. Победа была полной, на поле боя осталось свыше 6 тыс. воинов противника, афиняне потеряли 192 гоплита.

Сразу же после битвы в город Афины был направлен скоростной поход с радостной вестью о долгожданной победе. Он прибежал на агору и с возгласом «Победа!» замертво рухнул на

землю. В память об этом эпизоде на Олимпийских играх была установлена марафонская дистанция в 42 км 192 м – расстояние от места сражения до афинской агоры.

Используя пребывание всего афинского войска вдали от Афин, персы сделали попытку овладеть безоружным городом с моря, переправив воинов на судах, но Мильтиад предвидел и этот ход. Сразу же после победы при Марафоне афинское войско форсированным маршем вернулось в Афины до прибытия туда персидского флота. Персидская эскадра стояла на рейде некоторое время и, понимая бесперспективность осады, ушла к берегам Малой Азии. Таким образом, и это нападение персов на Балканскую Грецию закончилось полным провалом.

Победа афинян при Марафоне имела огромное морально-политическое значение. Она показала превосходство греческой военной организации, силу небольших греческих полисов. Прославленная персидская армия, к тому же располагавшая почти двойным перевесом в силах, была наголову разбита гражданским ополчением. Персидскому царю стало ясно, что завоевание Эллады потребует мобилизации огромных средств, большого напряжения всех сил Персидского государства.

Поход Ксеркса. Дарий I, понимая, что его военно-политическому престижу нанесен сильный удар, с удвоенной энергией начал приготовления к новому вторжению в Грецию. Однако его смерть в 486 г. до н. э., а затем вспыхнувшие восстания в Вавилонии и Египте помешали новому царю, сыну Дария, Ксерксу завершить эти приготовления. Но, восстановив относительное спокойствие в своей обширной державе к 483 г. до н. э., Ксеркс энергично приступил к прямой военной и дипломатической подготовке решающего похода на Грецию. Со всех концов империи стягивались воинские контингенты в Малую Азию, строился флот, заготавливались снаряжение, продовольствие и припасы. Поскольку транспортировка огромной армии, прямым путем, через Эгейское море, была невозможной, утвердили «маршрут Мардония» – более длинный, но надежный обходной путь вдоль северного побережья Эгейского моря. Здесь на покоренных еще Мардонием землях, включая признавшую персидский протекторат Македонию.

строились склады для снабжения великой армии. Чтобы обезопасить себя от случайностей плавания вдоль Афонского мыса, изобилующего водоворотами и рифами (именно здесь погиб большой персидский флот в 492 г. до н. э.), у основания полуострова Акте был прорыт 2-километровый канал для прохода судов.

Была проведена тщательная дипломатическая подготовка похода. Не жалея золота для подкупа, персы добились поддержки со стороны ряда аристократических полисов Фессалии, Беотии. Аргос заявил о своем нейтралитете, что было выгодно персам. Чтобы предупредить возможную помощь со стороны полисов Великой Греции, Ксеркс договорился с Карфагеном об активизации военных действий в Сицилии, которые сковали силы западных греков.

К 481 г. до н. э. приготовления были закончены, огромная персидская армия, насчитывающая не менее 150–200 тыс. человек (Геродот, сильно преувеличивая силы персов, называет фантастическую цифру в 5,28 млн. человек), мощный флот в 1200 судов разного класса были готовы к вторжению. Придавая особое значение кампании, эту самую большую армию древности возглавил сам царь царей Ксеркс. Страшная, смертельная угроза нависла над Элладой.

В Греции тоже готовились к войне, добиваясь военно-политического единства многочисленных и часто враждующих между собой полисов и консолидации внутри самих полисов, с одной стороны, и изгнания проперсидских элементов и различных оппозиционных сил – с другой. Естественно, наращивалась военная мощь каждого полиса, разрабатывались различные планы отражения персидской агрессии.

К 481 г. до н. э. в Балканской Греции удалось прекратить междоусобицы и на конгрессе в Коринфе был заключен военный союз 31 полиса Греции. Объединялись вооруженные силы и флот, выставляемые в максимальном количестве, во главе объединенной армии и флота были поставлены спартанские цари как самые опытные военачальники.

Лучше всего в источниках отражена политическая жизнь Афин того времени. Афины были непримиримым врагом персов, а персидские цари вели подготовку к вторжению в Элладу под предлогом места именно Афинам. После мара-

фонской победы афиняне приняли решительные меры для борьбы с проперсидскими элементами, прежде всего сторонниками изгнанного тирана Гиппия, ближайшего советника персов в Марафонском сражении. Используя введенную Клисфеном процедуру ostracism, афиняне изгнали наиболее влиятельных сторонников Писистратидов (Гиппарха, сына Харма, и Мегакла, сына Гиппократата). По вопросам укрепления военного могущества Афин в Народном собрании разгорелась борьба между сторонниками политической группировки во главе с Фемистоклом и другой, возглавляемой участником марафонского сражения Аристидом. Фемистокл призывал к усилению морского могущества Афин. Он выдвинул программу строительства сильного военно-морского флота в составе 200 самых быстроходных судов – триер, расширения афинской гавани, сооружения портовых зданий и постоянных тренировок судовых экипажей. Реализация морской программы Фемистокла предполагала проведение наступательных действий и активной внешней политики афинского государства. Для выполнения этой программы предполагалось использовать доходы с Лаврийских серебряных рудников, увеличив их путем более активной эксплуатации рудников. Программа фемистокла имела не только военный, но и политический аспект. Ее реализация поднимала политическую роль низших слоев афинского гражданства, представителей четвертого имущественного разряда по солоновскому сословному делению – фетов. Феты не имели средств на приобретение дорогого гоэлитского снаряжения и могли служить главным образом во флоте. Вот почему программа Фемистокла встретила возражения со стороны зажиточных слоев афинских землевладельцев, интересы которых представлял Аристид. Он стремился к укреплению гоэлитского войска, строительству оборонительных укреплений вокруг Афин и проведению более пассивной внешней политики.

К концу 80-х годов V в. до н. э. группировка Фемистокла одержала победу, его политический противник Аристид был изгнан ostracism, и морская программа Фемистокла стала энергично проводиться в жизнь. Ее успешному проведению способствовала такая демократическая реформа афинского государственного строя, как введение жребия при выборе высших

должностных лиц в Афинах — архонтов. Если ранее они избирались открытым голосованием, на результаты которого аристократия могла влиять через зависимых лиц подкупом и другими средствами, то после 487 г. до н. э. от всех 10 территориальных фил избирались 500 кандидатов, из которых слепой жребий выбирал девять высших магистратов-архонтов. Однако, стремясь к объединению сил накануне персидского нашествия, афиняне разрешили вернуться в город всем подвергнутым остракизму, в том числе и Аристиду, который, забывая прошлые распри, наряду с Фемистоклом принял самое деятельное участие в развернувшихся вскоре военных действиях.

Большой афинский флот, состоящий из лучших судов того времени, управляемых тренированными командами, удачно дополнял великолепную спартанскую тяжеловооруженную пехоту. Вместе с ополчениями и судами других союзных полисов Эллада располагала внушительными силами для отражения персидского нашествия.

Ранней весной 480 г. до н. э. начался великий поход Ксеркса на Элладу. Персы переправились по двум понтонным мостам через пролив Геллеспонт, причем переправа не обошлась без курьеза: сильное течение и волна разрушили один понтонный мост. Разгневанный Ксеркс как типичный восточный деспот, считающий себя повелителем не только людей, но и стихий, приказал наказывать бичами воды Геллеспонта, для его усмирения в воду были брошены кандалы. Строители моста были обезглавлены. Пришлось возводить новый мост.

По заранее подготовленному маршруту персы благополучно прошли все фракийское побережье и Македонию. Греки первоначально предполагали держать оборону у узкого входа в Темпейскую долину (Северная Фессалия) и даже выслали туда 10-тысячный отряд, но, опасаясь измены симпатизирующей персам фессалийской аристократии, оставили оборонительные позиции и отступили,

Новым оборонительным рубежом было избрано узкое Фермопильское ущелье, по которому проходила единственная дорога из Фессалии в Среднюю Грецию. Здесь были построены оборонительные сооружения — стена, башни (их остатки обнаружены археологами). Сюда направился сводный отряд из 7,2 тыс. гоплитов, включая 300 спартанцев во главе

с их царем Леонидом. Одновременно сильный греческий флот из 270 триер занял позиции около северной оконечности острова Эвбеи у мыса Артемисий. Оборона Фермопил и сражение у Артемисия преследовали ограниченные цели: проверить боевую готовность персов, с одной стороны, а с другой — сплотить в совместной битве союз греческих городов и возбудить ненависть к захватчикам. Пока не могло быть и речи о решающем сражении как на суше, так и на море — слишком ничтожны были силы греков по сравнению с армией Ксеркса. Поставленные цели были достигнуты. Оборона Фермопил превратилась в символ беспощадной и священной борьбы за независимость Греции. В боевом эпизоде у Фермопил во всем блеске проявились лучшие стороны греческой военной организации. Огромная армия персов в течение четырех суток штурмовала греческие позиции, защищаемые небольшим отрядом. Дело дошло до того, что уstraшенные героическими действиями греков, персидские воины отказались идти в атаку и их по приказу царя погнали вперед бичами. Ксеркс был вынужден ввести в бой свою знаменитую гвардию, так называемых «бессмертных», что делалось в очень редких случаях. Но и «бессмертные» не могли сбить греков с их позиций. Леонид оказался блестящим тактиком. Он умело использовал местные условия и искусно построил свою оборону. В бою греки применяли маневрирование, ложные отходы назад, после чего вновь выстраивались в фалангу и наносили сокрушительные удары по наступающим врагам.

Ксеркс негодовал, но все было тщетно. Сложилась парадоксальная ситуация: самая подготовленная и большая персидская армия ничего не могла поделать с маленьким греческим отрядом. Ксеркса выручил предатель-фессалиец. За крупную сумму он показал обходную дорогу и вывел персов в тыл защитников Фермопил. Считая дальнейшую оборону бессмысленной, Леонид, чтобы спасти большую часть оставшихся воинов, приказал им отойти. На месте сражения остались лишь спартанцы, которым закон запрещал отступать с поля боя. К ним добровольно присоединились воины из городов Феспий и Фивы. После героического сопротивления все они пали в сражении, и стало ясно, что в Элладе Ксеркс встретит столь же доблестных защитников.

Над погребением спартанцев впоследствии был поставлен памятник — сидящий лев, на постаменте выбиты слова, сочиненные одним из лучших тогдашних поэтов Симонидом:

О путник, поведай всем гражданам Лакедемона:

Здесь мы в могиле лежим, честно исполнив закон.

Героическая смерть защитников Фермопил в 480 г. до н. э. стала в мировой истории символом воинского мужества. Одновременно с обороной Фермопил разыгралась морская битва у мыса Артемисий. В течение трех дней длилось сражение, но ни одна из сторон не добилась успеха. После гибели Леонида греческий флот отошел от Артемисия и вместе с кораблями других полисов встал около Афин напротив острова Саламин.

Пройдя Фермопильские теснины, огромная персидская армия наводнила Среднюю Грецию. Аттика была разграблена. Поскольку город Афины не имел крепких оборонительных сооружений и не был приспособлен к длительной осаде, его жители были эвакуированы в г. Трезены в Арголиде и на соседний остров Саламин. Сложное дело эвакуации, размещения и снабжения беженцев из Афин взял на себя аристократический Совет Ареопага, влияние которого на государственные дела сильно возросло. Оставленные жителями Афины были захвачены персами и преданы огню.

Несмотря на захват Средней Греции, в том числе Афин, основные военные силы греков, союзная армия и флот были сохранены. Согласно первоначальным планам, греки всей армией должны были оборонять Коринфский перешеек, где возводились мощные оборонительные сооружения. Вот почему спартанцы настаивали на переводе сосредоточенного в Саламинском проливе союзного флота ближе к сухопутной армии. Однако афинские руководители и, прежде всего Фемистокл предложили другой план: дать решительное морское сражение в узком Саламинском проливе, где быстроходные и маневренные греческие триеры имели бы преимущество над громоздкими и тихоходными судами противника. А морская победа, по мнению афинян, могла круто повернуть судьбу всей войны.

Сам Ксеркс, в свою очередь, считал решительное морское сражение в данный момент крайне желательным потому, что у него было почти двойное превосходство в количестве судов, их финикийские команды он считал достаточно опыт-

ными в морском деле. К тому же греческий флот был оторван от сухопутного войска, в то время как персидские корабли тесно взаимодействовали с основным составом армии.

Стремясь склонить спартанцев к решительной битве, Фемистокл применил следующую хитрость. В лагерь персов был послан лазутчик, который передал Ксерксу якобы секретные сведения о готовившемся отходе греческого флота из-под Саламина. Поверив этим донесениям, а они могли соответствовать действительности, Ксеркс приказал занять выходы из Саламинского пролива и тем самым блокировать греческий флот. Сражение стало неизбежным. Оно произошло 28 сентября 480 г. Как и предполагал Фемистокл, быстроходные и маневренные греческие суда, прекрасно ориентирующиеся в мелководье узкого пролива, сломили упорное сопротивление персов и уничтожили почти весь их огромный флот.

В бессильной ярости Ксеркс наблюдал с берега за гибелью своих судов. Уничтожение персидского флота резко изменило военную ситуацию. Греческие корабли могли теперь перерезать все коммуникации с Малой Азией, уничтожить понтонные мосты через Геллеспонт и поставить в тяжелое положение сухопутное войско. Поэтому Ксеркс меняет планы военной кампании. Со значительной частью армии и остатками флота он возвращается в Азию. В Средней Греции остался отборный корпус во главе с опытным Мардоном.

Мардоний отвел свои войска в дружественную персам Беотию, реорганизовал их и весной следующего 479 г. до н. э. вновь захватил и разграбил Афины. Около мыса Микале готовились резервная армия и флот, которые должны были подстраховывать действия Мардония. В 479 г. до н. э. греческое союзное командование разработало план комбинированного удара и уничтожения одновременно и сухопутной армии Мардония в Беотии, и резервной базы при Микале. Союзное греческое ополчение под командованием талантливого спартанского военачальника Павсания собралось в Беотии и около города Платеи навязало решительное сражение Мардонию (479 г. до н. э.). Битва при Платеях, одно из самых крупных сухопутных сражений античности, является образцом военного искусства Древней Греции. Мардоний распола-

гал отборным 70-тысячным войском, греческое союзное ополчение было не меньшим. В ходе сражения были показаны образцы военной хитрости, тактического таланта и умелого маневрирования крупных масс пехоты. Оба полководца – Мардоний и Павсаний – выстроили войска на укрепленных позициях и каждый стремился выманить противника из укреплений, заставив нанести первый удар. Коннице Мардония удалось обнаружить и засыпать источники водоснабжения греков, перехватить повозки с продовольствием и тем самым поставить в тяжелое положение их войско. Не имея возможности оставаться на своих укрепленных позициях, Павсаний совершает рискованный и совершенно неожиданный для противника маневр. Глухой ночью он приказал сняться с позиций своему центру, состоящему из гоплитов союзных городов, отойти на 20 км к Платеям и там закрепиться. Затем начал отходное движение по разным дорогам, но поддерживая связь друг с другом, правый фланг, занимаемый спартамцами, за ним левый фланг, занимаемый афинянами. Утром, когда персы обнаружили пустой лагерь греков, Мардоний приказал своим воинам сняться с позиций и двигаться к Платеям, а сам во главе отборного авангарда и конницы спешно бросился преследовать, как он полагал, отступающего в беспорядке противника. Вот этого-то и ждал Павсаний. Как только появились первые персидские всадники, спартамцы развернули фалангу и встретили персидский авангард всей своей мощью. В решающий момент боя подоспели афиняне, и персы были рассеяны. В бою пал и Мардоний. Когда же подошли остальные части персидской армии, спартамцам и афинянам не стоило большого труда разгромить лишенное командующего войско. Арьергард персов под командованием Артабаза так и не успел подойти к месту сражения. Узнав о полном разгроме основной части армии, Артабаз поспешил со своим корпусом в Малую Азию. Битва при Платеях закончилась полным разгромом отборной армии Мардония. В тот же день союзная эскадра во главе со спартамским царем Леотихидом и афинским стратегом Ксантиппом атаковала резервную базу персов около мыса Микале и комбинированной атакой с моря и суши уничтожила сильную персидскую армию и сожгла большую часть персидских судов.

Сражения при Платеях и Микале стали блестящим завершением напряженной борьбы греков с армией Ксеркса. После ее гибели великий царь уже и не мечтал о покорении свободной Эллады, военная мощь Персидской монархии была настолько поколеблена, что царю приходилось думать о том, как бы удержать свое государство от распада. В военных действиях греческих полисов с персидской державой произошел коренной поворот. Стратегическая инициатива перешла к грекам. Отбив нападение на Балканскую Грецию, греки поставили перед собой новые задачи: освобождение от персидского господства городов западной части Малой Азии и проливов.

3. Организация Делосской симмахии (первого Афинского морского союза). Освобождение греческих полисов Малой Азии и проливов от персидского господства.

Отражение персидского нашествия стало возможным благодаря объединению греческих полисов и прежде всего Спарты, Коринфа и Афин. Это объединение сил было вызвано смертельной опасностью со стороны Персии. Но после решительных побед греков в 480—479 гг. до н. э. и ликвидации персидской угрозы между союзниками начали проявляться разногласия по целому ряду военно-политических вопросов. Спарта не была заинтересована в далеких походах тем более таких, где решающей силой становился военноморской флот. Постоянная социальная опасность со стороны илотов, отсутствие флота, ориентация на землевладельческие аристократические круги определяли ограниченный характер внешней политики Спарты. Афины, напротив, были энергичными сторонниками активной завоевательной политики. Намечающееся преобладание в социально-политической жизни демократически настроенных торгово-ремесленных прослоек гражданства, большой прекрасно оснащенный флот вместе с сильным ополчением гоплитов диктовали другую политику.

Социально-политические разногласия усугубились спором о судьбе освобождаемых от персидской власти малоазийских и островных городов. Спарта навязывала политику жестких наказаний, вплоть до переселения жителей в другие места, в то время как афиняне придерживались мягкой политики, вплоть до включения в общегреческий союз в качестве равноправных членов. В обстановке этих серьезных разно-

гласий Спарта ослабила свою активность, фактически вышла из состава общегреческого союза, созданного в Коринфе в 481 г. до н. э. Напротив, Афины стали центром притяжения для оставшихся членов этого союза, в него стремились войти и новые члены, главным образом из числа освобождаемых островных и малоазийских городов.

Заинтересованные в дальнейшем развитии военных действий и полном вытеснении персов из района Эгейского моря, греческие города во главе с Афинами послали своих представителей на остров Делос и заключили новый союз, который получил название Делосского военного союза (симмахии). Делосская симмахия стала более прочным объединением греческих городов потому, что почти все союзники разделяли главные цели внешней политики, были заинтересованы в быстром экономическом развитии, многие из них имели однотипное демократическое устройство. Прочность Делосского союза объясняется также его продуманной организацией. Союзники имели общую казну и объединенные вооруженные силы: сухопутное войско и флот. Основные дела союза решал совет из представителей всех входивших в него полисов. Однако уже с момента основания Делосского союза в нем обозначилось сильное преобладание Афин. Афины были самым богатым и большим полисом в Греции, они приняли на себя основную тяжесть войны с персами, ее политические деятели имели большой авторитет во всей Греции. Неудивительно, что союзники очень скоро передоверили именно афинянам все дела, казну и вооруженные силы. Вместо того чтобы поставлять в союзную армию положенное число кораблей и гоплитов, союзники предпочитали вносить соответствующую денежную сумму, позволяя афинянам расходовать ее на содержание дополнительных контингентов афинских гоплитов и флотских экипажей. Афины, таким образом, получили в свое распоряжение значительные финансовые средства (460 талантов) на содержание внушительного флота и сухопутной армии (до 200 триер, 40 тыс. экипажа и гребцов, 10 тыс. гоплитов и 1 тыс. всадников). Поэтому Делосскую симмахию принято называть Первым Афинским морским союзом. Заручившись поддержкой союзников, Афины начали энергичные военные действия против персов, еще ос-

тавшихся во многих пунктах эгейского побережья, на островах и в проливах.

Спарта с тревогой следила за укреплением афинской военной мощи, и напряженность между Спартой и Афинами нарастала. Для того чтобы обезопасить себя от угрозы с суши, афиняне приняли решение создать новую оборонительную систему вокруг Афин, сделав город неприступной крепостью. Под руководством Фемистокла за несколько лет вокруг Афин была построена сложная система крепостных сооружений, включавшая кольцо городских стен, так называемые длинные стены (около 5 км), защищающие дорогу из Афин в порт Пирей, и, наконец, крепостные сооружения вокруг Пирея. Таким образом, Афины могли выдержать любую длительную осаду, поскольку была предусмотрена возможность безопасного и бесперебойного снабжения города из Пирея. После строительства оборонительных сооружений популярность Фемистокла еще более возросла и вызвала резкое недовольство среди афинской аристократии, группировавшейся вокруг Ареопага, и даже части демократов, которым огромный авторитет Фемистокла казался несовместимым с демократическими принципами. В 471 г. до н. э. Фемистокл был подвергнут остракизму и получил пристанище у персидского царя Ксеркса, против которого он столь удачно боролся в недавнем прошлом. В Афинах усилилось политическое влияние Кимона, сына Мильтиада – победителя персов при Марафоне.

В 70-х годах V в. до н. э. афиняне под руководством Кимона захватили ряд островов Эгейского моря (остров Скирос и др.), прочно закрепились на фракийском побережье в устье реки Стримон, где находились богатые золотые разработки, в Византии и ряде других городов в проливах. Многие города Ионии и Карий вошли в состав Делосской симмахии. Бассейн Эгейского моря был очищен от персидских гарнизонов, пиратов и стал безопасным местом торговли и мореплавания. Кимон и афинские союзники строили далеко идущие планы по завоеванию городов в южной части Малой Азии. Престарелый Ксеркс предпринял попытку пресечь экспансию афинян. В устье реки Эвримедонт в Памфилии был сосредоточен большой персидский флот (около 350 судов) и сильная сухо-

путная армия в несколько десятков тысяч человек. Персы поджидали здесь финикийскую эскадру в 80 судов, чтобы затем начать поход против греков в Эгейское море. Это была серьезная угроза для афийского господства.

Кимон разработал и осуществил неожиданную для противника операцию по уничтожению этих накапливающихся больших сил персов. Весь афинский флот и сухопутное войско были сосредоточены около Книда. Чтобы разместить на судах наибольшее число гоплитов, была усовершенствована их конструкция: построена вторая палуба, верхняя палуба расширена за счет дополнительных пристроек. Из Книда афиняне скрытно переправили свой флот и пехоту к г. Фаселиде (на границе Ликии и Памфилии). Отсюда афинские корабли неожиданно напали на основные силы персов. Застигнутые врасплох, персы пытались уклониться от битвы и отвели свой флот в устье реки Эвримедонт, под защиту своей пехоты, стоящей на берегу, но, преследуемые афинянами, были вынуждены принять бой. В развернувшемся сражении персидский флот на виду стоявшей на берегу пехоты был разбит, 150 судов уничтожены, а 200 захвачены победителями. Потопив корабли противника, Кимон высадил гоплитов на берег, навязав сражение сухопутному войску персов. В многочасовой кровопролитной битве, в которой погибло и много афинян, армия персов была наголову разбита. Неутомимый Кимон выводит флот в открытое море навстречу финикийской эскадре в 80 судов и уничтожает ее. Эта тройная победа Кимона при Эвримедонте (469–468 гг. до н. э., дата точно не установлена) над превосходящим противником — еще один блестящий образец греческого военного искусства, умелого и сложного маневрирования, уничтожения армии противника по частям. В руки победителей попала богатая добыча, много ценностей. На эти средства Кимон осуществил ряд построек в Афинах, частично компенсировал дорогостоящие военные приготовления, были проданы в рабство 20 тыс. пленных. После блестящей победы Кимона при Эвримедонте усилилась мощь Афин и их преобладание в Делосском союзе. Попытки двух островов — Наксоса (469 г. до н. э.) и Фасоса (465 г. до н. э.) — выйти из союза в знак протеста против усиления Афин были решительно пресечены. Посланные

афинские эскадры срыли стены их городских укреплений города союзников возместили понесенные афинянами расходы, им запретили иметь свой флот и заставили выплачивать дополнительные суммы в союзную казну.

4. Нарастание напряженности между Афинами и Спартой.

Военная экспедиция Афин в Египет и завершение греко-персидских войн. Успехи Афин в борьбе против персов в 60-х годах V в. до н. э., усиление роли Афин в Делосском союзе были обусловлены ростом политического влияния средней части афинского гражданства, т. е. тех слоев, которые составляли социальную опору демократических порядков. Афиняне оказывали прямую и косвенную поддержку демократическим элементам в ущерб аристократическим во многих союзных городах. Естественно, такое развитие событий вызывало все возрастающее недовольство аристократической Спарты, обычно поддерживавшей олигархические институты в Греции. 60-е годы до н. э. характеризуются ростом напряженности между Афинами и Спартой. Казалось, военное столкновение неизбежно. Но его удалось предотвратить. Дело в том, что в 464 г. до н. э. в Спарте произошло сильное землетрясение, которое причинило большие разрушения и вызвало замешательство среди спартиатов. Этим не преминули воспользоваться илоты. Они подняли восстание, укрепились на горе Итоме и оттуда совершали опустошительные набеги на владения спартиатов. В этих условиях спартиаты не могли и думать о какой-либо войне с Афинами. Напротив, перепуганные, они обратились к Афинам за помощью. Это обращение Спарты к своему политическому противнику является ярким примером общности социальных позиций аристократии и демократических кругов гражданства греческих полисов перед лицом социальной опасности. Влиятельный Ареопаг, агитация главы афинских аристократов лаконофила Кимона убедили Народное собрание послать сильный афинский отряд в Спарту. Однако когда этот отряд прибыл в Лаконику, спартиатам удалось локализовать восстание своими силами и потому они отослали афинских гоплитов обратно. Афиняне посчитали такое отношение к своей помощи оскорблением, и это лишь усугубило враждебность между

Афинами и Спартой. Провал похода в Спарту привел к дискредитации самого Кимона, и он был вскоре подвергнут изгнанию через остракизм. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, руководитель демократической группировки в Афинах Эфиальт решил нанести решительный удар по политическому престижу Ареопага, весьма возросшему в условиях персидской войны. Чтобы дискредитировать политически этот влиятельный орган, сначала был привлечен к суду по обвинению в коррупции ряд членов ареопага, а в 462 г. до н. э. афинское народное собрание приняло закон, по которому Ареопаг был лишен политических рычагов власти, и этот оплот афинской аристократии стал играть исконно принадлежащую ему роль хранителя общественной нравственности и религиозных традиций, что также обеспечивало ему достаточное влияние в обществе.

Демократизация государственной жизни сопровождалась активизацией афинской внешней политики. Но все это вело к резкому обострению политических отношений со Спартой. Военное столкновение стало неизбежным, когда спартиаты в основном подавили восстание илотов. В 457 г. до н. э. сильное спартанское войско из 11,5 тыс. гоплитов вместе со своими союзниками из Беотии нанесло чувствительное поражение 14-тысячному афинскому ополчению при Танагре. Но в том же году в повторном сражении при Энофитах новое афинское войско разгромило союзников Спарты, беотийцев, и восстановило свое политическое влияние в Средней Греции. Развивая успех, афиняне принудили к капитуляции своего давнего врага – соседнюю Эгину. Вскоре афиняне овладели Трезеной, а афинский флот беспрепятственно курсировал вокруг Пелопоннеса, совершая нападения на уязвимые пункты юга и запада (так называемая первая, или Малая, Пелопоннесская война).

Военные действия Афины и их союзники вели не только против Спарты. Другим важнейшим фронтом была борьба с персами, которая вступила в заключительную стадию.

Разгром большого персидского флота и сухопутной армии при Эвримедонте не только отдавал под афинское влияние греческие города южной части Малой Азии и Кипра, но и поколебал персидское господство в Восточном Средиземном-

рье вообще, где оживились сепаратистские движения в сатрапиях. Положение усугубилось династической борьбой. В 465 г. до н. э. в результате дворцовых интриг были убиты Ксеркс и его старший сын, и на престол вступил младший сын Артаксеркс. Ситуацией воспользовались сепаратистские силы в Египте. В 460 г. до н. э. вспыхнуло восстание, которое возглавил представитель ливийской аристократии Инар. Отпадение такой богатейшей сатрапии, как Египет, поставило бы персидское царство в тяжелое положение и могло положить начало его политическому распаду. Афиняне принимают решение оказать щедрую помощь Инару. В 459 г. до н. э. хорошо снаряженная эскадра в 200 судов и 20 тыс. воинов была отправлена на помощь египетским повстанцам. Афинская эскадра вошла в устье Нила и поднялась к столице Египта Мемфису. Взаимодействуя с Инаром, афиняне нанесли персидскому сатрапу несколько поражений и захватили Мемфис. Однако в 455–454 гг. до н. э. новая персидская армия, посланная в Египет, сумела нанести поражение восставшим, а затем и афинскому флоту. Гибель крупных афинских сил в болотах Дельты сильно поколебала афинскую военную мощь и политический престиж. Афиняне опасались восстаний и недовольства союзников. Под предлогом, что союзная казна, хранимая в храме Аполлона на острове Делос, может быть захвачена персами или пиратами, афиняне в одностороннем порядке перенесли ее в сокровищницу храма Афины. С этих пор союзная казна стала рассматриваться фактически как часть собственно афинской казны, а союзники из равноправных с Афинами членов — в определенной степени как подданные. Вот почему факт переноса союзной казны с Делоса в Афины в 454 г. до н. э. считается рубежом в превращении Делосской симмахии в Афинскую архэ (державу).

Восстановление персидского господства в Египте и поражение афинян изменили политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье в пользу Персии. Но силы Афин, полновластно располагавших огромными ресурсами Афинского морского союза, были еще очень велики. Удачливый Кимон вновь (он был возвращен из изгнания) организует экспедиционную армию для поддержки египетских повстанцев и осаждаемых персами греческих городов Кипра. В 450–449 гг. до н. э.

н. э. военные действия сосредоточиваются на Кипре. Кимону удалось нанести поражение сильному царскому флоту недалеко от города Саламина, захватив ряд кипрских городов. Стремясь оживить сепаратистское движение в Египте, Кимон отправил туда 60 боевых судов. Но этим планам не суждено было сбыться. При осаде одного из кипрских городов Кимон умер, и афинская эскадра была отозвана обратно. Этот отзыв означал, что афиняне отказываются от своих притязаний на Восточное Средиземноморье, где в полном объеме восстанавливается власть персидского царя. 449 г. до н. э. стал последним годом продолжительных греко-персидских войн. Афинский аристократ двоюродный брат Аристида и близкий родственник Кимона (он был женат на его сестре), Каллий, был направлен на Кипр для заключения мира с персами. Условия Каллиева мира (449 г. до н. э.) положили конец греко-персидским войнам и закрепили победу греков. Персидский царь признавал независимость всех греческих полисов Малой Азии, обязывался не вести против них военных действий, не вводить военный флот в Эгейское море и проливы. Греки брали обязательства не вмешиваться в дела Восточного Средиземноморья и Египта.

Вскоре после Каллиева мира наступило затишье и в военных действиях между Афинами и Спартой, а в 446 г. до н. э. так называемая Малая Пелопоннесская война была завершена тридцатилетним миром. После нескольких десятилетий напряженных военных столкновений как в самой Греции, так и с великой Персидской державой в Элладе был установлен более или менее прочный порядок. Создались благоприятные возможности для хозяйственного и культурного развития.

Греко-персидские войны закончились полной победой греков. Каковы причины их победоносного исхода? Почему маленькие греческие полисы, занимавшие ничтожную территорию, к тому же имевшие разную социально-политическую организацию, смогли одержать победу над мировой державой, располагавшей могучим военно-экономическим потенциалом, объединенной централизованной властью царя и его административного аппарата? Можно указать несколько таких причин.

В ходе греко-персидских войн греческая социально-экономическая и политическая системы, полисная организа-

ция общества, предполагающая интенсивное доходное хозяйство, зажиточные средние прослойки гражданства, республиканские учреждения, оказались более жизнеспособными, более передовыми, прогрессивными, чем громоздкая персидская общественно-политическая система. Активность внутриполитической борьбы в греческих полисах в условиях военной опасности, как оказалось, не ослабляла внутреннюю силу полисных организмов, а придавала ей более сознательный и организованный характер, в то время как под покровом внешнего слепого подчинения власти великого царя скрывался глубокий сепаратизм отдельных сатрапов, который мог проявиться в любой момент.

Важной причиной победы греков было достижение единства действий между ведущими полисами в решающий момент военных столкновений, в частности объединение сил Спарты, Коринфа и Афин. Объединенные силы греков в военном отношении если и уступали персам в количестве людей и снаряжения, то превосходили их качеством своей организации. Тактика сплоченной, хорошо тренированной фаланги, могущей умело маневрировать в ходе боя, состоящей из закованных в броню тяжеловооруженных гоплитов, оказалась намного выше рассыпного строя персов. Греческий гоплит защищал свою родину, свои святыни, землю своих предков и потому обладал значительно более высокими морально-боевыми качествами, чем подневольные воины персидского царя, которых порой приходилось гнать в бой бичами. Сознательная смерть спартанцев и других греков при Фермопилах — лучший тому пример. В кризисные моменты войны у греков выдвинулись талантливые полководцы и полигтики. Мильтиад, Павсаний, Фемистокл, Кимон обогатили античное военное искусство, творчески развивая все возможности, заложенные в греческой военной организации.

Победа над сильнейшим врагом оказала огромное воздействие на развитие всех направлений общественно-экономической, политической и культурной жизни древних греков, способствовала высочайшему расцвету древнегреческой цивилизации в V–IV вв. до н. э.

В. И. Кузицин

Лекция 7. Пелопоннесская война

Вопросы:

1. Внутриполитическое положение Греции во второй половине V в. до н. э.
2. Внешняя политика Афинского морского союза в 40–30-х годах до н. э.
3. Архидамова война 431–421 гг. до н. э.
4. Второй период Пелопоннесской войны (415–404 гг. до н. э.).

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 4. Гл. 2, 5.

1. Внутриполитическое положение Греции во второй половине V в. до н. э.

Взаимоотношения между наиболее могущественными объединениями греческих полисов – Пелопоннесским союзом, во главе которого стояла Спарта, и первым Афинским морским союзом, возглавляемым Афинами, – определяли внутриполитическое положение в Греции второй половины V в. до н. э. Эти союзы в середине V в. до н. э. превратились в сильные военно-политические блоки, между которыми развились не только внешнеполитические, но и глубокие социально-политические противоречия. В конечном итоге эти противоречия обострились до такой степени, что привели к одной из самых кровопролитных войн в греческой истории – Пелопоннесской войне. Противоборство Пелопоннесского и Афинского морских союзов определялось, прежде всего, глубокими различиями в их структуре, в характере социально-экономических отношений, политическом строе входящих в их состав полисов.

Характеристика Пелопоннесского союза. Пелопоннесский союз был одним из первых крупных военно-политических объединений в греческом мире. Он сложился во второй половине VI в. до н. э. и включал на первых порах полисы, расположенные в Пелопоннесе: Лаконики, горной области Аркадии, равнинной Элиды. К середине V в. до н. э. в состав союза вошли почти все полисы Пелопоннеса (кроме враждебного Спарте Аргоса), целый ряд городов Средней Греции, включая сильные Фивы и более мелкие полисы Фокиды, северной Дориды, острова Левкады. Большая часть союзных государств,

включая и Спарту, относилась к аграрным со слабым развитием ремесла и торговли полисам с архаическими общественными отношениями, олигархическим устройством и консервативной политической программой. Правда, среди союзников были и такие торгово-ремесленные полисы, как могущественный Коринф, Мегары, Ситон, в которых экономическая жизнь была достаточно интенсивной. Эти города хорошо дополняли аграрные полисы и в целом повышали военно-политический потенциал Пелопоннесского союза, превращали его в одну из сильнейших военно-политических коалиций Греции. Многочисленное и хорошо тренированное войско гоплитов, которых посылали аграрные полисы, дополнялось достаточно сильным флотом и солидными денежными поступлениями богатых торгово-ремесленных центров типа Коринфа или Мегар. Наличие среди союзников большого числа аграрных полисов, с одной стороны, и торгово-ремесленных центров — с другой, породило известную рыхлость и слабую централизацию в структуре Пелопоннесского союза. Входящие в него государства сохраняли свою самостоятельность вплоть до того, что могли вести войны не только с другими полисами, но даже друг с другом. В нем не было какой-либо общей администрации, которая могла бы вмешиваться во внутренние дела союзников, не существовало общих финансов и регулярных взносов на нужды союза. Основными обязательствами союзников было проведение скоординированной внешней политики и участие в совместных военных действиях, для чего каждый полис был обязан выставлять определенное количество воинов, конницу, корабли и вносить денежные взносы. Каждый воинский контингент должен был обеспечивать себя продовольствием, снаряжением и оружием: возглавлялся он своими командирами.

Высшим органом Пелопоннесского союза было собрание всех союзников, которое проходило в Спарте под председательством спартанских эфоров. Решения союзного собрания должны были утверждаться апеллой. Союзное войско возглавлялось спартанскими царями, а объединенным флотом командовали спартанские навархи. Каждый полис, как самый маленький, так и большой, получал один голос, что позволяло Спарте добиваться приемлемых решений, противопостав-

ляя мелкие полисы более крупным. Членство в Пелопоннесском союзе было добровольным, выход из союза — относительно свободным. В источниках нет сведений о применении каких-либо военных акций против тех союзников, которые пожелали бы выйти из этого объединения. Например, в Пелопоннесский союз входили и выходили из него Коринф, Мегары, Фивы, ряд ахейских полисов. Относительно мягкое отношение к союзникам, отсутствие финансового давления, уважение их автономии и невмешательство во внутренние дела создавали условия для известной прочности Пелопоннесского союза, который просуществовал в целом около 200 лет, т. е. дольше, чем какое-либо другое военно-политическое объединение в Греции. Используя большой военно-политический потенциал союза, Спарта стала сильнейшим государством Греции и играла решающую роль в греческом мире V—IV вв. до н. э. Она повсюду поддерживала аристократические группировки, была оплотом греческой олигархии.

Первый Афинский морской союз. Пелопоннесскому союзу в V в. до н. э. противостояло другое военно-политическое объединение греческих полисов во главе с Афинами — первый Афинский морской союз. Афинский морской союз вырос из объединения греков, сплотивших свои силы для освобождения захваченных персами греческих городов Малой Азии и островов Эгейского моря. Но уже в конце греко-персидских войн Афинский морской союз перерос рамки военного союза и превратился в особое политическое объединение греческого мира с более широким кругом задач, своей социально-экономической и внешней политикой, сыгравшее большую роль в событиях V в. до н. э. В истории Афинского морского союза можно выделить два периода: период Делосской симмахии (478—455 гг. до н. э.), когда перед союзниками стояли, прежде всего, задачи освобождения захваченных персами эллинских городов Малой Азии и островов Эгейского моря, и период политического господства Афин в союзе, которое превратило Делосскую симмахию в Афинскую державу (архэ), проводившую активную политику в греческом мире второй половины V в. до н. э.

Афинский морской союз постоянно пополнялся новыми членами, и к концу 30-х годов V в. до н. э. превратился в са-

мое крупное в истории Греции политическое объединение как по числу членов (около 200 полисов), так и по величине контролируемой территории. В состав Афинского союза вошла большая часть греческих полисов, расположенных по побережью Эгейского моря и на островах. Подавляющее большинство афинских союзников составляли приморские города с интенсивной экономикой, процветающим ремеслом и активной торговлей, сложными социальными отношениями, демократическим устройством.

Афинский морской союз в отличие от Пелопоннесского имел более сложную организацию. Прежде всего, была создана единая финансовая система, которая предполагала наличие общей союзной казны, пополняемой за счет ежегодных взносов (форос). Форос устанавливался для каждого союзного полиса в зависимости от его хозяйственных возможностей. Богатые и крупные полисы платили большие суммы, чем мелкие центры с ограниченным доходом. Если по каким-либо причинам доходы того или иного союзника возрастали, то увеличивалась и сумма взноса. В целом общая сумма фороса со всех союзников колебалась от 460 до 600 талантов серебра в год, т. е. ежегодно в союзную казну поступало от 12 до 15,6 т валютного металла. По масштабам Греции V в. до н. э. это были внушительные ресурсы, на которые можно было содержать в течение 6 месяцев войско в 5 тыс. гоплитов и флот в 200 триер с 40-тысячным экипажем.

Величина фороса каждые 4 года пересматривалась, и уточненная сумма утверждалась в Афинах в гелиее. Союзная казна хранилась в храме богини Афины (в Парфеноне) на Акрополе. Для сбора фороса вся территория союза была разбита на пять податных округов: фракийский, объединяющий союзников от острова Эвбеи и по северному побережью Эгейского моря; геллеспонтский округ включал города, расположенные в проливах и на побережье Мраморного моря; в островной округ вошли острова Эгейского моря; ионийский охватывал большую часть городов Малой Азии; карийский округ включал полисы юго-западной части Малой Азии. В каждом округе за правильным и регулярным поступлением фороса следили особый надзиратель-епископ и двое его помощников — специальных уполномоченных. Если союзники

не вносили форо́с в срок, то на них накладывались штрафы. В первый период существования союза собранные средства шли на содержание союзного флота и союзного ополчения, собрание на острове Делос считалось распорядителем общей казны. Однако после переноса союзной казны с острова Делос в Афины в 454 г. до н. э. единственным распорядителем собранных средств стала афинская гелиея, и они уже тратились на содержание не союзного, а афинского флота и гоплитов. Афины стали широко использовать союзные средства на свои собственные нужды, например на обширное строительство в городе, т. е. стали распоряжаться ими по своему усмотрению, не считаясь с мнением союзников, что не могло не вызывать их недовольства. Более того, когда понадобились дополнительные средства на ведение военных действий, в 427 г. до н. э. Афины самовольно увеличили сумму форо́са более чем вдвое, доведя его до 1300 талантов. Финансовая организация союза была направлена на активную эксплуатацию союзников со стороны Афин как гегемона всего военно-политического объединения.

Важной особенностью организационной структуры Афинского морского союза была попытка создания некоторого экономического единства внутри союза. Создание такого экономического объединения диктовалось потребностями хозяйственного развития Греции V в. до н. э. Для Греции этого времени характерны экономический подъем, развитие ремесленного производства, торговых связей, денежного обращения. В состав афинского союза вошли преимущественно города с товарной экономикой, заинтересованные в налаживании хозяйственных связей, обмене ремесленными изделиями, сельскохозяйственной продукцией и сырьем. Обширное военно-политическое объединение почти всего побережья Эгейского моря в рамках Афинского морского союза создавало для этого благоприятные возможности, и Афины всячески поощряли этот процесс. Чтобы облегчить экономические связи, была произведена унификация мер, веса, монетной системы, в основу всех расчетов были положены афинские стандарты, афинский порт Пирей стал перевалочным пунктом товарных потоков всей Эгеиды, местом скрещения важнейших торговых путей. Через Пирей товары рас-

пределялись по всем союзным городам. «В самом деле, — говорилось об Афинах в одном трактате V в. до н. э., — если какой-нибудь город богат корабельным лесом, куда он будет сбывать его, если не добьется согласия тех, кто господствует на море? Если какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет это сбывать, если не заручится согласием того, кто господствует над морем? А ведь изо всего этого и создаются у меня корабли: от одного получается лес, от другого — железо, от третьего — медь, от четвертого — лен, от пятого — воск... И вот я без труда со своей стороны получаю все эти произведения земли по морю, а между тем никакой другой город не имеет у себя двух таких продуктов разом». Пирей, до 40-х годов V в. до н. э. небольшой порт, превращается в крупнейший в Эгеиде центр морской торговли, его гавани расширяются, строятся новые складские помещения, доки, верфи, молы, берега покрываются каменными набережными, город застраивается по регулярному, так называемому гипподамову плану. В Пирей и Афины прибывали со всей Греции многочисленные гости по различным торговым, хозяйственным, политическим и судебным делам.

Афины проводили целенаправленную политику активной поддержки демократических порядков в союзных полисах. Эта поддержка проявлялась в различных формах: создавались благоприятные условия для экономического процветания торгово-ремесленных кругов и средних разрядов гражданства, которые начинают играть ведущую роль в политической жизни своих полисов, усиливается значение демократических учреждений и прежде всего Народного собрания. В случае необходимости, когда требовалась не только политическая поддержка демократических кругов, афиняне приходили им на помощь, высылая свой флот и отряды гоплитов. Примером такого военного вмешательства во внутренние дела союзников являются события на острове Самос в 440 г. до н. э. Этот крупный и богатый остров занимал особое положение в Афинском союзе. Наряду с двумя другими островами, Лесбосом и Хиосом, Самос не платил форос в союзную казну, а должен был поставлять в случае необходимости корабли и гоплитов, имел собственный флот, мог выставить сильное ополчение, афиняне не вмешивались в его внутренние

дела. Показателем относительно свободного положения Самоса в Афинском морском союзе было олигархическое управление на острове, столь контрастирующее с демократическими порядками как в самих Афинах, так и в большинстве союзных городов. Афины довольно продолжительное время мирились с этим, однако, как только настал благоприятный момент, руководитель афинской демократии Перикл вмешался во внутренние дела Самоса, насильственно сверг олигархию и установил демократическое правление. Вмешательство афинян вызвало восстание самосцев, и сильной афинской эскадре, возглавляемой самим Периклом, пришлось около 9 месяцев вести тяжелые военные действия против восставших. Восстание было подавлено, стены самосских городов срыты, флот уничтожен, жители должны были выплатить большую контрибуцию, владения олигархов были конфискованы, а сами они или уничтожены, или отправлены в изгнание, на острове было введено демократическое управление. Уничтожение олигархии и поддержка демократических кругов на Самосе оказали большое влияние и на другие союзные города, стимулируя развитие в них демократических порядков и подавляя происки местных олигархов. Энергичная политика Афин, направленная на укрепление демократических порядков и стоящих за ними социальных слоев, преследовала цели известной унификации государственного управления в многочисленных полисах, входящих в состав Афинского морского союза, а в конечном итоге – некоторой его централизации.

Целям укрепления прочности Афинского морского союза и решению внутренних проблем самих Афин служила политика выведения так называемых клерухов на земли афинских союзников. Клерухами называли афинских граждан, как правило, из низших разрядов, которым выделяли участки плодородной земли на территории союзных городов. Они заводили там крепкое хозяйство, превращались в зажиточных землевладельцев. В качестве афинских граждан они находились в привилегированном положении по отношению к местному населению. Обязанные своим экономическим благополучием и привилегированным положением афинской демократии, такие клерухи становились прочной опорой афинской власти в союзном полисе, с другой стороны, на их поддержку могли

рассчитывать местные демократические круги. Выведение клерухов и организация ими хозяйств по афинскому образцу стали еще одним путем распространения афинского экономического влияния, хозяйственных методов, принятых в Афинах. Афинские клерухи были поселены во многих союзных городах: на Эвбее, Самосе, Наксосе, Андросе, Лесбосе, Лемносе, Имбросе, на полуострове Херсонес Фракийский и др. Всего Афины в V в. до н. э. вывели на союзные территории около 10 тыс. клерухов. Выселение их из Афин стабилизировало и оздоравливало внутреннюю обстановку в самом городе.

В Афинском морском союзе с его интенсивной экономикой, напряженной социально-политической и культурной жизнью возникало большое количество самых разнообразных отношений, в процессе которых рождалась потребность в их судебном регулировании. Самым естественным было передать судебные разбирательства, возникающие в процессе таких отношений, в один орган, а именно в афинский суд присяжных — гелиею. Многочисленный состав афинской гелиеи, наличие 10 судебных палат, демократический характер судебного разбирательства обеспечивали компетентное и квалифицированное ведение дел, что повышало авторитет афинской демократии. С другой стороны, рассмотрение различных дел союзников позволяло афинским властям регулировать отношения внутри союзных полисов, поддерживая своих сторонников, преследуя противников. В одном из политических трактатов V в. до н. э., написанном олигархом и противником афинской демократии, на этот счет говорилось следующее: «По мнению некоторых, народ афинский делает ошибку также и в том, что заставляет союзников ездить для судебных дел в Афины. Но афиняне возражают на это, исчисляя, сколько заключается в этом преимуществ для афинского народа: во-первых, из судебных пошлин он получает целый год жалованье, затем, сидя дома и не выезжая на кораблях, он распоряжается в союзных городах и при этом людей из народа поддерживает в судах, а противников уничтожает. Между тем если бы все вели свои процессы у себя на родине, то, будучи недовольны афинянами, старались бы уничтожить тех из своей среды, которые наиболее сочувствуют афинской демократии».

Указанные особенности организационной структуры привели к изменению положения Афин внутри Афинского морского союза. Афины были не только гегемоном и руководящим полисом этого обширного объединения. Они стали рассматриваться как своего рода столичный, главный город, в который съезжаются представители всех союзников по разным делам экономического, судебного, политического, культурного характера. Афины рассылают своих уполномоченных для сбора форося, своих клеруков на союзные земли, афинский флот бороздит воды Эгейского и Черного морей. Наиболее зримым показателем роли Афин как союзной столицы является строительство великолепных архитектурных ансамблей, таких, как Парфенон, комплекс Акрополя, в которых нашли свое выражение стили и идеи многих художественных школ Эллады. Становление Афин как столичного города союза вместе с тем означало, что сам Афинский морской союз перерос рамки объединения отдельных полисов и превратился в Афинскую державу, федеративное государственное образование нового типа, ранее в греческом мире неизвестное. В Афинской державе как новой форме федеративного объединения была сделана попытка преодоления полисной раздробленности и разобщенности. Наиболее глубокой основой таких объединительных тенденций был общий подъем греческой экономики, развитие товарно-денежных отношений.

Создание довольно обширной экономической зоны в рамках Афинской державы, известная однородность социально-политических порядков, некоторая централизация государственного управления и преодоление полисной разобщенности были прогрессивным явлением в общем историческом развитии Греции V в. до н. э. Не только столичный полис Афины, но и большинство рядовых членов Афинской державы были заинтересованы в существовании этого объединения, поскольку членство в союзе способствовало их экономическому процветанию, утверждению демократических порядков и культурному развитию.

Далеко не все союзники мирились с господством Афин, и выражением их недовольства были попытки выхода из состава союза. Такие попытки предпринимались сильными и крупными полисами, для которых афинское владычество было особенно

тягостным. Они считали возможным обеспечивать свое существование в условиях полисной независимости. Как правило, такие города имели олигархическое правление, и их недовольство великодержавной политикой Афин усугублялось социальными противоречиями, антипатиями олигархов к демократическим порядкам. Первые восстания против усиливающегося афинского господства разразились на таких крупных островах Эгейского моря, как Наксос (469 г.), Фасос (465 г.) и в г. Халкида на острове Эвбея (446 г. до н. э.). Выступления мятежных союзников были подавлены военной силой. Афинские эскадры с отборными гоплитами на борту быстро успокоили восставших: стены городов были разрушены, зачинщики уничтожены, жители выплатили контрибуцию и должны были дать клятву верности Афинам. Примером такой клятвы является присяга жителей Халкиды, после того как была подавлена их попытка выйти из союза. «По следующим пунктам пусть принесут присягу халкидяне: я не изменю народу афинскому ни хитростями, ни происками какими-либо, ни словом, ни делом. не послушаюсь того, кто задумает изменить, И если кто-нибудь изменит, я сообщу афинянам. И подать я буду вносить афинянам такую, какую выхлопочу от афинян. И союзником я буду насколько смогу, лучшим и добросовестным. И народу афинскому буду помогать и содействовать, если кто-нибудь будет наносить обиду народу афинскому. Пусть принесут присягу из халкидян все совершеннолетние. А если кто не даст присяги, тот да будет лишен гражданской чести и пусть имущество его будет конфисковано...»

Были выступления против афинской гегемонии также на острове Самосе в 440 г. и на острове Лесбосе в 427 г. до н. э. Как правило, подавление таких попыток к выходу из союза сопровождалось установлением демократических порядков и приходом к власти демократических кругов, которые становились надежной опорой афинской власти прежде всего потому, что большинство членов союза было заинтересовано в существовании такого военно-политического и экономического объединения греческих полисов.

В укреплении могущества Афин и создании Афинской державы огромную роль сыграл Перикл, сын Ксантиппа (495–429 гг. до н. э.). Принадлежа к знатному афинскому ро-

ду, Перикл с начала своей политической деятельности в середине 60-х годов V в. до н. э. стал одним из лидеров афинской демократии и верно служил ей всю свою жизнь. Перикл получил прекрасное образование, был выдающимся оратором, талантливым государственным деятелем и полководцем. Его группировке принадлежала инициатива в проведении реформ внутреннего управления, которые привели к торжеству демократической системы в Афинах. Вместе с Эфиальтом он способствовал падению политической роли Ареопага и расширению функций Народного собрания, с его именем связано введение платы за участие в заседаниях гелиеи, Совете 500. Перикл и его сторонники разработали политику по превращению равноправного союза полисов, Делосской симмахии, в Афинскую державу. Перикл много сделал для превращения Афин в политическую и культурную столицу Эллады, Афиняне поддерживали деятельность Перикла, одобряли его политику. Выражением такого доверия было ежегодное избрание Перикла на высшую должность первого стратега с 444 по 429 г. до н. э., единственный случай в истории демократический Афин, основным конституционным принципом которых было ежегодное переизбрание должностных лиц. Не только рядовая масса гражданства, но и выдающиеся люди греческого мира ценили государственную мудрость и образованность Перикла. Близкими друзьями и советниками Перикла были философ Анаксагор, ученый Дамон, великий греческий скульптор Фидий, замечательный греческий историк Геродот. В Афины съезжались из многих городов лучшие художники, скульпторы, философы, авторы трагедий и комедий. При Перикле Афины стали центром культурной жизни Греции.

2. Внешняя политика Афинского морского союза в 40–30-х годах до н. э.

Располагая огромными по тем временам силами и средствами такого мощного объединения, Афины стали проводить активную внешнюю политику в греческом мире, преследуя несколько целей: 1) дальнейшего расширения союза путем включения в него новых городов, в Эгейском бассейне; 2) усиления политического влияния Афин в Великой Греции, Южной Италии и Сицилии; 3) проникновения в бассейн Черного мо-

ря; 4) изоляции Пелопоннесского союза, уменьшения его политического влияния и превращения Афин в гегемона большинства греческих полисов. Достижение этих целей встретило, естественно, сильное противодействие Спарты и ее наиболее могущественного союзника Коринфа. 440–430 гг. до н. э. стали временем острого дипломатического и политического противоборства двух наиболее крупных объединений греческого мира в V в. до н. э.

Крупным успехом Афин было включение в состав союза соседнего острова Эгины. Несмотря на противодействие Спарты и Коринфа, афиняне высадились на острове, разбили эгинян в сражении, захватили город (458 г. до н. э.). Его стены были срыты, наложена большая контрибуция, установлены удобные Афинам порядки. Эгина стала послушным членом Афинского союза, выплачивала ежегодно до 30 талантов форо́са (один из самых высоких членских взносов в союзе). Афинам удалось установить дружественные отношения с традиционным противником Спарты в Пелопоннесе – Аргосом и фессалийскими городами. После этих успехов власть Афин в бассейне Эгейского моря практически никем не оспаривалась.

С середины 40-х годов V в. до н. э. афиняне обратили самое пристальное внимание на греческие города, расположенные по берегам Черного моря. Большинство причерноморских центров было основано ионийскими полисами, с которыми они поддерживали самые тесные отношения: торговые, политические, культурные. К середине V в. до н. э. греческие города Причерноморья превратились в развитые и богатые полисы, контролировавшие значительную территорию, установившие связи с местными племенами. Включение этих полисов в состав Афинской державы, усиление влияния в этом регионе давали Афинам большие выгоды как экономического, так и политического характера, привели к возрастанию их могущества. Распространение влияния в Причерноморье рассматривалось не только афинянами, но и Спартой и Коринфом как вполне закономерное явление: ведь большая часть ионийских городов, бывших метрополиями причерноморских колоний, входили в состав Афинской державы, а потому и их колонии, естественно, должны были последовать примеру метрополии.

С конца 40-х годов V в. до н. э. афиняне приступают к реализации программы по установлению своего господства в Причерноморье. В 437–435 гг. до н. э. хорошо оснащенная эскадра и отборные отряды гоплитов во главе с Периклом были направлены в Понт. «Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, — передает Плутарх, — он сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно, а окрестным варварским народам, их царям и князьям он оказал великую помощь, показав неустранимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят и все море держат в своей власти. Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд гоплитов для борьбы с тираном Тимесилеем. После изгнания последнего и его приверженцев он провел в Народном собрании постановление о том, чтобы в Синопу было отправлено шестьсот человек афинян, изъявивших на то согласие: они должны были жить вместе с коренными гражданами Синопы, поделив с ними дома и землю, которую прежде занимали тираны». Синопа становится своего рода опорным пунктом афинской власти на Черном море. После понтийской экспедиции Перикла в состав Афинской державы, кроме Синопы, вошли также Амис на южном берегу, Аполлония и, возможно, Истрия на западном побережье, в Северном Причерноморье — Нимфей на Керченском полуострове и, возможно, Ольвия. Таким образом, власть Афинской державы утвердилась в наиболее крупных центрах Причерноморья, что позволяло афинянам контролировать обширные территории этого богатого ресурсами района.

Не довольствуясь блестящими успехами своей политики и дипломатии в бассейне Эгейского моря и в Причерноморье, афиняне стали развивать активную деятельность по распространению своего влияния в западном направлении на путях в Великую Грецию и в Южной Италии, Сицилии. Это направление афинской внешней политики казалось афинским лидерам необычайно перспективным. Дело в том, что Великая Греция была богатейшей и густонаселенной областью с процветающими городами. Тарент, Метапонт, Кротон, Локры, Регий, Катана, Сиракузы, Гела, Селинунт не уступали по уровню своего экономического и культурного развития

наиболее знаменитым городам Балканской Греции. К тому же установление афинской гегемонии в Великой Греции превратило бы Афинскую державу в политическое объединение практически всего греческого мира и привело бы к полной изоляции Спарты. Вместе с тем это нанесло бы смертельный удар по экономике Коринфа, могущество и само существование которого в наибольшей степени зависело от его связей с городами Великой Греции. С середины 440-х годов до н. э. афиняне начали планомерную реализацию своей западной политики. Еще в конце 60-х годов V в. до н. э., после подавления крупного восстания илотов в Спарте, афиняне приняли самое деятельное участие в судьбе повстанцев, которым спартанцы были вынуждены разрешить выселение из Мессении. С помощью афинян илоты обосновались в городе Навпакте, расположенном в самом узком месте Коринфского залива, который был включен в состав Афинского союза. Укрепившись в Навпакте, афиняне могли в любой момент перерезать морской путь, связывавший Коринф с западными городами.

В 435–433 гг. до н. э. афиняне ловко вмешались во внутреннюю борьбу, которая разгорелась между жителями большого острова Керкиры (совр. Корфу) и его колонией на адриатическом берегу – Эпидамном, заключили союз с Керкирой и приняли этот богатый остров и состав Афинского морского союза. Эта акция означала большой успех афинской западной политики. Дело в том, что через Керкиру проходил основной морской путь из Греции на Сицилию и этот остров издавна был под контролем Коринфа. Кроме того, Керкира располагала крупным флотом (около 120 боевых триер – третий по величине после Афин и Коринфа греческий флот), что резко усиливало военное могущество Афинского союза. Закрепившись на путях в Великую Грецию, Афины сделали попытку проникнуть в Южную Италию и Сицилию. В 443 г. до н. э. афиняне решили основать общегреческую (т. е. из граждан разных городов) колонию на месте разрушенного Сибариса. Было собрано достаточное количество колонистов, причем на новое место пожелали выехать такие выдающиеся деятели греческой культуры, как историк Геродот, архитектор и градостроитель Гипподам, только что перестроивший Пирей, софист Протагор, предложивший свои услуги для со-

ставления законов нового города, знаменитый философ Эмпедокл. По запросу из Афин дельфийский оракул дал благоприятное предсказание, которое идеологически подготавливало основание нового города. Колония была основана в 443 г. до н. э. и получила название Фурии. По замыслу Афин, она должна была стать своего рода оплотом афинского влияния в Южной Италии. Афинам удалось заключить союзные договоры, т. е. включить в союз южноиталийский Регий на берегу Мессинского пролива и город Леонтины в Сицилии.

Руководители афинской демократии, развивая внешнеполитические успехи по укреплению политического влияния в греческом мире и желая закрепить свое руководство среди греков, выдвинули идею созыва общеэллинского конгресса. «Перикл, – говорил Плутарх, – желая еще более пробудить народную гордость и внушить гражданам стремление к великим делам, внес в Народное собрание предложение о том, чтобы все эллины, где бы они ни жили, в Европе или Азии, в малых городах или больших, послали на общий съезд в Афины уполномоченных для совещания об эллинских храмах, сожженных варварами, о жертвах, которые они должны принести за спасение Эллады по обету, данному богам, когда они сражались с варварами, о безопасном для всех плавании по морю и о мире. Для этой цели афиняне послали двадцать человек в возрасте свыше 50 лет... Послы уговаривали эллинов прийти в Афины и принять участие в совещаниях о мире и общих действиях Эллады». Созыв общеэллинского конгресса в Афинах, находящихся на вершине внешнеполитических успехов, был бы выгоден, прежде всего, Афинам, усилил бы их политическое влияние в Греции, приучая эллинов к мысли, что их город – признанный лидер греческого мира. Естественно, Спарта и Пелопоннесский союз выступили против, были предприняты ответные меры, и конгресс не состоялся.

Продвижение Афин в западном направлении было смертельно опасно для Коринфа, вело к изоляции Спарты и наносило сильнейший удар по Пелопоннесскому союзу в целом. Ни Спарта, ни Коринф не могли с этим мириться и предпринимали самые энергичные меры, чтобы противодействовать афинским инициативам. Пелопоннесцы искали пути ослабления Афинской державы, поддерживая олигархические кру-

ги среди союзников, подогревали недовольство оппозиционных элементов финансовой эксплуатацией афинян, побуждали к выходу из союза. Спартанцам удалось склонить к выходу из Афинского союза очень важный в стратегическом отношении полис Мегары, запиравший проходы из Пелопоннеса в Среднюю Грецию. Попытки Афин вернуть Мегары в состав союза не привели к успеху. Благодаря проискам Коринфа один из полисов на Халкидике, город Потидея, в 432 г. до н. э. вышел из союза и афиняне законно опасались, как бы этому примеру не последовали жители северного побережья Эгейского моря. Но особенно энергичные усилия противостоять афинской экспансии были предприняты Коринфом в Великой Греции. Основанный под руководством Афин новый город Фурии так и не превратился в их плацдарм, поскольку пелопоннесцам удалось укрепить здесь свое влияние. Афинские союзники Регий и Леонтины были нейтрализованы сплочением сицилийских городов во главе с Сиракузами, где преобладали антиафинские настроения, и потому возможности афинского вмешательства здесь оказались незначительны. С другой стороны, Спарта расширяла зоны своего влияния, включая в Пелопоннесский союз новых членов в Средней Греции: полисы Беотии, Фокиды, Северной Дориды, острова Левкады. Большая часть Средней Греции стала зоной спартанского влияния. Однако в целом можно говорить о большей активности и успешных внешнеполитических инициативах Афинской державы. Руководящие круги пелопоннесцев начинают понимать, что дипломатическими и политическими средствами они не смогут остановить растущее афинское могущество. К концу 30-х годов V в. до н. э. на повестку дня ставится вопрос о войне между Афинской державой и Пелопоннесским союзом.

Существование в Греции двух разных по своему устройству и социально-политической ориентации военно-политических блоков греческих полисов и нарастание противоречий между ними неизбежно вело к войне. Война между Афинским и Пелопоннесским союзами, вспыхнувшая в 431 г. до н. э. и продолжавшаяся 27 лет, получила название Пелопоннесской войны. Она была вызвана несколькими серьезными причинами: экономическими, социальными и политическими. В об-

ласти экономики Афины и большинство их союзников стремились к развитию интенсивных форм экономики, ремесленного производства, товарного хозяйства, торговли. Спарта и большинство ее союзников, напротив, ориентировались преимущественно на сельское хозяйство, натуральное производство. В функционировании интенсивных форм экономики были заинтересованы собственники поместий, связанных с рынком, владельцы ремесленных эргастериев и торговых кораблей – именно они извлекали наибольшие выгоды из существования такого обширного политического объединения, каким был Афинский морской союз, в то время как консервативные аграрные круги, владельцы родовых земельных владений, зачастую обрабатываемых не рабами, а зависимыми людьми типа илотов или издольщиков-арендаторов, мало связанные с рынком, не заинтересованные в ремесленном производстве и активной торговле, поддерживали Пелопоннесский союз и Спарту. В политической сфере противоречия Афин и Спарты были еще более острыми: Афины рассматривались в Греции как оплот демократии, опирающейся на широкие круги гражданства, их активную деятельность в Народном собрании. Спарта, напротив, стала центром притяжения всех аристократических элементов с их ориентацией на знатную и богатую верхушку гражданства, представленную в Совете, комплектуемом из узкого круга аристократии. Одним из злейших и непримиримых противников Афин и их политики во второй половине V в. до н. э. был Коринф. Непримиримость эта объяснялась кроме указанных причин еще и острой экономической конкуренцией – Коринф был мощным торгово-ремесленным центром Балканской Греции и имел жизненные интересы прежде всего на западе греческого мира, в Южной Италии и Сицилии. Сюда коринфяне сбывали продукцию своих эргастериев и вывозили отсюда необходимое им зерно, кожи и разнообразное сырье. Пока влияние и власть Афин распространялись в Эгейском бассейне и Причерноморье, Коринф еще мирился с афинской экспансией. Но продвижения Афин на запад, в Великую Грецию, Коринф допустить не мог. Вот почему к концу 30-х годов V в. до н. э. Коринф настойчиво требовал уничтожения Афин военным путем. Спарта, понимая, что война с Афинами, находящими-

ся на вершине своего могущества, будет очень тяжелой, колебалась. Однако угрозы со стороны Коринфа покинуть Пелопоннесский союз, если война не будет объявлена, а также общее ухудшение ситуации для Спарты и реальная угроза со стороны Афин могуществу Пелопоннесского союза делали войну неизбежной. «Истиннейший повод, — писал историк Фукидид, современник и летописец этой войны, — хотя на словах и более скрытый, по моему мнению, состоит в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасения лакедемонянам и тем вынудили их начать войну».

К концу 30-х годов V в. до н. э. указанные выше противоречия достигли особой остроты. В этой напряженной обстановке достаточно было малейшего повода, чтобы вспыхнули военные действия. Ускорили Пелопоннесскую войну три события. Первое было связано с гражданской войной между демократическими и аристократическими группировками на далекой Керкире и в Эпидамне в 435—433 гг. до н. э. В этот конфликт оказались втянутыми как Коринф, так и Афины, так как воюющие группировки обратились соответственно за помощью к тому и другому городу. Но если обращение к Коринфу считалось естественным, поскольку Керкира и Эпидамн были коринфскими колониями, то вмешательство Афин рассматривалось как совершенно необоснованное и вызвало крайнее раздражение Коринфа.

Второе событие было связано с афинскими санкциями против соседнего города Мегары. Этот торгово-ремесленный центр был некоторое время в составе Афинского морского союза, но вышел из него и переметнулся на сторону пелопоннесцев, хотя продолжал торговать изделиями своего ремесла и сельского хозяйства на рынках Аттики и ее союзников. Афины некоторое время сквозь пальцы смотрели на такую торговлю, но в 432 г. до н. э. приняли постановление (так называемая мегарская псефизма), запрещающее ввоз мегарских товаров на рынки Афин и их союзников. Такой запрет наносил страшный удар по экономике Мегар, которые превратились в злейшего врага Афин и всячески настаивали на объявлении большой войны.

И третье. Если вмешательство Афин в керкирские события и мегарская псефизма были наступательными акциями

Афин, то их противники, прежде всего Коринф со своей стороны, спровоцировали выход из Афинского союза одного из крупных городов полуострова Халкидики – Потидеи, на усмирение которой Афины были вынуждены послать солидный флот и сильный отряд гоплитов (432 г. до н. э.). Эти отдельные малозначительные столкновения показывали, что мирное разрешение спорных вопросов невозможно. И афиняне и пелопоннесцы ясно понимали, что война неизбежна, и стали активно готовиться к ней.

Обе стороны располагали большим военно-экономическим потенциалом: ведь многие полисы Греции были вовлечены в состав или Пелопоннесского, или Афинского союзов, а в распоряжении Афин и Спарты находились их военные силы и средства. Пелопоннесский союз мог выставить хорошо тренированную сухопутную армию в 60 тыс. гоплитов и около 300 кораблей. Афины со своей стороны располагали прекрасно оснащённым флотом в 400 триер, сухопутная армия насчитывала около 32 тыс. гоплитов и 1200 всадников. В совокупности это были внушительные вооружённые силы. Никогда ещё со времен греко-персидских войн не было занято в боевых операциях столько воинов и кораблей. Каждая воюющая сторона разрабатывала планы ведения войны, исходя из структуры своих вооружённых сил. Располагая прекрасно обученной сухопутной армией, спартанское командование предполагало организовать вторжение на территорию Аттики, выманить из-под крепостных стен афинских гоплитов и разгромить их в решительном сражении. Уничтожение сухопутной армии и разорение территории Аттики должно было обескровить Афины и поставить их в крайне тяжелое положение. Планы афинских руководителей были иными. Прекрасно понимая, что их гоплиты уступают спартанским в выучке и численности, афинские стратеги, прежде всего Перикл, предполагали отвести их за крепкие стены города и не принимать навязываемого спартанцами решительного сражения. Основной же ударной силой должен стать хорошо оснащённый афинский флот, который, имея на борту сильные отряды гоплитов, должен был блокировать Пелопоннес с моря, высаживая десанты в наиболее уязвимых местах, захватывать соседние острова и громить врага там, где он не ожидает нападения.

Пелопоннесскую войну принято делить на два основных периода: первый — так называемая Архидамова война (431—421 гг. до н. э.), второй—Сицилийская экспедиция и Декелейская война 415—404 гг. до н. э. В 421—415 гг. соблюдалось перемирие. Особенностью Пелопоннесской войны в целом было ведение военных действий одновременно в разных областях Греции: в районе Эгейского бассейна, на Пелопоннесе, в Средней Греции, в западных областях, а также в Сицилии. Так как силы противников были приблизительно равны, то военные действия отличались особым ожесточением, велись на пределе сил, а чаша весов постоянно колебалась то в ту, то в другую сторону.

3. Архидамова война 431—421 гг. до н. э.

Свое название этот период войны получил по имени спартанского царя Архидама, командующего объединенной пелопоннесской армией. Военные действия начались сразу в нескольких местах; в Беотии, самой Аттике и на полуострове Халкидика. Собственно говоря, Пелопоннесская война началась неожиданной атакой союзников Спарты, фиванцев, на небольшой городок Платой, расположенный в Беотике, но входивший в состав Афинского морского союза. Однако разовым штурмом Платеи взять не удалось, им была оказана со стороны Афин своевременная помощь и осада затянулась на добрых пять лет.

Основное войско пелопоннесцев, насчитывающее 60 тыс. человек, во главе с царем Архидамом, исполняя заранее разработанный план, вторглось на территорию Аттики. «Афиняне, — писал Фукидид, — стали переселять с полей в город женщин и детей и перевозить остальную движимость... уничтожали даже деревянные части своих жилищ, мелкий скот и вьючных животных они переправили на Эвбею и другие прилегающие острова». Пелопоннесцы стали разорять сельскую территорию Аттики, жечь посевы, вырубать плодовые деревья и виноградники, стремясь выманить неприятеля на решительное сражение.

Перикл и руководящие круги Афин предвидели такой оборот событий. Большая часть населения Аттики была надежно укрыта за мощными стенами Афин, неприступных для спартанцев (у спартанцев не было опыта осады крепостей, тем более таких, как афинский укрепленный район). Через порт Пи-

рей афинское население получало необходимое продовольствие и снаряжение от союзников, а более слабый пелопоннесский флот не мог этому помешать. Правда, от опустошения аттических земель тяжело страдали крестьяне, но основное торгово-ремесленное население Афин спокойно относилось к такому развитию событий. После месячного пребывания в Аттике Архидам со своим войском возвратился в Пелопоннес. В последующие годы, вплоть до 427 г. до н. э., спартанцы регулярно (исключая 429 г. до н. э.) опустошали Аттику, тщетно надеясь вызвать озлобление афинских гоплитов.

Если разорение Аттики, так сказать, предусматривалось военными планами Перикла, то неожиданно вспыхнувшая в 430 г. до н. э. страшная эпидемия сыпного тифа (некоторые ученые считают — чумы) спутала стратегические расчеты афинян. Перикл и афинские руководители не предполагали, что сосредоточение огромного числа беженцев из Аттики в тесном, пыльном, недостаточно снабженном водой городе может вызвать ужасное заболевание. Болезнь свирепствовала до 426 г. до н. э. с небольшими перерывами и унесла в могилу до четверти всего населения, в том числе 4400 гоплитов и 300 всадников. Эпидемия имела серьезные последствия для Афин как в военном, так и в моральном отношении. Вождь афинской демократии Перикл, так много сделавший для укрепления ее могущества, был подвергнут резкой критике и его даже не избрали в 430 г. на должность стратега, более того, он был присужден к большому штрафу. Вскоре он сам стал жертвой эпидемии. «Болезнь имела вредное влияние и на тело и на душу граждан,— писал Плутарх,— они озлобились на Перикла. Как люди, обезумевшие от болезни, оскорбляют врача или отца, так и афиняне стали дурно относиться к Периклу по наущению его врагов, которые говорили, что болезнь эту производит скопление деревенского народа в городе, когда многие в летнюю пору принуждены жить вместе, вповалку, в тесных хижинах и душных сараях». Спарта, воспользовавшись тяжелым положением Афин, предпринимала все усилия по разложению Афинского морского союза и достигла в этом определенного успеха. Еще в 432 г. до н. э. влиятельный на полуострове Халкидика полис Потидея поднял восстание и объявил о выходе из союза.

Афины были вынуждены послать в Потидею сильную эскадру в 70 триер и 3000 гоплитов (затем это количество возросло до 4200), которые в течение 2,5 лет приводили к покорности своего строптивного союзника. Не успели афиняне расправиться с Потидеей, как отпали города на острове Лесбос, одном из самых богатых и сильных афинских союзников (427 г. до н. э.). Лесбосские аристократы отправили послов в Лакедемон, прося помощи и защиты от афинян. Потеря Лесбоса была бы очень сильным ударом, афиняне понимали, насколько опасным был бы для них переход острова на сторону спартанцев. Поэтому были предприняты самые быстрые и решительные действия. Внушительная флотилия в 100 триер была направлена к берегам Пелопоннеса и задержала выход спартанцев на помощь Лесбосу, а тем временем другая афинская эскадра с 1000 гоплитами на борту была направлена к Лесбосу и приступила к осаде его главного города Митилены. Помощь спартанцев опоздала, и после нескольких месяцев осады Митилена пала. Афиняне жестоко расправились с восставшими: были срыты все укрепления на Лесбосе, уничтожен флот, наложена тяжелая контрибуция, часть земли была конфискована и на размежеванных участках поселены 2700 афинских колонистов; 1000 митиленских аристократов и их сторонников как зачинщиков восстания были казнены (при обсуждении вопроса о наказании восставших в афинском Народном собрании чуть не прошло решение о казни всех взрослых мужчин и о продаже в рабство женщин и детей Митилены). Суровые наказания, наложенные на мятежных митиленцев, должны были устрашить афинских союзников, не допустить других восстаний. И действительно, в течение длительного времени афинские союзники сохраняли спокойствие.

Несмотря на тяжелое положение Афин в первое пятилетие войны, они располагали большой военной мощью, сохранили превосходный флот и основные кадры сухопутного войска. Была проведена новая мобилизация, использованы дополнительные средства союзников. В частности, сумма фороса была поднята более чем вдвое, с 600 до 1300 талантов серебра в год. Это вызывало, конечно, недовольство афинских союзников, но, устрашенные свирепой расправой с Лесбосом, они были вынуждены покориться требованиям афинян.

Афинам удалось отразить все нападения своих врагов. Вторжения спартанцев в Аттику так и не увенчались разгромом афинских сухопутных сил, была взята восставшая Потидея (429 г. до н. э.), успешно подавлено восстание на Лесбосе (427 г. до н. э.), маленькие Платеи, хотя и были взяты неприятелем, изрядно измотали большие силы фиванцев; афинянам удалось справиться с последствиями страшной эпидемии сыпного тифа. Более того, Афины успешно претворяли в жизнь планы круговой блокады Пелопоннеса. Еще при Перикле в 431–430 гг. до н. э. внушительные афинские флотилии в 150 триер опустошали побережье Пелопоннеса, на их сторону перешли острова Кефалления и Закинф, захвачен город Соллий в Акарнании, был укреплен город Навпакт, контролировавший западный морской путь Коринфа. В результате успешных действий флота вдоль западного побережья Греции была создана зона афинского влияния, опираясь на которую можно было вести успешные боевые действия в будущем.

Преодоление серьезных затруднений сопровождалось ожесточенной политической борьбой в самих Афинах. Эта борьба разгорелась в Народном собрании между сторонниками решительных наступательных операций, мобилизации всех сил и средств (и прежде всего, союзных городов) на ведение войны, с одной стороны, и представителями другой группировки, которая предлагала ограничиться оборонительными действиями, стремилась к мирным переговорам со Спартой. Во главе первой группировки стоял Клеон, владелец крупного кожевенного эргастерия, представлявший интересы радикально настроенных торгово-ремесленных кругов афинского гражданства. Вторую возглавил один из богатейших землевладельцев Греции Никий (его имущество оценивалось колоссальной для того времени суммой в 100 талантов – 2620 кг серебра). Он выражал интересы богатых аттических землевладельцев и крестьян – зевгитов, не проявлявших интереса к захватам отдаленных территорий и более склонных к развитию своих хозяйств в Аттике. По мере того как преодолевались военные затруднения афинян, радикальная группировка Клеона одерживала верх в Народном собрании.

С 426 г. до н. э. стратегическая инициатива перешла к Афинам, они начали активные военные операции против

Спарты и добились ряда выдающихся успехов. Основным театром военных действий в 426–424 гг. до н. э. стали западные области Греции, в которых Афины укрепили свое влияние в предыдущее пятилетие. В 426 г. до н. э. афиняне при Солах под руководством стратега Демосфена разгромили сильный отряд пелопоннесцев в 3 тыс. гоплитов, одержав первую крупную победу на суше. Победа под Солами укрепила позиции Афин на западе Греции. Развивая наступление, афиняне сделали смелую попытку обосноваться в Сицилии. Они воспользовались приглашением одного из сицилийских городов, Леонтин, и в 427 г. до н. э. направили небольшую эскадру в Сицилию. Здесь, используя помощь своих союзников и прежде всего города Регий, афиняне вели успешные действия против Сиракуз и других пелопоннесских союзников по всему острову. Западная торговля Коринфа и снабжение этого крупного города продовольствием из Сицилии оказались под угрозой.

Однако наиболее сильный удар афиняне нанесли Спарте в ее непосредственных владениях, а именно в Западной Мессении, где находились многочисленные илотские хозяйства. Неожиданно для спартанцев талантливый и энергичный афинский стратег Демосфен захватил местечко Пилос с удобной для стоянки судов гаванью (425 г. до н. э.). К афинянам стали сбегаться окрестные илоты и жители Мессении, недовольные спартанским господством. Это обстоятельство, а также сам факт пребывания крупных афинских сил в 70 км от Спарты представлял огромную опасность. Были немедленно приняты самые решительные меры, из Аттики и других мест отозваны войска для охраны Пелопоннеса, сформирован отборный отряд спартиатов (в него вошли представители самых знатных родов) и послан к Пилосу. Спартиаты захватили небольшой островок Сфактерию, запирающий гавань Пилоса, и тем самым отрезали пути к отступлению афинской эскадры. Однако афинянам удалось выиграть морской бой и штурмом захватить гарнизон спартиатов, укрывшийся на Сфактерии. Впервые в истории Греции были захвачены непобедимые и никогда не сдававшиеся в плен спартиаты. 292 гоплита, в том числе 120 знатных спартиатов, были переправлены в Афины, Пилос прочно удерживался афинянами, превратившими его в основную базу для боевых дейст-

вий в Пелопоннесе. В 424 г. до н. э. афиняне захватили стратегически важный остров Киферу, к югу от Лаконики. Захват Киферы был вершиной их военных успехов. Положение Спарты резко ухудшилось. «Война с неотвратимой быстротой, – писал Фукидид, – надвигалась со всех сторон... Никогда еще в военных предприятиях лакедемоняне не обнаруживали такой нерешительности... Многочисленные случайности судьбы, неожиданно обрушившиеся за короткое время на лакедемонян, повергли их в величайший страх». Спарта срочно запросила мира. В Афины были направлены послы, но мирные предложения Спарты были отвергнуты. Афины надеялись, что окончательная победа не за горами.

Однако афиняне недооценили огромный потенциал Пелопоннесского союза, не могли предположить, что в условиях серьезных неудач спартанцы и их союзники предпримут новые энергичные усилия, выработают иную стратегию ведения войны и перетянут чашу весов на свою сторону. Переоценка собственных сил дорого обошлась афинянам. Еще в 425 г. до н. э. их подстерегла неудача во время похода против Коринфа. Солидное афинское войско, насчитывающее 2 тыс. гоплитов, 200 всадников и не меньшее количество вспомогательных войск, которых поддерживали 70 триер, высадилось недалеко от Коринфа. Встретившее его коринфское ополчение после ожесточенной битвы оттеснило афинян на корабли и вынудило убраться восвояси. Еще более чувствительное поражение потерпели афиняне в битве у поселения Делий на границе между Аттикой и Беотией в 424 г. до н. э. Афины пытались смелым рейдом против соседней Беотии вывести ее полисы из состава Пелопоннесского союза и поставить под свою гегемонию. Для этой цели был сформирован сильный отряд, насчитывавший 7,5 тыс. гоплитов и около 10 тыс. легковооруженных воинов, несколько сотен всадников. Беотийцы выставили такое же по численности войско, но их конница (около 1000 всадников) превосходила афинскую и по боевой выучке, и по численности. Используя это преимущество, а также применив новую для того времени тактику глубоко эшелонированного построения фаланги в 25 рядов (афиняне имели 8 рядов в глубину), беотийцы наголову разгромили афинян, причем на поле битвы осталось не менее тысячи

только одних гоплитов. Поражение при Делии было самой крупной неудачей Афин за весь период Архидамовой войны.

Успехи афинян на Сицилии в 427–424 гг. до н. э. были достигнуты не столько боевыми действиями небольшого экспедиционного отряда, сколько умелым вмешательством в раздоры соперничающих сицилийских городов. Однако сицилийцы, в том числе и афинские союзники, вскоре осознали опасность вмешательства в их внутренние дела. На собрании представителей всех сицилийских городов в Геле в 424 г. до н. э. между враждующими сторонами был заключен мир, а афинскому отряду предложено удалиться от Сицилии. Не получая помощи из Афин, небольшой афинский отряд не мог действовать самостоятельно и потому был вынужден вернуться на родину. Еще более угрожающее положение для афинян стало складываться на полуострове Халкидика, где находились многие союзные города. Спарта еще со времен отпадения от Афинского союза Потидеи понимала непрочность афинских позиций в этом районе и решила нанести ответный удар. Был сформирован отборный отряд в 1700 гоплитов из илотов, получивших свободу, и добровольцев со всего Пелопоннеса во главе с молодым талантливым полководцем Брасидом, который смелым и неожиданным для афинян маршем прошел через всю Грецию на фракийское побережье Эгейского моря. Проявив незаурядные дипломатические способности, Брасид привлек на свою сторону македонского царя, ряд местных городов, приступил к осаде основного афинского центра на фракийском побережье – города Амфиполя – и после короткой осады захватил его. Потеря Амфиполя сразу поставила под вопрос прочность афинской власти на всем фракийском побережье. Афиняне вынуждены были срочно принимать ответные меры. В Амфиполь был послан с сильным отрядом лидер радикальной группировки Клеон. В ожесточенной битве афинян и спартанцев под Амфиполем в 422 г. до н. э. спартанцы разбили афинян, но в сражении погибли оба полководца – и Клеон, и Брасид. Спартанцы продолжали удерживать Амфиполь, но большего сделать не могли: они понимали бесперспективность дальнейшего продолжения военных действий. К тому же нужно было освободить от афинян Пилос, Киферу, а также воз-

вращать из плена знатных спартиатов. С другой стороны, положение Афин было крайне тяжелым, и они охотно склонялись к мирным переговорам. Вновь усилилось влияние Никия и его сторонников. Он возглавил афинскую мирную делегацию. Мир, получивший название Никиева мира, был заключен в 421 г. до н. э. на условиях сохранения довоенного положения, захваченные друг у друга города возвращались, производился обмен пленными, стороны обязывались не принимать беглых рабов или перебежчиков. Таким образом, он не устранил тех глубоких причин, которые породили Пелопоннесскую войну. Вот почему Никиев мир, хотя и был заключен по договору на 50 лет, на самом деле оказался лишь коротким перемирием. Стороны накапливали силы для возобновления военных действий.

4. Второй период Пелопоннесской войны (415—404 г. до н. э.).

Инициатором возобновления военных действий стали Афины. Располагая огромными возможностями Афинского морского союза, они к 415 г. до н. э. смогли восстановить финансы, пополнить казну необходимыми средствами, прежде всего за счет увеличения флота, укомплектовали новый флот и отряды гоплитов и посчитали себя достаточно подготовленными к продолжению войны. Главным стратегическим направлением было избрано опять-таки западное и, казалось, не без оснований. Ведь позиции Афин в Эгейском бассейне были по-прежнему господствующими, и Спарта даже не помышляла о том, чтобы их подорвать. А вот на Западе положение было сложным. Во время Архидамовой войны Афины создали ряд укрепленных пунктов в западных областях Греции: Кифера, Пилос, Навпакт, Кефалления и Закинф. Керкира обеспечивала прочные позиции Афин вдоль всего морского пути в Великую Грецию. Вопреки мирному договору 421 г. до н. э. Афины так и не вернули Спарте Киферу и Пилос. Вместе с тем Афины рассчитывали использовать вспыхнувшие разногласия между Спартой и Коринфом по поводу заключения Никиева мира (Коринф, а также Беотия резко возражали против заключения мира и проявляли явное недовольство Спартой), надеясь на то, что Спарта не вмешается в сицилийские дела.

Посчитав момент достаточно благоприятным для реализации давнего плана установления своего господства в Южной Италии и Сицилии, Афины начали готовить огромный флот и сильную армию для высадки ее в Сицилии (415 г. до н. э.). Всего в сицилийском походе 415–413 гг. до н. э. принимало участие свыше 200 триер, 10 тыс. гоплитов и 28 тыс. легковооруженных воинов и гребцов. Во главе экспедиции были поставлены лучшие полководцы Афин – Никий, Ламах и незадолго до этого выдвинувшийся способный полководец, но беспринципный политик племянник Перикла Алкивиад. Поводом для вторжения на Сицилию послужило приглашение одного из сицилийских городов – Сегесты – оказать ему помощь в борьбе с соседним Селинунтом и поддерживавших его Сиракуз. Далее перед тщательно подготовленной экспедицией была поставлена более трудная задача – установить афинское господство на всей Сицилии.

Все, казалось, благоприятствовало успеху грандиозного предприятия. Афинская армада беспрепятственно обогнула Пелопоннес, западное побережье Греции и начала движение вдоль берегов Южной Италии. Уже здесь афиняне встретили довольно прохладный прием южноиталийских и сицилийских городов, даже у своих союзников (Регий, Мессана, Катана и др.), напуганных большими силами афинян. Афиняне приступили к осаде главного города Сицилии, Сиракуз, фактически без поддержки местных городов. Однако осада Сиракуз оказалась неудачной, на помощь осажденным прибыл сильный отряд пелопоннесцев во главе с опытным командиром Гилиппом. Положение афинян, находившихся в чужой стране и во враждебном окружении, быстро ухудшалось. Помощь из Афин (65 триер, 1200 гоплитов) положения не изменила. Афинский флот во главе со стратегом Демосфеном был разбит в морском бою в 413 г. до н. э. Сухопутная армия, осаждавшая Сиракузы, блокированная с моря, была вынуждена снять осаду и начала отступление в глубь Сицилии, надеясь выбраться в Афины из какого-либо порта. Однако она была настигнута преследовавшими ее сиракузцами и разгромлена, значительная часть взята в плен. Командующие афинскими войсками Никий и Демосфен казнены, остальные пленные проданы в рабство или отправлены в каменоломни.

Поражение сицилийской армии и флота была настоящей катастрофой, оно стало переломным моментом Пелопоннесской войны. Прежде всего велики были прямые военные потери: погибли 200 превосходных триер, т. е. две трети всего афинского флота, 10 тыс. гоплитов, т. е. одна треть всего гоплитского ополчения, множество легковооруженных воинов и гребцов, истрачены колоссальные финансовые средства. Сицилийская катастрофа обернулась и тяжелыми политическими последствиями. Рухнула вся западная стратегия Афин, с таким трудом проводимая в предшествующие десятилетия: афинской экспансии в западном направлении пришел конец. Влияние Афинской державы в греческом мире резко упало. Вместе с тем неудача в Сицилии привела к дискредитации экспансионистской политики радикальной демократии, представленной торгово-ремесленными кругами афинского гражданства и росту политического авторитета олигархии, выражающей интересы земельной знати и части аттического крестьянства. В Афинах организуются тайные общества (так называемые гетерии), которые начинают готовить открытые выступления против существующего демократического строя.

После сицилийской катастрофы стратегическая инициатива перешла к Спарте. В связи с изменением военно-политической ситуации в Спарте был разработан новый план ведения войны. Вместо кратких, но малоэффективных походов в Аттику спартанцы занялись созданием здесь опорной базы (ею стал поселок Декелея в 22 км к северу от Афин). Там был оставлен небольшой гарнизон, который совершал набеги на окрестности, поддерживая постоянное напряжение и в Аттике, и в Афинах. К спартанцам стали уходить афинские рабы, ненавидевшие своих господ. По сообщению Фукидида, за короткий срок в Декелею перебежало более 20 тыс. рабов (из них множество ремесленников из Афин), т. е. от четверти до одной пятой всех аттических рабов. Захват Декелей привел к дезорганизации хозяйства Аттики и Афин, что было для них вторым тяжелым ударом.

Однако могущество Афин было еще достаточно велико, ведь в их распоряжении были силы и средства множества союзников, регулярно выплачивающих форос. Используя их, Афины частично восстановили флот, приступили к тренировкам корабельных команд, провели новую мобилизацию

гоплитов, легковооруженных воинов, гребцов и у себя, и в союзных городах. Афины напоминали легендарную лернейскую гидру, у которой вместо отрубленной головы вырастала новая. Спартанцы понимали, что для полной победы над Афинами нужно решить две задачи: создать собственный боеспособный флот, который мог бы успешно противостоять афинскому, и добиться если не распада, то хотя бы ослабления Афинского морского союза. Но решение этих задач было непростым делом. Прежде всего, нужны были огромные денежные средства на сооружение флота и его содержание, а у Спарты их не было. Не мог их дать и Коринф. В этих условиях Спарта обратилась за военно-политической помощью к Персии, традиционно считавшейся врагом греков.

Для Персии сложилась необычайно выгодная ситуация. Руками Спарты она могла расправиться с могущественными Афинами и уничтожить Афинскую державу, включая и малоазийские греческие города, на которые Персия претендовала еще со времен греко-персидских войн. Вот почему сатрапы Малой Азии по распоряжению царя Дария II охотно пошли навстречу просьбам Спарты оказать ей денежную помощь для строительства и содержания флота. Взамен они потребовали права контроля, т. е. фактически восстановления своего господства над малоазийскими союзниками Афин после уничтожения Афинской державы. Спарта хотя и не дала согласия на эти требования, но и не отвергла их. Уже такая уклончивая позиция Спарты была дипломатическим успехом Персии, с одной стороны, и по существу, предательством Спартой общегреческих национальных интересов — с другой. С 412 г. до н. э. спартанцы и их союзники, используя персидскую помощь, приступили к созданию большого флота. Этот флот должен был действовать в бассейне Эгейского моря — основном театре военных действий. Именно здесь Спарта решила нанести удар по Афинской архе. Ряд афинских союзников использовал такое развитие событий. В 412 г. до н. э. восстал самый крупный афинский союзник Хиос, его поддержали ионийские города Клазомены, Эритры, Теос, Милет. В 411 г. до н. э. вся Иония отпала от Афин. Для поддержки восставших спартанцы направили довольно сильный флот почти в 100 триер, причем одним из его командующих был бывший

афинский стратег Алкивиад, переметнувшийся на сторону Спарты и хорошо знавший все секреты Афин. Положение Афин становилось угрожающим: начался развал морского союза.

В этих крайне тяжелых условиях афиняне проявили незаурядную выдержку, хладнокровие и государственную мудрость. Были разработаны и претворены в жизнь чрезвычайные меры, прежде всего смягчилось отношение к союзникам: отменен форос, многим городам предоставлена большая автономия и оказана максимальная помощь местным демократическим группировкам. Для пополнения пустой государственной казны вместо фороса афиняне ввели 5-процентную пошлину со всех провозимых через проливы товаров. Были мобилизованы все имеющиеся резервы и построены новые корабли. Вновь созданный флот немедленно послали в Ионию для приведения к покорности отпавших городов. Прибытие флота стабилизировало положение в Ионии, новая, более мягкая, политика по отношению к союзникам принесла свои плоды и задержала развал Архэ. Военные неудачи афинян и резкое ухудшение общей обстановки вызвали критику демократических порядков и оживление активности олигархических кругов как в самих Афинах, так и среди союзных городов. Опираясь на созданные тайные общества-гетерии, афинские олигархии организовали в 411 г. до н. э. государственный переворот в Афинах. Реальная власть перешла в руки Совета 400, избранного не путем голосования, а назначенного коллегией из 5 человек (так называемых проэдров). Была изменена конституция Афин. К участию в Народном собрании допускалось лишь 5 тыс. человек, принадлежащих к зажиточным слоям гражданства. Однако даже это небольшое по составу Народное собрание должно было собираться лишь по усмотрению Совета 400. Ликвидировались оплата выборных должностей и участие в суде присяжных — гелиее, отменялся институт «графа параномон». Иначе говоря, отменялись главные конституционные институты афинской демократии. Совет 400 начал преследование сторонников демократии и за несколько месяцев были казнены, брошены в тюрьму или изгнаны из Афин многие лица. Правление 400 вызвало сильное недовольство как в Афинах, так и среди союзников. Стремясь упрочить

свое положение, Совет 400 обратился к Спарте с предложением заключить мирный договор ценой больших уступок. Однако Спарта отвергла это предложение. Террористическое правление олигархов вызвало резкое недовольство афинского флота, действующего в ионийских водах и базирующегося на Самосе. Во главе его стояли стратеги, поддерживающие демократический строй, большая часть корабельного состава – матросы, гребцы набирались среди беднейших граждан и тоже были кровно заинтересованы в тех благах, которые они получали при демократах. Поэтому афинский флот не признал правление Совета 400 и стал действовать самостоятельно. Таким образом, в Афинской державе в 411–410 гг. до н. э. оказалось два правительства: олигархический Совет 400 в Афинах и руководство афинского флота, стоявшего на Самосе. Возникшее двоевластие не могло не вызвать разброда среди афинских союзников. О выходе из Афинской державы и переходе на сторону Спарты заявили города на соседнем с Аттикой богатом острове Эвбея и особенно города, расположенные в проливах. Потеря контроля над проливами могла стать смертельным ударом для Афин: ведь взимаемые 5% пошлины с провозимых товаров составляли основной доход афинян, через проливы шло необходимое продовольствие и снаряжение из Причерноморья. В проливы срочно была направлена большая часть афинского флота, базирующегося на Самосе. Одним из его командующих стал все тот же Алкивиад, который теперь поссорился со спартанцами и перешел на сторону Афин. Более того, Алкивиад установил связи с одним из персидских сатрапов Тиссаферном, который начал помогать афинскому флоту. Политика сатрапа была ясна: не допустить опасного для персидских интересов усиления Спарты, противопоставить ей слабеющие Афины.

Афинскому флоту, прибывшему в проливы, удалось нанести два чувствительных поражения пелопоннесским эскадрам при Абидосе (411 г. до н. э.) и Кизике (410 г. до н. э.) и восстановить господство над проливами. Вновь стала пополняться государственная казна за счет сбора 5-процентной пошлины, пошло продовольствие из Причерноморья. Эти военные успехи афинского флота, во главе которого стояли де-

мократические элементы, привели к низвержению олигархического Совета 400 и полному восстановлению демократических порядков в самих Афинах. Было вновь достигнуто единство в центральном афинском руководстве, поддерживалось спокойствие среди большей части союзников. Такое развитие событий стало беспокоить Спарту и, конечно, не могло устроить Персию. Финансирование афинского флота было прекращено, щедрые субсидии вновь предоставлены Спарте. Спартанский флот во главе с талантливым полководцем и дипломатом Лисандром начал активные действия против афинян в Ионии и проливах, наиболее уязвимых пунктах Афинской державы. Хотя афинскому флоту удалось нанести серьезное поражение спартам в битве при Аргинусских островах (406 г. до н. э.), уничтожив свыше 70 неприятельских триер, но это была последняя победа. Силы и средства афинского государства были исчерпаны, поддерживать свое господство над союзниками Афины уже не могли, проливы контролировались пелопоннесским флотом, во многих городах и самих Афинах вновь поднимали голову олигархи. Попытка крупного афинского флота (180 триер), собранного последним напряжением сил, изменить положение в проливах не увенчалась успехом. В условиях общей деморализации и падения дисциплины, разброда среди командования наспех собранный афинский флот попал в ловушку, приготовленную ему Лисандром, и был почти полностью уничтожен (сражение при Эгоспотамосе, 405 г. до н. э.). У Афин не было больше ни флота, ни воинов, ни денег, ни надежд на спасение. Город был осажден с моря и суши и через несколько месяцев безнадежной осады капитулировал на милость победителя (404 г. до н. э.). Спарта продиктовала суровые условия мира: распукался Афинский морской союз и его органы, уничтожался весь флот — основа боевой мощи Афин, они лишались укреплений, срывались «длинные стены» и оборонительные сооружения Пирея, в Афины возвращались все изгнанники, главным образом противники демократии, демократический строй уничтожался и власть передавалась 30 правителям, угодным Спарте. Могущественные Афины, руководившие делами почти всей Греции накануне Пелопоннесской войны, в конце ее превратились в один из рядовых полисов Эллады.

В чем причины поражения Афин в Пелопоннесской войне? Они коренятся в непоследовательности афинской демократии, переоценке ее сил и в ограниченных возможностях полисного строя как такового. Афинская морская держава была прогрессивным военно-политическим и экономическим объединением в Греции V в. до н. э., но Афинам не удалось преодолеть сепаратизма входивших в состав морской державы полисов, а это ослабляло морской союз в целом. Сама афинская демократия имела слишком узкую социальную базу, афинское гражданство, на которое выпали основные, тяготы военных походов и сражений, было немногочисленным. Гибель многих граждан вела к военному и политическому ослаблению Афин.

Внешнеполитические успехи афинской демократии в 40–30-х годах V в. до н. э. вскружили голову афинским руководителям, привели к выработке авантюристической агрессивной политики, которая оказалась не обеспеченной достаточными материальными, политическими и военными средствами и привела к противопоставлению Афин почти всей Греции и в конечном результате к поражению. Определенную роль в поражении Афин сыграла финансовая помощь Спарте со стороны Персии, заинтересованной в ослаблении греческого мира в целом.

В. И. Кузицин

Лекция 8. Кризис греческого полиса. Греция в первой половине IV в. до н. э.

Вопросы:

1. Социально-экономическое положение.
2. Возрастание социальной напряженности в Греции IV в. до н. э.

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 5. Гл. 1, 3, 4.

1. Социально-экономическое положение.

Разрушительная Пелопоннесская война оказала большое воздействие на положение греческих полисов в первой поло-

вине IV в. до н. э. Поражение Афин и роспуск такого экономического и политического объединения, как первый Афинский морской союз, опять ввергли Грецию в состояние раздробленности, привели к разрыву сложившихся экономических связей, к необходимости их переориентации. Война, одна из самых кровопролитных в греческой истории, привела к колоссальной растрате материальных и людских ресурсов, денежных средств, гибели больших ценностей. Безжалостно вырубались оливковые рощи и виноградники, сжигались посевы, были разрушены многие города (например, Платей), Только за 5–6 лет войны Афины истратили огромную сумму в 10 тыс. талантов, которую они накапливали в течение двух десятилетий. Война привела к гибели большого количества людей, особенно среди гражданской прослойки населения, на которую выпали основные тяготы военной службы как в гоплитском ополчении, так и на флоте. Только от эпидемии сыпного тифа, терзавшего Афины, умерло не менее четверти населения, в сражении при Делии погибло не менее 3 тыс. человек, после катастрофы в Сицилии потери Афин составили около 10 тыс. гоплитов и около 30–40 тыс. гребцов, легковооруженных воинов и матросов. Конечно, такие потери не могли не сказаться на состоянии всего комплекса социально-экономических и политических отношений. Нужно было восполнять поредевшие ряды гражданства, владельцев земельных участков, ремесленников и мелких торговцев, участников народных собраний, членов гелиеи, многочисленных выборных магистратур. При замкнутом характере полиса, не допускавшем широкую раздачу гражданских прав метекам и иностранцам, и невысокой рождаемости эта проблема могла решаться с большими трудностями.

С начала IV в. до н. э. можно говорить о заметном увеличении количества рабов, о широком проникновении рабского труда в сельское хозяйство, ремесленные мастерские, различные торговые предприятия. Проникновение рабства в афинскую экономику привело к общему укрупнению производства, распространению рабовладельческих поместий в 20–25 га с контингентом в 1,5–2 десятка человек, эргастериев с персоналом в 2–3 десятка рабов и более. Такое положение было характерным не только для Афин, но и для других полисов Греции.

Огромные разрушения и растрата материальных ресурсов во время войны требовали их восстановления. Нужно было вновь сажать оливковые рощи и виноградники, возводить дома и постройки, возрождать разрушенные города. Как Пелопоннесская война, так и многочисленные войны IV в. до н. э. требовали постоянного пополнения нового оружия, кораблей и разнообразного снаряжения. Все это не могло не служить стимулом для развития греческой экономики в целом. Исследование состояния хозяйства Греции в IV в. до н. э. показывает, что оно находилось на подъеме: было восстановлено и успешно развивалось сельское хозяйство, особенно оливководство и виноградарство, в многочисленных эргастериях производилась разнообразная продукция, считавшаяся одной из самых качественных в тогдашнем мире, особого размаха достигли торговые операции, которые охватывают теперь все Средиземноморье и Причерноморье. Новые импульсы для расцвета греческой экономики дало проникновение рабского труда в разные сферы производства и создание относительно крупных рабовладельческих хозяйств, поместий в сельской местности и эргастериев в городах. Удельный вес в экономике таких хозяйств в IV в. до н. э. значительно возрос по сравнению с V в. до н. э. Более того, рабский труд в большей степени, чем раньше, начинает применяться в зевгитских, т. е. зажиточных, крестьянских хозяйствах, в которых 1–2 раба трудятся на полях вместе с семьей самого земледельца.

Во время военных действий происходило известное перераспределение богатств: земли, рабов, денежных средств, их концентрация у одних и потеря другими, та наметившаяся в V в. до н. э. имущественная дифференциация, расслоение внутри полисного коллектива граждан на богачей и бедняков было усилено за счет развития рабовладельческих отношений в IV в. до н. э. Собственники поместий и крупных эргастериев заводили рентабельные хозяйства, имели приличные доходы. Получила распространение такая форма накопления богатства, как сдача денег в займы под ростовщические проценты; особенно они были велики, если давались владельцам кораблей, ведущим торговлю с далекими странами (в таком случае процент на одолженный капитал иногда достигал 30% и более). Богачи, располагающие крупными партиями рабов,

зачастую предпочитали сдавать их в наем какому-нибудь предпринимателю, получая твердую плату за их использование. Иногда господин предоставлял в распоряжение раба некоторые средства, помещение и позволял ему жить отдельно и работать в мастерской, выплачивая за это своего рода оброк. Некоторые из таких работающих на оброке рабов всеми правдами и неправдами старались скопить небольшие средства и выкупиться на свободу, становясь вольноотпущенниками.

В Афинах и других торгово-ремесленных центрах Греции возрастает значение прослойки вольноотпущенников среди населения полиса, увеличивается их удельный вес в различных отраслях экономики. В частности, они проникают даже в земледелие — исконное занятие полноправных граждан, арендуя земли, которые владельцы по каким-либо причинам не могли обрабатывать сами и предполагали сдавать их в аренду предприимчивым людям.

Одним из проявлений экономического оживления в Греции IV в. до н. э., внедрения во многие отрасли рабского труда явилось укрепление товарного производства, интенсификация торговли и денежного обращения. В поместьях и эргастериях занятые там рабские контингенты производили продукции значительно больше, чем это требовалось для собственного потребления, и эти довольно значительные излишки шли на внутренний городской рынок и на рынки других полисов. В IV в. до н. э. рост хозяйственной активности, появление товарной продукции способствовали развитию не только внутриволисной, но и межполисной торговли. Греческая экономика уже не могла замыкаться в узких рамках небольших и ограниченных по своему экономическому потенциалу полисов. Для нормального функционирования экономики необходимо было создание если не политического, то во всяком случае известного экономического единства, обеспечивающего обмен товарами и сырьем, приток рабов, охрану торговых путей, что далеко не всегда было возможно в условиях полисной раздробленности. Большой размах межполисной торговли и развитие товарного производства в целом привели к интенсификации денежного обращения. Количество денег, чеканенных в IV в. до н. э., в греческом обществе резко возросло по сравнению с V в. до н. э. В обращение бы-

ло пущено не только серебро, добытое в новых рудниках Лавриона, Пангея, Фракии, Лидии, но и запасы драгоценной утвари, хранившейся в храмах. Большое количество денег было выпущено на греческий рынок из персидской казны.

Персидский царь стал активно вмешиваться в греческие дела уже в конце Пелопоннесской войны и продолжал свою политику в первой половине IV в. до н. э., подкрепляя ее значительными денежными субсидиями, распределяемыми среди проперсидских элементов.

Как известно, Афины истратили огромные денежные суммы на многие свои военные предприятия, а победительница Спарта, напротив, за счет добычи, персидских субсидий создала солидные валютные накопления. Греческий оратор Исократ исчисляет общую сумму денег, полученных разными спартанскими военачальниками только от Персии, в 5 тыс. талантов. Не меньшее количество денег было захвачено спартанцами во время ограбления афинских союзных и других городов. В обозе спартанского наварха Лисандра везли сотни золотых венков, «подаренных» ему греческими городами за их «освобождение». Нужда в деньгах заставляла переплавлять и чеканить деньги из храмовых сосудов и другой священной утвари (статуй и статуэток, подаренных в храмы, и др.). Так, в трудные времена Пелопоннесской войны афиняне переплавили большую часть сокровищ, хранившихся в Парфеноне (свыше 6 тыс. талантов). В IV в. до н. э. к таким акциям прибегал тиран Сиракуз Дионисий, тиран Фер Ясон в Фессалии. Жажда золота приводила к совершению таких тяжчайших, с точки зрения полисной морали, преступлений, как разграбление общеэллинских святынь. В 364 г. до н. э. аркадяне захватили и обобрали храм Зевса в Олимпии, где совершались жертвоприношения во время Олимпийских игр. В 356 г. до н. э. фокидяне захватили и вывезли храмовые богатства другой общегреческой святыни — храма Аполлона в Дельфах (10 тыс. талантов). На эти деньги фокидяне смогли набрать армию наемников в 20 тыс. человек.

Деньги становятся престижной формой богатства, наряду с земельными владениями. Более того, ряд землевладельцев предпочитали продавать земельные участки, чтобы иметь наличные деньги: их было легче скрыть от налогообложения и

взоров сограждан в смутные времена, их отдавали в рост и получали без хлопот неплохие проценты, легко делили среди наследников и т. д. В IV в. до н. э. появляются богачи, располагающие внушительными капиталами в несколько десятков талантов, в то время как в V в. до н. э. таких было буквально единицы. Теперь среди богачей были не только знатные граждане, но и метеки, иностранцы, не имеющие гражданских прав, как правило, занимающиеся ремеслами и торговлей, люди предприимчивые, энергичные, мало связанные ограничительными правилами, которые накладывались в полисе на граждан (обогащение за счет ростовщичества, некоторых видов торговли и ремесел в ряде полисов считались недостойными гражданина).

Особенно одиозным источником быстрого обогащения не только для метеков, но и для некоторых граждан была спекуляция хлебом. В крупных торгово-ремесленных центрах, таких, как Афины, Коринф, Мегары его, как правило, не хватало. Приходилось привозить зерно издалека: из Северного Причерноморья (особенно из Боспорского царства), из богатых хлебом сицилийских городов. Однако перевозки зерна на маловместительных и тихоходных судах, двигавшихся вдоль извилистых берегов, были делом ненадежным и часто вызывали перебои в снабжении населения хлебом. Это приводило к колебанию цен на хлебном рынке и разгулу спекуляции. Многие беззастенчивые дельцы создавали на этом крупные состояния. Полисные власти пытались бороться с махинациями. Так, в Афинах количество надзирателей за правилами хлебной торговли и ценами возросло с 10 до 35. «Они наблюдают, — писал Аристотель, — прежде всего за тем, чтобы на рынке зерновой хлеб продавался добросовестно; далее, чтобы мельники продавали ячменную муку в соответствии со стоимостью ячменя, а булочники пшеничный хлеб — в соответствии с ценой пшеницы, и притом булки имели такой вес, какой они им укажут. Закон велит надзирателям устанавливать это». Хлебная торговля жестко регламентировалась. Привозившие на кораблях большие партии зерна оптовые торговцы должны были продавать его под наблюдением надзирателей мелким торговцам прямо в порту, но не более чем 50 медимнов (около 2 т) в одни руки, и мелкие торговцы

должны вести торговлю по установленным правилам. Однако ловкие хлебные спекулянты находили много способов обходить установленные правила продажи. Горожане их люто ненавидели. «Их интересы, — писал Лисий, — противоположны интересам других: они больше всего наживаются тогда, когда при известии о каком-нибудь государственном бедствии продают хлеб по дорогим ценам. Ваши несчастья так приятно им видеть, что иногда они о них узнают раньше всех, а иногда и сами их сочиняют: то корабли наши в Понте погибли, то они захвачены спартанцами при выходе из Геллеспонта, то гавани находятся в блокаде, то перемирие будет нарушено... Когда вы все более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были рады купить у них хлеба по какой ни на есть цене. Таким образом, иногда во время мира они держат нас на осадном положении». Хлебная спекуляция и трудности в обеспечении зерном были источником серьезных внутренних конфликтов в Афинах, вместе с тем они показывали слабые возможности полисной администрации решить этот важный экономический вопрос.

Общему оживлению товарного обращения и интенсификации торгово-кредитных операций в IV в. до н. э. способствовало вовлечение в товарный оборот земельной собственности. Владение земельным участком было основой для юридического оформления гражданского статуса, определяло полноправие гражданина, его участие во всех делах своего полиса. Граждане должны были обрабатывать и сохранять свою землю, передавать потомкам. Операции купли-продажи земли могли повлечь за собой потерю земельных владений и обезземеливание граждан, что вело к лишению прав гражданина. Поэтому торговые операции с землей были сильно ограничены в эпоху, предшествующую Пелопоннесской войне. Однако в IV в. до н. э. положение изменилось: резко возросло количество сделок по купле-продаже земельных участков. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о положении в Афинах в первой половине IV в. до н. э. показывают, что в товарный оборот поступают земли не только низших разрядов гражданства, но и средних и крупных землевладельцев: на афинских полях ставятся многочисленные закладные кам-

ни, так называемые хорой, в записях полетов (специальных должностных лиц) о продаже конфискованного имущества и взыскании однопроцентной пошлины при продаже государственной земли частным лицам постоянно упоминаются разные по размерам земельные участки. Значительная часть афинского гражданства теряет связь с землей и сельским хозяйством и живет уже по-городскому. Закономерным результатом частых земельных сделок была концентрация земельной собственности в руках одних владельцев и обезземеливание других. Количество зевгитских хозяйств, средней прослойки афинского гражданства, основы гоPLITского ополчения, сокращается, в IV в. до н. э. оно вряд ли превышает 5 тыс. человек. Видимо, не случайно в ряде проектов политического переустройства афинского демократического строя выдвигалось предложение ограничить число политически полноправных граждан цифрой в 5 тыс., а иногда и в 3 тыс. человек, обладающих цензом зевгита. Еще более резкие формы обезземеливание граждан приняло в консервативной Спарте. Там численность спартиатов, владельцев полного клера, сокращается с 5 тыс. в V в. до н. э. до 1,5 тыс. в первой половине IV в. до н. э. Аналогичные процессы происходили также в Беотии, Фессалии и других городах Греции.

Включение земельной собственности в активный товарный оборот и связанная с этим возможность, с одной стороны, концентрации земли и, с другой — обезземеливание граждан, вело к подрыву основного принципа полисной жизни, а именно неразрывного единства понятия гражданина и земельного собственника. В IV в. до н. э. можно было быть полноправным гражданином, но не иметь земли, заниматься ремеслами и торговлей, принимать самое деятельное участие в политической жизни. В то же время предприимчивые метеки и иностранцы, не имевшие гражданских прав и тем самым права владеть земельным участком, в IV в. получают возможность обойти это положение и начинают заниматься земледелием, организацией земледельческих хозяйств, широко используя право на аренду земельных участков. Расширение аренды в греческих полисах IV в. до н. э. и ее активное использование метеками и вольноотпущенниками — свидетельство активности и повышения экономической роли этих слоев населения в жизни полисов.

Накопление богатств и численный рост прослойки богачей, собственников крупных состояний в виде земельных владений, домов, ремесленных мастерских, кораблей, денежных средств и партий рабов приводили к обеднению других слоев населения. В греческих полисах и в V в. до н. э. самой многочисленной прослойкой среди гражданства были феты. В IV в. до н. э. их численность возросла за счет разорения или гибели в многочисленных войнах представителей относительно зажиточной категории зевгитов, служивших в голлитах. Среди фетов появляется значительное число лиц, лишенных средств и вынужденных жить нищенством. Часть неимущего населения, потерявшего землю, могла обеспечить свое существование, подавшись в ремесленные мастерские, подрядившись на строительство зданий и храмов, в портовые работники, матросы. В условиях растущего применения рабов, распространения рабовладельческих эргастериев и поместий простой неквалифицированный труд считался рабским занятием. «Ремесленники считаются, — пишет Кинофонт, — непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества. А в некоторых городах, особенно в тех, которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслами». Поэтому разорившиеся и неимущие граждане, численность которых постоянно возрастала, не обнаруживали большого желания заниматься производительным трудом, предпочитая не работать, а жить за счет государства, своего полиса, что в корне подрывало традиционные полисные представления о необходимости для гражданина иметь свое хозяйство и быть усердным работником. В ряде греческих полисов появляется особая социальная прослойка неимущих и не желающих трудиться граждан, которых можно назвать люмпен-пролетариатом. Эти голодные, безработные люди, обладающие правами гражданства, голосующие в Народном собрании и участвующие в работе выборного суда, представляли беспокойную, легко возбудимую массу, которая была источником постоянных конфликтов и столкновений в греческих городах. Зачастую неимущие люди покидали свой город, отправлялись на чужбину, завербовавшись в наемники к удачливому и располагающему средствами полководцу или варварскому царю. Большое ко-

личество греков служило в наемниках у персидского царя или его сатрапов. Развитие наемничества – характерная черта греческого общества IV в. до н. э. Если в V в. до н. э. основой греческой военной организации было ополчение, состоящее из самоэкипирующихся граждан-гоплитов, то в IV в. до н. э. его роль уменьшается и все большее значение приобретают отряды наемников, служащие за денежную плату и состоящие из профессиональных воинов, происходящих из жителей разных городов, как правило, на своей родине неимущих и обездоленных. Теперь они защищают интересы других полисов, отдают свои жизни за чужие интересы, но получают за это соответствующее содержание, часть военной добычи.

Широкое внедрение наемничества было связано не только с обнищанием широких масс гражданства и трудностями комплектования гоплитского ополчения. Многочисленные войны IV в. до н. э. показали профессиональную слабость таких ополченцев: собираемые от случая к случаю, они не имели достаточной выучки, были слабо дисциплинированы, с неохотой уходили от своих хозяйств в далекие походы. Наемники были профессионалами, знатоками военного дела, имели хорошую выучку, поддерживали строгую дисциплину, были мобильны и могли быть отправлены в самые отдаленные области, к тому же они не были связаны с разными политическими группировками и соблюдали известный нейтралитет во время политических дебатов и столкновений. В Греции появляются специальные места, своего рода рынки, куда сходились наемники с предложением услуг богатому покупателю. Такие сходки-рынки были на мысе Малей в южной части Лаконики, в Аркадии, Коринфе, Фокиде, Фессалии. На таких рынках можно было «купить» наемный отряд от нескольких сотен до нескольких тысяч гоплитов. Широкое распространение наемнических армий, их активное и часто решающее участие в военных действиях, с одной стороны, и падение роли собственно гражданского ополчения как основы полисной военной организации – с другой, – один из ярких показателей ее серьезного кризиса.

2. Возрастание социальной напряженности в Греции IV в. до н. э.

Оживление греческой экономики, развитие товарно-денежных отношений, широкое внедрение рабства во многие

сферы жизни и производства вели к обострению классовых противоречий в греческих полисах, росту общей социальной напряженности в Греции. Одним из классовых конфликтов греческого общества, сформировавшимся в IV в., было противостояние рабовладельцев – собственников крупных эргастериев, поместий, домов, кораблей, наличных денег – и увеличившихся в числе рабов, которые в условиях развивающейся греческой экономики подвергались хорошо организованной и умелой эксплуатации. Рабы были не только самым эксплуатируемым классом, но и не считались полноценными людьми. Естественно, рабы ненавидели своих господ, и греки не строили на этот счет никаких иллюзий: раб рассматривался как естественный враг господина, и его повинование обеспечивалось не уговорами и разумными доводами, а насилем. «Почти каждое обращение к рабу, – рекомендовал философ Платон, – должно быть приказанием. Никким образом и никогда не надо шутить с рабами, ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие очень безрассудно любят баловать рабов: этим они только делают более трудной их подчиненную жизнь, да и самим себе затрудняют управление».

Прекрасно понимая внутренний антагонизм в отношениях между рабами и их господами, греки сознавали опасность открытых выступлений рабов и рекомендовали ряд мер, направленных на ослабление этого противоречия. Тот же Платон, обобщая опыт управления рабами, советовал подбирать для одного хозяйства рабов разных национальностей, чтобы, используя различия в обычаях, религии, привычках, языке, легче было приводить рабов к покорности. Он советовал господам не обижать рабов без особой необходимости, не проявлять к ним беспричинную жестокость, соблюдать известную справедливость в наказаниях. Открытые восстания рабов в Греции были затруднены еще и потому, что рабы жили в домах, эргастериях или поместьях в изоляции друг от друга под строгой охраной, не могли постоянно общаться между собой. Тем не менее в источниках сохранились сведения о протестах и восстаниях рабов. Чаще всего такие восстания происходили во время военных действий, когда внимание их хозяев и государственных органов было направлено на войну. Так, например, около 20 тыс. афинских рабов, в их числе

значительная часть ремесленников, воспользовались рядом неудач афинян и в 413 г. до н. э. перебежали к спартамцам. Другие источники сообщают о частых случаях набегов рабов как своего рода протесте против бесправного положения. Примером открытого выступления рабов против хозяев является восстание в Сиракузах в 414 г. до н. э. под руководством Сосистрата. Воспользовавшись тяжелым положением Сиракуз, осажденных афинской экспедиционной армией, сиракузские рабы договорились о восстании. Силы восставших оказались настолько велики, что сиракузцы не смогли их уничтожить в открытом бою. Сиракузский полководец Гермократ был вынужден прибегнуть к хитрости: щедрыми посулами и подкупом был внесен раскол в ряды восставших — 20 руководителей были выданы, а обезглавленный рабский отряд разбит, часть рабов схвачена и подвергнута мучительной казни, другие бежали к осаждавшим город афинянам. Источники сохранили очень немного сведений о случаях проявления протеста рабов. Видимо, превентивные меры полисных властей и стремление хозяев к разумному управлению рабами затрудняли открытые формы протеста; тем не менее рост напряженности в отношениях между рабами и их владельцами в IV в. до н. э. несомненен.

Большой остроты достигли в IV в. до н. э. противоречия внутри полисного коллектива, вызванные имущественным и социальным расслоением в среде гражданства.

Низшие разряды гражданства теряли свои земельные участки, вынуждены были заниматься малопрестижными ремеслами, нанимались управляющими, работали на строительстве зданий, в порту, в рудниках рядом с рабами. Часть опустившихся граждан жила случайными заработками, а то и предпочитала не работать, занимаясь нищенством, ведя праздную голодную жизнь, получая дотации от своего полиса. Естественно, этот обездоленный и все более возрастающий в численности слой гражданства выражал острое недовольство своим незавидным положением. Бедняки-граждане с завистью и ненавистью смотрели на роскошную жизнь своих богатых сограждан, владельцев поместий, крупных эргастериев, городских домов, множества кораблей, живущих в больших домах, держащих дорогие колесницы, тративших огромные

деньги на содержание гетер и т. п. Эта стихийно растущая ненависть приводила к усилению напряженности в отношениях между различными слоями гражданства.

Рост социальной напряженности в греческих полисах получил своего рода идеологическое оформление, выразившееся в появлении лозунгов, своего рода программных требований беднейших категорий гражданства: передел земли и касация долгов. Это требование отражало реальную действительность Греции IV в. до н. э., заключающуюся в концентрации богатств в руках верхушки и обеднения основной массы гражданства, в массовой задолженности как результате внедрения товарно-денежных отношений, причем задолженности как низших, так и зажиточных категорий гражданства. Эти тенденции получили разное воплощение в различных полисах Греции, но в той или иной степени они были присущи почти каждому полису.

В связи с этим острота и политическая значимость лозунга «передел земли и касация долгов» менялась в различных областях Греции. Так, в Афинах в условиях демократического строя удавалось сгладить остроту социального недовольства, и этот лозунг не получил особой популярности. Афинская демократия в целях некоторого ослабления напряженности проводила целенаправленную политику материальной поддержки беднейших категорий гражданства: именно в Афинах (и, насколько известно, только в Афинах) была введена плата за посещение народных собраний, за участие в судах гелиеи, отправления магистратских должностей. В Афинах был установлен жесткий контроль за хлебным рынком и велась борьба со спекуляцией, довольно широко раздавались деньги на посещение театральных спектаклей. На богатых граждан были наложены так называемые литургии — с них собирали различные взносы на государственные нужды. Естественно, это давало некоторые результаты, и социальная напряженность не вылилась в кровавые столкновения и гражданские войны с оружием в руках, а проявлялась в форме политической борьбы на народных собраниях, в дискуссиях философов, в литературных произведениях.

Однако во многих полисах Греции положение было иным, и здесь призыв к «переделу земли и касации долгов» выра-

жал насущные чаяния и глубинные интересы граждан, а борьба за их решение принимала формы заговоров, кровавых столкновений, сговора с внешним врагом. Так, например, в Спарте, считавшейся образцом имущественного равенства спартиатов и социального спокойствия внутри общины равных, борьба против концентрации богатства и имущественного расслоения приняла острые формы и вылилась в опасный заговор Кинадона в 399 г. до н. э. В нем участвовали бывшие граждане, которые в силу описанных выше условий обеднели, потеряли земельный участок и потому выбыли из общины равных. «Заговорщики знали, — писал Ксенофонт, — что их замыслы совпадают со стремлениями всех илотов, неодамонов (вольноотпущенников), гигюмейионов (неполноправных граждан) и перизков, ведь когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем». Ряды недовольных росли, но доносчик сообщил о заговоре эфорам, которые, по словам того же Ксенофонта, «пришли в ужас» от его организованности и количества участников. Они не решились схватить Кинадона в самой Спарте, опасаясь восстания его сторонников, послали его с каким-то придуманным поручением в одну из местностей Пелопоннеса и там схватили. Под пыткой Кинадон выдал своих сообщников и был казнен вместе с ними: всем им надели на шею железные брусья, приковали к ним руки и, гоня по улицам Спарты, забили до смерти бичами и прутьями.

Социальная напряженность вылилась в настоящую гражданскую войну еще в двух полисах Пелопоннеса — в Коринфе и Аргосе. В Коринфе борющиеся социально-политические группировки использовали затруднения, вызванные военными действиями между Коринфом и Спартой в 392 г. до н. э. По рассказу Ксенофонта, городская знать не хотела воевать с олигархической Спартой и стала готовить заговор с целью заключения мира и передачи города спартанцам. Во время одного из празднеств, когда народ был занят состязаниями, жертвоприношениями и другими праздничными мероприятиями, аристократы захватили цитадель города — Акрокоринф, но были выбиты оттуда прибывшим народом. Часть заговорщиков бежала к спартанцам. Тогда народ бросился гро-

мить дома «знатных» и «лучших», подозревая их в сочувствии. Началась резня – «один погиб стоя, во время дружеской беседы, другой – сидя, третий – в театре, иные даже при исполнении обязанностей арбитра при состязаниях... Знатные граждане бросились искать убежища – одни к подножью статуй богов, стоявших на агоре, другие – к алтарям, но убивали и прильнувших к алтарям». Оставшиеся в живых аристократы и их сторонники открыли спартиатам ворота городских укреплений и впустили врага в город. Между спартиатами, поддерживающими их олигархами и коринфянами произошла ожесточенная битва. «На маленьком пространстве, – сообщает Ксенофонт, – погибло так много народа, что можно было там увидеть людей, лежавших огромными кучами, как лежат кучи зерна, дерева, камней». Спартиаты были вынуждены отступить, но им удалось захватить порт Коринфа Лехейон и вызвать в городе продовольственные трудности. В другом пелопоннесском городе Аргосе в 370 г. до н. э. беднейшие граждане восстали против состоятельных и, вооружившись дубинами (скиталами), перебили около 1200 человек, разделив между собой их имущество (так называемый аргосский скитализм). Говоря об обострении социальной борьбы в городах Пелопоннеса, афинский оратор Исократ писал, что граждане многих полисов на Пелопоннесе «относятся друг к другу с таким недоверием, с такой враждебностью, что сограждан боятся более, чем врагов. Вместо бывшего при нашей власти единодушия и взаимной имущественной поддержки они дошли до такого распада связей между собой, что люди состоятельные охотнее бросили бы свое имущество в море, чем оказали бы помощь нуждающимся, а бедные меньше бы обрадовались находке клада, чем возможности силой завладеть имуществом богатых. Прекратив жертвоприношение на алтарях, люди, точно жертвенных животных, закладывают друг друга». Обобщая картину социальных отношений в греческих городах первой половины IV в. до н. э., философ Платон говорил о том, что каждый греческий полис расколот на два враждебных лагеря: на полис богатых и полис бедняков, готовых пожрать друг друга.

Социальная напряженность в греческих полисах выражалась не только в естественном недовольстве низших катего-

рий гражданства своим ухудшающимся экономическим положением. Негодовали и знатные граждане, которые использовали результаты экономического подъема в своих интересах, завладев большими богатствами, крупными партиями рабов. Они были недовольны тем, что механизм полисной государственности оказался недостаточно эффективным, чтобы защищать их интересы, обеспечивать необходимый и стабильный социальный порядок. При решающей роли Народного собрания, преобладании прямого народовластия, которое обеспечивало влияние гражданства в целом на государственную политику, богатые круги зависели от его воли, должны были нести бремя государственных расходов в большей степени, чем бедные граждане. Многочисленные литургии, различные взносы и обязательные пожертвования, конфискации имущества, которые накладывались на них демократическим большинством, вызывали у верхушки гражданства недовольство полисными порядками, особенно в тех центрах, которые имели демократическое устройство. Ксенофонт, отражая настроения афинской аристократии, следующим образом описывает ситуацию, сложившуюся в Афинах первой половины IV в. до н. э.: «Когда я был богат, — рассказывает один из афинян, Хармид, — я боялся, чтобы кто-нибудь не подкопал стены в моем доме и не забрал деньги, а мне самому не причинил какого-нибудь вреда. Затем мне приходилось ублажать доносчиков: я знал, что они мне могут принести больше зла, чем я им. Кроме того, город всегда налагал на меня какие-нибудь повинности, а отказаться от этого не было никакой возможности. А теперь, когда я лишился источников дохода за границей, а от земель, расположенных в этой области, не получаю ничего, распродал свое имущество, я сладко сплю, растянувшись; город мне доверяет; никто мне больше не грозит, а я уже грожу другим: как свободному, мне можно жить и здесь и за границей; передо мной встают с мест и уступают дорогу богатые». Полисная аристократия мечтала о сильной власти, которая обеспечила бы ей спокойные условия для умножения ее богатств, упрочения ее высокого общественного положения.

Обострение социальных конфликтов внутри гражданского коллектива дополнялось ростом напряженности среди других

социальных прослоек, в частности между гражданством в целом и внушительной по численности прослойкой метеков. В IV в. до н. э. возросли их экономическая роль и влияние в жизни греческих полисов — они владели многими ремесленными мастерскими, активно занимались денежными операциями и торговлей, с помощью аренды получили доступ к земельным владениям, стали заводить доходные хозяйства в Аттике. Однако при всем их богатстве, зачастую весьма внушительном, в политическом отношении они были лишены гражданских прав. Такое несоответствие их экономического и социально-политического положения вызывало недовольство метеков, рождало стремление проникнуть в ряды гражданства и тем самым принять непосредственное участие в управлении полисом. Но граждане, в том числе и самые низшие их разряды, не хотели допускать к себе посторонних и делить с кем бы то ни было те большие привилегии, которые имели. За всю первую половину IV в. до н. э. в Афинах только четверем счастливым из метеков были предоставлены гражданские права: гражданская община, полисный коллектив сохранял свою замкнутость и не желал ее нарушать. Естественно, это увеличивало общую социальную напряженность в греческих полисах.

Одной из попыток решить социально-политические проблемы греческих полисов в IV в. до н. э. было установление тиранических режимов (так называемая младшая, или поздняя, тирания в отличие от старшей, или ранней, тирании VII—VI вв. до н. э.). Тиранические режимы, как правило, возникали в тех городах, где социальная напряженность выливалась в гражданские столкновения (Сиракузы, Коринф, Сикион, Гераклея). В условиях кровопролитной борьбы внутри полисов, военной угрозы извне в ряде полисов власть захватывали популярные полководцы из среды граждан данного полиса или чужеземные командиры наемных отрядов. Они подчиняли своему строгому контролю Народное собрание, совет выборных магистратов, заполняя их своими сторонниками. Мало считаясь с полисными традициями, тираны произвольно распоряжались земельной собственностью города, прибегали к конфискациям, щедро раздавали гражданские права чужакам, прежде всего своим наемникам, вводили новые повинности, управляли диктаторскими методами. Тираны захваты-

вали власть насильственным путем, тем не менее они опирались, особенно в начале своего правления, на некоторую поддержку гражданского населения. Причем тиранов поддерживали разные социальные силы: с одной стороны, демократические круги, выражающие интересы рядового и обездоленного гражданства, с другой – полисная аристократия, которая хотела видеть в сильной власти тирана гарантию прочности социального порядка. В этих сложных условиях тиранам IV в. до н. э. приходилось проводить политику лавирования среди разных слоев населения, примирения обострившихся противоречий: подкармливать обездоленную массу гражданства и вместе с тем обеспечивать интересы полисной аристократии. Однако решить эти противоречащие друг другу задачи тираны IV в. до н. э. не смогли. Вот почему тиранические режимы, установившиеся в греческих полисах, оказались недолговечными и, как правило, были связаны с деятельностью какого-либо одного изворотливого политика, такого, как Дионисий в Сиракузах (405–367 гг. до н. э.), Язон в Ферах (80–70-е годы IV в. до н. э.), Филомел в Фокиде (середина 50-х годов IV в. до н. э.). Едва придя к власти, они вызвали резкое недовольство во всех слоях гражданского населения, их наемники оказывались силой не очень надежной, многие стали жертвой заговоров, а режим был уничтожен после их смерти или ближайших преемников. Установление тираний в IV в. до н. э., как попытка решения больших вопросов социально-политической жизни Греции оказалась совершенно несостоятельной.

Описанные выше особенности социально-экономического и политического развития греческих полисов в IV в. до н. э.: *внедрение классического рабства и товарной экономики, имущественная дифференциация гражданства, концентрация богатств на одном полюсе и обнищание на другом, потеря низшими слоями гражданского населения земельной собственности, падение роли гражданского ополчения и распространение наемничества, повышение экономического и социального значения метеков, рост социальной напряженности, установление тиранических режимов – все эти болезненные явления в истории Греции первой половины IV в. до н. э. определяются как кризис греческого полиса.* Рамки

небольшого по территории и населению государства с ограниченным военно-экономическим потенциалом теперь, в условиях растущей экономики, усложнения хозяйственных структур, уже не могли обеспечивать нормальных условий для дальнейшего развития. В его недрах сформировался целый узел противоречий, разрешить которые полисная организация власти не могла, и под угрозой оказались интересы господствующего класса. Необходима была иная форма экономической и политической организации, органической частью которой стал бы полис, и которая обеспечила бы дальнейшее развитие производства и культуры.

Многие греческие мыслители, анализируя ситуацию, предлагали свои проекты решения больших проблем греческой жизни IV в. до н. э. Одно из решений было Предложено Аристофаном. В комедии «Женщины в Народном собрании», написанной в 389 г. до н. э., Аристофан советует использовать такое средство решения наболевших вопросов афинского общества – уничтожить частную собственность и обобществить имущество. «Я полагаю,— говорит главная героиня Праксагора, – отныне все должно быть общим. Прочь порядок, при котором одни владеют обширными поместьями и деньгами, а у другого нет даже места для могилы. У одних целая армия рабов, а у других нет и одной прислуги». После обобществления имущества, по мнению Праксагоры, исчезнут пороки и преступления, зависть и обман. Не нужен будет суд, не нужны будут и должностные лица. Обеды будут бесплатные. Граждане получают таблички с буквами, обозначающими соответствующую общественную столовую. Исчезнет институт семьи, дети будут считаться общими. Работа станет уделом рабов. Наступит спокойная, счастливая, мирная жизнь всех граждан. Этот же мотив равномерного распределения богатства как основы счастливой жизни разрабатывается Аристофаном и в комедии «Богатство», написанной в 388 г. до н. э. Меры, предлагаемые героями Аристофана, были протестом против имущественной дифференциации, столь характерной для Афин начала IV в. до н. э.

Свое лечение социальных недугов греческого общества IV в. до н. э. предложено Платоном. Чтобы укрепить полис и вывести его из кризиса, Платон считает необходимым разде-

лить все население на три касты: касту философов – правителей государства, касту воинов-стражей, охраняющих границы и поддерживающих внутренний порядок, и касту остального населения, куда входят ремесленники, земледельцы, торговцы как свободные, так и рабы, которые должны трудиться и обслуживать узкую группу философов и стражей. Первые две касты обладают собственностью, у них все общее, семейные отношения регулируются особыми правилами, чтобы вырастить здоровое и сильное поколение. В то же время ремесленники и земледельцы могут иметь частную собственность, семью и жить обособленно. Любые случаи недовольства с их стороны должны подавляться беспощадно. Таким образом, и в основе проекта Платона лежала идея поддержания прежде всего социального порядка путем особой организации господствующего класса и реорганизации государственного управления в олигархическом духе, полном отказе от завоеваний демократии.

Несколько иным был проект Аристотеля. По его мнению, для оздоровления всего строя полисной жизни необходимо было поддержание средних прослоек гражданства, владельцев гоппитского участка. Преобладание среднего слоя земледельцев – основа крепости полисного строя. Ремесленники и торговцы исключаются из состава полноправных граждан, управление государственными делами передается в руки старших по возрасту граждан, в то время как молодые несут военную службу. Самой лучшей формой государственного управления, по Аристотелю, должна стать умеренная демократия, так называемая полития, т. е. такой государственный строй, в котором всеми правами пользуется лишь высшая и средняя прослойка землевладельцев. Сам полис должен быть небольшим по территории и населению и расположен на морском побережье. Вот в таком полисе, полагал Аристотель, была бы достигнута спокойная и счастливая жизнь, прочный государственный порядок.

Однако предложенные проекты реформирования и оздоровления пораженных кризисом греческих полисов оказались утопическими, невыполнимыми в исторической обстановке IV в. до н. э. Кризис греческого полиса продолжал углубляться.

В. И. Кузицин

Лекция 9. Возвышение Македонии. Александр Великий

Вопросы:

1. Установление гегемонии Македонии в Греции.
2. Восточный поход Александра. Держава Александра.
3. Распад мировой державы Александра Македонского. Образование системы эллинистических государств. Сущность эллинизма.

Литература

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. Кн. 6. Гл. 1–2, 4–5, 6.

1. Установление гегемонии Македонии в Греции.

Фракийские племена в V–IV вв. до н. э. В политических судьбах Балканской Греции в V–IV вв. до н. э. значительную роль играли две обширные области Балканского полуострова – Фракия и Македония, населенные соответственно фракийскими и македонскими племенами. Многочисленные фракийские племена (одрисы, меды, бизалты, сапеи, асты, трибаллы и др.) занимали обширную территорию к югу от реки Дунай и до побережья Эгейского моря; их западными границами были река Стримон, на востоке – берега Черного моря. По природным условиям Фракия делится на две части: это северные горные области и южная часть, примыкающая к Эгейскому морю, представляющая холмистую равнину с плодородными почвами, хорошим строевым лесом и значительными рудными богатствами (район Пангея). Южная Фракия была тесно связана с миром греческих полисов. Уже с VIII в. до н. э. греки оценили ее благоприятные условия и вывели сюда множество колоний (на полуостров Халкидику, Абдера, Маронея), приступили к разработке знаменитых Пангейских рудников и вступили в тесные контакты с южными фракийскими племенами. Разнообразные связи с высоко развитыми греческими полисами способствовали ускорению процессов социально-экономического, политического и культурного развития фракийских племен, разложению родовых отношений, формированию раннеклассового общества и государственности у фракийских племен.

В VII–V вв. до н. э. внутри фракийских племен выделяется слой знати, владеющей обширными земельными участками

ми, группами рабов, стадами скота, на полях которых работают зависимые от нее сородичи. В V в. до н. э. у наиболее развитого фракийского племени одрисов, проживающего в юго-восточной части Фракии, возникает раннеклассовое общество и государство. Основателем государства у одрисов был вождь Терес (70–60-е годы V в. до н. э.), который подчинил своему влиянию ряд южнофракийских племен, а также и некоторые греческие города, заставив их платить дань. Его сын и преемник Ситалк (431–424 гг. до н. э.) расширил границы царства в северном и западном направлениях, вел борьбу с македонским царем и включился в общегреческую политику, вступив в Пелопоннесскую войну на стороне могущественных Афин. Между Афинами и Ситалком установились прочные отношения экономического и политического сотрудничества, сыновья царя были удостоены редкого дара со стороны афинян – им были предоставлены гражданские права. Положение Одрисского царства продолжало укрепляться при царях Севте I (424–410 гг. до н. э.), Медоке I (405–391 гг. до н. э.) и Котисе I (383–359 гг. до н. э.). Одрисские цари чеканили собственную монету, в их казну поступала дань, выплачиваемая греческими городами, расположенными на побережье, что свидетельствовало не только о могуществе правителя, но и о наличии фракийской торговли, об укреплении экономики государства в целом. По-прежнему одним из основных партнеров одрисских царей являются Афины, которые часто вмешиваются в их внутренние дела. Попытка Афин восстановить свое политическое влияние на севере Эгеиды в конце 70-х – начале 60-х годов IV в. до н. э. в связи с образованием Второго морского союза привела к обострению отношений с одрисскими царями. Одним из результатов афино-фракийской войны 360–357 гг. до н. э. было ослабление и расчленение Одрисского царства на три части во главе с тремя сыновьями царя Котиса I. Однако вскоре между одрисами и Афинами были восстановлены традиционные дружеские отношения перед лицом нового Могущественного противника, угрожающего как тем, так и другим. Таким противником становится укрепляющееся Македонское царство.

Македония в V – первой половине IV в. до н. э. Македония занимала обширную территорию в северо-западной части

Эгейского бассейна, к северу от Фессалии и юго-западу от Фракии. По своему рельефу и природным условиям Македония делится на внутреннюю горную область и нижнюю приморскую равнину. Если горные районы были удобны для занятия скотоводством, то равнинные приморские области были достаточно благоприятны для земледелия. Выгодное географическое положение Македонии на пересечении путей, ведущих из Северной Греции во Фракию, Иллирию и к проливам, было важным фактором хозяйственной жизни страны. В горах Македонии рос столь нужный для строительства флота корабельный лес, который вывозился во многие, полисы Эгейского бассейна, в том числе и в Афины. В начале V в. до н. э. развитие македонского общества и государства проходило в тесном взаимодействии с греческими полисами. История Македонии является органической частью истории Балканской Греции.

В это время в Македонии формируются раннеклассовые отношения и первая государственность. Влиятельная и богатая македонская знать жила в родовых поселках, распоряжалась обширными земельными владениями, располагала значительными материальными ресурсами, составляла ближайшее окружение македонского царя, его совет и называлась гетайрами («товарищами») царя, что подчеркивало ее высокое социальное положение. Царь избирался гетайрами из членов какого-либо знатного рода. С VI в. до н. э. царей избирали из рода Аргеадов. Правившие в своих областях в качестве независимых князьков, аристократы ограничивали власть македонского царя, которая в начале V в. до н. э. носила в значительной степени номинальный характер.

Большое влияние на развитие македонского общества и государства в V в. до н. э. оказали греческие полисы, с которыми вступают в различные отношения македонские цари. Во время греко-персидских войн Македония оказалась в эпицентре многих военных событий. При вторжении Мардония и Ксеркса македонский царь Александр I (498—454 гг. до н. э.), не имея сил противостоять персидскому могуществу, был вынужден признать власть персидского царя, предоставить ему войска и продовольствие. После поражения персов Александр проводит политику сближения с греческими городами

и способствует распространению греческой культуры в Македонии, за что получил прозвище «Филэллин». Установление тесных связей с греческим миром было частью более широкой политики Александра по экономическому развитию, страны и ее централизации, укреплению царского авторитета. Он успешно вел войны с самостоятельными князьками горной Македонии, стремясь подчинить их своей власти. Понимая важное значение морской торговли для хозяйственной жизни Македонии, Александр I начал борьбу с греческими колониями на Халкидском полуострове, которые закрывали Македонии выход к морю.

В борьбе с халкидскими городами Александр столкнулся с интересами Афин, что привело к росту напряженности между ними. Дальновидную политику по экономическому укреплению и централизации государства продолжили преемники Александра I. Особенно настойчиво и твердо проводил ее царь Архелай (419–399 гг. до н. э.). «Архелай, став царем, – говорил Фукидид, – соорудил нынешние укрепления в Македонии, проложил прямые дороги, привел все в порядок, в особенности военное дело, улучшив конницу, вооружение и прочие военные приспособления. Он сделал больше, чем все предшествующие ему восемь царей вместе».

Архелай основал новую столицу Пеллу, расположенную недалеко от моря в равнинной местности, перенеся свою резиденцию поближе к экономически крепким областям государства. Македонский царь воспользовался тяжелым положением Афин в последний период Пелопоннесской войны, заключил с ними союз и добился от Афин признания некоторых своих захватов на Халкидике и в Северной Фессалии. После убийства Архелая его политику продолжали другие македонские цари. Особенно большую роль в усилении Македонии сыграл царь Филипп II, выдающийся политик, дипломат и полководец.

Возвышение Македонии при Филиппе II (359–336 гг. до н. э.). Филипп II завершил политику своих предшественников по укреплению Македонии и централизации ее государственного управления. Вот почему именно Филиппу II античная традиция приписывает проведение целой серии различных реформ, после которых Македония превращается в одно

из сильнейших государств не только греческого мира, но и становится соперницей мировой Персидской державы. Прежде всего Филипп II способствовал хозяйственному укреплению Македонии. Он оценил экономическое значение городских центров и стал основывать новые города на территории Македонии, переселяя в них сельское население из племенных поселков. Эти новые города (например, город Филиппы) строятся в стратегически важных пунктах и являются не только экономическими, но и военно-стратегическими центрами. Филипп II обратил самое пристальное внимание на разработку рудных месторождений, добычу железа для вооружения своей армии. Захватив богатые Пангейские рудники и ускорив их разработку, Филипп получал до 1 тыс. талантов золота в год, что позволило ему начать чеканку золотой монеты в широких размерах. Располагая огромными запасами золотой и серебряной монеты, македонский царь мог активно вмешиваться в торговые операции как в Эгейском мире, Причерноморье, так и во всем Восточном Средиземноморье. В связи с необходимостью строительства большого флота увеличилась добыча корабельного леса, смолы, дегтя, а кораблестроение становится процветающим производством.

Особенно велики были преобразования Филиппа II в военном деле Македонии. Филипп II несколько лет жил в Греции, в Фивах, и хорошо знал как достоинства, так и недостатки греческой военной организации. Военная реформа Филиппа должна была объединить сильные стороны греческой и собственно македонской военной организации. Вместо нестройного и слабо обученного греческого ополчения гоплитов, собираемого от случая к случаю, или капризных наемников Филипп II комплектовал свою армию из свободных македонских земледельцев, набираемых по территориальным округам на несколько лет, в течение которых они проходили специальный курс обучения. Были введены изменения в построение основного рода войск — тяжеловооруженной пехоты. Если греческие полководцы обычно строили свои боевые порядки в виде единой фаланги, растянутой иногда до 1000 воинов по фронту и на 12 рядов в глубину, то Филипп II расчленил единый строй на несколько фаланг, стоящих близко друг к другу, но не сливающихся в один строй, что повышало

маневренность и облегчало перестроение в ходе боя. Бойцы, стоящие в фалангах, были вооружены более длинными, чем у греческих гоплитов, копьями, и это усиливало ударную мощь пехоты. Основному строю фаланги были приданы специальные подразделения щитоносцев (гипаспистов), пелтастов, метателей копий и лучников, основной задачей которых было наносить упреждающий удар по подходящему врагу, отходить на фланги, освобождая место для решающей атаки фаланги, и вместе с тем обеспечивать защиту ее флангов. В македонской армии издавна одну из важнейших ролей играла тяжеловооруженная конница, в ней служила македонская знать — гетайры. Филипп не только сохранил, но и усилил значение конницы, которая из сугубо вспомогательных отрядов в греческих армиях превратилась в особый род войск, способный не только взаимодействовать с фалангой, но и решать самостоятельные задачи. В составе македонской армии находились комплексы метательных орудий (катапульт, баллист и др.), тараны и осадные машины, с помощью которых можно было брать штурмом сильно укрепленные города. Филипп II приступил к строительству и своего флота, но македонский флот, не имея богатых традиций, по своим боевым качествам уступал греческим флотам и выполнял лишь вспомогательные задачи.

Структура македонской армии, таким образом, предполагала выделение особых родов войск, их тесное взаимодействие и маневрирование в бою, что предъявляло повышенные требования к командному составу и выучке рядовых воинов. С этой целью Филипп в своей армии ввел систему постоянных (в летнее и зимнее время) тренировок и упражнений. Македонская армия после реформ Филиппа превратилась в одну из лучших армий того времени.

Филипп реорганизовал и государственное управление. Прежде всего была уничтожена система полусамостоятельных княжеств. Большая часть македонской аристократии была вызвана ко двору и составила придворный штат царя, подчиненный его воле. Раздавая аристократам государственные и военные должности, царь тем самым ставил их в зависимость от центральной власти. Состав македонской аристократии был расширен за счет новых талантливых неродови-

тых людей, обязанных своим выдвижением царю. Из знатной молодежи Филипп создал особый корпус пажей, молодых телохранителей царя, которых он воспитывал в духе личной преданности и вместе с тем рассматривал в качестве заложников. Все эти меры способствовали централизации государственного управления и росту царской власти. В результате проведенных реформ Македония в середине IV в. до н. э. превратилась в сильнейшее государство Балканского полуострова и начала активное вмешательство во взаимоотношения греческих полисов, преследуя при этом свои цели,

Борьба Филиппа II за установление македонской гегемонии в Греции. Филипп II был осторожным политиком, он ставил и решал реальные внешнеполитические задачи. Эти задачи диктовались конкретными условиями существования Македонии в беспокойном греческом мире. В первое пятилетие правления Филипп II, занятый проведением основных реформ, ставил перед собой довольно скромные задачи: обеспечение своих северных границ от вторжений иллирийцев и фракийцев, с одной стороны, и распространение своего влияния среди греческих городов Халкидского полуострова — с другой. Уже в этот начальный период своего правления Филипп II проявил незаурядное дипломатическое искусство, умение маневрировать и применять разнообразные средства для достижения своих целей. Так, с фракийцами он достиг примирения путем подкупа, для борьбы с воинственными иллирийцами, постоянно опустошавшими его северо-восточные владения, он заключил союз с царьком небольшого племени молоссов, на дочери которого, Олимпиаде, он женился. Иллирийцы были разгромлены и запросили мира.

В борьбе с сильным союзом халкидских городов во главе с Олинфом Филипп ценой некоторых уступок заручился поддержкой Афин. Добившись своих целей, Филипп II вскоре переменял свою политику: он осадил важный в стратегическом отношении город Амфиполь, на который претендовали Афины, и вскоре захватил его, опираясь на этот раз на союз с Олинфом. В середине 50-х годов до н. э. Филипп стал продвигаться на восток вдоль фракийского побережья Эгейского моря. Он захватил богатый район знаменитых Пангейских рудников и основал здесь город Филиппы, господствующий

над округой. Активное проникновение Македонии на Халкидику и в приморские области Фракии заставило объединиться фракийских царей, Халкидский союз во главе с Олинфом и Афины. Однако Афины, занятые войной со своими союзниками, особой помощи оказать не могли, а войска фракийцев были разбиты македонянами. К концу 50-х годов IV в. до н. э. Халкидский союз был изолирован и уже не представлял серьезной опасности для Македонии, часть его земель была захвачена Филиппом.

Укрепив северные границы и позиции на Халкидике, Филипп начинает новый этап своей завоевательной политики, начав вмешательство в дела Средней Греции. Он ловко использовал запутанную политическую ситуацию, сложившуюся в греческом мире в середине IV в. до н. э., связанную с кризисом системы полисных отношений: существующие союзы греческих городов распадаются, города ведут бесконечные войны, которые ослабляют все воюющие стороны. Одной из таких войн, вспыхнувших по ничтожному поводу и постепенно вовлекших в свою орбиту множество греческих городов, была Священная война (355–346 гг. до н. э.). Поводом для открытия военных действий был захват фокидянами небольшого пограничного участка, принадлежащего дельфийскому храму Аполлона. Фокидяне были обвинены в святотатстве, на защиту общегреческой святыни выступили Фивы. Фокидяне, в свою очередь, предъявили права на руководство святилищем Аполлона, внезапно напали на Дельфы и захватили огромные сокровища, накопленные в храме за несколько сотен лет, достигающие огромной суммы — 10 тыс. талантов золота и серебра. На эти деньги фокидский стратег Филомел наберновал наемную армию в 20 тыс. гоплитов, чтобы защищать свои права на Дельфы. Местный конфликт в нервной обстановке середины IV в. до н. э. вскоре вылился в общегреческую войну. На сторону Фив встали некоторые города Фессалии, Локриды. Фокидян поддерживали Спарта и Афины. Военные действия велись главным образом наемниками и вылились в многочисленные небольшие столкновения в разных местах Средней Греции. Во время военных действий воюющие стороны искали для себя союзников, и это создавало благоприятные возможности для Филиппа вмешаться

в греческие дела. Тщательно взвесив все обстоятельства, Филипп II решил принять сторону защитников общегреческой святыни Аполлона. Против такого неожиданного для греков вмешательства македонского царя трудно было возражать, и Филипп получил известную свободу действий. Македонский царь ввел свою армию в Фессалию и начал захватывать фессалийские города, поддерживающие фокидян. В 352 г. до н. э. Филипп наголову разбил армию фокидян, действующую в Фессалии. Демонстрируя свою любовь к богу Аполлону, защитником которого изображал себя Филипп, он приказал утопить в море 3 тыс. пленных фокидян, а тело их командующего с позором распять на кресте.

Эта победа укрепила авторитет македонского царя как защитника храма Аполлона и оправдывала его вмешательство в общегреческие дела. Фессалия была вынуждена признать верховенство Филиппа, он был объявлен предводителем общевессалийского ополчения и получил право поставить македонские гарнизоны в стратегически важных городах Фессалии. Стремительный рост популярности Филиппа в Греции и его активное вмешательство в ее дела стали вызывать обоснованную тревогу у Афин. Стремясь преградить путь македонской армии в Среднюю Грецию, афиняне заняли Фермопильский проход и блокировали Филиппа в Фессалии. Потерпев неудачу в попытке проникнуть в Среднюю Грецию, Филипп вновь обратился к завоеваниям на Халкидике и в Южной Фракии. После тщательной подготовки он неожиданно напал на центр Халкидской лиги — город Олинф. Афиняне сделали попытку помочь Олинфу и отправили на помощь осажденному городу 17 триер, 300 всадников и 4 тыс. гоплитов. Однако Филиппу удалось захватить город до того, как эта помощь подошла. Один из крупнейших греческих городов Олинф был полностью разрушен и покинут жителями (348 г. до н. э.). Халкидская лига была распущена, а сама Халкидика признала власть македонского царя.

Добившись таких серьезных успехов в Халкидике и на Фракийском побережье, Филипп освободил руки для нового вмешательства в события продолжавшейся Священной войны. Афины были вынуждены примириться с утратой своего влияния на Халкидике и в Южной Фракии и, желая спасти

остатки своего влияния в Пропонтиде, в частности владения на Херсонесе Фракийском, заключили с могущественным Филиппом договор о мире (так называемый Филократов мир 346 г. до н. э.). Македонский царь воспользовался выходом из войны Афин и продолжил вмешательство в дела Средней Греции. В частности, он принял приглашение Фив, ввел свою сильную армию на территорию Фокиды и принудил фокидян к капитуляции. Филиппу были переданы все укрепленные пункты Фокиды, в том числе контроль над стратегически важным Фермопильским проходом. В 346 г. до н. э. продолжавшаяся около 10 лет изнурительная Священная война закончилась. Ее результатом было дальнейшее ослабление греческих полисов и усиление влияния македонского царя. Он не только стал хозяином на Халкидике и в Южной Фракии, но и гегемоном Фессалии, членом Дельфийской амфикистии (союза греческих полисов – охранителей храма Аполлона в Дельфах) и тем самым получил законную возможность вмешиваться в дела Средней Греции.

Борьба промакедонской и антимакедонской партии в Афинах. Деятельность Демосфена. Установление македонской гегемонии в Греции. Укрепление македонского могущества в конце 50-х – начале 40-х годов IV в. до н. э. поставило перед македонским царем новые задачи: теперь Филиппу II представлялось реальным установление македонской гегемонии над всей Грецией, подчинение своему политическому влиянию по крайней мере многих городов Балканской Греции.

Перед греческими полисами, общественным мнением греков во всей остроте встал вопрос о том, как относиться к завоевательным планам Филиппа, что они сулят миру свободных греческих городов. Нужно ли организовать упорное сопротивление македонскому завоевателю, как некогда нашествию персидского царя Ксеркса, или, может быть, подчиниться силе македонского оружия, признать над собой политическую гегемонию Филиппа II? Эти вопросы вызвали резкое размежевание в греческом мире. Одни полисы (например, в Фессалии) добровольно подчинились Филиппу, другие резко выступили против македонского господства. Внутри греческих полисов не было единодушия, во многих городах стали формироваться промакедонские и антимакедонские поли-

тические группировки, вступившие в ожесточенную борьбу между собой. Наиболее острые формы борьба промакедонской и антимакедонской группировок приобрела в Афинах, крупнейшем государстве Балканской Греции.

Филипп II всячески поддерживал своих сторонников в греческих городах, прежде всего щедро снабжая их деньгами, однако сила промакедонских группировок основывалась не только на прямой или косвенной поддержке Филиппа. Среди сторонников македонского царя были многие, которые считали выгодным для их интересов установление македонского господства. Выразителем настроений этой категории гражданства в Греции и прежде всего в Афинах был влиятельный афинский оратор Исократ. Исократ, наблюдая симптомы кризиса греческого полиса, обострение внутренней борьбы, политический хаос и отсутствие безопасности в греческом мире, искренне считал, что объединение раздробленной Греции вокруг сильной Македонии, совместная война греков и македонян против Персидского государства создаст благоприятные возможности для решения всех больных вопросов греческой жизни, для преодоления кризиса полиса, охватившего Грецию к середине IV в. до н. э. «Какова же будет твоя слава, — говорил Исократ, обращаясь к Филиппу, — если ты осуществишь это наделе и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство (Персидское), или, по крайней мере, захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы, кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным». Господствующий класс греческих полисов нуждался в сильной руке, которая могла бы смягчить социальное напряжение, укрепить внутренний порядок, поколебленный в условиях кризиса. Правда, для этого нужно было пожертвовать независимостью и подчиниться воле завоевателя, но определенная часть господствующего класса считала возможным пойти на такие условия.

Исократ был своего рода идейным вдохновителем и выразителем настроений сторонников македонской гегемонии в греческом мире. Практическими руководителями промакедонской группировки были влиятельные афинские ораторы и

политические деятели Эвбул, Эсхин, Фокион и др. Именно под их непосредственным влиянием и по их предложениям афинское Народное собрание принимало угодные Филиппу решения, например выгодные условия мирного договора, завершавшего Священную войну (так называемый Филократов мир 346 г. до н. э.), признавшего все завоевания Филиппа во Фракии, включившего Филиппа в состав Дельфийской амфикионии и др. Стремясь ослабить силу военного сопротивления Афин Македонии, Эвбул (он заведовал государственными финансами) упорно отвергал все предложения, направленные на соби́рание дополнительных средств на оборону Афин, демагогически утверждая, что это сократит денежные раздачи населению, практиковавшиеся в Афинах. Сторонники промакедонской группировки тормозили посылку военной помощи союзникам Афин, которые подвергались нападениям Филиппа. Так, например, во время осады македонянами сильно укрепленного города Олинфа проволочка с посылкой помощи привела к взятию и уничтожению этого цветущего города Халкидики, одного из опасных соперников Филиппа. Филипп щедро одаривал своих сторонников в Афинах, просто-напросто подкупал их. «Вы получили золото, вы предали родину, — говорил Демосфен, обращаясь к Эсхину. — Недаром можно было видеть, как Эсхин однажды ночью выходил из дома, в котором помещался Филипп. Да и при отъезде посольства Эсхин имел встречу с Филиппом наедине в течение целого дня и ночи. Как предатель Фокиды, Фракии, Фермопил, Геллеспонта, словом, всех важных позиций, Эсхин многократно заслуживает смерти».

Однако среди афинского гражданства существовала и другая влиятельная политическая группировка — антимакедонская, возглавляемая великим оратором Демосфеном, ораторами и политическими деятелями Гиперидом и Ликургом. Эта группировка выражала интересы широких слоев афинского гражданства, которые опасались, что подчинение Филиппу, потеря независимости приведут к падению демократии, лишению тех значительных выгод, которые нес с собой рядовым гражданам демократический строй. «Ему ненавистны больше всего наши свободные учреждения... ему ведь прекрасно известно, что, если он покорит своей власти все

народы, прочно владеть чем-нибудь он не будет до тех пор, пока у вас (афинян) существует народоправство». Политическая программа Демосфена и его сторонников заключалась в мобилизации всех сил и средств против Филиппа: строительство сильного флота, подготовка боеспособного гражданского ополчения в Афинах, создание широкого союза греческих полисов, объединение их против Филиппа. Демосфен развил энергичную деятельность по выполнению этой программы. В своих политических речах против Филиппа (впоследствии они получили название «филиппики») Демосфен разоблачал агрессивные замыслы македонского царя, вскрывал его козни и интриги, направленные на разъединение полисов, лицемерный характер его мирных предложений. Он убеждал граждан в необходимости укреплять афинскую военную мощь, в частности настаивал на передаче зрелищных денег на нужды обороны, на сборе дополнительных взносов с граждан. Демосфен выезжал в Пелопоннес, в Фивы, стремясь сплотить враждующие полисы в единый союз перед лицом македонской агрессии. Энергичные действия Демосфена и его сторонников принесли свои плоды. Была пополнена военная казна, туда были переданы все так называемые зрелищные деньги, большая часть граждан была объединена в особые группы (симмории), которые должны были оснастить военные корабли. Удалось преодолеть давние разногласия между Афинами и Фивами. На сторону Афин перешли Византии, Родос, Хиос и Эвбея. Пелопоннесские города Частично поддерживали Афины, частично заявили о своем нейтралитете, что было дипломатической победой афинян. В самих Афинах антимакедоняне успешно действовали против сторонников промакедонской группировки. По обвинению в подкупе были привлечены к судебной ответственности Эсхин и Филократ. Эсхину удалось с большим трудом оправдаться, а Филократ, чувствующий свою вину и уверенный, что будет осужден, бежал из Афин.

Таким образом, к концу 40-х годов IV в. до н. э. захватническим планам Филиппа противостояла очень сильная коалиция греческих полисов во главе с Афинами. Положение Филиппа становилось очень серьезным. Трезво оценив ситуацию и мобилизовав все свои силы, Филипп решил нанести

Афинам и возглавляемой ими коалиции удар на наиболее уязвимом для нее участке, а именно в проливах. Через Боспор и Дарданеллы шел жизненно важный торговый путь, связывающий Балканскую Грецию и Причерноморье. Перекрытие этого пути, господство над ним делало Филиппа хозяином этой важнейшей экономической артерии Греции. Филипп захватил почти всю Южную Фракию, основал там новые города, заселив их выходцами из Македонии и превратив в укрепленные пункты. Продвигаясь к проливам, Филипп осадил в 340 г. до н. э. крупный город Перинф, а затем и стратегически важный город Византии, господствующий над Боспором Фракийским. Афиняне сразу же оценили серьезность ситуации. На помощь Перинфу и Византию была послана сильная эскадра, наемные войска, снаряжение и продовольствие. Энергичная помощь Афин и их союзников спасла Перинф и Византию. Филипп был вынужден снять осаду, потерпев тем самым серьезную неудачу. К тому же одно из воинственных фракийских племен, трибаллы, напало на македонян и нанесло им поражение.

Неудачи Филиппа были встречены его противниками в Греции с ликованием, антимакедонский союз греческих городов во главе с Афинами, в который входили Фивы, Эвбея, Коринф, Мегары, Ахайя и ряд других укрепился, союзники мобилизовали многочисленное (до 40 тыс. человек) гоплитское ополчение и мощный флот. Они были готовы на поле боя отстаивать свободу и независимость своих городов.

Решительное сражение между объединенными силами греков и армией Филиппа II произошло в 338 г. до н. э. при городе Херонея. Союзное ополчение превосходило по численности македонскую армию, греческие гоплиты, боровшиеся за независимость своих городов, сражались храбро, сам Демосфен принимал участие в бою как простой гоплит. Херонейская битва отличалась особым ожесточением, судьба сражения долгое время была неопределенной, но лучшая выучка и большой боевой опыт македонцев, умелое руководство Филиппа и полководцев, среди которых выделялся его юный сын Александр, сделали свое дело: конечная победа была одержана Филиппом. После полного разгрома союзного греческого ополчения под Херонеей не могло быть и речи о

каком-либо серьезном сопротивлении Македонии. Вместе с тем Филипп проявил большой дипломатический и политический такт в использовании результатов своей победы. Он не стал прибегать к насилиям и разрушениям и довольно мягко обошелся с побежденными, показывая, что он не жестокий и кровожадный завоеватель, а вполне лояльный союзник греческих городов, который заботится не столько о завоевании, сколько об объединении Греции. Такая ловкая политика обеспечила Филиппу поддержку со стороны многих греческих городов, укрепила позиции его сторонников.

В 337 г. до н. э. в Коринфе по инициативе Филиппа был созван общегреческий конгресс, который должен был юридически закрепить утверждение македонской гегемонии над Грецией, оформить насильственное объединение Греции под руководством македонского царя. На конгрессе был организован Эллинский союз греческих городов, а Филипп был объявлен его гегемоном. Как гегемон Филипп стал главнокомандующим его вооруженными силами и руководителем внешней политики. Все междоусобные войны греческих полисов прекращались, провозглашался всеобщий мир в Греции, запрещалось вмешательство во внутренние дела друг друга, изменение существующего политического строя, подтверждалась неприкосновенность частной собственности, запрещались отмена долгов и переделы земли, конфискация имущества. Объявлялась борьба с пиратством и свобода мореплавания в торговых целях. Иначе говоря, решения коринфского конгресса были в значительной степени продиктованы необходимостью преодоления той тяжелой ситуации, которая была вызвана кризисом греческого полиса. Гарантом стабильности нового социально-политического порядка и безопасности в Греции стала Македония. На месте раздробленных, находящихся в постоянной вражде друг с другом небольших полисов возникла насильственно объединенная под македонским владычеством Греция.

Одним из важнейших решений Коринфского конгресса было объявление священной войны Персидской монархии. В руки Филиппа были переданы большие силы и средства греческих городов и самой Македонии. Во исполнение решений Коринфского конгресса в 336 г. до н. э. Филипп II переправил

в Малую Азию десятитысячную армию, но вскоре после этого был убит одним из своих придворных. Македонским царем был провозглашен его сын и наследник Александр, который одновременно стал и гегемоном Эллинского союза. С именем и деятельностью Александра связано начало нового этапа греческой истории – периода эллинизма.

2. Восточный поход Александра. Держава Александра.

Военно-политическая подготовка к походу. Восточный поход Александра был обусловлен теми процессами, которые происходили как на Балканском полуострове, в Греции и Македонии, так и в Персидском государстве. Государство Ахеменидов в IV в. до н. э. клонилось к упадку. Расстройство государственной системы явственно проявилось в 60-е годы IV в. до н. э., когда Ахемениды потеряли значительные территории. От них отпали почти все западные сатрапии («великое восстание сатрапов»), ряд городов Финикии, их покинул египетский фараон Тах, и др. 20-летнее правление царя Артаксеркса III Оха (358–337 гг. до н. э.) было заполнено борьбой с непокорными сатрапами, племенами и городами. Энергичному царю удалось подавить восстания в Малой Азии и Сирии, вернуть Египет и Кипр, Незадолго до похода Александра, в 336 г. до н. э., на персидском престоле в результате дворцовых интриг оказался представитель боковой линии Ахеменидов, принявший тронное имя Дарий III. Несколько лет его правления – время гибели державы Ахеменидов.

В Греции социально-политический кризис, которым отмечен IV н. до н. э., побудил теоретиков и политиков к поискам выхода из него. Все большую популярность получает идея похода на Восток. Особенно активным пропагандистом ее выступает известный оратор и публицист Исократ, который, видя главное бедствие Эллады в междоусобных войнах полисов и постоянных разногласиях между гражданами, находит выход из создавшегося положения в объединении всех греков в общем походе против Персии. Первоначально Исократ мечтал, чтобы поход возглавили его родные Афины, но со временем был вынужден обратить свой взор на македонского царя Филиппа как единственно реальную силу. Объединив Грецию в рамках Коринфского союза, Филипп приступил к подготовке к походу. Однако в разгар военных при-

готовлений в 336 г. до н. э. Филипп был убит на свадебном пиру своей дочери.

Македонский престол наследовал сын Филиппа 20-летний Александр. В характере Александра своеобразно сочетались черты, которыми во многом он был обязан своему воспитанию. Он усвоил взгляды и моральные нормы той среды, в которой рос, т. е. македонской знати был жесток и честолюбив. Но македонский двор не чуждался греческой культуры, а в течение трех лет воспитанием Александра занимался великий Аристотель, который учил его философии, медицине и другим наукам и привил любовь к греческой литературе. Особенно восхищала Александра «Илиада», которая, как он считает, «возбуждает к воинской доблести», и ее герой Ахилл стал его кумиром. Рукопись «Илиады» сопровождала Александра в его походах, и вместе с кинжалом он держал ее под подушкой. Филипп рано стал приобщать способного сына к государственным делам: отправившись в поход против Византии, он оставил 16-летнего Александра управлять государством, а в битве при Херонее юноша командовал конницей. Александр был умен и энергичен, с ранних лет стремился к почестям, был храбр до безрассудства и вместе с тем хладнокровен и расчетлив.

Приняв царскую власть, Александр жестоко расправился с убийцами отца и возможными претендентами на престол. Его положение оказалось очень сложным: с севера угрожали фракийско-иллирийские племена, которые «не желали находиться в рабстве», но наибольшую опасность представляли греки. Узнав о смерти Филиппа, «многие эллины восстали, желая новых порядков». В такой сложной обстановке, когда «страшная ненависть и опасность окружали» Александра со всех сторон, он проявил качества, которые и в дальнейшем будут характерны для него: решительность и настойчивость в сочетании с гибкостью и умением сообразовываться с обстановкой. Александр стремительно вторгся в Среднюю Грецию и стал лагерем неподалеку от Фив. Энергичные действия царя вызвали страх и смятение среди греков. По приказу Александра в Коринфе вновь собрались полномочные представители полисов, которые решили вопрос о совместном с Македонией походе греков на Восток и вручили македонскому царю верховное командование в нем.

Далее Александр жестоко расправился с фракийцами и иллирийцами. Однако начало похода на Восток пришлось отложить, так как греки не хотели смириться, и ложных слухов о гибели Александра оказалось достаточно, чтобы в Элладе вновь возродилась надежда на свободу. Наиболее решительно действовали фиванцы, осадившие находившийся на акрополе македонский гарнизон. Александр, понимая всю серьезность происходящего, стремительно двинулся в Грецию и захватил оказавшие упорное сопротивление Фивы. Город был разрушен до основания, а все его граждане проданы в рабство. И здесь Александр проявил себя как гибкий политик – ведь решение о расправе с Фивами было вынесено Союзным советом, его авторитетом Александр прикрывал свои действия. Так македонский царь не только наказал непокорных, но и устранил остальных греков, заботясь о прочном тыле,

Итак, примерно в течение года молодой царь уничтожил внутреннюю оппозицию, усмирил северные племена и привел к покорности греков. Ничто более не мешало началу желанного похода, и весной 334 г. до н. э. Александр перенравился через Геллеспонт (Дарданеллы) и первым ступил на азиатскую землю.

Завоевание Малой Азии, Сирии и Египта. О численности армии Александра можно судить только приблизительно ввиду противоречивости свидетельств источников. Обычно считают, что его войско насчитывало около 35 тыс. человек: 30 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. Греческие контингенты, которые предоставили полисы согласно решению Коринфского союза, составляли примерно 7 тыс., наемники – около 5 тыс. Численно армия Александра намного уступала персидскому войску, но была великолепно подготовлена, обучена, дисциплинирована и вооружена. Как и его отец, Александр уделял большое внимание ее подготовке, под его командой было немало опытных воинов, закаленных в походах Филиппа. Превосходство македонской армии обуславливалось также комбинированным использованием различных видов войска. Основу боевого построения составляла македонская фаланга, большую роль в походе сыграла конница, прежде всего тяжелая конница (гетайры), которая формировалась из македонской знати; легкая кавалерия состояла из фессалийцев и иллирийцев.

Помимо собственно воинов армия включала большое число всякого рода обслуживающего персонала. Имелся своего рода инженерный корпус для обслуживания осадных машин и возведения переправ. Хорошо были организованы снабжение армии, разведка и служба связи. Александра сопровождал целый штат ученых, которые собирали и изучали «богатый материал, открывавшийся им в малоизвестных или совсем неизвестных странах,— явления природы, народы с их нравами и обычаями, животных, растения. С ним ехали художники, философы и писатели, музыканты и певцы, архитекторы и техники, врачи, повара, гетеры, а также всякого рода авантюристы, устремившиеся вслед за войском в поисках счастья и обогащения.

Персидская армия по своим боевым качествам уступала греко-македонским силам. Причину ослабления некогда непобедимого персидского войска следует видеть прежде всего в разорении свободных общинников — персов и мидян, ранее составлявших основу этой армии. Остальные контингента формировались из племен и народов, насильственно набранных в подчиненных землях и незаинтересованных в победе. Во все большей мере персидским царям приходилось прибегать к помощи греческих наемников, представлявших к началу восточного похода Александра едва ли не самую боеспособную часть армии. Вместе с тем не следует преуменьшать силы и возможности Персидского государства. В распоряжении Дария находилась огромная армия, численно намного превосходившая своего противника. Македонский флот насчитывал 160 судов (в основном греческих полисов), тогда как у персов было 400 судов, главным образом финикийских и кипрских, более мощных и обладавших лучшей маневренностью. Кроме того, при всей своей слабости Персидская держава располагала огромными материальными ресурсами, тогда как средства Александра в начале похода, до захвата царских сокровищ, были весьма незначительными.

Вопрос о том, какие именно цели преследовал Александр, начиная поход на Восток, исследовался многократно. Ученые, идеализирующие Александра, склонны приписывать ему изначально планы завоевания мирового господства, а поход представлять как триумфальное шествие единой армии

греков и македонян, полководцев и рядовых, вдохновленных благородной целью принести на Восток свет греческой свободы и культуры. Однако источники содержат немало свидетельств тех противоречий, которые существовали не только среди приближенных царя, но и между различными частями армии. Несомненно, начиная свой поход, Александр не думал даже о завоевании всей Персидской державы, имея в виду только захват Малой Азии и превращение Эгейского моря в безопасную от персов зону.

К моменту высадки Александра поблизости не оказалось никаких персидских сил, которые смогли бы оказать сопротивление, и греко-македонская армия беспрепятственно вступила в Азию. Персидские сатрапы и военачальники отклонили предложение талантливого полководца грека Мемнона (состоявшего на службе Дария III), который советовал применить тактику «выжженной земли», т. е. избегая сражения, отходить в глубь страны, уничтожая все на своем пути, изматывая таким образом противника и заманивая его туда, где находились основные персидские силы. Решено было дать бой у Граника – реки, впадавшей в Мраморное море. Персы, ранее подошедшие к Гранику, заняли более удобную позицию на высоком берегу реки. Наступление начала греко-македонская армия. Вслед за передовыми отрядами, ведя правое крыло, под звуки труб и воинственные кличи, Александр вошел в реку и, перейдя ее, бросился на персов, которые стремились помешать противнику выйти на берег, стараясь столкнуть обратно в реку. Завязалась жестокая битва, в которой, по словам Арриана, обнаружилось превосходство македонян: они были не только опытнее, но и лучше вооружены, не дротиками, как персы, а тяжелыми копьями. Тем временем все новые и новые силы греко-македонской армии переправлялись через реку и вступали в бой. Когда центр персидского войска подался, дрогнула и конница на обоих флангах и началось бегство. Греческие наемники, стоявшие позади персидской конницы, даже не смогли принять участия в бою и были перебиты. Победу при Гранике Александр выиграл сравнительно легко, о чем свидетельствуют его небольшие потери. В этой битве проявились те качества, которые отличали Александра как полководца: быстрота и сме-

лость решений, упорство, личная храбрость. Часть взятой в сражении добычи Александр отправил в Грецию с гордой надписью: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взял от варваров, обитающих в Азии». Этот поступок как и другие действия Александра, обусловлены панэллинским (общегреческим) характером похода, который официально предпринимался ради освобождения азиатских греков от ига персов и отмщения им за греческие святыни, поруганные во время греко-персидских войн.

Победа при Гранике открыла Александру путь в Малую Азию, скорейшее овладение которой, пока Дарий не оправился от поражения, становится его основной задачей. Завоевание свелось преимущественно к захвату городов на побережье и установлению общего контроля — военного, административного и финансового. Двигаясь на юг вдоль побережья, Александр повсюду изгонял олигархов и восстанавливал демократический строй, городам даровались свобода и автономия. Эта политика определялась не только панэллинскими лозунгами похода, но и тактическими соображениями: персы обычно опирались на олигархов. Тем самым демократы становились естественными сторонниками Александра, в отличие от собственно Греции, где он, как и его отец Филипп, опирался на олигархов. Свобода, которая даровалась полисам, во многом оставалась чисто номинальной, так как города переходили фактически под власть Александра, самовластно вмешивавшегося в их внутренние дела. Однако политика Александра отличалась гибкостью, он всячески подчеркивал свое уважение к грекам и их святыням. Такая политика способствовала популярности войны среди греков Малой Азии и обеспечила Александру их поддержку. Большинство городов сдались добровольно, и только Милет и Галикарнас, где находились сильные персидские гарнизоны, оказали серьезное сопротивление. Пройдя Ликию и Памфилию (где некоторые города пытались оказать сопротивление, но были усмирены и обложены контрибуцией и где происходили кровавые стычки с воинственными горными племенами), Александр вступил в столицу внутренней Фригии Горд ион и остановился здесь на отдых. В Гордионе Александру показали повозку, которая якобы принадлежала легендарному фригийскому царю Гор-

дию. Тому, кто сумеет развязать узел на ее ярме, было предсказано владеть Азией. Александр не смог развязать этот узел, и тогда, по одной версии, он вынул колышек, на котором узел держался, и тот распался; согласно же другой – просто разрубил его. В начале 333 г. до н. э. Александр, получив подкрепления, двинулся далее на север и, дойдя до современной Анкары, повернул снова на юг. Пафлагония и большинство городов Каппадокии добровольно сдались ему. Между тем события в тылу приняли опасный для Александра оборот. Персы начали настоящее контрнаступление в Эгеиде, Главнокомандующий персидским войском в Малой Азии Мемнон захватывает Хиос, Лесбос и другие острова и планирует отправиться на Балканы, рассчитывая там поднять греков на борьбу с Македонией. Оставленный в качестве заместителя Александра на Балканах Антипатр ввиду угрозы нападения персов вынужден начать сбор военных кораблей для защиты побережья. Только внезапная смерть Мемнона несколько разрядила опасное напряжение.

Летом 333 г. до н. э. греко-македонская армия прошла Киликию и через горные проходы вступила в Северную Сирию, где находились основные силы персов во главе с царем Дарием, Второе сражение между противниками произошло осенью 333 г. до н. э. около Исса, в узкой долине между морем и горами, где малочисленному войску Александра действовать было гораздо удобнее, чем неприятелю. Как и в битве при Гранике, греко-македонским силам пришлось форсировать речку (Пинар); первой и на этот раз двинулась тяжелая конница. Поспешно переправившись во главе с Александром через реку, она стремительно бросилась на левый фланг персов, которые не выдержали натиска и отошли от реки. Но, увлекшись атакой, передовые части конницы оторвались от фаланги и в этот прорыв устремились наемники Дария – опытные греческие воины; но они были разбиты. Дарий, увидев, что его левое крыло дрогнуло, обратился в бегство. Персидская конница, которая, переправившись через реку, смело бросилась на фессалийцев, находившихся на левом фланге армии Александра, узнав о разгроме наемников и бегстве царя, тоже дрогнула, бегство стало всеобщим. Победители захватили богатую добычу и много пленных, среди которых оказалась се-

мья Дария — его жена и две дочери. Вскоре в Дамаске был захвачен и сопровождавший Дария в походе обоз с сокровищами. Добыча, оказавшаяся в руках Александра, облегчила финансовое положение македонского царя, до этого весьма тяжелое. Блестящую победу, одержанную греко-македонской армией при Иссе, можно считать поворотным пунктом войны. Видимо, именно в это время в планах Александра происходят изменения, и возникает мысль о возможности завоевания всей Персидской державы. Во всяком случае, он отклоняет предложение о мире, которое сделал Дарий, обещая уступить все земли до Галиса и дать 2 тыс. талантов. Александр ответил ему, что теперь он — владыка Азии.

Двигаясь далее на юг, Александр прошел вдоль побережья Сирии и Финикии. Часть городов сдалась добровольно, другие оказали сопротивление, самое упорное — Тир. Античные авторы сохранили красочное описание длительной осады этого древнего города. Остров, на котором находился Тир, соединили с материком дамбой, которую тирийцам удалось разрушить; пришлось возводить вторую дамбу. Против города Александр двинул значительный флот, к стенам подвезли огромные осадные машины, и только после семи месяцев осады Тир пал. Богатый город подвергся разграблению, мужчины были перебиты, женщины и дети проданы в рабство. Когда Александр еще занимался осадой Тира, к нему вторично пришли послы Дария. На этот раз персидский царь отдавал земли до Евфрата, 3 тыс. талантов и дочь в жены, но Александр вновь отклонил все эти предложения.

Взяв затем после осады самый большой город Палестины Газу, который подвергся участи Тира, Александр двинулся в Египет. Сатрап Египта Мазак, не имея достаточного войска, узнав о победе македонян при Иссе, бегстве Дария, захвате Сирии и Финикии, беспрепятственно впустил Александра в Египет. Египтяне доброжелательно встретили Александра, в котором видели освободителя от ненавистной власти персов, а египетские жрецы признали его фараоном. Три события (хотя и неравнозначных), которые произошли во время пребывания Александра в Египте зимой 332–331 гг. до н. э., заслуживают упоминания. Одно — основание в дельте Нила, между морем и обширным озером Марейотида, города, кото-

рый Александр назвал своим именем,— первого в серии многочисленных Александрии. Место было выбрано очень удачно, и Александрия Египетская со временем превратилась в крупнейший политический, экономический и культурный центр греко-римского мира.

Находясь в Египте, Александр получил сообщение, что остров Тенедос отпал от персов, что на Хиосе народ впустил македонян в город, одолев тех олигархов, которые ранее были поставлены у власти персами, и что на сторону македонян перешел остров Кос. Все это были эпизоды той борьбы, которую военачальники Александра продолжали успешно вести в Эгеиде против полководцев Дария. Еще ранее в руки Александра попали финикийские суда, составлявшие основу персидского флота. Итак, с военно-политической деятельностью персов в Эгеиде было покончено.

Александр внес существенные изменения в управление Египтом, поручив гражданские дела египтянину, руководство финансами — греку, а военное руководство — македонянину. Таким образом, он разделил единоличную власть сатрапа, проявив вместе с тем стремление к сближению с местной знатью. Тем самым с завоеванием Малой Азии, Сирии, Финикии и Египта постепенно закладывались основы той системы управления, которая будет характерна для новой державы Александра: опора на местную знать, разделение административного, финансового и военного управления, упорядочение сборов налогов и чеканки монеты, уважение к местным обычаям и богам. Всячески подчеркивая свое уважение к египетской религии и древним традициям, Александр совершил путешествие в Ливийскую пустыню к оракулу Аммона, почитаемому не только в Египте, но и в греческом мире. С этим паломничеством связано много легенд, о которых античные авторы рассказывают по-разному, и вряд ли мы узнаем точно, что именно там произошло. Во всяком случае несомненно одно — жрецы объявили Александра сыном Аммона, т. е. признали его божественное происхождение. Так власть Александра над Египтом получила религиозную санкцию. Возможно, именно тогда у него зародилась мысль о своем обожествлении в политических целях как средство усиления власти.

Гавгамелы. Захват Вавилона и Суз. Сожжение Персеполя. Оставив весной 331 г. до н. э. Египет, Александр по древнему пути через Палестину и Финикию двинулся на Восток и беспрепятственно перешел через Евфрат и Тигр. Между тем Дарий использовал время после Исса для подготовки к новому, решающему сражению, которое произошло 1 октября 331 г. до н. э. у местечка Гавгамелы. На этот раз Александру пришлось иметь дело с более сильным противником: войско Дария значительно увеличилось, основные контингенты были лучше вооружены, царь усилил армию также слонами и боевыми колесницами с острыми серпами. Дарий торопился дать сражение около Ниневии, где привольно раскинулась равнина, на которой могла свободно маневрировать собранная им офомная армия. Битва при Гавгамелах была одним из самых крупных сражений древности. Оно было жестоким и продолжалось почти целый день. Противники дрались мужественно, и победу одерживала то одна, то другая сторона. Но Александр смог нанести решающий удар — весь персидский центр, теснимый копьями македонской фаланги, не выдержал бокового удара македонской конницы. Страшный македонский клин вонзился в персов и пронзил насквозь. И в этот критический момент, когда левое крыло армии Александра истекало кровью, на правом фланге шло ожесточенное сражение конницы, а в тылу македонских сил, у лагеря, схватка противников еще не закончилась, царь Дарий, испуганный приближающимся со всех сторон боем, повернул свою колесницу, и, хотя прекрасная согдийская и бактрийская конница сохраняла еще свою боеспособность, исход сражения был решен. Бежали царская гвардия и наемники, прикрывая Дария, а вслед за ними и весь центр персидской армии. Александр с конницей центра и правого фланга смог прийти на помощь левому флангу. Персы потерпели сокрушительное поражение, они не смогли использовать те преимущества, которые давали им численный перевес и место боя. Не оправдались и надежды, которые возлагали на серпоносные колесницы, практически не принесшие армии Александра вреда. Потери Дария были огромными, армия же Александра лишилась, согласно свидетельству Диодора, 500 человек, но раненых оказалось много. Весь огромный обоз

персидского войска – слоны, верблюды, все царское имущество и деньги – попали в руки победителей.

Теперь, после Гавгамел, перед Александром лежал путь в самое сердце державы Ахеменидов. Взяв Вавилон, который без боя сдал сатрап Вавилонии Мазей, Александр велел восстановить разрушенный персами храм главного божества Мардука, за что жрецы провозгласили его царем Вавилона. Александр оставил у власти прежнего сатрапа Мазея – это был первый перс, которому Александр сохранил его высокий пост, но командование войском и управление финансами он передал македонским стратегам. Проведя в Вавилоне более месяца, чтобы дать войску отдых, Александр двинулся к Сузам, которыми также овладел без всякого сопротивления, и, пройдя через горные перевалы, захватил колыбель Персидского государства Персеполь. В Сузах и Персеполе в руки Александра попали сокровища Ахеменидов, столь огромные, что, по словам Плутарха, для их перевозки потребовалось 10 тыс. подвод (в каждую запрягали по паре мулов) и 5 тыс. вьючных верблюдов.

Персеполь, столицу Персидского царства, Александр объявил самым враждебным из азиатских городов и отдал на разграбление своим воинам. Источники единодушны в описании страшного разгрома, которому подвергся этот богатейший город. Как рассказывает Диодор, македоняне, врываясь в дома, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого оказалось очень много: золота, серебра, роскошных одежд. Целый день занимаясь грабежом, они не смогли утолить свою жажду обогащения и, стремясь к большему, вступали в драку друг с другом, а некоторые отрубали руку тем, кто хватался за вещь, бьющую предметом спора; женщин же и детей волокли силой, уводя в рабство. Перед отъездом из Персеполя Александр сжег знаменитый дворец персидских царей, что подтверждается археологическими раскопками. В свете новой политики сближения с персами этот акт вандализма вызывает недоумение. Объяснение мотивов, которыми руководствовался Александр, вызвало споры среди ученых. Приведем два из наиболее возможных объяснений. Первое: Александр хотел еще раз продемонстрировать грекам свою приверженность официальному лозунгу войны – отмщение

персам за сожжение греческих святынь. Это было вызвано антимакедонским движением в Греции, начавшимся в Спарте под руководством царя Агиса III; в нем приняли участие некоторые города Пелопоннеса. Однако силы Антипатра, получившего помощь других полисов, согласно Коринфскому договору, превосходили силы спартанцев и их союзников, которых Антипатр разбил под Мегалополием (о чем Александр, вероятнее всего, тогда еще не знал). Второе: Персеполь был не только столицей Персии, но и сакральным центром Ахеменидов, и разрушение его становилось тем самым как бы символом конца их власти.

Поражение под Гавгамелами и захват трех столиц Персии не означали еще гибели власти Дария III, в руках которого оставалась вся восточная, огромная часть его державы. Из Персеполя Александр устремился в Мидию, где Дарий собирал новые силы. Заняв столицу сатрапии Мидии Экбатаны, из которых Дарий бежал при его приближении, Александр бросился преследовать персидского царя. Древние авторы подробно рассказывают о последних днях жизни Дария, его бегстве в труднодоступные малонаселенные районы и аресте вельможами во главе с сатрапом Бактрии Бессом, о тяжком преследовании беглецов Александром. Наконец, когда Александр уже совсем настиг преследуемых, они убили Дария. Александр с подчеркнутым уважением отнесся к телу мертвого царя, воздав ему почести и отправив в Персеполь для погребения в царской усыпальнице. Тем самым он хотел подчеркнуть законность своей власти.

Смерть последнего царя из рода Ахеменидов как бы символизировала окончание той войны, которую македонский царь вел в качестве стратега-автократора объединенных сил Коринфского союза. Александр официально распускает все контингенты греческих городов, отправив их по домам; но желающих продолжить поход уже в качестве наемников и «тех, кто на свой страх пожелал... и дальше оставаться у него на службе» оказалось немало.

Итак, к лету 330 г. до н. э. Александр завоевал наиболее богатые области Персидского государства, овладел его основными политическими и культурными центрами, захватил колоссальные сокровища. Но помыслы завоевателя были

устремлены далее на Восток, к самым границам державы Ахеменидов, законным наследником которых он теперь считал себя. Так македонская армия оказалась на пороге неизведанного мира, о котором у греков были весьма смутные представления. Продолжая поход, менее чем за год Александр покорил огромные пространства – Гирканию, Парфию, Арию, Дрангиану и Арахозию.

Изменения в политике Александра и противоречия в его армии. Ко времени завоевания восточных сатрапий относится первое открытое проявление недовольства в среде командного состава армии. С военными успехами и расширением завоевательного движения непосредственно связана так называемая ориенталистская политика Александра, его сближение с местной знатью, в которой он рассчитывал найти опору на завоеванных землях. Перемена происходит и в образе жизни Александра: он стал носить персидскую одежду, завел жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, приблизил к себе виднейших персов, в том числе брата Дария. Так Александр и чисто внешне хотел придать своей власти более деспотический характер. Новая политика обострила противоречия в армии. Оппозиция вышла из среды старой македонской знати, особенно знати равнинных районов (Нижняя Македония), недавних самостоятельных владык, которые с враждой смотрели на трансформацию власти своего царя, превращавшегося в восточного деспота, видя в этом разрушение старых македонских традиций. В борьбе с ними Александр опирался прежде всего на выходцев из горной (Верхней) Македонии, не пользовавшихся влиянием при дворе и своим возвышением и благополучием обязанных целиком милости Александра. Старая знать была настроена резко отрицательно к продолжению войны, понимая, что по мере роста новой державы Александра возрастает и его власть, тогда как значение Македонии внутри этой державы падает. Напротив, новая знать готова была идти за Александром, надеясь на выгоды от добычи и эксплуатации захваченных земель. В борьбе с оппозицией Александр еще мог рассчитывать на поддержку основной части войска, состоявшей из македонских общинников. Хотя воины уже устали от долгих и трудных походов и временами среди них велись разговоры о

том, что пора возвращаться домой, в борьбе со знатью они были пока готовы поддержать Александра. Когда был раскрыт заговор Филоты, полководца и одного из ближайших сподвижников Александра, царь по старому македонскому обычаю передал Филоту и его единомышленников на суд армии, которая признала их виновными и предала смерти. В связи с этим заговором был умерщвлен и отец Филоты Парменион – старый и опытный полководец, который в битвах при Иссе и Гавгамелах командовал левым флангом войска.

Вслед за заговором Филоты последовали и другие конфликты. В 328 г. до н. э., когда Александр был уже в Мараканде (совр. Самарканд), на пиру он убил Клита, одного из самых преданных полководцев, спасшего ему жизнь в битве при Гранике. Гнев Александра вызвали обвинения Клита, порицавшего царя за то, что тот окружил себя варварами и рабами, падающими ниц перед его персидскими одеждами, тогда как македонянам приходится просить персов пустить их к царю. В том же году был раскрыт так называемый «заговор пажей» – молодых людей из знатных македонских семей, которые составляли личную охрану Александра. Они предполагали убить его в постели. Как и в случае с Филотой, Александр передал дело на суд войска, приговорившего всех к смертной казни. Тогда же был казнен и Каллисфен – племянник Аристотеля и официальный историограф похода. Он выражал настроения греков – участников похода, недовольных сближением Александра с персидской знатью.

Борьба народов Средней Азии против македонского завоевания. Вступление македонской армии на территорию восточных сатрапий резко изменило сам характер войны. Если раньше население захватываемых территорий, за редким исключением, равнодушно смотрело на смену одного господина другим, то теперь началась настоящая война против завоевателей. В этой борьбе можно выделить три этапа. На первом борьбу возглавил бывший сатрап Бактрии Бесс, который объявил себя персидским царем, приняв имя Артаксеркса IV. К нему стекались все, кто хотел сопротивляться Александру. Примерно в течение полугода Александру пришлось задержаться в Арии, где на борьбу поднялся вступивший в союз с Бессом сатрап Сатибарзан. Волнения охватили Арахозию и

Дрангиану, но несогласованность действий сатрапов помогла Александру расправиться с ними, и весной 329 г. до н. э. он через горы прошел из Арахозии в долину современного Кабула, а оттуда, преодолев перевалы Гиндукуша, вторгся в Бактрию. Бесс не смог организовать настоящего сопротивления, видимо, не пользуясь доверием местного населения, и войско Александра переправилось через Оке (совр. Амударья) и вступило в Согдиану. Этот этап борьбы завершился выдачей Бесса Александру, который передал его родственникам Дария на расправу.

На следующем этапе борьба приобретает наибольший размах, в нее включаются широкие народные массы, мужественно и упорно сражавшиеся за свою свободу и независимость. Борьбу возглавил один из согдийских вождей Спитамен – талантливый полководец, который, используя методы партизанской войны, неоднократно заманивал в пустыню отряды македонян, истребляя их и ускользя от основных частей.

Захватив столицу Согдианы Мараканду, Александр двинулся к реке Яксарт (совр. Сырдарья), основал Александрию Крайнюю (в р-не совр. Ходжента) и, переправившись через реку, разбил заяксартских кочевников. Между тем Спитамену удалось уничтожить отряд, посланный Александром на выручку Мараканде, которую осадили воины Спитамена. Узнав об этом, Александр поспешил к Мараканде, но Спитамену удалось укрыться в пустыне. В ответ Александр подверг полному опустошению долину Зеравшана. По свидетельству Курция Руфа, он «приказал жечь села и убивать всех взрослых»; согласно Диодору, он истребил здесь 120 тыс. человек, а остальных обратил в рабство. Но сопротивление не было сломлено, и в течение всего 328 г. до н. э. Александр был вынужден вести борьбу в Согдиане. Он построил ряд опорных военно-административных пунктов (Александрии) и своими многочисленными отрядами буквально прочесывал всю территорию. Спитамен, который ушел за Оке (в современную Туркмению) к массагетам, неоднократно совершал отсюда набеги на Согдиану, но, в конце концов, был разбит и бежал к массагетам, которые убили его.

С гибелью Спитамена борьба не прекратилась, но на последнем этапе она продолжалась только в отдельных горных

районах. Постепенно бактрийская и согдийская знать переходит на сторону Александра. Внешнее выражение это примирение нашло в женитьбе Александра на дочери одного из бывших руководителей сопротивления Роксане. В войско Александра включается бактрийская и согдийская конница. Так закончилась борьба народов Средней Азии с завоевателями. Она потребовала от греко-македонской армии такого напряжения сил и привела к таким потерям, которых Александр еще не знал.

Индийский поход и возвращение в Вавилон. Видимо, в Средней Азии у Александра возникла мысль о мировом господстве, о достижении Внешнего Океана, где, как считали греки, проходила граница Земли. Направляясь в Индию, Александр шел в неизвестность, так как представления об Индии были у греков тогда совершенно фантастическими. Поход начался весной 327 г. до н. э., продолжался более двух лет и завершился подчинением в той или иной форме обширных территорий по Инду. Но эти приобретения достались дорогой ценой:

Армия, с которой Александр двинулся в Индию, была уже не та, которая семь лет назад переправилась в Азию. Большие потери не только в сражениях, но и в пути по безводным пустыням и покрытым снегами горам, сопротивление многих племен и народов, боровшихся за свою независимость, новые природные условия и новые противники – все это требовало пополнения сил и изменения в структуре армии. Македонская фаланга теряет свое значение, и основной ударной силой становится конница, в армию вливаются свежие отряды, местные оседлые и кочевые народы, преимущественно легковооруженная конница со своим оружием и своей тактикой – атакой лавой, рассыпным строем, с последующим преследованием противника. Индия ко времени похода в политическом отношении являла весьма пеструю картину: многочисленные племена (некоторые из них находились еще на стадии первобытно-общинного строя) соседствовали с разрозненными царствами. За редким исключением, они оказывали яростное сопротивление завоевателям. По словам Плутарха, они мужественно защищались и «доставили Александру много бед».

Перейдя Инд, Александр вторгся в земли царя города Таксилы, важного торгового центра на пути из Средней Азии

в Индию; здесь он встретил дружеский прием и заключил с царем союз, но правитель соседнего царства Пор оказал сопротивление. Кровопролитное сражение с ним произошло на реке Гидасп (приток Инда), где, применив обходной маневр, Александр нанес Пору жестокое поражение; но и ему победа досталась ценой больших потерь. Здесь он основал два города: Букефалию – в честь своего любимого коня, Nikeю – в честь победы. Дальнейшее продвижение по Пенджабу проходило в обстановке опасностей и постоянного напряжения, в котором местные племена держали армию завоевателей. Воины были утомлены походами, их вымотала восьмилетняя служба, у лошадей от непрерывного пути истерлись копыта, оружие в большей части никуда не годилось, эллинские одежды изорвались. Уже много дней неистовствовала тропическая буря, удары грома раздавались один за другим, и войско отказалось идти дальше. Это случилось у переправы через еще один приток Инда – Гифасис. Никакие угрозы и уговоры Александра не подействовали, и было решено повернуть обратно. Решение это, по словам древних авторов, вызвало всеобщее ликование, и многие плакали от радости.

Александр вернулся к Гидаспу, достиг по нему Инда и далее спустился к Индийскому океану. Продвижение войска, часть которого шла по суше вдоль реки, сопровождалось постоянными военными столкновениями с местным населением, которому армия Александра несла разорение и смерть. Но и для нее это был трудный путь, так как многие племена оказывали упорное сопротивление. Стремясь закрепить свою власть, Александр по пути основал три города. Еще со среднего течения Инда он отослал домой часть войска (с ранеными и больными) под командой Кратера; они двинулись через Арахозию и Дрангиану. В устье Инда Александр разделил остальных на две части, одна из которых во главе с Нearchом двинулась в Персидский залив, другую Александр, стремясь увеличить свои владения, повел по суше. Обратный путь, особенно через Гедрозию (совр. Белуджистан), оказался очень трудным. Воины шли через пустынную местность, без пищи и воды; зной и раскаленные пески доставляли большие мучения. Как пишет Страбон, «воины, истомленные жаждой, ложились посреди дороги под палящими лучами солнца» и

умирали; некоторые, сбившись с пути, «засыпали, уступая сну и усталости. Другие отставали и погибали». Трудным было и плавание Неварха вдоль пустынных берегов Гедрозии, и только войдя в Персидский залив, воды которого омывали Карманию и Перейду, войско нашло все необходимое, чтобы восстановить силы. К началу 324 г. до н. э. остатки армии Александра соединились с флотом Неварха около Суз, Поход завершился. Согласно Плутарху, лишь четверть армии вернулась из похода.

Держава Александра Македонского. Историческое значение восточного похода. Сразу же по возвращении перед Александром встала сложная задача по организации управления огромной державой, которая возникла в результате завоеваний. Мероприятия, проведенные Александром за тот недолгий срок, который ему еще оставалось жить (немногим более года), вся его политика несут на себе черты определенной двойственности. Александр действовал как владыка огромной многонациональной державы, центром которой он сделал Вавилон. Он стремился как-то укрепить единство государства, сгладить противоречия между завоевателями и побежденными. Отсюда – так называемая политика «слияния народов», которая нашла наиболее яркое выражение в свадьбе в Сузах, когда в один день пышно отпраздновали бракосочетание 10 тыс. воинов – греков и македонян – с местными девушками. Сам Александр женился на старшей дочери Дария, Гефестион – на его младшей дочери; женами ближайших сподвижников царя – Кратера, Пердикки, Птолемя, Эвмена, Неварха, Селевка – стали дочери придворных Дария и его сатрапов. Все новобрачные получили от Александра богатое приданое. Александр привлекал местную знать к управлению государством. Эти и ряд других фактов позволили некоторым ученым говорить об Александре как провозвестнике «братства народов». Однако его деятельность свидетельствует о другом – о стремлении расширить свою социальную базу, слить воедино персов и македонян, особенно их знать, создав своего рода «господствующий народ», верную опору власти и орудие угнетения и эксплуатации других народов. Кроме того, поскольку македонская монархия сохраняла еще отдельные пережитки эпохи военной демократии (роль общего соб-

рания воинов), Александр, объединяя македонян с персами, тем самым низводил и их до уровня подданных.

В этой политике разрыва со старыми македонскими традициями препятствием для Александра стала его собственная армия, до сих пор представлявшая основную опору его власти. Поэтому Александр стремится изменить ее характер, включив в нее 30 тыс. юношей, которые еще во время похода мальчиками были отобраны из местного населения и обучены греческой грамоте и умению обращаться с македонским оружием. С этой целью, а также заботясь о подъеме боеспособности войска, царь велит отправить по домам воинов, «не годных к военной службе по старости и увечьям». Приказ вызвал настоящий бунт, в котором приняли участие и другие македоняне, но Александр круто расправился с зачинщиками и в результате 10 тыс. македонян были отправлены по домам. Он проводит и некоторые другие реформы в армии, включая в нее новые контингенты из местных племен, но теперь уже соединяя македонян и персов внутри отдельных подразделений.

Вместе с тем греки и македоняне оставались народами-завоевателями. Когда по возвращении Александру пришлось сместить многих сатрапов, которые во время походов в Среднюю Азию, считая маловероятным, что он вернется, почувствовали себя независимыми, то во всех важнейших областях сатрапами были назначены македоняне и греки.

Александр по существу мало изменил прежнюю административную систему Ахеменидов: сочетание сатрапий и зависимых государств. Правда, боясь сепаратизма сатрапов, он ограничил их власть гражданскими делами, поставив наряду с ними военных комендантов, подчиненных непосредственно ему самому.

Среди других мероприятий Александра в политической области особое место занимает указ 324 г. до н. э. о возвращении в греческие города всех изгнанников и восстановлении их в правах собственности. Отношения Александра с греками Балкан формально регулировались статьями соглашения о Коринфском союзе. Указ 324 г. до н. э. противоречил принципам невмешательства во внутренние дела полисов, предусмотренным этим соглашением. Изменения, которые произошли в характере власти Александра во время по-

хода, сделали Коринфский союз ненужным, и если раньше Александр интерпретировал его принципы так, как ему это было нужно, то теперь он просто игнорирует этот союз, поручая Антипатру в случае необходимости применить против ослушавшихся полисов военную силу.

С греками связано еще одно мероприятие Александра — это насильственное обожествление его личности. Неясность свидетельств источников не позволяет решить, Александр ли потребовал своего включения в число олимпийских богов в качестве тринадцатого божества или греки сами пошли навстречу его желанию. Во всяком случае несомненно, что обожествление Александра шло в общем русле его политики и должно было освятить его власть.

В организации управления и эксплуатации местного населения немаловажная роль принадлежала вновь основанным городам. Проблема колонизации, вопрос о том, сколько именно городов основал Александр и с какой целью, вызвали оживленную дискуссию среди ученых нового времени. Согласно Плутарху, Александр основал 70 городов, но цифра эта справедливо подвергается сомнению. Сопоставление литературной традиции с данными археологии позволяет говорить примерно о 30 городах, важнейшие из которых — Александрия в Египте, Александрия Ариана (Герат), Александрия Арахозия (Кандагар). Почти все города были основаны на востоке империи, в Иране, Средней Азии и Индии. В историографии существует тенденция рассматривать эту политику Александра как стремление принести на отсталый Восток более высокую городскую культуру эллинов. Однако города в перечисленных землях существовали уже давно, а кроме того, Александр, основывая новые города, преследовал прежде всего военные цели, видя в них опорные пункты своей власти. Поэтому города и строились главным образом там, где сопротивление оказывалось наиболее сильным. Та цель, которую преследовал Александр при основании городов, соответствовала общим тенденциям его политики — города не были полисами со свойственными им органами самоуправления, состав их населения был смешанным. Это были подданные царя, поставленные под контроль его уполномоченных.

Что касается социально-экономических отношений, то война, сопровождавшаяся продажей в рабство огромных масс населения, несомненно, способствовала распространению рабства в его классической форме, а массовая чеканка монет из колоссальных сокровищ персидских царей стимулировала развитие товарно-денежных отношений.

Александр не успокоился на достигнутых успехах. Трудно сказать, насколько достоверны сохранившиеся у Диодора свидетельства о дальнейших планах Александра: походе против Карфагена, завоевании Италии и Сицилии, экспедиции к Геракловым столбам (совр. Гибралтар). Но жажда деятельности не оставляла его. Восточный поход во многом расширил географические знания, новый морской путь открыло плавание Неарха из устьев Инда по Индийскому океану и Персидскому заливу. Но этих знаний было теперь мало. Александр посылает экспедицию для выяснения, с каким морем соединяется Каспий — с Понтом Эвксинским или с Великим океаном. Он думал о заселении побережья Персидского залива и послал три экспедиции для изучения аравийского побережья и пути вдоль Аравийского полуострова к Египту. Александр готовился к походу в Аравию, отовсюду прибывали суда, строился новый флот, стекались войска, но в разгар приготовлений он умер, заболев лихорадкой (или, по другой версии, был отравлен), не дожив до 33 лет.

Грандиозность походов Александра, открывших грекам новые земли, масштабы его завоеваний произвели на современников огромное впечатление и в течение многих веков продолжали волновать умы и сердца людей. Александр становится героем не только исторических, но и литературных произведений. В античной историографии сложилось три основных направления в оценке деятельности Александра: апологетическое, сторонники которого превозносили подвиги и доблести Александра, его благородство, великодушие и другие добродетели; негативное, последователи которого видели в Александре тирана, восточного деспота, жестокого и несправедливого; третье направление связывают с философской школой перипатетиков (учеников Аристотеля), которые положительно оценивают деятельность Александра в первые годы, когда он следовал советам своего учителя, но пишут о

порче нрава царя по мере роста его власти (переломным моментом они считают казнь Каллисфена). Уже в эллинистическую эпоху в Египте возникает чисто литературная традиция, мало связанная с реальной деятельностью Александра, — роман Псевдокаллисфена. Он приобретает огромную популярность, известно более 80 вариантов этого романа на 24 языках. Образ Александра вплетается в фольклор самых различных народов — Средней Азии и Китая, Исландии и Индии, он претерпевает фантастические изменения в легендах и сказаниях Запада и Востока. Низами, Навои и Фирдоуси сделали Александра героем своих поэм, литературные произведения об Александре создаются в Европе.

Оценка деятельности Александра не может быть однозначной. Это был, несомненно, крупный государственный деятель и великий полководец. В результате его походов была уничтожена держава Ахеменидов, но греко-македонская армия несла опустошения, рабство и смерть; во время походов разрушались города и села, гибли люди, стирались с лица земли целые племена. В своей державе, превосходившей размерами Персидское государство, Александр силой оружия объединил самые различные страны и народы — культурные греческие полисы и сохранявшую еще пережитки первобытно-общинного строя Македонию, долину Нила и Месопотамию с их тысячелетней культурой и кочевые племена Восточного Ирана. Эта держава не имела единой экономической базы и представляла собой чисто военное объединение. Македонское завоевание свелось главным образом к захвату крупных городов, важных в стратегическом отношении опорных пунктов и дорог. Государство, возникшее на развалинах Персидской державы, во многом ее напоминало. Александр ограничивался признанием своей власти и уплатой налогов, сбор которых был поставлен под контроль македонян и греков. Но в условиях жизни, особенно отдаленных от центров областей, не произошло коренной ломки.

Вместе с тем и во время похода, и уже после него на Восток хлынул большой поток греков и македонян, которые осели здесь, принеся иные формы социальных отношений. Некоторые из построенных Александром городов становятся центрами политической и экономической жизни. В результа-

те похода раздвинулись географические рамки тогдашнего мира, были проложены новые пути сообщения, расширилось судоходство – все это способствовало развитию экономики, торговых связей. Поход принес новые знания в области географии, биологии, этнографии и др. Он знаменовал начало нового этапа в истории Восточного Средиземноморья, который характеризуется сложными и противоречивыми процессами взаимодействия греко-македонских и местных начал, эпохи эллинизма.

3. Распад мировой державы Александра Македонского. Образование системы эллинистических государств. Сущность эллинизма.

Войны диадохов. Образование эллинистических государств. Благодаря удачным завоеваниям Александру Македонскому и тем кругам, которые его поддерживали, удалось захватить обширную территорию и основать огромную, невиданную до сих пор империю. В состав «мирового» государства Александра входила Македония, большая часть полисов Балканской и островной Греции, области бывшей Персидской державы, часть Северо-Западной Индии. Понимая внутреннюю непрочность своей державы, объединенной лишь силой оружия, Александр пытался рядом социально-экономических и политических мер сплотить рыхлое государство, сделать его жизнеспособным, придать ему известную прочность. Ранняя смерть помешала великому завоевателю продолжить эту работу. Началось действие центробежных сил, которые привели к распаду его империи на государственные образования, оказавшиеся более жизнеспособными.

Процесс распада мировой державы и создание системы новых государств на ее развалинах проходили не мирным путем, а в непрерывных войнах между ближайшими полководцами Александра Македонского (их называют диадохами), которые более 40 лет делили наследство своего покойного повелителя. В первые годы после смерти Александра идея единой огромной империи, управляемой династией Филиппа – Александра, была достаточно популярной в кругах македонской армии. После кончины Александра в Вавилоне были провозглашены царями всей державы его слабоумный брат (побочный сын Филиппа II) и новорожденный сын самого

Александра — младенец, объявленный Александром IV. Поскольку оба царя не были способны к управлению, совет македонских военачальников избрал регентом-правителем при них опытного сподвижника Филиппа II и Александра, представителя старой македонской знати Пердикку (323 г. до н. э.). Другие военачальники получили в управление различные части державы Александра, куда они отбыли со своими войсками. Уже первые годы правления диадохов в их новых владениях показали, что они не намерены были считаться с верховенством правителя-регента, а тем более бессильных царей. Стремясь подавить сепаратизм в зародыше, Пердикка решил наказать одного из таких полководцев, а именно Птолемея Лага, укрепившегося в Египте, и организовал против него поход. Однако этот поход оказался неудачным, а регент был заколот своими же командирами в собственной палатке. В 321 г. до н. э. на совещании в Трипарадисе (Сирия) диадохи заключили новый договор о распределении сфер влияния и сатрапий. Египет был закреплен за Птолемеем Лагом, Македония и Греция стали сферой интересов Антипатра и его сына Кассандра, Антигон Одноглазый был объявлен стратегом-автократором Малой Азии, Месопотамия была передана Селевку, Фракия, район Пропонтиды, часть Малой Азии стали зоной влияния Лизимаха.

Однако идея единой империи Александра еще была жива: правители отдельных областей рассматривались как сатрапы одного государственного образования. Носителями и борцами за идею единой империи и верности династии Филиппа — Александра стали Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет (осаждающий города). Им удалось подчинить своему влиянию значительную часть державы Александра — всю Малую Азию, Сирию, Вавилонию, Мидию, Перейду. Усиление влияния Антигона Одноглазого привело к тому, что все другие диадохи во главе с Птолемеем Лагом образовали против него коалицию, противостоять которой он не мог. Наступило временное равновесие сил, закрепленное новым договором, в котором вновь подтверждались права диадохов на захваченные ими владения (311 г. до н. э.). В том же году по согласию всех диадохов были убиты номинальные цари державы: слабоумный Филипп III Арридей и 12-летний

Александр IV. Династия Филиппа—Александра прекратила свое существование, и тем самым идея единой империи фактически изжила себя. Ни один из диадохов не имел достаточных сил и морального права, чтобы претендовать на роль верховного повелителя всей империи. Теперь каждый диадох думал о закреплении власти за собой и своими потомками в той или другой части державы Александра.

Ожесточенная борьба за наследство Александра Македонского завершилась тем, что в 306 г. до н. э. наиболее крупные диадохи (Антигон Одноглазый, Деметрий Полиоркет, Птолемей Лаг, Лизимах, Селевк, Кассандр) объявили себя царями, тем самым открыто выразив стремление создать собственные государства на развалинах мировой империи Александра. Правда, Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет попытались в последний раз объединить распадающееся мировое государство Александра, но эта попытка окончилась полной неудачей. В 301 г. до н. э. в кровопролитной битве при Ипсе в центральной части Малой Азии могущественная коалиция из армий Селевка, Кассандра, Лизимаха и поддерживавшего их Птолемя одержала полную победу над Антигоном Одноглазым. Сам Антигон погиб в бою, а его сын Деметрий вскоре оказался в плену у Селевка. Последняя вспышка междоусобной борьбы между диадохами относится к 281 г. до н. э. В битве при Курупедионе армия Селевка разгромила войска Лизимаха, а владения последнего были разделены между другими эллинистическими правителями. 281 г. до н. э. подвел черту под почти непрерывными военными столкновениями и жестокой междоусобной борьбой, в ходе которой распалась огромная империя, созданная Александром, а на ее развалинах возникли новые государственные образования и новые общественные отношения.

В них сложился тот тип общественного строя, государства и культуры, который называют эллинистическим (или эллинизмом). Народы Переднего Востока и греческого мира вступили в новый, следующий этап своей истории.

Сущность эллинизма. Периодизация. Что же такое эллинизм, каковы его характерные черты? Эллинизм стал насильственным (т. е. достигнутым в результате ожесточенных войн) объединением древнегреческого и древневосточного мира,

ранее развивавшихся раздельно, в единую систему государств, имеющих много общего в своей социально-экономической структуре, политическом устройстве, культуре. В результате объединения древнегреческого и древневосточного мира в рамках одной системы создано своеобразное общество и культура, которые отличались как от собственно греческого (если исходить из особенностей Греции V–IV вв. до н. э.), так и от собственно древневосточного общественного устройства и культуры и представляли сплав, синтез элементов древнегреческой и древневосточной цивилизации, который дал качественно новую общественно-экономическую структуру, политическую надстройку и культуру.

Как синтез греческих и восточных элементов эллинизм вырастал из двух корней, из исторического развития, с одной стороны, древнегреческого общества и прежде всего из кризиса греческого полиса, с другой — он вырастал из древневосточных обществ, из разложения его консервативной, малоподвижной общественной структуры. Греческий полис, обеспечивший экономический подъем Греции, создание динамичной социальной структуры, зрелое республиканское устройство, включая разные формы демократии, создание замечательной культуры, к середине IV в. до н. э. исчерпал свои внутренние возможности и стал тормозом исторического прогресса. На фоне постоянной напряженности в отношениях между классами развернулась острая социальная борьба между олигархией и демократическими кругами гражданства, которая вела к тирании и взаимоуничтожению. Раздробленная на несколько сотен мелких полисов небольшая по территории Эллада стала ареной непрерывных войн между коалициями отдельных городов-государств, которые то объединялись, то распадались. Исторически необходимым для дальнейших судеб греческого мира представлялось прекращение внутренних беспорядков, объединение мелких враждующих между собой независимых полисов в рамках крупного государственного образования с твердой центральной властью, которая бы обеспечила внутренний порядок, внешнюю безопасность и тем самым возможность дальнейшего развития.

Другой основой эллинизма стал кризис древневосточных общественно-политических структур. К середине IV в. до н. э.

древневосточный мир, объединенный (кроме Индии и Китая) в рамках Персидской империи, также переживал серьезный общественно-политический кризис. Застойная консервативная экономика не позволяла освоить обширные пространства пустующих земель. Персидские цари не возводили новых городов, уделяли слабое внимание торговле, в подвалах их дворцов лежали огромные запасы валютного металла, которые не пускались в оборот. Традиционные общинные структуры в наиболее развитых частях Персидской державы – Финикии, Сирии, Вавилонии, Малой Азии – разлагались, и частные хозяйства как более динамичные производственные ячейки получили некоторое распространение, но этот процесс шел медленно и болезненно. С политической точки зрения Персидская монархия к середине IV в. до н. э. представляла собой рыхлое образование, связи центральной власти и местных правителей ослабели, а сепаратизм отдельных частей стал обычным явлением.

Если Греция середины IV в. до н. э. страдала от излишней активности внутривосточной жизни, перенаселенности, ограниченности ресурсов, то Персидская монархия, напротив, от застойности, слабого использования огромных потенциальных возможностей, дезинтеграции отдельных частей. Таким образом, на очередь дня вставала задача некоего объединения, своеобразного синтеза этих различных, но могущих дополнить друг друга социально-экономических и политических систем. И этим синтезом стали эллинистические общества и государства, образовавшиеся после распада державы Александра Македонского.

Какие сферы жизни охватил этот синтез греческих и восточных элементов? По этому вопросу в научной литературе существуют различные точки зрения. Одними учеными (И. Дройзен, В. Тарн, М. И. Ростовцев) синтез восточных и греческих начал понимается в плане объединения некоторых элементов культуры и религии или, самое большее, как взаимодействие греческих и восточных начал в области политических учреждений, культуры и религии. В отечественной историографии эллинизм понимается как сочетание и взаимодействие греческих и восточных элементов в области экономики, классово-социальных отношений, политических учреждений, культу-

ры и религии, т. е. во всех областях жизни, производства и культуры. Эллинизм стал новым и более прогрессивным этапом в судьбах древнегреческого и древневосточного общества в обширном регионе Восточной половины Средиземноморья и Передней Азии. Синтез древнегреческих и древневосточных начал в каждом регионе эллинистического мира, в каждом эллинистическом государстве бынеодинаковым по степени своей интенсивности и роли участвующих в нем элементов. В одних государствах и обществах превалировали греческие начала, в других — восточные, в-третьих, их соотношение было более или менее равномерным. К тому же этот синтез в одних странах охватил больше одни элементы, например общественные структуры, в других — политические учреждения, в третьих — сферу культуры или религии. Различная степень сочетания греческих и восточных начал зависела от конкретно-исторических особенностей существования тех или иных эллинистических обществ и государств.

Каковы географические рамки эллинистического мира? В его состав включаются мелкие и крупные по территории государственные образования от Сицилии и Южной Италии на западе до Северо-Западной Индии на востоке, от южных берегов Аральского моря до первых порогов Нила на юге. Иначе говоря, в состав эллинистического мира вошла территория классической Греции (включая Великую Грецию и Причерноморье) и так называемый классический Восток, т. е. Египет, Передняя и Средняя Азия (без Индии и Китая). В рамках этой обширной географической зоны можно выделить четыре региона, имеющих ряд общих признаков как географического, так и исторического порядка, известную общность общественного и культурного развития: 1) Египет и Ближний Восток (Восточное Средиземноморье, Сирия, Армения, Вавилония, большая часть Малой Азии), 2) Средний Восток (Иран, Средняя Азия, северо-западная часть Индии), 3) Балканская Греция, Македония и западная часть Малой Азии (Пергам), 4) Великая Греция и Причерноморье. Наиболее характерные черты эллинизма как синтеза греческих и восточных начал во всех областях жизни, производства и культуры проявились в Египте и на Ближнем Востоке, так что этот регион может рассматриваться как район классического эллинизма. В дру-

гих регионах было больше социально-экономических, политических и культурных отличий от классического эллинизма Ближнего Востока. В частности, в двух последних регионах, а именно в Балканской Греции и Македонии, Великой Греции и Причерноморье, т. е. на территории собственно Древней Греции, синтеза древнегреческих и древневосточных начал не существовало. Историческое развитие в этих областях проходило на одной основе, а именно основе древнегреческой цивилизации как таковой. Тем не менее и эти регионы стали частью эллинизма по нескольким причинам. Прежде всего они входили в общую систему эллинистических государств как определенного социально-экономического, политического и культурного целого. Эмигрировавшие из Эллады, Македонии и других областей греческого мира эллины и македоняне как воины (они составляли костяк армий эллинистических правителей), как администраторы (государственный аппарат в центре и частично на местах комплектовался из них), как граждане многочисленных греческих городов, основанных в разных частях эллинистического мира, стали играть крупную роль в жизни новых обществ и государств. Отлив значительной части населения из собственно Эллады на Восток разрядил на некоторое время острую социальную ситуацию в греческих городах и способствовал преодолению кризисных явлений в полисах.

Образование более значительного территориального единства, установление тесных связей между разными частями эллинистического мира расширило возможности эллинистической экономики в целом, включая Элладу, Македонию, Великую Грецию и Причерноморье. В этих регионах усилились хозяйственные, этнические и культурные контакты с окружающими их местными племенами (фракийцами, скифами, сарматами и др.). В самой Элладе кризис системы независимых и враждующих между собой полисов в IV в. до н. э. привел к росту объединительных тенденций и возникновению более прочных, чем в классическое время, полисных федераций (Ахейский союз, Этолийский союз) или государственных образований нового типа, в состав которых включались кроме греческих полисов территории местных племен (Сицилийское государство, Боспор и др.).

Общие тенденции эллинизма как нового этапа социально-экономического, политического и культурного развития древнегреческого и древневосточного мира действовали с разной степенью интенсивности как на территориях, завоеванных войсками Александра Македонского, так и в тех регионах, которые такому завоеванию не подвергались.

Каковы хронологические рамки эллинистического этапа греческой и древневосточной истории? Эллинизм начался с походов Александра Македонского на Восток в 334 г. до н. э. и закончился завоеванием последнего эллинистического государства (Египетского царства) римлянами в 30 г. до н. э., т. е. общая продолжительность эллинизма составляет около 300 лет. Можно выделить следующие три периода эллинизма как целостной системы: 1) 334–281 гг. до н. э. — образование империи Александра Македонского и ее распад в результате войн диадохов; 2) 280 г. до н. э. — середина II в. до н. э. — период зрелости эллинизма, создание социально-экономической структуры, государственности и культуры эллинизма; 3) середина II в. до н. э. — 30 г. до н. э. — поздний эллинизм, разложение эллинистических государств и завоевание их Римом на западе и Парфией на востоке. Не все эллинистические страны прошли через эти три периода развития, но они характерны для эллинизма как целостной социально-экономической, политической и культурной системы.

3. Основные достижения эллинизма. В целом эллинизм стал более высоким этапом исторического развития народов классической Греции и Древнего Востока, сделавших шаг вперед в экономической жизни, усложнении социально-классовой структуры, государственного строительства, культуры и религии. Основой прогрессивных изменений в эпоху эллинизма было взаимообогащение древнегреческой и древневосточной цивилизаций как результат их непосредственного взаимодействия.

В чем выразились достижения эллинизма в экономической области? Расширение территориальных рамок эллинистической ойкумены, более тесное взаимодействие различных частей ее, до завоеваний Александра Македонского развивающихся в известной изоляции друг от друга, сказалось благотворно прежде всего в хозяйственной жизни.

От портовых городов Эгеиды и Финикии через Малую Азию, Сирию, Месопотамию и Иран, Среднюю Азию, пересекая всю Переднюю Азию, к Индии шли благоустроенные караванные пути, снабженные караван-сараями, колодцами и охраной, по ним переправлялись сырье и товары. Через порты Финикии и западной части Малой Азии восточные товары и сырье распространялись по всему Средиземноморью и Причерноморью. Был освоен и успешно эксплуатировался торговый путь из Александрии (порта на Средиземном море) по Нилу и Красному морю, через Баб-эль-Мандебский пролив и Аравийское море, который соединял районы отдаленного Средиземноморья и сказочной Индии. Эллинистические цари отказались от традиционной как полисной, так и древневосточной изоляции и принимали энергичные меры к поощрению торговых операций (налоговые льготы для купцов, охрана торговых путей, забота о состоянии дорог и др.). Одной из действенных форм поощрения торговли стала массовая чеканка монет из тех запасов драгоценного металла, который ранее лежал в виде слитков в подвалах персидских царей. От времени эллинизма дошло огромное количество монет самого различного достоинства, которые служили удобным средством разнообразных торговых расчетов.

Показателем нового этапа развития эллинистической экономики является интенсивное градостроительство, основание новых городов. По приблизительным подсчетам древних авторов (подсчетов довольно неточных, хотя многие данные античных авторов подтверждаются современными археологическими раскопками), в эпоху эллинизма было основано свыше 170 больших и малых городов греческого типа. Основание города с новым контингентом населения в благоприятных для хозяйственной жизни местах, приписывание к городам соседних, часто пустующих сельских территорий, на которых возникали процветающие хозяйства мелких и средних землевладельцев, стали мощным толчком для общего экономического развития эллинистических стран. Большая часть вновь основанных городов стали крупными ремесленными, торговыми, культурными центрами и пережили эллинистическую эпоху.

Основание многочисленных городов греческого типа означало вместе с тем проникновение в консервативную эконо-

номическую структуру древневосточных стран полисных отношений античного типа, создание крупных частных мастерских в городе, поместий в сельской местности с рациональной организацией рабского производства, которые по своим экономическим показателям были более рентабельными, чем храмовые, царские хозяйства или производство зависимых общинников восточного типа.

С другой стороны, включение полисов и государств собственно Балканской Греции, Македонии, Сицилии, Причерноморья в общую экономическую систему эллинистического мира послужило стимулом хозяйственных успехов и в этих областях,

Новые тенденции в социально-классовых отношениях эллинистического мира по сравнению с предшествующим временем проявились в большей сложности и расчлененности классовых и социальных отношений в целом. В каждой эллинистической стране произошло как бы совмещение отношений развитого рабовладения в его полисной форме (особенно там, где основание городов греческого типа было особенно интенсивным) с традиционной общинной структурой древневосточного типа. Состав основных производителей материальных благ в эллинистическом обществе, таким образом, был двойственным: наряду с классом зависимых работников разных статусов увеличилось общее количество рабов классического типа. В свою очередь, усложнилась структура господствующего класса – в него вошли не только представители местной аристократии, но и иноземцы, греки и македоняне, составившие его верхушку. Такая структура господствующего класса породила новое противоречие между местной и греко-македонской аристократией и тем самым усложнила социальную борьбу в целом. На смену традиционному противоборству между олигархией и демократией в греческих полисах, между военной и жреческой фракциями господствующего класса в древневосточных государствах пришли противоречия иного типа, отражающие более сложные отношения эллинистических обществ.

Много нового внес эллинизм в государственное строительство. На смену традиционным типам суверенного греческого полиса, с одной стороны, и древневосточной деспотии – с дру-

гой, пришла форма эллинистической монархии, сочетающей в разных вариациях элементы как полисной государственности, так и древневосточных монархических порядков. Обожествление царствующего династа, его неограниченная власть, постоянный бюрократический аппарат, царская собственность на значительную часть земель, наличие профессиональной армии — все это роднит эллинизм с древневосточными деспотиями. Однако в каждой эллинистической стране существовало большее или меньшее число городов греческого типа и поселений воинов, которым было предоставлено право на внутреннее самоуправление. Они представляли собой своего рода полисы, включенные в состав государства, имели ряд привилегий, на их территорию царская власть распространялась в ограниченном объеме. В этих городах развивались частные хозяйства, признавалась частная собственность на землю, здесь собиралось Народное собрание, избирались совет и магистраты, функционировали некоторые полисные институты.

Царь обязывался соблюдать права на внутреннюю автономию и полисные формы внутренней жизни, а жители города греческого типа, в свою очередь, служили верной опорой эллинистических правителей в их жестокой эксплуатации коренного населения.

Плодотворным было взаимодействие и взаимообогащение греческих и восточных начал в области культуры и религии. В эпоху эллинизма оно проявилось в бурном развитии точных наук: астрономии, математики, физики, биологии, географии, создании сложных философских систем (стоицизма, эпикуреизма и кинизма), в создании массовой скульптуры, расцвете градостроительства, архитектуры, литературы, поэзии. Столицы эллинистических государств Александрия Египетская, Антиохия на Оронте, Пергам, Родос, Сиракузы, Афины стали крупными культурными и научными центрами с огромными для того времени библиотеками, научными школами, которые являлись мощными генераторами научных идей и новых направлений культурной жизни, распространяемых по всей тогдашней ойкумене. В области религий взаимодействие греческой олимпийской религии со сложными религиозными системами Египта, Вавилонии, Малой Азии, Сирии, Палестины, Ирана и Средней Азии породили синкретические религии-

озные системы, множество новых божеств, новых религиозных идей, которые послужили питательной средой для возникновения мировой христианской религии.

В системе эллинистических государств можно выделить две крупнейшие сверхдержавы, самые большие по территории, самые сильные по своему военно-экономическому потенциалу и самые влиятельные во всем мире эллинизма: Египетское царство, где правила династия Птолемеев, и держава Селевкидов (в конце III в. до н. э. стала называться Сирийским царством). Крупными и влиятельными государствами эллинистического мира были Македонское царство, где правила династия Антигонидов, Пергамское царство, где утвердилась династия Аталлидов.

Это были наиболее крупные эллинистические государства. Однако наряду с ними существовали государства более скромных размеров, такие, как Вифиния, Поит, Армения, Сицилийское государство, Боспорское царство, Родос, Этолийский и Ахейский союзы, роль которых в судьбах эллинистической политики хотя и не была такой определяющей, как первых четырех великих держав эллинизма, но вместе с тем достаточно весомой.

Помимо этих государственных образований в эллинистической ойкумене было множество мелких полисов и государств иного типа, которые не играли первых ролей в политике, но принимали участие во многих политических коалициях, являлись культурными центрами, желанными союзниками, т. е. играли свою роль в жизни эллинизма. Афины, Спарта, Фивы, мелкие полисы Балканской Греции и островов Эгейского моря, Гераклея, Синопа, Херсонес, Ольвия, Тарент и многие другие принадлежали к этой категории мелких государств. Сложные отношения между всеми этими крупными, средними и мелкими государственными образованиями и составили конкретную историю эллинистического мира как некоей политической целостности. Однако в этой общей системе взаимоотношений основную роль играли четыре великие державы эллинистического мира: Птолемеевский Египет, держава Селевкидов, Пергам и Македония, к которым тяготели многие другие эллинистические государства.

В. И. Кузицин, Л. П. Маринович

Учебное издание

**ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА
(АНТИЧНОСТЬ)**

Учебно-методический комплекс
Часть 1

Автор-составитель: Андрей Владимирович Запорожченко

В авторской редакции

Лицензия ЛР № 020059 от 24.03.97

Гигиенический сертификат № 54.НК.05.953.П.000149.12.02 от 27.12.02

Подписано в печать 8.10.2007 г. Формат бумаги 60×84/16.
Печать RISO. Уч.-изд. л. 20,44. Усл. п. л. 19. Тираж 150 экз.
Заказ № 925

Педуниверситет, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28

Отпечатано: ООО «Немо Пресс»
630001, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 1,
тел. (383) 226-40-13, 212-40-99, e-mail: nemopress@mail.ru